R 450/152

152

Н. А. Лейкинъ.

ГДѢ АПЕЛЬСИНЫ ЗРѢЮТЪ.

3

ЮМОРИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ ПУТЕШЕСТВІЯ

СУПРУГОВЪ

Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановыхъ

по Ривьерѣ и Италіи.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр., № 12.
1893.

Государственная
Б[illegible]ЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

23133-73

2007084380

ГДѢ
АПЕЛЬСИНЫ ЗРѢЮТЪ.

ЮМОРИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ ПУТЕШЕСТВІЯ.

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1979 г.
31	•					2	265/67	

Р-т б-ки им. В. И. Ленина. Зак. 35/1 Тир. 50000

ГДѢ АПЕЛЬСИНЫ ЗРѢЮТЪ.

I.

Было около одиннадцати часовъ вечера. Въ Марселѣ, въ ожиданіи ниццскаго поѣзда, отправляющагося въ полночь, сидѣли на станціи въ буфетѣ трое русскихъ: петербургскій купецъ Николай Ивановичъ Ивановъ, среднихъ лѣтъ мужчина, плотный и съ округлившимся брюшкомъ, его супруга Глафира Семеновна, молодая полная женщина и ихъ спутникъ, тоже петербургскій купецъ Иванъ Кондратьевичъ Конуринъ. Путешественники были одѣты по послѣдней парижской модѣ, даже бороды у мужчинъ были подстрижены на французскій манеръ, но русская купеческая складка такъ и сквозила у нихъ во всемъ. Сидѣли они за столикомъ съ остатками ужина и не убранной еще посудой и попивали красное вино. Около нихъ на полу лежалъ ихъ ручной багажъ, между которымъ главнымъ образомъ выдѣлялся свертокъ въ ремняхъ съ большой подушкой въ красной кумачевой наволочкѣ. Мужчины не

были веселы, хотя передъ ними и стояли три опорожненныя бутылки изъ подъ краснаго вина и на половину отпитый графинчикъ коньяку. Они были слишкомъ утомлены большимъ переѣздомъ изъ Парижа въ Марсель и разговаривали, позѣвывая. Позѣвывала и ихъ дама. Она очищала отъ кожи апельсинъ и говорила:

— Какъ только пріѣдемъ въ Италію—сейчасъ-же куплю себѣ гдѣ-нибудь въ фруктовомъ саду большую вѣтку съ апельсинами, запакую ее въ корзинку и повезу въ Петербургъ всѣмъ на показъ, чтобъ знали, что мы въ апельсинномъ государствѣ были.

— Да апельсины-то нѣшто въ Италіи ростутъ? спросилъ Иванъ Кондратьевичъ, прихлебнулъ изъ стакана краснаго вина и отдулся.

— А то какъ-же... усмѣхнулся Николай Ивановичъ.—Самъ фруктовщикъ, фруктовую и колоніальную лавку въ Петербургѣ имѣешь, а гдѣ апельсины ростутъ, не знаешь. Ахъ, ты, деревня!

— Да откуда-жъ намъ знать-то? Вѣдь мы апельсины для своей лавки покупаемъ ящиками у нѣмца Карла Богданыча. Я думалъ, что апельсины, такъ въ Апельсиніи и ростутъ.

— Такъ вѣдь Апельсинія-то въ Италіи и есть. Тутъ губернія какая-то есть Апельсинская или Апельсинскій уѣздъ, что-ли, сказалъ Николай Ивановичъ.

— Ври, ври больше!—воскликнула Глафира Семеновна.—Никакой даже и губерніи Апельсинской нѣтъ и никакого Апельсинскаго уѣзда не бывало. Апельсины только въ Италіи растутъ.

— Позвольте, Глафира Семеновна... А какъ-же мы

іерусалимскіе-то апельсины продаемъ? — возразилъ Иванъ Кондратьевичъ.

— Ну, это какіе-нибудь жидовскіе, отъ іерусалимскихъ дворянъ.

— Напротивъ, самые лучшіе считаются.

— Ну, ужъ этого я не знаю, а только главнымъ образомъ апельсины въ Италіи и называется Италія—страна апельсинъ.

— Вотъ, вотъ... Апельсинія стало быть и есть, Апельсинскій уѣздъ,—подхватилъ Николай Ивановичъ.

— Что ты со мной споришь! Никакой Апельсиніи нѣтъ, рѣшительно никакой. Я географію учила въ пансіонѣ и знаю, что нѣтъ.

— Ну, тебѣ и книги въ руки. Вѣдь намъ въ сущности все равно. Я хоть въ коммерческомъ училищѣ тоже два года проучился и географію мы учили, но до южныхъ странъ не дошелъ и отецъ взялъ меня оттуда къ нашему торговому дѣлу пріучаться.

— Ну, вотъ видишь. А самъ споришь.

Водворилась легкая пауза. Иванъ Кондратьевичъ Конуринъ апетитно зѣвнулъ.

— Что-то теперь моя жена дѣлаетъ? Поди тоже похлебала щецъ и ужъ спать ложится,—сказалъ онъ.

— Что такое? Спать ложится?—усмѣхнулась Глафира Семеновна.—Совсѣмъ даже, можно сказать, напротивъ.

— То есть какъ это напротивъ? Что-жъ ей дома одной-то объ эту пору дѣлать? Уложила ребятъ спать, да и сама на боковую, отвѣчалъ Конуринъ.

— А вы думаете, въ Петербургѣ теперь какая пора?

— Какъ какая пора? Да знамо дѣло, ночь, двѣнадцатый часъ ночи.

— Въ томъ-то и дѣло, что совсѣмъ напротивъ. Вѣдь мы теперь на югѣ. А когда на югѣ бываетъ ночь, въ Петербургѣ день, стало-быть не можетъ ваша жена теперь и спать ложиться.

Конуринъ открылъ даже ротъ отъ удивленія.

— Да что вы, матушка Глафира Семеновна... проговорилъ онъ.

— Вѣрно, вѣрно... Не спорь съ ней...Это такъ... подхватилъ Николай Ивановичъ.—Она знаетъ... Ихъ учили въ пансіонѣ. Да я и самъ про это въ газетахъ читалъ. Ежели теперича мы на югѣ, то все наоборотъ въ Петербургѣ, потому Петербургъ на сѣверѣ.

— Вотъ такъ штука! дивился Конуринъ.—А я и не зналъ, что такая механика выходитъ. Ну, заграница! Такъ который-же теперь, по вашему, Глафира Семеновна, часъ въ Петербургѣ?

Глафира Семеновна задумалась.

— Часъ? Навѣрное не знаю, потому это надо въ календарѣ справиться, но думаю, что такъ часъ третій дня, сказала она наобумъ.

— Третій часъ дня... Тсъ... Скажи на милость... покачалъ головой Конуринъ.—Ну, коли третій часъ дня, то значитъ жена пообѣдала и чай пить сбирается. Она послѣ обѣда всегда чай пьетъ въ три часа дня. Грѣхи! вздохнулъ онъ.—Скажи на милость, куда мы заѣхали! Даже и время-то наоборотъ—вотъ въ какія державы заѣхали. То есть, скажи мнѣ мѣсяцъ тому назадъ: Иванъ Кондратьичъ, ты будешь по нѣмецкой и фран-

цузской землямъ кататься —ни въ жизнь-бы не повѣрилъ, даже плюнулъ-бы.

— А мы такъ вотъ во второй разъ по заграницамъ шляемся, сказалъ Николай Ивановичъ.—Въ первый разъ поѣхали на Парижскую выставку и было боязно, никакихъ заграничныхъ порядковъ не знавши, ну, а во второй-то разъ, самъ видишь, путаемся, но все-таки свободно ѣдемъ. Слова дома кой-какія подъучили, опять-же и разговорныя книжки при насъ есть, а въ первый разъ мы ѣхали по заграницѣ, такъ я только хмельныя слова зналъ, а она комнатныя, а желѣзнодорожныхъ-то или что насчетъ путешествія—ни въ зубъ. Глаша! Помнишь, какъ мы въ первый разъ, ѣдучи въ Берлинъ, совсѣмъ въ другое мѣсто попали и пришлось обратно ѣхать да еще штрафъ заплатить?

— Еще-бы не помнить! Да вѣдь и нынче, изъ Берлина ѣдучи въ Кельнъ, чуть-чуть въ Гамбургъ не попали. А все ты... Потому никакихъ ты словъ не знаешь, а берешься съ нѣмцами и французами разговаривать.

— Ну, нѣтъ, нынче-то я ужъ подучился. Суди сама, какъ-же бы я могъ одинъ, безъ тебя, вотъ только съ Иваномъ Кондратьичемъ ходить по Парижу, пальто и шляпу себѣ и ему купить, пиджакъ, брюки и жилетъ, галстухи и даже въ парикмахерскую зайти, постричься и бороды намъ на французскій манеръ поставить! И вездѣ меня свободно понимали.

— Хорошо свободное пониманіе, коли изъ Ивана Кондратьича Наполеона сдѣлали, вмѣсто того, чтобы самымъ обыкновеннымъ манеромъ подстричь бороду.

— А ужъ это ошибка... Тутъ ничего не подѣлаешь. Я говорю французу: „энъ пе, но только а ля франсэ по французистѣе". А онъ глухъ, что-ли, былъ этотъ самый парикмахеръ—цапъ, цапъ ножницами да и обкарналъ ему на голо обѣ щеки. А вѣдь этотъ сидитъ передъ зеркаломъ и молчитъ. Хоть-бы онъ слово одно, что, молъ, стой, мусье.

— Какое молчу! воскликнулъ Конуринъ.—Я даже за ножницы руками ухватился, такъ что онъ мнѣ вонъ палецъ порѣзалъ ножницами, но ничего подѣлать было невозможно, потому, бороду мою большую увидавши, разсвирѣпѣлъ онъ очень, что-ли, или ужъ такъ рвеніе, да въ одинъ моментъ и обкарналъ. Глядусь въ зеркало—нѣтъ русскаго человѣка, а вмѣсто него французъ. Да, братъ, ужасно жалко бороды. Забыть не могу! вздохнулъ онъ.

— Наполеонъ! Совсѣмъ Наполеонъ! захохотала Глафира Семеновна.

— Ужъ хоть вы-то не смѣйтесь, Глафира Семеновна, а то, вѣрите, подчасъ хоть заплакать, вотъ до чего обидно, сказалъ Конуринъ.—А все ты, Николай Иванычъ. Вѣкъ тебѣ не прощу этого. Ты меня затащилъ въ парикмахерскую. „Не прилична твоя борода лопатой для заграницы".—А чѣмъ она была неприлична? Борода какъ борода... Да была вовсе и не лопатой...

— Ну, что тутъ! Брось! Стоитъ-ли о бородѣ разговаривать! Во имя французско-русскаго единства можно и съ наполеоновской бородой походить, сказалъ Николай Ивановичъ...

— Единство... Наполеоновская... Да она и не наполеоновская, а козлиная.

— Кто патріотъ своего отечества и французскую дружбу чувствуетъ, тотъ и на козлиную не будетъ жаловаться.

— Тебѣ хорошо говорить, коли ты здѣсь съ женой, а вѣдь у меня жена-то въ Питерѣ. Какъ я ей покажусь въ эдакомъ козлиномъ видѣ, когда домой явлюсь? Она можетъ не повѣрить, что мнѣ по ошибкѣ остригли. Скажетъ: „загулялъ, а мамзели тебя на смѣхъ въ пьяномъ видѣ и обкарнали". Чего ты смѣешься? Дѣло заглазное. Ей все можетъ въ голову придти. Она дама сумнительная.

— Не бойся, отростетъ твоя борода къ тому времени. По Италіи поѣдемъ, такъ живо отростетъ. Въ Италіи, говорятъ, волосъ скорѣе травы растетъ, продолжалъ смѣяться Николай Ивановичъ.

Въ это время показался желѣзнодорожный сторожъ и зазвонилъ въ колокольчикъ, объявляя, что поѣздъ готовъ и можно садиться въ вагоны. Всѣ засуетились и начали хватать свой ручной багажъ.

— Гарсонъ! Пейе! Комбьянъ съ насъ? кричалъ Николай Ивановичъ слугу, приготовляясь платить за съѣденное и выпитое.

II.

TOULON, Cannes, Nice, Monaco, Menton Ventimille! кричалъ заунывнымъ голосомъ желѣзнодорожный сторожъ, выкрикивая главныя станціи, куда идетъ поѣздъ, и продолжая звонить въ ручной колокольчикъ.

Гарсонъ медленно записывалъ передъ Николаемъ Ивановичемъ на бумажкѣ франки за съѣденное и выпитое. Николай Ивановичъ нетерпѣливо потрясалъ передъ нимъ кредитнымъ билетомъ въ пятьдесятъ франковъ и говорилъ женѣ и спутнику:

— Ахъ, опоздаемъ! Ахъ, уйдетъ поѣздъ! Бѣгите хоть вы-то скорѣй занимать мѣста.

— А что хорошаго будетъ, если мы займемъ мѣста безъ тебя и уѣдемъ! отвѣчала Глафира Семеновна и торопила гарсона:—Плю витъ, гарсонъ, плю витъ.

Тотъ успокоивалъ ее, что до отхода поѣзда еще много времени осталось.

— Нонъ, нонъ, ну савонъ, что это значитъ! Въ Ліонѣ изъ-за этого проклятаго разсчета за ѣду, мы еле успѣли вскочить въ вагонъ и я въ попыхахъ тальму себѣ разорвала, говорила Глафира Семеновна гарсону по русски.—Хорошо еще тогда, что услужливый кондукторъ за талію меня схватилъ и въ купэ пропихнулъ, а то такъ-бы на станціи и осталась.

— Ah, madame! улыбнулся гарсонъ.

— Что: мадамъ! Плю витъ, плю витъ. И ты тоже,

Николай Иванычъ: сидишь и бобы разводишь, а нѣтъ, чтобы заранѣе разсчитаться! журила она мужа.

Разсчетъ конченъ. Гарсону заплочено и дано на чай. Носильщикъ въ синей блузѣ давно уже стоялъ передъ путешественниками съ ихъ багажемъ въ рукахъ и ждалъ, чтобы отправиться къ вагонамъ. Всѣ побѣжали за нимъ. Иванъ Кондратьевичъ тащилъ свою громадную подушку и бутылку краснаго вина, взятую про запасъ въ дорогу.

— Les russes... сказалъ имъ кто-то въ догонку.

— Слышишь, Николай Иванычъ? Вотъ и французскія у насъ бороды, а все-равно узнаютъ, что мы русскіе, проговорилъ Иванъ Кондратьичъ.

— Это, братъ, по твоей подушкѣ. Еще-бы ты съ собой перину захватилъ! Здѣсь, кромѣ русскихъ, никто съ подушками по желѣзнымъ дорогамъ не ѣздитъ. Въ первую нашу поѣздку заграницу мы тоже захватили съ собой подушки, а ужъ когда нацивилизовались, то теперь шабашъ.

Сѣли въ купэ вагона, но торопиться, оказалось, было вовсе не зачѣмъ: до отхода поѣзда оставалось еще полчаса, о чемъ объявилъ кондукторъ спрашивавшей его на ломанномъ французскомъ языкѣ Глафирѣ Семеновнѣ и въ поясненіе своихъ словъ поднялъ указательный палецъ и пальцемъ другой руки отдѣлилъ отъ него половину.

— Господа! Гарсонъ-то не совралъ. Намъ до поѣзда еще полъ-часа осталось, заявила она своимъ спутникамъ.

— Да что ты! воскликнулъ Николай Ивановичъ. — Вотъ это я люблю, когда безъ горячки и съ прохлад-

цемъ. Это по-русски. Тогда я побѣгу въ буфетъ и захвачу съ собой въ дорогу полъ-бутылки коньяку. А то въ попыхахъ-то мы давеча забыли захватить.

— Не надо. Сиди, когда ужъ сѣлъ. Вѣдь есть съ собой бутылка краснаго вина.

Мимо оконъ вагоновъ носили газеты, возили на особо-устроенной телѣжкѣ продающіяся по франку маленькія подушки съ надписью: „les oreillers“.

— Вотъ съ какими подушками французы путешествуютъ,—указалъ Николай Ивановичъ Ивану Кондратьевичу.—Купятъ за франкъ, переночуютъ ночь, а потомъ и бросятъ въ вагонѣ. А ты вѣдь таскаешь съ собой по всей Европѣ въ полъ-пуда перину.

— Да что-жъ ты подѣлаешь, коли жена навязала такую большую подушку,—отвѣчалъ тотъ. — „Бери, говоритъ, бери. Самъ потомъ радъ будешь. Приляжешь въ вагонѣ и вспомнишь о женѣ“.

Глафира Семеновна прочла надпись на телѣжкѣ съ подушками и сказала:

— Вотъ, поди-же ты: насъ въ пансіонѣ учили, что подушки по французски „кусенъ“ называются, а здѣсь ихъ зовутъ „орелье“. Вонъ надпись, „орелье“.

— Цивилизація здѣсь совсѣмъ другая—вотъ отчего, отвѣчалъ Николай Ивановичъ.—Здѣсь слова отполированныя, новомодныя, ну, а у насъ все еще на старый маперъ. Вѣдь и у насъ по-русски есть разница. Да вотъ, хоть-бы взять фуражку. Въ Петербургѣ, по цивилизаціи она фуражкой зовется, а поѣзжай въ Угличъ или въ Любимъ—картузъ.

Сказавъ это, онъ снялъ съ себя шляпу котелкомъ и,

доставъ изъ кармана мягкую дорожную шапочку, надѣлъ ее на голову.

— И не понимаю я, Иванъ Кондратьичъ, зачѣмъ ты себѣ такой шапки дорожной не купилъ! И дешево, и сердито, и укладисто.

— Да вѣдь это жидовская ермолка. Съ какой-же стати я, русскій, провославный купецъ...

— Да и я русскій, православный купецъ, однако купилъ и ношу.

— Мало-ли что ты. Ты вонъ въ Парижѣ улитокъ изъ раковинъ жралъ, супъ изъ черепахи хлебалъ, а я этого вовсе не желаю.

— Чудакъ! Выѣхалъ заграницу, такъ долженъ и цивилизаціи заграничной подражать. Зачѣмъ-же ты выѣхалъ заграницу?

— А чортъ знаетъ зачѣмъ. Я теперь и ума не приложу, зачѣмъ я поѣхалъ заграницу. Ты тогда сбилъ меня у себя на блинахъ на масляной. „Поѣдемъ да поѣдемъ, всѣ заграничные трактиры осмотримъ, посмотримъ какъ сардинки дѣлаютъ". Я тогда съ пьяныхъ глазъ согласился, по рукамъ ударили, руки люди розняли, а ужъ потомъ не хотѣлъ пятиться, я не пяченый купецъ. Да кромѣ того и передъ отъѣздомъ-то все на каменку поддавалъ. Просто, будемъ такъ говорить, въ пьяномъ видѣ поѣхалъ.

— Такъ неужто тебѣ заграницей не нравится? Вотъ ужъ ты видѣлъ Берлинъ, видѣлъ Парижъ...

Иванъ Кондратьевичъ подумалъ и отвѣчалъ:

— То есть какъ тебѣ сказать... хорошо-то оно хорошо, только ужъ очень шумно и безпокойно. Торо-

пимся мы словно на пожаръ. Покою никакого нѣтъ. У насъ дома на этотъ счетъ лучше.

— Ахъ, сѣрое невѣжество!

— Постой... зачѣмъ сѣрое? Здѣсь совсѣмъ порядки не тѣ. Вотъ теперь постъ великій, а мы скоромъ жремъ. Ни бани здѣсь, ни чернаго хлѣба, ни баранокъ, ни грибовъ, ни пироговъ. Чаю даже ужъ двѣ недѣли настоящимъ манеромъ не пили, потому какой это чай, коли ежели безъ самовара!

— Да, чай здѣсь плохъ и не умѣютъ его заваривать,—согласился Николай Ивановичъ. — Или не кипяткомъ зальютъ, или скипятятъ его.

— Ну, вотъ видишь. Какой-же это чай! Пьешь его и словно пареный вѣникъ во рту держишь.

— За то кофей хорошъ, замѣтила Глафира Семеновна.

— А я кофей-то дома только въ Христовъ день пью. Нѣтъ, братъ, заскучалъ я по домѣ, крѣпко заскучалъ. Да и о женѣ думается, о ребятишкахъ, о дѣлѣ. Конечно, надъ лавками старшій прикащикъ оставленъ, но вѣдь старшій прикащикъ тоже не безъ грѣха. Изъ чего-же нибудь онъ себѣ двухъэтажный домъ въ деревнѣ, въ своемъ мѣстѣ построилъ, когда ѣздилъ домой на побывку. Двухъэтажный деревянный домъ. Это ужъ при мнѣ-то на деревянный домъ капиталъ сколотилъ, ну, а безъ меня-то, пожалуй, и на каменный сколотитъ, охулки на руку не положитъ. Знаю, самъ въ прикащикахъ живалъ.

— Плюнь. У хлѣба не безъ крохъ.

— Расплюешься, братъ, такъ. Нѣтъ, я о домѣ

крѣпко заскучалъ. Вѣришь ты, во снѣ только жена, домъ да лавки и снятся.

— Такъ неужто-бы теперь согласился, не видавши Ниццы и Италіи, ѣхать домой?

— А ну ихъ! На все-бы наплевалъ и полетѣлъ прямо домой, но какъ я одинъ поѣду, коли ни слова ни по французски, ни по нѣмецки?.. Не знаю черезъ какіе города мнѣ ѣхать, не знаю даже, гдѣ я теперь нахожусь.

— Въ Марселѣ, въ Марселѣ ты теперь.

— Въ Марселѣ... Ты вотъ сказалъ, а я все равно сейчасъ забуду. Да и дальше-ли это отъ Петербурга, чѣмъ Парижъ, ближе-ли—ничего не знаю. Эхъ, завезли вы меня, черти!

— Зачѣмъ-же это вы, Иванъ Кондратьичъ, ругаетесь? При дамѣ это даже очень неприлично, обидѣлась Глафира Семеновна.—Никто васъ не завозилъ, вы сами съ нами поѣхали.

— Да-съ... Поѣхалъ самъ. А только не въ своемъ видѣ поѣхалъ. Загулявши поѣхалъ. А вы знали и не сказали мнѣ, что это такая даль. Я человѣкъ не понимающій, думалъ, что эта самая Италія близко, а вы ничего не сказали. Да-съ... Это не хорошо.

— Врете вы. Мы вамъ прямо сказали, что путь очень далекій и что проѣздимъ больше мѣсяца, возразила Глафира Семеновна.

— Э-эхъ! вздохнулъ Иванъ Кондратьевичъ.— То-есть перенеси меня сейчасъ изъ этой самой заграницы хоть на воздушномъ шарѣ ко мнѣ домой, въ Петербургъ, на Клинскій проспектъ—безъ разговору

2

бы тысячу рублей далъ! Полторы-бы далъ—вотъ до чего здѣсь мнѣ все надоѣло и домой захотѣлось.

Часовая стрѣлка приблизилась къ полуночи.

— En voitures! скомандовалъ начальникъ станціи.

— En voitures! подхватили кондукторы, захлопывая двери вагонныхъ купэ.

Поѣздъ тронулся въ путь.

III.

Поѣздъ летѣлъ. Въ купэ вагона, кромѣ супруговъ Ивановыхъ и Конурина, никого не было.

— Ну-ка, Николай Иванычъ, вмѣсто чайку разопьемъ-ка бутылку красненькаго на сонъ грядущій, а то что ей зря-то лежать... сказалъ Конуринъ, доставая изъ сѣтки бутылку и стаканъ.— Грѣхи! вздохнулъ онъ.—То-есть скажи мнѣ въ Питерѣ, что на заграничныхъ желѣзныхъ дорогахъ стакана чаю на станціяхъ достать нельзя—ни въ жизнь бы не повѣрилъ.

Бутылка была выпита. Конуринъ тотчасъ же освободилъ изъ ремней свою объемистую подушку и началъ устраиваться на ночлегъ.

— Да погодите вы заваливаться-то! Можетъ быть еще пересадка изъ вагона въ вагонъ будетъ, остановила его Глафира Семеновна.

— А развѣ будетъ?

— Ничего неизвѣстно. Вотъ придетъ кондукторъ осматривать билеты, тогда спрошу.

На слѣдующей полустанкѣ кондукторъ вскочилъ въ купэ.

— Vos billets, messieurs... сказалъ онъ.

Глафира Семеновна тотчасъ-же обратилась къ нему и на своемъ своеобразномъ французскомъ языкѣ стала его спрашивать:

— Нисъ... шанже вагонъ у нонъ шанже?

— Oh, non, madame. On ne change pas les voitures. Vous partirez tout directement.

— Безъ перемѣны.

— Слава тебѣ Господи! перекрестился Конуринъ, взявшись за подушку, и прибавилъ:—„вивъ ля Франсъ", почти единственную фразу, которую онъ зналъ по французски и употреблялъ при французахъ, когда желалъ выразить чему нибудь радость или одобреніе.

Кондукторъ улыбнулся и отвѣчалъ: „Vive la Russie". Онъ уже хотѣлъ уходить, какъ вдругъ Николай Ивановичъ закричалъ ему:

—Постой... Постой... Глаша! Скажи господину кондуктору по французски, чтобы онъ заперъ насъ на ключъ и никого больше не пускалъ въ наше купэ, обратился онъ къ женѣ:—а мы ему за это пару франковъ просолимъ.

— Да, да... Дѣйствительно, надо попросить, отвѣчала супруга.—Экуте... Не впускайте... Не пусе... Или нѣтъ... что я! Не лесе данъ ля вагонъ анкоръ пассажиръ... Ну вулонъ дормиръ... И вотъ вамъ... Пуръ ву... Пуръ буаръ... Ву компрене?

Она сунула кондуктору два франка. Тотъ понялъ, о чемъ его просятъ, и заговорилъ:

— Oui, oui, madame. Je comprends. Soyez tranquille...

— А вотъ и отъ меня монетка. Выпей на здоровье... прибавилъ полъ-франка Конуринъ.

Кондукторъ захлопнулъ дверцу вагона и поѣздъ полетѣлъ снова.

— Удивительно, какъ ты наторѣла въ нынѣшнюю поѣздку по французски... похвалилъ Николай Ивановичъ жену.—Вѣдь почти все говоришь...

— Еще-бы... Практика... Я теперь стала припоминать всѣ слова, которыя я учила въ пансіонѣ. Ты видѣлъ въ Парижѣ? Всѣ прикащики Magasin de Louvre и Magasin au bon marché меня понимали. Во Франціи-то что! А вотъ какъ мы по Италіи будемъ путешествовать, рѣшительно не понимаю. По итальянски я столько-же знаю, сколько и Иванъ Кондратьичъ... отвѣчала Глафира Семеновна.

— Руками будемъ объясняться. Выпить—по галстуху себя хлопнемъ пальцами, съѣсть—въ ротъ пальцемъ покажемъ, — говорилъ Николай Ивановичъ.— Я читалъ въ одной книжкѣ, что суворовскіе солдаты во время похода отлично руками въ Италіи объяснялись и всѣ ихъ понимали.

— Земляки! Послушайте! началъ Иванъ Кондратьевичъ.—Вѣдь въ Италію надо въ сторону сворачивать?

— Въ сторону.

— Такъ не ѣхать-ли намъ ужъ прямо домой? Ну, что намъ Италія? Чортъ съ ней! Берлинъ видѣли, Парижъ видѣли,—ну, и будетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—воскликнула Глафира Семеновна.—Помилуйте, мы только для Италіи и заграницу поѣхали.

— Да что въ ней, въ Италіи-то хорошаго? Я такъ слышалъ, что только шарманки да апельсины.

— Какъ, что въ Италіи хорошаго? Римъ... Въ Римѣ папа... Неаполь... Въ Неаполѣ огнедышащая гора Везувій. Я даже всѣмъ нашимъ знакомымъ въ Петербургѣ сказала, что буду на огнедышащей горѣ. А Венеція, гдѣ по всѣмъ улицамъ на лодкахъ ѣздятъ? Нѣтъ, нѣтъ... Пока я на Везувіѣ не побываю, я домой не поѣду.

— И я тоже самое...—прибавилъ Николай Ивановичъ.—Я до тѣхъ поръ не буду спокоенъ, пока на самой верхушкѣ горы объ Везувій папироску не закурю...

— Везувій... Папа... Да что мы католики, что-ли? Вѣдь только католики папѣ празднуютъ, а мы, слава Богу, православные христіане. Даже грѣхъ, я думаю, намъ на папу смотрѣть.

— Не хнычъ и молчи, хлопнулъ Конурина по плечу Николай Иванычъ.—И чего ты въ самомъ дѣлѣ!.. Самъ согласился ѣхать съ нами всюду, куда мы поѣдемъ, а теперь на попятный. Назвался груздемъ, такъ ужъ полѣзай въ кузовъ.

— Подъѣхать къ самой Италіи и вдругъ домой! бормотала Глафира Семеновна.—Это ужъ даже и ни на что не похоже.

— А развѣ мы уже подъѣхали? спросилъ Иванъ Кондратьичъ.

— Да конечно-же подъѣхали. Вотъ только теперь проѣхать немножко въ сторону...

— А много ли въ сторону? Сколько верстъ отсюда, къ примѣру, до Италіи?

— Да почемъ-же я-то знаю! Здѣсь верстъ нѣтъ. Здѣсь иначе считается. Къ тому-же въ этой мѣстности я и сама съ мужемъ въ первый разъ. Вотъ пріѣдемъ въ Ниццу, такъ справимся, сколько верстъ до Италіи.

— А мы теперь развѣ въ Ниццу ѣдемъ? допытывался Конуринъ.

— Сколько разъ я вамъ, Иванъ Кондратьичъ, говорила, что въ Ниццу.

— Да вѣдь гдѣ-жъ все упомнить! Мало-ли вы мнѣ про какіе города говорили. Ну, а что такое эта самая Ницца?

— Самое новомодное заграничное мѣсто, куда всѣ наши аристократки лечиться ѣздятъ. Моднѣе даже Парижа. Югъ такой, что даже зимой на улицахъ жарко.

— А... Вотъ что... Стало быть воды?

— И воды... и все... Тамъ и въ морѣ купаются, и воды пьютъ. Тамъ вотъ ежели у кого нервы—первое дѣло... Сейчасъ никакихъ нервовъ не будетъ. Потомъ мигрень... Ницца и отъ мигреня... Тамъ дамскій полъ отъ всѣхъ болѣзней при всей публикѣ въ морѣ купается.

— Неужели при всей публикѣ? Ахъ, срамницы!

— Да вѣдь въ купальныхъ костюмахъ.

— Въ костюмахъ? Ну, то-то... А я думалъ... Только какое-же удовольствіе въ костюмахъ! Такъ, въ Ниццу мы теперь ѣдемъ. Такъ, такъ... Ну, а за Ниццей-то уже Италія 'пойдетъ?

— Италія.

— А далеко-ли она все-таки оттуда будетъ?

IV.

Кондукторъ, взявъ два съ половиной франка „пуръ буаръ", хоть и далъ слово не впускать ни кого въ купэ, гдѣ сидѣли Ивановы и Конуринъ, но слова своего не сдержалъ. На одной изъ слѣдующихъ-же станцій спавшій на диванѣ Конуринъ почувствовалъ, что его кто-то трогаетъ за ногу. Онъ открылъ глаза. Передъ нимъ стоялъ мрачнаго вида господинъ съ двумя ручными чемоданами и говорилъ:

— Je vous prie, monsieur...

Онъ поднималъ чемоданы, чтобы положить ихъ въ сѣтку.

— Послушайте... Тутъ нельзя... Тутъ занято... Тутъ откуплено!.. закричалъ Конуринъ.—Кондукторъ! Гдѣ кондукторъ?

Пассажиръ продолжалъ говорить что-то по французски и, положивъ чемоданы въ сѣтку, садился Конурину на ноги. Конурину поневолѣ пришлось отдернуть ноги.

— Глафира Семеновна! Да что-же это такое съ нами дѣлаютъ! Скажите вы этому олуху по французски, что здѣсь занято! будилъ онъ Глафиру Семеновну, а между тѣмъ схватилъ пассажира за плечо и говорилъ:—Мусью... Такъ не дѣлается. На ноги садиться не велѣно. Выходи.

Тотъ упрямился и даже оттолкнулъ руку Конурина. Глафира Семеновна проснулась и не сразу поняла въ чемъ дѣло.

— Позовите-же кондуктора. Пусть онъ его выпроводитъ, сказала она Конурину.

— Матушка. Я безъ языка... Какъ я могу позвать, ежели ни слова по французски!

— Кондуктеръ! Мосье кондуктеръ! выглянула она въ окошко.

Но въ это время раздалась команда „en voitures" и поѣздъ тронулся.

— Вотъ тебѣ и франко-русское единство! бормоталъ Конуринъ.—Помилуйте, какое-же это единство! „Вивъ ля Франсъ, вивъ Рюсси", взять полтора франка, обѣщать никого не пускать въ вагонъ и вдругъ, извольте видѣть, эфіопа какого-то посадилъ! Это не единство, а свинство. А еще „вивъ Рюсси" сказалъ.

— Да ужъ это вивъ Рюсси-то я еще въ Парижѣ въ ресторанѣ Бребанъ испыталъ, сказалъ тоже проснувшійся Николай Ивановичъ.—И тамъ гарсонъ сначала „вивъ Рюсси", а потомъ на шесть франковъ обсчиталъ.

Пассажиръ угрюмо сидѣлъ въ купэ и расправлялъ вынутую изъ кармана дорожную шапочку, чтобы надѣть ее на голову вмѣсто шляпы. Ѣхали по туннелю. Стукъ колесъ раздавался какимъ-то особеннымъ гуломъ подъ сводами.

— Все тунели и тунели... сказала Глафира Семеновна.—Выѣдемъ изъ тунеля, такъ надо будетъ открыть окно, а то душно здѣсь, прибавила она и стала поднимать занавѣску, которой было завѣшано окно.

— Изъ Ниццы Италія ужъ совсѣмъ недалеко.

— Ну, а все-таки дальше, чѣмъ отъ Петербурга до Новгорода?

— Ахъ, какъ вы пристаете, Иванъ Кондратьичъ! Ей-ей, не знаю.

— И ты, Николай Ивановичъ, тоже не знаешь? обратился Конуринъ къ спутнику.

— Жена не знаетъ, такъ ужъ почемъ-же мнѣ-то знать! Я человѣкъ темный. Я географіи-то только моря да рѣки училъ, а до городовъ не дошелъ, отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

Конуринъ покачалъ головой.

— Скажи на милость, никто изъ насъ ничего не знаетъ, а ѣдемъ, сказалъ онъ и, подождавъ немного, опять спросилъ:—Простите, голубушка... Я опять забылъ... Какъ городъ-то, куда мы ѣдемъ?..

— Ахъ, Боже мой! Въ Ниццу, въ Ниццу, раздраженно произнесла Глафира Семеновна.

— Въ Ниццу, въ Ниццу... Ну, теперь, авось, не забуду. Не знаете, когда мы въ нее пріѣдемъ?

— Да на станціи въ Марселѣ говорили, что завтра рано утромъ.

— Утромъ... Такъ... такъ... Вотъ тоже, чтобы и Марсель не забыть. Марсель, Марсель... А то ѣздилъ по городу, осматривалъ его и вдругъ забудешь, какъ онъ называется. Марсель, Марсель... Жена спроситъ дома, въ какихъ городахъ побывалъ, а я не знаю, какъ ихъ и назвать. Надо будетъ записать завтра себѣ на память. Марсель, Ницца... Въ Ниццу, стало быть, завтра утромъ... И наконецъ ѣдемъ безъ пересадки. Такъ... Коли завтра утромъ, то теперь можно и основательно

на покой залечь, бормоталъ Конуринъ, поправилъ свою подушку и, зѣвая, сталъ укладываться спать.

Вынули изъ сакъ-вояжей свои небольшія дорожныя шелковыя подушечки и Николай Ивановичъ и Глафира Семеновна и тоже стали устраиваться на ночлегъ.

Конуринъ продолжалъ зѣвать.

— А что-то теперь у меня дома жена дѣлаетъ? вспомнилъ онъ опять.—Поди ужъ третій сонъ спитъ. Или нѣтъ... Что я... Вы говорите, Глафира Семеновна, что когда здѣсь на югѣ ночь, то у насъ день?

—Да... въ родѣ этого... отвѣчала Глафира Семеновна.

— Второй часъ ночи,—посмотрѣлъ Конуринъ на часы.—Здѣсь второй часъ ночи, стало быть въ Петербургѣ...

— А тамъ два часа дня... подсказала Глафира Семеновна.

— Да вѣдь еще давеча вы мнѣ говорили, часа два назадъ, что три часа дня было.

— Ну, стало быть теперь въ Петербургѣ пять часовъ вечера. Нельзя-же такъ точно...

— А пять часовъ вечера, такъ она, пожалуй, послѣ чаю въ баню пошла. Сегодня день субботній, банный. Охо-хо-хо! А мы-то, грѣшники, здѣсь безъ бани сидимъ! зѣвнулъ онъ еще разъ и сталъ сопѣть носомъ.

Засыпали и Николай Ивановичъ съ Глафирой Семеновной.

Но вотъ туннель кончился, мелькнулъ утренній разсвѣтъ и глазамъ присутствующихъ представилась роскошная картина. Поѣздъ шелъ по берегу моря. Съ неба глядѣла совсѣмъ уже поблѣднѣвшая луна. На лазурной водѣ бѣловатыми точками мелькали парусныя суда. По берегу то тутъ, то тамъ росли пальмы, близъ самой дороги по окраинамъ мелькали громадныя агавы, развѣтвляя свои причудливые, рогатые, толстые листья, то одноцвѣтно-зеленые, то съ желтой каймой. Вотъ показалась красивая двухъ-этажная каменная вилла затѣйливой архитектуры и окруженная садикомъ, а въ садикѣ апельсинныя деревья съ золотистыми плодами, гигантскіе кактусы.

— Николай Ивановичъ! Иванъ Кондратьичъ! Смотрите, видъ-то какой! Да что-же это мы? Да гдѣ-же это мы? воскликнула въ восторгѣ Глафира Семеновна.—Ужъ не попали-ли мы прямо въ Италію? Апельсины вѣдь это, апельсины ростутъ.

— Да, настоящіе апельсины, отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

— И пальмы, пальмы. Даже латаніи. Такія латаніи, какъ въ оранжереяхъ или въ зимнемъ саду въ „Аркадіи". Вотъ такъ штука! Господи Іисусе! Я не слышала, чтобы въ Ниццѣ могли быть такія растенія. Право, ужъ не ошиблись-ли мы какъ-нибудь поѣздомъ и не попали-ли въ Италію?

— Почемъ-же я-то знаю, матушка! Вѣдь ты у насъ француженка, вѣдь ты разговаривала.

— Да вѣдь кто-жъ ихъ знаетъ! Разговариваешь, разговариваешь съ ними, а въ концѣ концовъ все-равно настоящимъ манеромъ ни чего не понимаешь.

Смотри, смотри, цѣлый лѣсъ пальмъ! Вотъ оказія, если мы ошиблись!

— Да не проспали-ли мы эту самую Ниццу-то— вотъ что? вмѣшался въ разговоръ Иванъ Кондратьевичъ.—Вѣдь вы сказывали, что Италія-то за Ниццей. Ниццу проспали, а теперь въ Италіи.

— И ума приложить не могу! разводила руками Глафира Семеновна, восторгаясь видами.—Смотрите, смотрите, скала-то какая и на ней домикъ. Да это декорація какая-то изъ балета.

— Совсѣмъ декорація... согласился Иванъ Кондратьевичъ.—Театръ—одно слово.

— Батюшки! заборъ изъ кактусовъ.—Цѣлый заборъ изъ кактусовъ... кричала Глафира Семеновна.—И лимонная роща.—Цѣлая лимонная роща. Нѣтъ, мы навѣрное въ Италіи.

— Проспали стало-быть Ниццу! сказалъ Иванъ Кондратьевичъ.—Ну, плевать на нее. Въ Италію пріѣхали, такъ въ Италію, тѣмъ лучше, все-таки къ дому ближе. А только что-же я шарманщиковъ не вижу? Вѣдь въ Италіи, говорятъ, весь народъ шарманщики. А тутъ, вонъ ужъ идетъ народъ, а безъ шарманокъ.

— Боже мой! И шляпы на мужикахъ итальянскія, разбойничьи. Нѣтъ, мы положительно пріѣхали въ Италію, продолжала Глафира Семеновна.

— Такъ спроси вонъ этого эфіопа-то, что къ намъ въ купэ давеча влѣзъ, чѣмъ сомнѣваться, сказалъ Николай Ивановичъ.—Онъ туточный, онъ ужъ навѣрное знаетъ, куда мы пріѣхали.

Глафира Семеновна откашлялась и начала:

— Монсье... се Итали? кивнула она въ окошко.— У сомъ ну апрезанъ?

— Tout de suite nous serons à Cannes, madame... отвѣчалъ пассажиръ, осклабившись въ легкую улыбку и приподнимая свою дорожную шапочку.

— Ну, что? Проспали Ниццу? спрашиваетъ Николай Ивановичъ жену.

— Постой... Ничего не понимаю. Надо еще спросить.—Ну, а Ницца, монсье? Нисъ? Ну завонъ дорми и не савонъ рьянъ... Нисъ... Ну завонъ пассе Нисъ?

— O, non, madame. A Nice nous serons à six heures du matin.

— Слава Богу, не проѣхали! произнесла Глафира Семеновна.—Фу, какъ я давеча испугалась.

— Да ты спроси, Глаша, хорошенько.

— Мэ се не на Итали? снова обратилась Глафира Семеновна къ пассажиру.

— Non, non, madame. Soyez tranquille. L'Italie c'est encore loin.

— Мерси, монсье. Нѣтъ, нѣтъ, не проѣхали. Въ Ниццѣ мы будемъ въ шесть часовъ утра. А только скажите на милость, какой здѣсь климатъ! Совсѣмъ Италія. Пальмы, апельсины, лимоны, кактусы. Да и лица-то итальянскія. Вонъ мужикъ идетъ. Совсѣмъ итальянецъ...

— Безъ шарманки такъ значитъ не итальянецъ, замѣтилъ Конуринъ.

— Молчите, Иванъ Кондратьичъ! Ну, что вы понимаете! Дальше своего Пошехонья изъ Петербурга никуда не выѣзжали, никакой книжки о заграницѣ не читали, откуда-же вамъ знать объ Италіи! огрызну-

лась Глафира Семеновна и продолжала восторгаться природой и видами.—Водопадъ! Водопадъ! Николай Иванычъ, смотри какой водопадъ бьетъ изъ скалы!

А съ моря между тѣмъ поднималось красное зарево восходящаго солнца и отражалось пурпуромъ въ синевѣ спокойныхъ величественныхъ водъ. Начиналось ясное, свѣтлое, безоблачное утро. Изъ открытаго окна вагона вѣяло свѣжимъ, живительнымъ воздухомъ.

— Ахъ, какъ здѣсь хорошо! Вотъ хорошо-то! невольно восклицала Глафира Семеновна.

— Да, не даромъ сюда наши баре русскія денежки возятъ, отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

— Cannes! возгласилъ кондукторъ, когда остановились на станціи.

Поѣздъ опять тронулся и дальше пошли виды еще красивѣе, еще декоративнѣе. Солнце уже взошло и золотило своими лучами все окружающее. Справа синѣло море съ вылѣзающими изъ него по берегу громадными скалами, слѣва чередовались виллы, виллы безъ конца, самой прихотливой архитектуры и окруженныя богатѣйшей растительностью. Повсюду розовыми цвѣтками цвѣлъ миндаль, какъ-бы покрытыя бѣлымъ пухомъ стояли цвѣтущія вишневыя деревья.

— Господи Боже мой! И это въ половинѣ-то марта! воскликнулъ Николай Ивановичъ.—А у насъ подъ Питеромъ-то что теперь! Снѣгъ на полтора аршина и еще великолѣпный, поди, санный путь.

Проѣхали Грассъ. Опять справа море и слѣва виллы безъ конца, прилѣпленныя почти къ отвѣснымъ скаламъ. Наконецъ поѣздъ опять въѣхалъ въ тунель,

пробѣжалъ по немъ нѣсколько минутъ и выскочилъ на широкую поляну. Виднѣлся городъ. Еще минутъ пять и паровозъ сталъ убавлять пары. Въѣзжали въ обширный крытый вокзалъ и наконецъ остановились.

— Nice! закричали кондукторы.

— Ницца... повторила Глафира Семеновна и стала собирать свой багажъ.

V.

На подъѣздѣ станціи толпились коммиссіонеры гостинницъ въ фуражкахъ съ позументами и выкрикивали названія своихъ гостинницъ, предлагая омнибусы. Супруги Ивановы и Конуринъ остановились въ недоумѣніи.

— Куда-же, въ какую гостинницу ѣхать? спрашивала Глафира Семеновна мужа.

— Ахъ, матушка, да почемъ-же я то знаю!

— Однако, надо-же...

— Модное слово теперь, „вивъ ля Франсъ"—ну, и вали въ Готель де Франсъ. Готель де Франсъ есть? спросилъ Николай Ивановичъ по русски.

Коммиссіонеры молчали. Очевидно, подъ такимъ названіемъ въ Ниццѣ гостинницы не было или омнибусъ ея не выѣхалъ на станцію.

— Готель де Франсъ... повторилъ Николай Ивановичъ.

— Постой, постой... Спроси лучше, въ какой го-

стинницѣ есть русскій самоваръ—туда и поѣдемъ, а то нигдѣ заграницей чаю настоящимъ манеромъ не пили, остановилъ его Конуринъ и въ свою очередь спросилъ:—Ребята! У кого изъ васъ въ заведеніи русскій самоваръ имѣется?

Коммиссіонеры, разумѣется, русскаго языка не понимали.

— Русскій самоваръ, пуръ те... опять повторилъ Николай Ивановичъ и старался пояснить слова жестами, но тщетно.—Не понимаютъ! развелъ онъ руками.— Глаша! Да что-же ты! Переведи имъ по французски.

— Самоваръ рюссъ, самоваръ рюссъ... Пуръ лобульянтъ, пуръ те... Эске ву аве данъ ля готель? заговорила она.

— Ah! madame désire une bouilloire!... догадался какой-то коммиссіонеръ.

— Нѣтъ, не булюаръ, а самоваръ рюссъ, съ угольями.

— Самоваръ! крикнулъ Конуринъ.

— Mais oui, monsieur... Samovar russe c'est une bouilloire.

— Что ты все бульваръ да бульваръ! Не бульваръ намъ нужно, давай комнату хоть въ переулкѣ. Что намъ бульваръ! А ты дай комнату, чтобы была съ самоваромъ.

— Иванъ Кондратьичъ, вы не то толкуете. Оставьте... Ни вы, ни они васъ все равно не понимаютъ, остановила Конурина Глафира Семеновна.

— Обязаны понимать, коли русскія деньги брать любятъ.

— Да что тутъ разговаривать! воскликнулъ Нико-

лай Ивановичъ. — Дикіе они на счетъ самоваровъ. Брось, Иванъ Кондратьичъ, и залѣзай на счастье въ какой попало омнибусъ. Въ какую привезутъ гостинницу, та и будетъ ладна. Вѣдь мы все равно не знаемъ, какая хуже. Вонъ омнибусы стоятъ. Вали!

Иванъ Кондратьичъ подбѣжалъ къ первому попавшемуся омнибусу и сказавъ „вотъ этотъ какъ будто омнибусикъ поновѣе", сѣлъ въ него. Полѣзли за нимъ и супруги Ивановы.

Живо ввалили на крышу омнибуса ихъ сундуки, взятые изъ багажнаго вагона и омнибусъ поѣхалъ, минуя роскошный скверъ, разбитый передъ желѣзнодорожной станціей. Въ скверѣ росли апельсинныя деревья съ золотящимися плодами, пальмы, латаніи, агавы, олеандры и яркими красными цвѣтами цвѣли громадныя камеліи.

— Боже мой, въ какія мѣста мы пріѣхали! восторгалась Глафира Семеновна.—Оранжереи подъ открытымъ небомъ.—Смотрите, смотрите, лимоны! Цѣлое дерево съ лимонами.

Иванъ Кондратьевичъ мрачно покосился и сказалъ:

— Лимоны у подлецовъ есть, а самоваровъ къ чаю завести не могутъ.

— Оглянитесь, оглянитесь, господа, назадъ! Ахъ, какая гора! — продолжала Глафира Семеновна. — А вонъ и оселъ везетъ въ телѣжкѣ цвѣтную капусту. Цвѣтная капуста ужъ здѣсь поспѣла. А у насъ-то! Я у себя передъ отъѣздомъ лукъ на окошкѣ посадила и тотъ къ масляницѣ еле-еле перья далъ. Еще оселъ. Два осла... Дамы-то здѣшнія, дамы-то въ мартѣ въ

3

однихъ бумажныхъ зефировыхъ платьяхъ по улицамъ ходятъ—вотъ до чего тепло.

Проѣзжали по Avenue de la gare, длинному проспекту, обсаженному гигантскими деревьями. Было еще рано, уличная жизнь только начиналась: отворяли магазины, кафе, кухарки въ соломенныхъ шляпкахъ и съ корзинками въ рукахъ шли за провизіей. Показался англичанинъ, мѣрно шагающій по бульвару, длинный, худой, весь въ бѣломъ и съ зеленымъ вуалемъ на шляпѣ. Иванъ Кондратьичъ тотчасъ-же обратилъ на него вниманіе и сказалъ:

— Эво, какой страшный! Это должно быть попъ здѣшній итальянскій.

— Нѣтъ, нѣтъ, это англичанинъ, отвѣчала Глафира Семеновна.—Мы такихъ въ прошлую поѣздку много видѣли въ Парижѣ на выставкѣ.

Наконецъ омнибусъ въѣхалъ на дворъ гостинницы и остановился. На дворѣ опять апельсинныя и лимонныя деревья съ плодами, мирты въ цвѣту, у подъѣзда два толстые, какъ бревно, кактуса лѣзутъ своими верхушками къ окнамъ третьяго этажа. Швейцаръ зазвонилъ въ большой колоколъ. Выбѣжалъ пожилой мужчина съ эспаньолкой и съ карандашемъ за ухомъ.

— Комнату объ одной кровати и комнату о двухъ кроватяхъ... сказалъ Николай Ивановичъ. — Глаша, переведи по французски.

— Уговаривайтесь ужъ, голубушка, заодно, чтобъ намъ апельсины и лимоны изъ сада даромъ ѣсть, сказалъ Иванъ Кондратьичъ.

Мужчина съ эспаньолкой повелъ показывать ком-

наты, сказалъ цѣну и сталъ предлагать взять комнаты, съ пансiономъ, то есть со столомъ.

— Nous avons deux dejeuners, diner á sept heures... разсказывалъ онъ.

Глафира Семеновна поняла слово „пансiонъ" совсѣмъ въ другомъ смыслѣ.

— Какъ пансiонъ? Команъ пансiонъ? Николай Иванычъ, вообрази, онъ намъ какой-то пансiонъ предлагаетъ! Почему онъ вообразилъ, что у насъ дѣти? Нонъ, нонъ, монсье. Пуркуа пуръ ну пансiонъ? сказала она.—Ну навонъ па анфанъ. Пансiонъ!

— Si vous prendrez la pension, madame, ça vous sera à meilleur marché.

— Опять пансiонъ! Да что онъ присталъ съ пансiономъ!

— Учитель должно быть, что-ли... отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

— Да вѣдь онъ видитъ, что при насъ нѣтъ дѣтей.

— А можетъ быть у него пансiонъ для взрослыхъ, для обученiя русскихъ французскому языку? Ты спроси, какой у него пансiонъ. Вѣдь можешь спросить. На столько-то теперь уже по французски насобачилась.

— Все равно намъ не надо никакого пансiона. Такъ беремъ эти комнаты? За одну восемь франковъ, за другую двѣнадцать въ день хочетъ, пояснила Глафира Семеновна.

— Двѣнадцать четвертаковъ по сорока копѣекъ — четыре восемь гривенъ на наши деньги, сосчиталъ Николай Ивановичъ.—Дороговько, ну, да ужъ нечего дѣлать.

— Ницца... Ничего не подѣлаешь. Сюда шалая пу-

3*

блика только за тѣмъ и ѣдетъ, чтобы деньги бросать. Самое модное мѣсто изъ всѣхъ заграницъ. Хочешь видѣть, какъ апельсины ростутъ—ну, и плати. Беремъ, что-ли, эти комнаты? продолжала она.

— Постойте, постойте. Нельзя-ли ему „вивъ ля Франсъ“ подпустить, такъ можетъ быть онъ изъ-за французско-русскаго единства и спуститъ цѣну, сказалъ Конуринъ.

— Какое! Это только у насъ единство-то цѣнится, а здѣсь никакого вниманія на него не обращаютъ. Ты видѣлъ сегодня ночью кондуктора-то? Взялъ полтора франка, чтобъ никого къ намъ въ купэ не пускать—и сейчасъ-же къ тебѣ пассажира на ноги посадилъ. Нѣтъ, ужъ гдѣ наше не пропадало! Надо взять. Беремъ, мусье, эти комнаты! рѣшилъ Николай Ивановичъ и хлопнулъ француза съ эспаньолкой по плечу.

— Avec pension, monsieur? снова спросилъ тотъ.

— Вотъ присталъ-то! Нонъ, нонъ. У насъ нонъ анфанъ. Мы безъ анфановъ пріѣхали. Вуаля: же, ма фамъ и купецъ фруктовщикъ съ Клинскаго проспекта—вотъ и все.

Николай Ивановичъ ткнулъ себя въ грудь, указалъ на жену, а потомъ на Конурина.

VI.

Переодѣвшись и умывшись, супруги Ивановы и Конуринъ вышли изъ гостинницы, чтобы идти осматривать городъ. Глафира Семеновна облеклась въ обновки, купленныя ею въ Парижѣ, и надѣла такую причудливую шляпу съ райской птицей, что обратила на себя вниманіе даже француза съ эспаньолкой, который часа два тому назадъ сдавалъ имъ комнаты. Онъ сидѣлъ за столомъ въ бюро гостинницы, помѣщавшемся внизу у входа, и сводилъ какіе-то счеты. Увидавъ сошедшихъ внизъ постояльцевъ, онъ тотчасъ-же заткнулъ карандашъ за ухо, подошелъ къ нимъ и, не сводя глазъ со шляпки Глафиры Семеновны, заговорилъ что-то по-французски.

— Глаша, что онъ говоритъ?—спросилъ Николай Ивановичъ.

— Да говоритъ, что у нихъ хорошій табльдотъ въ гостинницѣ и что завтракъ бываетъ въ 12 часовъ дня, а обѣдъ въ 7.

— А ну его! А я думалъ, что-нибудь другое, что онъ такъ пристально на тебя смотритъ.

— Шляпка моя понравилась—вотъ и смотритъ пристально.

— Да ужъ и шляпка-же!—заговорилъ Конуринъ, прищелкнувъ языкомъ.—Не то пирогъ, не то корабль

какой-то. Въ Петербургѣ въ такой шляпкѣ пойдете, то за вами собаки будутъ сзади бѣгать и лаять.

— Пожалуйста, пожалуйста, не говорите вздору. Конечно, ежели вашей женѣ эту шляпку надѣть, которая сырая женщина и съ большимъ животомъ, то конечно...

— Да моя жена и не надѣнетъ. Хоть ты озолоти ее—не надѣнетъ.

— Зачѣмъ ты брилліантовую-то браслетку на руку напялила? Вѣдь не въ театръ идемъ, сказалъ женѣ Николай Ивановичъ.

— А то какъ-же безъ браслетки-то? Вѣдь здѣсь Ницца, здѣсь самая высшая аристократія живетъ.

Супруги и ихъ спутникъ вышли на улицу, прошли съ сотню шаговъ и вдругъ въ открывшійся проулокъ увидѣли море.

— Море, море... заговорила Глафира Семеновна.— Вотъ тутъ-то на морскомъ берегу всѣ и собираются. Я читала въ одномъ романѣ про Ниццу. Высшая публика, самые модные наряды...

Они ускорили шаги и вскорѣ очутились на набережной моря, на Jetté Promenade. Берегъ былъ обсаженъ пальмами, виднѣлась безконечная голубая даль моря, сливающаяся съ такими-же голубыми небесами. На горизонтѣ бѣлѣлись своими парусами одинокія суда. Погода была прелестная. Ослѣпительно яркое солнце дѣлало почти невозможнымъ смотрѣть на бѣлыя плиты набережной. Легкій вѣтерокъ прибивалъ на песчано-каменистый берегъ небольшія волны и онѣ съ шумомъ пѣнились, ударяясь о крупный песокъ. Около воды копошились прачки, полоскавшія бѣлье

и тутъ-же, на камняхъ, разстилавшія его для просушки.

Компанія остановилась и стала любоваться картиной.

— Почище нашего Ораніенбаума-то будетъ! сказалъ Конуринъ.

— Господи! Да развѣ есть какое-нибудь сравненіе! воскликнула Глафира Семеновна.—Ужъ и скажете вы тоже, Иванъ Кондратьичъ! А посмотрите, какое зданіе стоитъ на сваяхъ, на морѣ выстроено! Непремѣнно это городская дума или казначейство какое!

— Не хватило имъ земли-то, такъ давай на морѣ на сваяхъ строить, проговорилъ Николай Ивановичъ.

Они направились по набережной къ зданію на сваяхъ. Это было по истинѣ прелестное зданіе самаго причудливаго смѣшаннаго стиля. Тутъ виднѣлся и мавританскій куполъ и прилѣпленная къ нему китайская башня. На встрѣчу Ивановымъ и Конурину попадались гуляющіе. Мужчины были почти всѣ съ открытыми зонтиками сѣрыхъ, гороховыхъ и даже красныхъ цвѣтовъ.

— Скажи на милость, какая здѣсь мода! пробормоталъ Конуринъ.—Даже мужчины зонтиками отъ солнца укрываются, словно дамы.

— Что-жъ, и мы купимъ себѣ по зонтику, чтобъ модѣ подражать, отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

— Ужъ покупать, такъ покупать надо красные. Пріѣду домой въ Петербургъ, такъ тогда свой зонтикъ женѣ подарить можно. „Вотъ, молъ, подъ какими красными зонтиками мы изъ себя дамъ въ Ниццѣ изображали“. А что-то моя жена теперь, голубушка, дома

дѣлаетъ! вспомнилъ Конуринъ опять про жену, посмотрѣлъ на часы и прибавилъ:—Ежели считать по здѣшнему времени на оборотъ, то стало быть теперь ужинаетъ. Долбанула поди рюмочку рябиновой и щи хлебать принимается. Вѣдь вотъ поди-жъ ты: мы здѣсь только что кофею напились утречкомъ, а она ужъ ужинаетъ. Дѣла-то какія!

Разговаривая такимъ манеромъ, они добрались до зданія на сваяхъ, которое теперь оказалось гигантскимъ зданіемъ, окруженнымъ террасами, заполненными маленькими столиками. Съ набережной велъ въ зданіе широкій мостъ, загороженный рѣшеткой, въ которой виднѣлось нѣсколько воротъ. У однихъ воротъ стоялъ привратникъ, была кассовая будочка и на ней надпись: Entrée 1 fr.

— Нѣтъ, это не дума,—проговорила Глафира Семеновна. Вотъ и за входъ берутъ.

— Да можетъ быть здѣсь и въ думу за входъ берутъ, кто желаетъ ихнихъ преніевъ послушать,—возразилъ Конуринъ.—Вѣдь здѣсь все наоборотъ: у насъ въ Питерѣ теперь ужинаютъ, а здѣсь еще за завтракъ не принимались, у насъ въ Питерѣ морозъ носы щиплетъ, а здѣсь, эво, какъ солнце припекаетъ!

Онъ снялъ шляпу, досталъ носовой платокъ и сталъ отирать отъ пота лобъ и шею.

— Кескесе са?—спросила Глафира Семеновна сторожа, кивая на зданіе.

— Théâtre et restaurant de Jetté Promenade, madame,—отвѣчалъ тотъ.

— Театръ и ресторанъ,—перевела она.

— Слышу, слышу...—откликнулся Николай Ивано-

вичъ. А ты-то: дума, казначейство. Мнѣ съ перваго раза казалось, что это не можетъ быть думой. Съ какой стати думу на водѣ строить!

— А съ какой стати театръ на водѣ строить?

— Да вѣдь ты слышишь, что тутъ, кромѣ театра, и ресторанъ, а рестораны и у насъ въ Петербургѣ на водѣ есть.

— Гдѣ-же это?

— А ресторанъ на пароходной пристани у Лѣтняго сада, такъ называемый поплавокъ. Конечно, у насъ онъ пловучій, а здѣсь на сваяхъ, но все-таки... Потомъ, есть ресторанъ-поплавокъ на Васильевскомъ островѣ. А то вдругъ: дума. Вѣдь придумаетъ тоже..., Зачѣмъ думѣ на водѣ быть?

— А ресторану зачѣмъ?

— Какъ, Глафира Семеновна, матушка, зачѣмъ? заговорилъ Конуринъ.—Для разнообразія. Иной на землѣ-то въ трактирѣ пилъ-пилъ и ему ужъ больше въ глотку не лѣзетъ, а придетъ въ ресторанъ на воду—опять пьется. Перемѣна—великая вещь. Иной разъ въ Питерѣ загуляешь и изъ рюмокъ пьешь-пьешь—не пьется, а попробовали мы разъ въ компаніи вмѣсто рюмокъ изъ самоварной крышки пить, изъ простой мѣдной самоварной крышки—ну, и опять питье стало проходить, какъ по маслу. Непремѣнно нужно будетъ сегодня въ этотъ ресторанъ сходить позавтракать. Помилуйте, ни въ одномъ городѣ заграницей не удавалось еще на водѣ пить и ѣсть.

— Да кто съ вами споритъ, Иванъ Кондратьичъ, что вы такъ жарко доказываете, чтобъ на водѣ завтракать? Ну, на водѣ, такъ на водѣ, отвѣчала Глафира

Государственная

Семеновна, остановилась, взглянула съ набережной внизъ къ водѣ и быстро прибавила:—Смотрите, тамъ что-то случилось. Вонъ публика внизу на пескѣ на берегу стоитъ и что-то смотритъ. Цѣлая толпа стоитъ. Да, да... И что-то лежитъ на пескѣ. Не вытащили-ли утопленника?

— Пожалуй, что утопленникъ, сказалъ Николай Ивановичъ.

— Утопленникъ и есть, поддакнулъ Конуринъ.— Сойдемте внизъ и посмотримте. Ужъ не бросился-ли, грѣхомъ, кто нибудь въ воду изъ этого самаго ресторана, что на сваяхъ стоитъ? Съ пьяныхъ-то глазъ, долго-ли! Въ голову вступило, товарищи разобидѣли — ну, и... Со мной, молодымъ, разъ тоже было, что я на Черной рѣчкѣ выбѣжалъ изъ трактира, да бултыхъ въ воду... Хорошо еще, что воды-то только по поясъ было. Тоже вотъ изъ-за того, что товарищи мнѣ пьяному что-то перечить начали. Пойдемъ, Николай Ивановичъ, посмотримъ.

— Да, пойдемъ. Отчего не посмотрѣть? У насъ дѣловъ-то здѣсь не завалило! На то и пріѣхали, чтобъ на всякую штуку смотрѣть. Идешь, Глафира Семеновна?

— Иду, иду. Гдѣ здѣсь можно спуститься внизъ? обозрѣвала она мѣстность.—Вонъ гдѣ можно спуститься. Вонъ лѣстница.

— Они бросились къ лѣстницѣ и стали спускаться на берегъ къ водѣ. Иванъ Кондратьевичъ говорилъ:

— То-есть оно хорошо это самое море для выпивки, пріятно на берегу, но ежели ужъ до того допьешься, что бѣлые слоны въ голову вступятъ, то ой-ой-ой! Бѣда... Чистая бѣда! повторялъ онъ.

VII.

На крупномъ пескѣ, въ родѣ гравія, состоящемъ изъ мелкихъ красивыхъ разноцвѣтныхъ камушковъ, дѣйствительно что-то лежало, но не утопленникъ. Глафира Семеновна первая протискалась сквозь толпу, взглянула и съ крикомъ: „ай, крокодилъ"!—бросилась обратно.

— Пойдемте прочь! Пойдемте! Николай Иванычъ, не подходи! Иванъ Кондратьичъ! Идите сюда! Какъже вы бросаете одну даму! звала она мужчинъ, уже стоя на каменной лѣстницѣ.

— Да это вовсе и не крокодилъ, а большая бѣлуга! откликнулся Конуринъ снизу.

— Какая бѣлуга! Скорѣй-же громадный сомъ. Видишь, тупое рыло. А бѣлуга съ вострымъ носомъ, возражалъ Николай Ивановичъ.—Глаша! Сходи сюда. Это сомъ. Сомъ громадной величины.

— Нѣтъ, нѣтъ! Ни за что на свѣтѣ! Я зубы видѣла... Страшные зубы... слышалось съ лѣстницы.—Брр...

— Да вѣдь онъ мертвый, убитъ...

— Нѣтъ, нѣтъ! Все равно не пойду.

А около вытащеннаго морскаго чудовища, между тѣмъ, два рыбака въ тиковыхъ курткахъ, загорѣлые, какъ корка чернаго хлѣба, пѣли какую-то нескладную пѣсню, а третій такой-же рыбакъ подсовывалъ каждо-

му зрителю въ толпѣ глиняную чашку и просилъ денегъ, говоря:

— Deux sous pour la représentation! D ux sous...

Подошелъ онъ и къ Ивану Кондратьевичу и протянулъ ему чашку, подмигивая глазомъ.

— Чего тебѣ, арапская морда? спросилъ тотъ.

— За посмотрѣніе звѣря проситъ. Дай ему мѣдяшку, отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

— За что? Вотъ еще! Стану я платить! Тутъ не театръ, а берегъ.

— Да дай. Ну, что тебѣ? Ну, вотъ я и за тебя дамъ.

Николай Ивановичъ кинулъ въ чашку два мѣдяка по десяти сантимовъ.

— Иванъ Кондратьичъ! Вы говорите, что этотъ крокодилъ мертвый? слышался съ лѣстницы голосъ Глафиры Семеновны, которая, услышавъ пѣніе, нѣсколько пріободрилась.

— Мертвый, мертвый... Иди сюда... сказалъ Николай Ивановичъ.

— Да мертвый-ли?

Глафира Семеновна стала опять подходить къ толпѣ и робко заглянула на морскаго звѣря.

— Ну, конечно-же, это крокодилъ. Брр...—Какой страшный! бормотала она.—Неужели его эти люди здѣсь изъ моря вытащили? Зубы-то какіе, зубы...

Рядомъ съ ней стоялъ высокій, стройный, среднихъ лѣтъ, элегантный бакенбардистъ съ подобранными волосокъ къ волоску черными бакенбардами, въ свѣтло-сѣромъ ловко сшитомъ пальто и въ такого-же цвѣта мягкой шляпѣ. Онъ улыбнулся и, обратясь къ Глафирѣ Семеновнѣ, сказалъ по русски:

— Это вовсе не крокодилъ-съ... Это акула, дикій звѣрь, который покойниками питается, коли ежели какое кораблекрушеніе. Здѣшніе рыбаки ихъ часто ловятъ, а потомъ публикѣ показываютъ.

Услышавъ русскую рѣчь отъ незнакомаго человѣка, Глафира Семеновна даже вспыхнула.

— Вы русскій? воскликнула она.

— Самый первый сортъ русскій-съ. Даже можно сказать, на отличку русскій, отвѣчалъ незнакомецъ.

— Ахъ, какъ это пріятно! Мы такъ давно путешествуемъ заграницей и совсѣмъ почти не встрѣчали русскихъ. Позвольте познакомиться... Иванова, Глафира Семеновна... А это вотъ мой мужъ Николай Иванычъ, коммерсантъ. А это вотъ...

— Иванъ Кондратьевъ Конуринъ, петербургскій второй гильдіи... подхватилъ Конуринъ.

Послѣдовали рукопожатія. Незнакомецъ отрекомендовался Капитономъ Васильевичемъ и пробормоталъ и какую-то фамилію, которую никто не разслышалъ.

— Путешествуете для своего удовольствія? спрашивала его Глафира Семеновна, кокетливо играя своими нѣсколько заплывшими отъ жиру глазками.

— Нѣтъ-съ, отдыхать пріѣхали. Мы еще съ декабря здѣсь.

— Ахъ, даже съ декабря! Скажите... Я читала, что здѣсь совсѣмъ не бываетъ зимы.

— Ни Боже мой... Вотъ все въ такой-же препорціи какъ сегодня. То-есть по ночамъ бывало холодно, но и по ночамъ, случалось, въ пиджакѣ выбѣгалъ, коли ежели куда недалеко пошлютъ.

— То-есть какъ это: пошлютъ? задала вопросъ Глафира Семеновна.—Вы здѣсь служите?

Элегантный бакенбардистъ нѣсколько смѣшался.

— То есть какъ это? Нѣтъ-съ... Я для своего удовольствія... Пуръ... Какъ-бы это сказать?.. Пуръ плезиръ—и больше ничего... Мы сами по себѣ...—отвѣчалъ онъ наконецъ.—А вѣдь иногда по вечерамъ мало-ли куда случится сбѣгать! Такъ я даже и въ декабрѣ въ пиджакѣ, ежели на спѣшку...

— Неужто здѣсь зимой и на саняхъ не ѣздили?—спросилъ въ свою очередь Конуринъ.

— Да какъ-же ѣздить-то, ежели и снѣгу не было.

— Скажи на милость, какая держава! И зимой снѣгу не бываетъ.

— Иванъ Кондратьичъ, да вѣдь и у насъ въ Крыму никогда на саняхъ не ѣздятъ.

— Ну, а эти пальмы, апельсинныя деревья, даже и въ декабрѣ были зеленыя и съ листьями?—допытывался Николай Ивановичъ у бакенбардиста.

— Точь въ точь въ томъ-же направленіи. Такъ-же вотъ выйдешь въ полдень на берегъ, такъ солнце такъ спину и припекаетъ. Точь въ точь...

— Господи, какой благодатный климатъ! Даже и не вѣрится...—вздохнула Глафира Семеновна.

— По пятаку розы на бульварѣ продавали въ декабрѣ, такъ чего-же вамъ еще! Купишь за мѣдный пятакъ розу на бульварѣ—и поднесешь барышнѣ. Помилуйте, мы ужъ здѣсь не въ первый разъ по зимамъ... Мы третій годъ по зимамъ здѣсь существуемъ, разсказывалъ бакенбардистъ.—Зиму здѣсь, а на лѣто въ Петербургъ.

— Ахъ, вы тоже изъ Петербурга?

— Изъ Петербурга-съ.

— А вы чѣмъ-же тамъ занимаетесь? началъ Николай Ивановичъ.—Служите? Чиновникъ?

— Нѣтъ-съ, я самъ по себѣ.

— Стало-быть торгуете? Можетъ быть также купецъ, нашъ братъ Исакій?

— Да разное-съ... Всякія у меня дѣла, уклончиво отвѣчалъ бакенбардистъ.

Ивановы и Конуринъ стали подниматься по лѣстницѣ на набережную. Бакенбардистъ слѣдовалъ за ними.

— Очень пріятно, очень пріятно встрѣтиться съ русскимъ человѣкомъ заграницей, повторяла Глафира Семеновна.—А то вотъ мы прожили въ Берлинѣ, въ Парижѣ—и ни одного русскаго.

— Ну, а въ здѣшнихъ палестинахъ много русскихъ проживаетъ, сказалъ бакенбардистъ.

— Да что вы! А мы вотъ васъ перваго... Впрочемъ, мы только сегодня пріѣхали. Вы гдѣ здѣсь въ Ниццѣ остановившись? Въ какой гостинницѣ?

— Я не въ Ниццѣ-съ... Я въ Монте-Карло. Это верстъ двадцать пять отсюда по желѣзной дорогѣ. На манеръ какъ-бы изъ Петербурга въ Павловскъ съѣздить. А сюда я пріѣхалъ по одному дѣлу.

— Какъ городъ-то гдѣ вы живете? допытывался Николай Ивановичъ.

— Монте-Карло.

— Монте-Карло... Не слыхалъ, не слыхалъ про такой городъ.

— Что вы! Помилуйте! Да развѣ можно не слышать! Изъ-за Монте-Карло-то всѣ господа въ здѣшнія

мѣста и стремятся. Это самый то вертепъ здѣшняго круга и есть... Жупелъ, даже можно сказать. Тамъ въ рулетку господа играютъ.

— Въ рулетку? слышалъ, слышалъ! А только я не зналъ, что это такъ называется! воскликнулъ Николай Ивановичъ.—Помилуйте, изъ-за этой самой рулетки жены моей двоюродный братъ весь оборвавшись въ Петербургъ пріѣхалъ, а три тысячи рублей съ собой взялъ, да пять тысячъ ему потомъ выслали. Такъ вотъ она рулетка-то! Надо съѣздить и посмотрѣть.

— Непремѣнно надо-съ, поддакнулъ бакенбардистъ.—Это самое, что здѣсь есть по части перваго сорта, самое, что на отличку...

— Такъ какъ-же городъ-то называется?

— Монте-Карло, подсказала мужу Глафира Семеновна. — Удивляюсь я, какъ ты этого не знаешь! Я такъ сколько разъ въ книгахъ читала и про Монте-Карло и про рулетку и все это отлично знаю.

— Отчего-же ты мнѣ ничего не сказала, когда мы сюда ѣхали?

— Да просто забыла. Кто съ образованіемъ и читаетъ, тотъ не можетъ не знать рулетки и Монте-Карло.

— Съѣздите, съѣздите, побывайте тамъ разокъ... Любопытно... говорилъ бакенбардистъ и тотчасъ-же прибавилъ:—Да ужъ кто одинъ разъ съѣздитъ и попытаетъ счастье въ эту самую вертушку, того потянетъ и во второй, и въ третій, и въ четвертый разъ туда. Такъ и будете сновать по знакомой дорожкѣ.

Шагъ за шагомъ, они прошли всю часть бульвара, называемую Jetté Promenade, и уже шли по Promenade des Anglais, гдѣ сосредоточена вся гуляющая публика.

VIII.

Здѣсь въ Ниццѣ и въ окрестныхъ городахъ по берегу страсть что русскихъ живетъ! разсказывалъ Капитонъ Васильевичъ, важно расправляя свои бакенбарды.—Нѣкоторые изъ аристократовъ или изъ богатаго купечества и банкирства даже свои собственныя виллы имѣютъ. Кто всю зиму живетъ, кто въ январѣ послѣ Рождества пріѣзжаетъ.

— Вилы? удивленно выпучилъ глаза Конуринъ.— А зачѣмъ имъ вилы эти самыя?..

— Иванъ Кондратьичъ, не конфузьте себя, — дернула его за рукавъ Глафира Семеновна.—Вѣдь вилла это домъ, дача!

— Дача? Тьфу! А я-то слушаю... Думаю: „на что имъ вилы"? Я думалъ, желѣзныя вилы, вотъ что для навоза и для соломы...

— Ха-ха-ха! разсмѣялся Капитонъ Васильевичъ.— Этотъ анекдотъ надо будетъ нашему гувернеру разсказать, какъ вы дачу за желѣзныя вилы приняли, а онъ пусть графу разскажетъ. Вилла по здѣшнему дача.

Конуринъ обидѣлся.

— Какъ-же я могу по здѣшнему понимать, коли я по-французски ни въ зубъ... Я думалъ, что ужъ вила, такъ вила.

— Да и я, братецъ ты мой, по-французски не ахти какъ... больше хмельныя и съѣстныя слова... Однако,

что такое вилла отлично понялъ,—вставилъ свое слово Николай Ивановичъ.

— Ну, а я не понялъ, и не обязанъ понимать. А вы ужъ сейчасъ и графу какому-то докладывать! Что мнѣ такое вашъ графъ? Графа-то, можетъ статься, десять учителей на разныя манеры образовывали, а я въ деревнѣ, въ Пошехонскомъ уѣздѣ, на мѣдныя деньги у дѣвки - вѣковухи грамотѣ учился. Да говорите... Чихать мнѣ на вашего графа!

— Иванъ Кондратьичъ, бросьте... Вѣдь это-же шутка. Съ вами образованный человѣкъ шутитъ, а вы борзитесь, останавливала Конурина Глафира Семеновна.

— Пардонъ, коли я васъ обидѣлъ, но ей-Богу-же смѣшно! — похлопалъ Конурина по плечу Капитонъ Васильевичъ.—Вила! Ха-ха-ха...

— А у васъ какой знакомый графъ? Какъ его фамилія? поинтересовалась Глафира Семеновна.

— Есть тутъ одинъ. Здѣсь графовъ много. Да вотъ тоже русскій графъ идетъ. Онъ офицеръ. Онъ къ намъ ходитъ.

— Какъ офицеръ? Отчего-же онъ въ статскомъ платьѣ?

— Даже полковникъ. А въ статскомъ платьѣ оттого, что имъ здѣсь въ военной формѣ гулять не велѣно. Какъ за границу выѣхалъ—сейчасъ препона. Переодѣвайся въ пиджакъ.

— Скажите, а я и не знала.

— Не велѣно, не велѣно. До границы ѣдетъ въ формѣ, а какъ на границѣ—сейчасъ и переоблачайся. А какъ имъ трудно къ статскому-то платью привы-

кать! Вотъ и нашъ тоже. Одѣвается и говоритъ: „словно мнѣ это самое статское платье — коровѣ сѣдло“. Подашь ему пиджакъ, шляпу, перчатки, палку, а онъ забудется, да и ищетъ шашку, чтобы прицѣпить.

— Ахъ, и вашъ знакомый графъ тоже военный?

— Генералъ-съ.

— Вы съ нимъ вмѣстѣ живете, должно быть?

— Да-съ, по сосѣдству. Вы это насчетъ пиджака-то?.. Изъ учтивости я иногда... Почтенный генералъ, такъ какъ ему не помочь одѣться!—сказалъ Капитонъ Васильевичъ.—А вотъ и еще русскій идетъ. А вонъ русскій сидитъ на скамейкѣ. Здѣсь ужасти сколько русскихъ, а только они не признаются, что русскіе, коли кто хорошо по-французски говоритъ.

— Отчего-же?

— Да разное-съ... Во-первыхъ, чтобы въ гостинницахъ дорого не брали. Какъ узнаютъ, что русскій — сейчасъ все въ три-дорога—ну, и обдерутъ. А во-вторыхъ, изъ-за того не признаются, чтобы свой-же землякъ денегъ въ займы не попросилъ. Вотъ и еще русскій съ женой идетъ.

— Однако, у васъ здѣсь много знакомыхъ, замѣтила Глафира Семеновна.—Только отчего вы съ ними не кланяетесь?

— Изъ-за этого самаго и не кланяемся. Онъ думаетъ, какъ-бы я у него денегъ не попросилъ, а я думаю, какъ-бы онъ у меня денегъ не попросилъ. Такъ лучше. А что я передъ вами-то русскимъ обозначился, то это изъ-за того, что мнѣ ваши физіономіи очень понравились, разсказывалъ Капитонъ Васильевичъ.

— Мерси, улыбнулась ему Глафира Семеновна.— А насчетъ денегъ будьте покойны, мы у васъ ихъ не просимъ.

На бульварѣ Promenade des Anglais были построены деревянныя мѣста со стульями и ложами, обращенными къ конному проѣзду. На доскахъ на видныхъ мѣстахъ были расклеены громадныя афиши.

— Это что такое? Здѣсь какое-то представленіе будетъ, сказала Глафира Семеновна.

— То есть оно не представленіе, а особая забава. Цвѣточная драка, отвѣчалъ Капитонъ Васильевичъ.

— Какъ драка? удивленно въ одинъ голосъ спросили всѣ его спутники.

— Точно такъ-съ... Драка... Цвѣтами другъ въ друга швырять будутъ. Одни поѣдутъ въ коляскахъ и будутъ швырять вотъ въ сидящихъ здѣсь на мѣстахъ, а сидящіе на мѣстахъ будутъ въ ѣдущихъ запаливать. Такъ и будутъ наровить, чтобъ посильнѣе въ физіономію личности потрафить. Фетъ де прентамъ это по ихнему называется и всегда бываетъ въ посту на середокрестной недѣлѣ. По нашему середокрестная недѣля, а по ихнему микаремъ. Совѣтую купить билетъ и посмотрѣть. Это происшествіе завтра будетъ.

— Непремѣнно надо взять билеты, заговорила Глафира Семеновна.—Николай Иванычъ, слышишь?

— Возьмемъ, возьмемъ. Какъ-же безъ этого-то! На то ѣздимъ, чтобъ все смотрѣть. Цвѣточная драка— это любопытно.

— Драку я всякую люблю. Даже люблю смотрѣть, какъ мальчишки дерутся, прибавилъ Конуринъ. — Гдѣ билеты продаются?

— Да вотъ касса. Я самъ нарочно для этого пріѣхалъ сюда въ Ниццу. Меня просили взять четыре первыя мѣста, сказалъ Капитонъ Васильевичъ.

— Ахъ, и вы будете! Вотъ и возьмемъ мѣста рядомъ... заговорила Глафира Семеновна.

— Нѣтъ, самъ я не буду. Самому мнѣ нужно завтра по дѣламъ къ одному... посланнику. А я для графа. Графъ просилъ взять для него четыре кресла. Человѣкъ почтенный, именитый... Отчего не угодить?

— Ахъ, какъ это жаль, что вы не будете! Послушайте, пріѣзжайте и вы... Ну, урвитесь какъ-нибудь... упрашивала Капитона Васильевича Глафира Семеновна.

— Не могу-съ... Къ посланнику мнѣ зарѣзъ... Непремѣнно нужно быть. Да и видѣлъ ужъ я это происшествіе въ прошломъ году. А вы посмотрите. Очень любопытно. Иной такъ потрафитъ букетомъ въ физіомордію, что даже въ кровь...

— Да что вы!

— Вѣрно-съ. Потомъ ряженые въ колячкахъ будутъ ѣздить. Кто въ маскахъ, кто весь въ мукѣ и въ бѣломъ парикѣ, кто чертомъ одѣвшись, а дамы нимфами.

— Стало быть даже и маскарадъ? Ахъ, какъ это любопытно! И вы не хотите пріѣхать!

— Посланникъ турецкій будетъ ждать. Согласитесь сами, такое лицо... Но ежели уже вамъ такое удовольствіе, то я могу съ вами послѣ завтра въ настоящемъ маскарадѣ увидѣться. Послѣ завтра здѣсь будетъ маскарадъ въ Казино... Уже тотъ маскарадъ настоящій, въ залѣ. И всѣ обязаны въ бѣломъ быть.

— Позвольте, позвольте... Да какъ-же это у нихъ маскарады въ посту! перебилъ Конуринъ.—Вѣдь въ посту маскарадовъ не полагается.

— У нихъ все наоборотъ. Какъ постъ — тутъ-то ихнее пляскобѣсіе и начинается. А карнавалъ-то здѣсь былъ... Господи Боже мой! По всѣмъ улицамъ народъ въ маскахъ бѣгалъ. Цѣлыя колесницы по улицамъ съ ряжеными ѣздили. Какъ кто безъ маски на улицу покажется—сейчасъ въ него грязью кидаютъ. Не смѣй показываться.

— А какъ-же графъ-то вашъ знакомый?

— Сунулся разъ на улицу безъ маски—носъ расквасили. Тутъ ужъ когда народъ маскарадный вопль почувствуетъ ему все равно: что графъ, что пустопорожняя личность.

— Да неужели? Ахъ, какіе порядки! И всѣ въ маскахъ?

— Всѣ, всѣ.

— Жена моя ни за что-бы маску не надѣла, проговорилъ Конуринъ, вынулъ часы и сталъ смотрѣть на нихъ.—Однако, господа, ужъ адмиральскій часъ. Пора-бы и червячка заморить, прибавилъ онъ.

— Дежене? Авекъ плезиръ, отвѣтилъ Капитонъ Васильевичъ.—Вотъ только билеты возьмемъ, да и пойдемте завтракать.

Билеты на мѣста взяты.

— А куда пойдемъ завтракать? Гдѣ здѣсь ресторанъ? спрашивалъ Конуринъ.

— Да чего лучше на сваи идти! Вотъ въ этотъ ресторанъ, что на сваяхъ выстроенъ, и пойдемте. До сихъ поръ все на землѣ, да на землѣ пили и ѣли, а

теперь для разнообразія на водѣ попробуемъ, отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

Компанія отправилась въ ресторанъ на Jetté Promenade.

IX.

ГРОМАДНОЕ зданіе, куда направилась компанія завтракать, было и внутри величественно и роскошно. Оно состояло изъ зала въ мавританскомъ стилѣ, театра съ ложами и ресторана, отдѣланнаго въ китайскомъ вкусѣ. Вездѣ лѣпная работа, позолота, живопись. Ивановы и Конуринъ съ большимъ любопытствомъ разсматривали изображенія на стѣнахъ и на плафонѣ.

— А ужъ и трактиры-же здѣсь заграницей! Восторгъ... произнесъ Конуринъ въ удивленіи.—Москва славится трактирами, но куда Москвѣ до заграницы!

— Есть-ли какое сравненіе! отвѣтилъ Николай Ивановичъ.—Странно даже и сравнивать. Москва—деревня, а здѣсь европейская цивилизація. Ты посмотри вотъ на эту нимфу... Каковъ портретикъ! А вотъ эти самые купидоны какъ пущены!

— Да ужъ что говорить! Хорошо.

— Вотъ видите, а сами все тоскуете, что заграницу съ нами поѣхали, вставила свое слово Глафира Семеновна, обращаясь къ Конурину.—Тоскуете, да все

насъ клянете, что мы васъ далеко завезли. Ужъ изъ-за однихъ трактировъ стоитъ побывать заграницей.

— Помѣщенія вездѣ—уму помраченье, ну, а ѣда въ умаленіи. Помилуйте, ѣздимъ, ѣздимъ по заведеніямъ, по восьми и десяти французскихъ четвертаковъ съ персоны за обѣды платили, а нигдѣ насъ ни щами изъ разсады не попотчивали, ни кулебяки не поднесли. Даже огурца свѣжепросольнаго нигдѣ къ жаркому не подали. А объ ухѣ я ужъ и не говорю.

— Французская ѣда. У нихъ здѣсь этого не полагается, отвѣчала Глафира Семеновна.

— Ну, а закуски отчего передъ обѣдомъ нѣтъ?

— Какъ нѣтъ? Въ Грандъ отель въ Парижѣ мы завтракали, такъ была подана на закуску и колбаса, и сардинки, и масло, и редиска...

— Позвольте... Да развѣ это закуска? Я горорю про закуску, какъ у насъ въ хорошихъ ресторанахъ. Спросишь у насъ закуску—и тридцать сортовъ тебѣ всякой разности несутъ. Да еще, помимо холодной-то закуски, форшмакъ, сосиски и печенку кусочками подадутъ и все это съ пылу, съ жару. Нѣтъ, насчетъ ѣды у насъ лучше.

Разговаривая, компанія усѣлась за столикомъ. Гарсонъ съ расчесанными бакенбардами, съ капулемъ на лбу, въ курткѣ, въ бѣломъ передникѣ до полу и съ салфеткой на плечѣ, давно уже стоялъ въ вопросительной позѣ и ждалъ приказаній.

— Катръ дежене... скомандовалъ ему Капитонъ Васильевичъ.

— Oui, monsieur. Quel vin désirez-vous?

Было заказано и вино, причемъ Капитонъ Васильевичъ прибавилъ:

— Е оде'ви рюсъ.

— Vodka russe? Oui, monsieur... поклонился гарсонъ.

— Да неужели водка здѣсь есть? радостно воскликнулъ Николай Ивановичъ.

— Есть. Держутъ. Вдову Попову сейчасъ подадутъ.

— Ну, скажи на милость, а мы въ Парижѣ раза три русскую водку спрашивали—и нигдѣ намъ не подали. Такъ потомъ и бросили спрашивать. Вездѣ коньякомъ вмѣсто водки пробавлялись.

— То Парижъ, а это Ницца. Здѣсь русскихъ ступа не протолченая, а потому для русскихъ все держутъ. Въ ресторанѣ Лондонъ Хоусъ можете даже черный хлѣбъ получить, икру свѣжую, семгу. Водка русская здѣсь почти во всѣхъ ресторанахъ, разсказывалъ Капитонъ Васильевичъ.

Конуринъ просіялъ и даже перекрестился отъ радости.

— Слава Богу! Наконецъ-то послѣ долгаго поста русской водочки хлебнемъ, сказалъ онъ.—А я ужъ думалъ, что до русской земли съ ней не увижусь.

— Есть, есть, сейчасъ увидитесь, но только за нее дорого берутъ.

— Да ну ее, дороговизну! Не наживать деньги сюда пріѣхали, а проживать. Только-бы дали.

— Вонъ несутъ бутылку.

— Несутъ! Несутъ! Она, голубушка... По бутылкѣ вижу, что она!

Конуринъ весело потиралъ руки. Гарсонъ поставилъ рюмки и принялся откупоривать бутылку.

— А чѣмъ закусить? спрашивалъ собесѣдниковъ Капитонъ Васильевичъ.—Редиской, колбасой?

— Да ужъ что тутъ о закускѣ разсуждать, коли до водки добрались! Первую-то рюмку вотъ хоть булочкой закусимъ, отвѣчалъ Конуринъ, взявъ въ руку рюмку.—Голубушка, русская водочка, двѣ съ половиной недѣли мы съ тобой не видѣлись. Не разучился-ли ужъ я и пить-то тебя, милую? продолжалъ онъ.

— Что это вы, Иванъ Кондратьичъ, словно пьяница приговариваете, оборвала его Глафира Семеновна.

— Не пьяница я, матушка, а просто у меня привычка къ водкѣ... Двадцать лѣтъ подъ-рядъ я безъ рюмки водки за столъ не садился, а тутъ вдругъ выѣхалъ заграницу и препона. Вотъ ужъ теперь за эту водку съ удовольствіемъ скажу: вивъ ля Франсъ!

Мужчины чокнулись другъ съ другомъ и выпили.

— Нѣтъ, не разучился пить ее, отлично выпилъ, сказалъ Конуринъ, запихивая себѣ въ ротъ кусокъ бѣлаго хлѣба на закуску, и сталъ наливать водку въ рюмки вторично.—Господа! Теперь за ту акулу выпьемте, что мы видѣли давеча на берегу.—Нужно помянуть покойницу.

Гарсонъ между тѣмъ подалъ редиску, масло и колбасу, нарѣзанную кусочками. Водкопитіе было повторено. Конуринъ продолжалъ бормотать безъ умолку.

— Вотъ ужъ я теперь никогда не забуду, что есть на свѣтѣ городъ Ницца. А изъ-за чего? Изъ-за того, что мы въ ней нашу русскую, православную водку нашли.—Господа! По третьей? Я третью рюмку наливаю.

Собесѣдники не отказывались.

Гарсонъ подалъ омлетъ.

— Неси, неси, господинъ гарсонъ, назадъ! замахалъ руками Конуринъ.

— Отчего? Вѣдь это-же яичница,—сказалъ Капитонъ Васильевичъ.

— Знаемъ! Въ Парижѣ намъ въ эту яичницу улитокъ зажарили. Да еще хорошо, что яичница-то, кромѣ того, была и незажаренными улитками въ раковинахъ обложена, такъ мы догадались.

— Что вы, помилуйте, да это простая яичница съ ветчиной. Видите, красная копченая ветчина въ ней,—пробовалъ разъубѣдить Конурина Капитонъ Васильевичъ.

— А кто поручится, что это не копченая лягушка? Нѣтъ, ужъ я теперь далъ себѣ слово заграницей никакой смѣси не ѣсть.

— И я не буду ѣсть,—отрицательно покачала головой Глафира Семеновна, сдѣлавъ гримасу.

Ѣли только Николай Ивановичъ и Капитонъ Васильевичъ.

— Вѣдь это ты на зло мнѣ ѣшь, Николай Иванычъ,—сказала ему жена.

— Зачѣмъ на зло? Просто изъ-за того, чтобы цивилизаціи подражать. Заграницей, такъ ужъ надо все ѣсть.

Вторымъ блюдомъ была подана рыба подъ соусомъ. Глафира Семеновна опять сдѣлала гримасу и не прикоснулась къ рыбѣ. Не прикоснулся и Конуринъ, сказавъ:

— Кусочки и подъ соусомъ. Не видать, что ѣшь.

Кто ее вѣдаетъ, можетъ быть это акула, такая-же акула, какъ давеча на берегу показывали.

— Да полноте вамъ... Это тюрбо... Самая хорошая рыба, уговаривалъ ихъ Капитонъ Васильевичъ, но тщетно.

— Нѣтъ, нѣтъ, не буду я ѣсть. Водки я съ вами выпью, но закушу булкой, сказалъ Конуринъ.

— А хоть-бы и на самомъ дѣлѣ акула? проговорилъ Николай Ивановичъ.—Я изъ-за заграничной цивилизаціи готовъ даже и кусокъ акулы съѣсть, коли здѣсь всѣ ее ѣдятъ.

И онъ придвинулъ къ себѣ блюдо.

Кончилось тѣмъ, что Глафира Семеновна и Конуринъ ѣли за завтракомъ только ростбифъ, сыръ и фрукты. Конуринъ, раскраснѣвшійся отъ выпитой водки, говорилъ:

— Только апетитъ себѣ разбередилъ, а сытости никакой. А ужъ съ какимъ-бы я удовольствіемъ теперь порцію московской селянки на сковородкѣ съѣлъ, такъ просто на удивленіе! Хороша Ницца, да не совсѣмъ. Вотъ ежели-бы къ водкѣ и селянка была—дѣло другое. Нѣтъ, пожалуй, не стоитъ и запоминать, что есть такой городъ—Ницца.

— Забудь ее, забудь, говорилъ ему Николай Ивановичъ.

Компанія смѣялась.

X.

Выпивъ рюмокъ по пяти русской водки и по бутылкѣ вина, мужчины раскраснѣлись, развеселились и, шумно разговаривая, начали уходить изъ ресторана.

— Почемъ за водку взяли? спрашивала Глафира Семеновна.

— По французскому четвертаку за рюмку, отвѣчалъ Конуринъ.—Вотъ оно, какъ нашу родную, россійскую водочку здѣсь цѣнятъ.

— Стоитъ пить! Вѣдь это, ежели на наши русскія деньги, то по сорокъ копѣекъ. А между тѣмъ здѣсь хорошій коньякъ по двадцати пяти сантимовъ за рюмку продается.

— Коньякъ или простая русская водка, барынька! Передъ ѣдой ежели, то лучше нашей очищенной никакого хмѣльнаго товара не сыщешь.

— Да вѣдь вы рубля на два каждый, стало-быть, водки-то выпили! Вотъ тоже охота!

— Эхъ, гдѣ наше не пропадало! махнулъ рукой Конуринъ.—За то нашу матушку Русь вспомянули. Да и что тутъ считать! Считать не хорошо. Черезъ это, говорятъ, люди сохнутъ.

Проходя по залу, они замѣтили разставленные столы и группировавшуюся около нихъ публику.

— Это что такое смотрятъ? Ужъ опять какого-нибудь звѣря не показываютъ-ли? спросилъ Николай Ивановичъ Капитона Васильевича.

— А вотъ тутъ для васъ можетъ быть интересно, ежели хотите попытать счастья. Тутъ игра въ лошадки и въ желѣзную дорогу.

— Какъ игра въ лошадки? воскликнулъ Конуринъ.

— Очень просто. По здѣшнему это называется „ренъ", скачки, ну, а наши русскіе зовутъ игрой въ лошадки. Да вотъ посмотрите. Два франка поставишь—четырнадцать можешь взять.

— Рулетка? спросили всѣ вдругъ—Конуринъ и супруги Ивановы.

— Нѣтъ, не рулетка, настоящая рулетка въ Монте-Карло, а здѣсь на манеръ этого. Тоже для того устроено, чтобы съ публики деньги выгребать. На лошадкахъ пріѣзжіе обыкновенно пріучаются къ настоящей рулеткѣ, ну, а потомъ на ней же и кончаютъ, когда въ рулетку профершпилятся. Въ рулеткѣ меньше пяти франковъ ставки нѣтъ, а здѣсь въ игрѣ въ лошадки два франка ставка, а въ желѣзную дорогу, такъ даже и послѣдній франкъ принимаютъ. Клади и будь счастливъ, кромѣ осетра и стерляди, разсказывалъ Капитонъ Васильевичъ, подводя къ столу.

На кругломъ зеленомъ столѣ, огороженномъ перилами, вертѣлись восемь металлическихъ лошадокъ съ такими-же жокеями, прикрѣпленныя къ стержню посрединѣ, и приводились въ движеніе особымъ механизмомъ. Механизмъ каждый разъ заводилъ находившійся при столѣ крупье съ закрученными усами. Другой крупье, гладкобритый и съ краснымъ носомъ, обхо-

дилъ съ чашечкой стоящую вокругъ публику и продавалъ билеты съ номерами лошадей и взималъ по два франка съ каждаго взявшаго билетъ.

— Вотъ такъ штука! произнесъ Конуринъ.—Какъже тутъ играютъ-то?

— А вотъ берите сейчасъ билетъ за два франка, тогда узнаете, отвѣчалъ Капитонъ Васильевичъ.

— Что-же, можно попробовать. Будто-бы на два франка двѣ рюмки очищенной проглотилъ. Эй, мусью! Сюда билетъ. Вотъ два четвертака!

Крупье съ краснымъ носомъ принялъ отъ Конурина въ чашечку два франка и далъ ему билетъ.

— Четвертый номеръ, сказалъ Конуринъ, развертывая билетъ.—Это что-же, землякъ, обозначаетъ?

— А вотъ сейчасъ завертятъ машину, побѣгутъ лошадки и ежели лошадка подъ номеромъ четвертымъ остановится, опередивши всѣхъ остальныхъ, то вы четырнадцать франковъ выиграете, отвѣчалъ Капитонъ Васильевичъ.

Механизмъ заведенъ. Лошадки побѣжали, обгоняя одна другую. Конуринъ и супруги Ивановы внимательно слѣдили за бѣгомъ. Вотъ лошадки остановились.

— Sept!—воскликнулъ усатый крупье.

— Это что-же обозначаетъ? задалъ вопросъ Конуринъ Капитону Васильевичу.

— Седьмой номеръ выигралъ. Лошадь подъ номеромъ седьмымъ первая пришла.

— А я?

— А вы проиграли съ своимъ четвертымъ номеромъ.

Конуринъ сдѣлалъ гримасу и привсталъ.

— Вотъ тебѣ и здравствуй! На два французскихъ четвертака ужъ умыли купца, проговорилъ онъ.—Что-же теперь дѣлать?

— Отходить прочь или вынимать еще два франка и отыгрываться.

— Надо попробовать отыграться. Была не была. Будто четыре рюмки водки выпилъ. Вотъ еще два франка. Мусью! Какъ васъ? Эй, красный носъ! Давай сюда еще билетъ! поманилъ къ себѣ Конуринъ крупье съ краснымъ носомъ.

Лошадки опять забѣгали и остановились.

— Quatre! объявилъ опять усатый крупье.

— Четвертый номеръ выигралъ, перевелъ Капитонъ Васильевичъ.—А у васъ, землякъ, какой номеръ?

— Фу, ты, чтобъ тебѣ провалиться! А у меня пятый. На четыре четвертака умылъ купца. Надо еще попробовать. Не пропадать-же моимъ четыремъ четвертакамъ. Красный носъ! Комензи... Еще билетъ.

Конуринъ проигралъ и въ этотъ разъ.

— Что-жъ это такое! Опять проигрышъ! восклицалъ онъ.—На шесть четвертаковъ ужъ мнѣ полушубокъ вычистили. Ловко! Нѣтъ, такъ нельзя оставить. Надо отыгрываться. Весь полкъ переморю, а добьюсь, что за болѣзнь! Билетъ, мусью! Поварачивайся. Да нельзя-ли размѣнять золотой.

— А вотъ та дама съ чолкой на лбу два раза подъ-рядъ по четырнадцати франковъ выиграла, указала ему Глафира Семеновна.—Вотъ счастье-то!

— Что мнѣ за дѣло до дамы съ челкой, матуш-

ка.—Я знаю, что вотъ меня, не пито не ѣдено, ужъ на шесть четвертаковъ намазали.

Снова забѣгали лошадки и остановились.

— Ну, что?—бросилась Глафира Семеновна къ Конурину, стоявшему съ развернутымъ билетомъ и смотрѣвшему на свой номеръ.

Въ отвѣтъ тотъ плюнулъ.

— Тьфу ты пропасть! У меня третій номеръ, а выигрываетъ второй. Восьми четвертаковъ ужъ нѣтъ. Но нельзя отставать. Не бросать-же имъ зря деньги. Мусью! Гебензи!

— Да что вы по-нѣмецки-то! Здѣсь вѣдь французы.

— Пойметъ. На свинячьемъ пойметъ, коли видитъ, что деньги можно взять.

Опять проигрышъ.

— Ну, что-жъ это такое! Маленькаго золотаго ужъ не досчитываюсь!—восклицалъ Конуринъ.—Неужто до большаго золотаго добивать?

— Давайте, землякъ, пополамъ ставить. Вы франкъ и я франкъ. Авось, на два счастья лучше будетъ,— предложилъ ему Капитонъ Васильевичъ.

— Ходитъ. Вотъ франкъ. Но все-таки я для себя и отдѣльный билетъ возьму.

— А дамамъ положительно счастье, — говорила Глафира Семеновна.—Вотъ сейчасъ и другая дама взяла четырнадцать франковъ. На два франка четырнадцать франковъ, что-жъ, вѣдь это двѣнадцать франковъ барыша. Это совсѣмъ хорошо. Я, Николай Иванычъ, тоже хочу попробовать сыграть, ежели здѣсь такое счастье дамамъ. А трудности въ игрѣ вѣдь тутъ никакой. Дай-ка мнѣ нѣсколько франковъ.

— Вотъ тебѣ франковый пятакъ.

И Николай Ивановичъ подалъ женѣ серебряную пятифранковую монету.

— Билье! Доне муа ле билье!—кричала крупье Глафира Семеновна.

Билетъ взятъ. Лошадки завертѣлись. Глафира Семеновна проиграла. Поодаль отъ нея чертыхался Конуринъ. Онъ тоже проигралъ.

— Нѣтъ, здѣсь положитеиьно подсадка! говорилъ онъ.—Дама выиграла! Дама! А почемъ я знаю, какая это дама? Можетъ быть это дама своя, подсаженная. Да подсаженная и есть. Вонъ она перемигивается съ краснымъ носомъ, который билеты продаетъ.

Игра продолжалась. Къ выданнымъ ей пяти франкамъ Глафира Семеновна взяла уже у мужа еще франкъ на билетъ.

— Вѣдь вотъ что удивительно! Какъ только я начала играть—сейчасъ мужчины стали выигрывать. Вотъ незадача-то! бормотала она мужу, принимая отъ крупье третій билетъ.

— Положительно здѣсь карманная выгрузка и больше ничего. Просто дураковъ ищутъ, поддакнулъ ей тотъ и прибавилъ:—погоди, вотъ на пробу и я возьму себѣ билетъ. Мусье! Мусье! Анкоръ билье! крикнулъ онъ крупье.

Лошадки завертѣлись и остановились.

— Huit! раздался возгласъ у стола.

Глафира Семеновна глядѣла въ свой развернутый билетъ и вдругъ вскрикнула:

— Выиграла! Выиграла! Николай Иванычъ! Я вы-

играла! Витъ! Восьмой! У меня номеръ восьмой! Опять счастье къ дамамъ перешло!

И она замахала передъ крупье своимъ билетомъ. Крупье подошелъ къ ней и сталъ отсчитывать четырнадцать франковъ.

XI.

— На два золотыхъ выпотрошили! Довольно. У денегъ глазъ нѣтъ. Этакъ продолжать, такъ можно и всю свою требуху проиграть, сказалъ Конуринъ, отходя отъ игры въ лошадки.

— И меня на восемь франковъ намазали, прибавилъ Николай Ивановичъ.—Для перваго раза довольно.

— Для перваго раза! Нѣтъ, ужъ меня больше и калачомъ къ этимъ лошадкамъ не заманишь. Два золотыхъ! Вѣдь это шестнадцать рублей на наши деньги.

— Въ стуколку-же дома больше проигрывалъ.

— Стуколка или лошадки! Какое сравненіе! Тамъ игра основательная, настоящая, а здѣсь какая-то дѣтская забава. Нѣтъ, чортъ съ ней... Пусть ей ни дна, ни покрышки. За вами, землякъ, двѣнадцать франковъ. Вы двѣнадцать разъ со мною въ долю шли, обратился Конуринъ къ Капитону Васильевичу.

— Съ удовольствіемъ-бы сейчасъ отдалъ, но, знаете, я сегодня пріѣхалъ сюда безъ денегъ, отвѣчалъ тотъ.— То есть взялъ денегъ только на покупку билетовъ въ

5*

мѣста на завтрашній праздникъ и на проѣздъ по желѣзной дорогѣ. Ужъ вы извините... Я при первой встрѣчѣ отдамъ: и за проигрышъ отдамъ, и за завтракъ отдамъ. Сколько съ меня приходится за завтракъ? Сколько вы заплатили, Николай Иванычъ?

— Завтракъ что! Это ужъ отъ насъ для перваго знакомства. Стоитъ-ли о такихъ пустякахъ разговаривать, отвѣчалъ тотъ.

— Но, позвольте... Дружба дружбой, а табачекъ врознь. Нѣтъ, я вручу вамъ при первомъ свиданіи или, даже еще лучше, привезу въ гостинницу. Вы гдѣ остановились?

— Обидите, ежели привезете. Да я и не приму. Помилуйте, я радъ радешенекъ, что на чужбинѣ съ русскимъ человѣкомъ встрѣтился, и вы вдругъ не хотите моего хлѣба-соли откушать! Бросьте и не вспоминайте объ этомъ.

— Ну, мерси.

— Глаша! А ты что сдѣлала въ лошадки? обратился Николай Ивановичъ къ женѣ.

— Вообрази, я два франка выиграла. Нѣтъ, мнѣ положительно надо играть. Да и вообще я замѣтила, что здѣсь дамамъ счастье. Вѣдь вотъ эта накрашенная съ челкой на лбу куда больше пятидесяти франковъ выиграла. Надо играть, надо. Впрочемъ, вечеромъ мы сюда еще придемъ.

— Вечеромъ идите въ Казино, далъ совѣтъ Капитонъ Васильевичъ.

— А что такое Казино?

— Тоже такое зало, гдѣ играютъ въ лошадки и въ желѣзную дорогу. Кромѣ того, тамъ концертъ, поютъ,

играютъ. Это прелестный зимній садъ Казино... Это недалеко отсюда... Это, гдѣ гостиный дворъ, гдѣ лавки и вы навѣрное уже проходили мимо, когда сюда шли. Можете кого угодно спросить и всякій укажетъ. Запомните: Казино.

— Да нечего и запоминать. Я и такъ знаю. Мы тоже въ Казино были въ Парижѣ на балу и стриженной бумагой бросались. Вотъ, Капитонъ Васильичъ, былъ балъ-то интересный! Балъ въ честь Краснаго носа. Посрединѣ зала висѣлъ красный носъ аршина въ три и вся публика была съ красными носами. А дамы тамъ, во время танцевъ, выше головы ноги задираютъ... разсказывала Глафира Семеновна.

— Знаю, знаю, отвѣчалъ Капитонъ Васильевичъ.— И здѣсь такіе балы бываютъ. А танцы эти – канканъ называются.

— Вотъ, вотъ... Конечно, въ Петербургѣ на эти танцы замужней дамѣ было-бы неприлично и стыдно смотрѣть, потому что, сами знаете, какія это женщины такъ танцуютъ, но здѣсь заграницей кто меня знаетъ? Рѣшительно никто. И кромѣ того, я не одна, я съ мужемъ.

Компанія отошла отъ стола, гдѣ играли въ лошадки.

— Ну-съ, куда-же мы теперь стопы свои направимъ? спрашивалъ Николай Ивановичъ.

— Да вѣдь вы еще не видали втораго стола, гдѣ играютъ въ желѣзную дорогу, отвѣчалъ Капитонъ Васильевичъ. — Та игра куда занятнѣе будетъ. Вонъ столъ стоитъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Ну ее къ лѣшему эту игру! замахалъ руками Конуринъ.—Ужъ и такъ я просолилъ два золо-

тыхъ, а подойдешь ко второму столу, такъ и еще три золотыхъ прибавишь.

— Да вѣдь только посмотрѣть, какъ играютъ.

— Ладно! На эти два золотыхъ, что я здѣсь сейчасъ проигралъ, у меня жена дома могла-бы четыре пуда мороженной судачины себѣ на заливное купить.

— Однако, Иванъ Кондратьевичъ, мы вѣдь затѣмъ и заграницу пріѣхали, чтобы все смотрѣть, что есть любопытнаго, сказала Глафира Семеновна.

— Знаю я это смотрѣніе-то! А подойдешь—сердце не камень.

— Ну, мы вдвоемъ съ Николаемъ Иванычемъ пойдемъ и посмотримъ, а вы не подходите. Пойдемъ, Николай Иванычъ, пойдемте, Капитонъ Васильевичъ.

— Съ удовольствіемъ.

Капитонъ Васильевичъ ловко предложилъ Глафирѣ Семеновнѣ руку и они почти бѣгомъ перебѣжали на другой конецъ залы, гдѣ за зеленымъ столомъ шла игра въ желѣзную дорогу.

— Ужасно сѣрый человѣкъ этотъ вашъ знакомый купецъ... шепнулъ онъ ей про Конурина.—Самое необразованное невѣжество въ немъ. Игру вдругъ съ судачиной сравниваетъ.

— Ужасъ, ужасъ... согласилась съ нимъ та. — Мы его взяли съ собой заграницу и ужъ каемся. Никакъ онъ не можетъ отполироваться. Самый сѣрый купецъ.

— Однако, вы и сами купеческаго званія, какъ вы мнѣ разсказывали, но, ей-ей, давеча я васъ за графиню принялъ. Такъ и думалъ, что какая-нибудь графиня.

— Мерси вамъ, улыбнулась Глафира Семеновна, кокетливо закатила глазки и крѣпко пожала Капитону

Васильевичу руку.—Я совсѣмъ другаго закала, я въ пансіонѣ у мадамъ Затравкиной училась и у меня даже три подруги были генеральскія дочери.

— Вотъ, вотъ... Я гляжу и вижу, что у васъ совсѣмъ другая полировка, барская полировка, дворянская.

Они подошли къ столу. Ихъ нагналъ Николай Ивановичъ. Иванъ Кондратьевичъ хоть и говорилъ, что не пойдетъ смотрѣть, какъ играютъ въ желѣзную дорогу, но очутился тутъ-же. Столъ этотъ былъ длиннѣе и больше. По рединѣ его былъ устроенъ механизмъ, гдѣ по рельсамъ бѣгалъ маленькій желѣзнодорожный поѣздъ съ локомотивомъ и нѣсколькими вагонами. Рельсы составляли кругъ и отъ центра этого круга шли радіусы, внутри которыхъ были надписи: „Парижъ, Петербургъ, Берлинъ, Римъ, Лисабонъ, Лондонъ, Вѣна". Кромѣ того, промежутки радіусовъ были раздѣлены еще на нѣсколько частей, которыя обозначались номерами. По бокамъ круга зеленое сукно было разграфлено на четыреугольники, а въ этихъ четыреугольникахъ были написаны тѣ-же города, что и на кругѣ. Были и четыреугольники съ надписями на французскомъ, разумѣется, языкѣ: „четъ, нечетъ, бѣлая, красная". Въ четыреугольники играющіе и ставили свои ставки. У рельсоваго круга, гдѣ бѣгалъ поѣздъ, сидѣли два крупье: одинъ приводилъ механизмъ поѣзда въ движеніе, другой собиралъ проигранныя ставки и выдавалъ выигравшимъ деньги. Передъ нимъ длинными колбасками лежали сложенныя серебряныя франковыя, двухфранковыя и пятифранковыя монеты.

— Это что за Іуда такой сидитъ со сребренниками?

спросилъ Иванъ Кондратьевичъ надъ самымъ ухомъ Капитона Васильевича.

— А это крупье—кассиръ. Онъ банкъ держитъ.

— Совсѣмъ Іуда. Даже и рожа-то рыжая.

— Эта игра много интереснѣе, разсказывалъ Капитонъ Васильевичъ.—Во-первыхъ, вы здѣсь можете ставить, начиная отъ одного франка.

— Стало-быть, всякое даяніе благо. Все возьмутъ, что дураки поставятъ, пробормоталъ Конуринъ.

— Во-вторыхъ, и ставка разнообразнѣе. Можете ставить на какой вамъ угодно городъ: на Парижъ, на Петербургъ, на Лондонъ, потомъ можете ставить, на перъ или энперъ, то-есть по нашему на чётъ или на нечётъ и, кромѣ того, на красное или на бѣлое.

— Ахъ, это очень интересно! воскликнула Глафира Семеновна.—Николай Иванычъ, ты понялъ? Эта игра много любопытнѣе, чѣмъ игра въ лошадки.

— Надо хорошенько посмотрѣть, матушка, тогда я и дойду до точки, далъ онъ отвѣтъ.

— Faites vos jeux, messieurs et mesdames! воскликнулъ крупье мрачнымъ голосомъ и при этомъ сдѣлалъ самое серьезное лицо.

Въ четыреугольники посыпались франковики, двухъ и пятифранковики.

Другой крупье тронулъ шалнеръ механизма и пустилъ поѣздъ въ ходъ. Поѣздъ забѣгалъ по рельсамъ.

— Постойте, я куда-нибудь франкъ поставлю! проговорила Глафира Семеновна и протянула къ столу руку съ монетой.

Крупье замѣтилъ ея жестъ и, протянувъ лопаточку на длинной палкѣ, чтобы отстранить ставку, закричалъ:

— Rien ne va plus!

— Отчего онъ моей ставки не принимаетъ? удивленно спросила Глафира Семеновна.

— Нельзя теперь. Поѣздъ останавливается. Въ слѣдующій разъ поставите, отвѣчалъ Капитонъ Васильевичъ.

Поѣздъ остановился на Лисабонѣ.

XII.

У ИГОРНАГО стола опять возгласъ крупье:

— Faites votre jeu!..

— Ставьте, ставьте скорѣй!—сказалъ Капитонъ Васильевичъ Глафирѣ Семеновнѣ.

— А на какой городъ мнѣ поставить? спрашивала его та.

— Погодите покуда ставить на городъ. Поставьте сначала на четъ или нечетъ.

— Ну, я на нечетъ. Я одиннадцатаго числа родилась.

Глафира Семеновна бросила франкъ на „impaire“. Поѣздъ на столѣ завертѣлся и остановился.

— Paris, rouge et impaire!—возглашалъ крупье.

— Берите, берите... Вы выиграли,—заговорилъ Капитонъ Васильевичъ.

— Да неужели? Ахъ, какъ это интересно! Николай Ивановичъ, смотри, я съ перваго раза выиграла.

— Цыплятъ, матушка, осенью считаютъ, отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

Крупье бросилъ къ франку Глафиры Семеновны еще франкъ.

— Я хочу поставить два франка,—сказала она Капитону Васильевичу. — Что-жъ, вѣдь ужъ второй франкъ выигранный. Можно?

— Да конечно-же можно.

— Только я теперь на четъ, потому что имянинница я бываю 26-го апрѣля.

— Она передвинула два франка на „paire"—и опять выиграла. Крупье бросилъ ей два франка.

— Николай Иванычъ, я ужъ три франка въ выигрышѣ. Можно теперь на городъ поставить?—обратилась она къ Капитону Васильевичу.

— Ставьте. Теперь можно; но только не больше франка ставьте.

— А на какай городъ?

— А на какой хотите. Поставьте на Петербургъ. Петербургъ давно не выходилъ.

— Отлично. Я въ Петербургѣ родилась. Это моя родина.

— Ну, а другой франкъ поставьте на четъ.

Сказано—сдѣлано. Поѣздъ забѣгалъ по рельсамъ и остановился. Глафира Семеновна проиграла на Петербургъ и выиграла на четъ.

— Въ ничью сыграли. Продолжайте ставить на Петербургъ по франку, совѣтовалъ Капитонъ Васильевичъ:—а на четъ поставьте два франка.

Опять выигрышъ на четъ и проигрышъ на Петербургъ.

— Николай Иванычъ! Я четыре франка выиграла.

— Ставьте, ставьте на Петербургъ, не бойтесь. Поставьте даже два франка, слышался совѣтъ и на этотъ разъ не былъ напраснымъ.

— Pétersbourg!—возгласилъ крупье, управляющій механизмомъ стола.

Другой крупье набросалъ Глафирѣ Семеновнѣ изрядную грудку франковиковъ.

— Николай Иванычъ! Смотри, сколько я выиграла!

— Тьфу ты пропасть! Вѣдь есть-же счастье людямъ!—воскликнулъ Иванъ Кондратьевичъ.

— Ставьте, ставьте скорѣй. Ставьте на Берлинъ,—подталкивалъ Глафиру Семеновну Капитонъ Васильевичъ.

— Ну, на Римъ. Римъ тоже давно не выходилъ.

Поѣздъ забѣгалъ.

— Стой! стой!—закричалъ Конуринъ во все горло, такъ что обратилъ на себя всеобщее вниманіе.—Мусье! Есть тутъ у васъ Пошехонье? На Пошехонскій уѣздъ ставлю!

Онъ протянулъ два франка.

— Rien ne va plus!—послышался отвѣтъ и крупье отстранилъ его руку лопаточкой на длинной палкѣ.

— Землякъ! Чего онъ тыкаетъ палкой? Я хочу на Пошехонскій уѣздъ,—обратился Конуринъ къ Капитону Васильевичу.—Гдѣ Пошехонье?

— Да нѣтъ тутъ такого города и наконецъ уже игра началась.

— Отчего нѣтъ? Обязаны имѣть. Углича нѣтъ-ли?

— Понимаешь ты, здѣсь только европейскіе города, города Европы, пояснилъ ему Николай Ивановичъ.

— Ну, на Европу. Гдѣ тутъ Европа, мусью?

— Да вѣдь ты не хотѣлъ играть, даже къ столу упрямился подходить.

— Чудакъ человѣкъ! За живое взяло. Я говорилъ, что сердце не камень. И наконецъ, выигрываютъ-же люди. Гдѣ тутъ Европа?

— Николай Иванычъ! Я еще четыре франка на нечетъ выиграла! раздавался голосъ Глафиры Семеновны.

— На Европу! кричалъ Конуринъ. — Вотъ три франка!

— Да нѣтъ тутъ Европы. Есть Петербургъ, Москва, Лондонъ, Римъ.

— Римъ? Это гдѣ папа-то римскій живетъ?

— Ну, да. Вотъ Римъ.

— Вали на папу римскую! Папа! Выручай, голубушка! На твое счастье пошло! бормоталъ Конуринъ, когда поѣздъ забѣгалъ по рельсамъ.

— Москва! Я выиграла на Москву! радостно вскрикнула Глафира Семеновна.

Крупье опять придвинулъ къ ней грудку серебра.

Конуринъ чертыхался.

— И папа римская не помогъ! Вотъ игра-то, чортъ ее задави, чтобъ ей ни дна, ни покрышки!

— Нельзя-же, Иванъ Кондратьичъ, съ перваго раза взять. Надо имѣть терпѣніе, сказала ему Глафира Семеновна.

— Вы-же съ перваго раза выиграли. И съ перваго, и съ третьяго, и съ седьмаго...

— Тьфу, тьфу, тьфу! Пожалуйста, не сглазьте. Чего это вы?... Типунъ-бы вамъ на языкъ.

— Землякъ! Нѣтъ-ли здѣсь какого-нибудь мухоѣданскаго города? Я на счастье мухоѣданскаго мурзы-бы поставилъ, коли на папу римскаго не выдрало. Или нѣтъ. Глафира Семеновна на что поставила... На что она, на то и я.

И Конуринъ бросилъ въ тотъ-же четыреугольникъ, гдѣ стояла ея ставка, пятифранковую монету.

— Не смѣйте этого дѣлать! Вы мнѣ мое счастіе испортите! Николай Иванычъ! Сними! Послушайте, вѣдь это-же безобразіе! Вы никакого уваженія къ дамѣ не имѣете! Ну, хорошо! Тогда я переставлю на другой городъ.

Она протянула руку къ своей ставкѣ, но поѣздъ уже остановился.

— Londres! возгласилъ крупье и сталъ пригребать къ себѣ лопаточкой и ставку Глафиры Семеновны и ставку Конурина.

— Вѣдь это-же свинство! Я прямо черезъ него проиграла. Позвольте, развѣ здѣсь дозволяется на чужое счастье ставить? раздраженно бормотала Глафира Семеновна.

Конуринъ чесалъ затылокъ.

— Поставлю въ какой-нибудь турецкій городъ на счастье мухоѣданскаго мурзы, и ежели не выдеретъ— лицомъ не стану даже оборачиваться къ этимъ проклятымъ столамъ, говорилъ онъ.—Какъ турецкій-то городъ называется?

— Константинополь, подсказалъ Николай Ивановичъ.

— Ставлю на Константинополь пятерку.—Мусье! Гдѣ Константинополь?

— Постой. Поставлю и я серебрянный пятакъ. Константинополь!

Николай Ивановичъ кинулъ на столъ пяти франковую монету. Капитонъ Васильевичъ пошарилъ у себя въ жилетномъ карманѣ, ничего не нашелъ и сказалъ Глафирѣ Семеновнѣ:

— Позвольте мнѣ, сударыня, пять франковъ въ займы. Хочу и я на нечетъ поставить. При первомъ свиданіи отдамъ. Или нѣтъ... Дайте лучше для ровнаго счета десять франковъ, просилъ у Глафиры Семеновны Капитонъ Васильевичъ.

Она дала. Играли всѣ, но выиграла только она одна три франка на четъ и, сказавъ „довольно", отошла отъ стола.

— Сколько выиграла? спросилъ ее мужъ.

— Можешь ты думать: восемьдесятъ семь франковъ! Нѣтъ, мнѣ непремѣнно надо играть! Завтра-же поѣдемъ въ Монте-Карло. Я въ рулетку хочу пуститься. Иванъ Кондратьичъ, вы сколько проиграли?

Вмѣсто отвѣта тотъ сердито махнулъ рукой.

— Пропади она пропадомъ эта проклятая игра! выбранился онъ.

XII.

СУПРУГИ Ивановы и Конуринъ можетъ быть еще и дольше играли-бы въ азартныя игры у столовъ, тѣмъ болѣе, что кромѣ испытанныхъ уже ими лошадокъ и желѣзной дороги, имѣлась еще игра въ покатый билліардъ, но Капитонъ Васильевичъ, взглянувъ на часы, заторопился на поѣздъ, чтобы ѣхать домой. Онъ сталъ прощаться.

— Надѣюсь, что еще увидимся... любезно сказала ему Глафира Семеновна.—Мы въ Ниццѣ пробудемъ нѣсколько дней.

— Непремѣнно, непремѣнно. Я пріѣду къ вамъ въ гостинницу. Вѣдь я долженъ вамъ отдать свой долгъ. Я даже познакомлю васъ съ однимъ графомъ. О, это веселый, разбитной человѣкъ!

— Пожалуйста, пожалуйста... Знаете, заграницей вообще такъ пріятно съ русскими... Послушайте, Капитонъ Васильевичъ, да вы сами не графъ? спросила его Глафира Семеновна.

— То есть какъ сказать... улыбнулся онъ.—Меня многіе принимаютъ за графа... Но нѣтъ, я не графъ, хотя у меня очень много знакомыхъ князей и графовъ. И такъ, мое почтеніе... Завтра я не могу быть у васъ, потому что я долженъ быть у посланника.

— Да мы завтра и дома не будемъ... Завтра мы

ѣдемъ въ Монте-Карло. Вѣдь вы говорите, что это такъ не далеко, все равно, что изъ Петербурга въ Павловскъ съѣздить, а я положительно должна и тамъ попробовать играть. Вы видите, какъ мнѣ везетъ. Вѣдь я все-таки порядочно выиграла. Что-жъ, въ Монте-Карло я могу еще больше выиграть. Вы говорите, что въ Монте-Карло игра гораздо выгоднѣе и ужъ ежели повезетъ счастье, то можно много выиграть?

— Но зато можно и проиграть много.

— А вотъ тѣ деньги, что сегодня выиграла, я и проиграю. Теперь я съ запасомъ, теперь я въ сущности ничѣмъ не рискую. Такъ до свиданья. Завтра мы въ Монте-Карло.

— Какъ мы, матушка, можемъ быть завтра въ Монте-Карло, если мы взяли на завтра билеты, чтобъ эту самую драку на бульварѣ смотрѣть, гдѣ цвѣтами швыряться будутъ, вставилъ свое слово Николай Ивановичъ.

— Ахъ, да... И въ самомъ дѣлѣ. Ну, въ Монте-Карло послѣ завтра, отвѣчала Глафира Семеновна.

— Зачѣмъ послѣ завтра? Да вы и завтра, послѣ цвѣточнаго швырянія въ Монте-Карло можете съѣздить, успѣете,—сказалъ Капитонъ Васильевичъ.—Цвѣточное швыряніе начнется въ два часа дня. Ну, часъ вы смотрите на него, а въ четвертомъ часу и отправляйтесь на желѣзную дорогу. Поѣзда ходятъ чуть не каждый часъ. Еще разъ кланяюсь.

Разговаривая такимъ манеромъ, они очутились на бульварѣ. Капитонъ Васильевичъ пожалъ всѣмъ руки, какъ-то особенно томно повелъ глазами передъ Глафирой Семеновной и зашагалъ отъ нихъ.

— Ахъ, какой прекрасный человѣкъ!—сказала Глафира Семеновна, смотря ему въ слѣдъ.—Николай Иванычъ, не правда-ли?

— Да кто-жъ его знаетъ, душечка... Ничего... Такъ себѣ... А чтобы узнать прекрасный-ли онъ человѣкъ, такъ съ нимъ прежде всего нужно пудъ соли съѣсть.

— Ну, ужъ ты наскажешь... Ты всегда такъ... А отчего? Оттого, что ты ревнивецъ. Будто я не замѣтила, какимъ ты на него звѣремъ посмотрѣлъ послѣ того, когда онъ взялъ меня подъ руку и повелъ къ столу, гдѣ играютъ въ поѣзда.

— И не думалъ, и не воображалъ...

— Пожалуйста, пожалуйста... Я очень хорошо замѣтила. И все время на него косился, когда онъ со мной у стола тихо разговаривалъ. Вотъ оттого-то онъ для тебя и не прекрасный человѣкъ.

— Да я ничего и не говорю. Чего ты пристала!

— А эти глупыя поговорки насчетъ соли! Безъ соли онъ прекрасный человѣкъ. И главное, человѣкъ аристократическаго общества. Вы смотрите, какое у него все знакомство! Князья, графы, генералы, посланники. Да и самъ онъ навѣрное при посольствѣ служитъ.

— Ну, будь по твоему, будь по твоему... махнулъ рукой Николай Ивановичъ.

— Нечего мнѣ рукой-то махать! Словно дурѣ... Дескать, будь по твоему... Дура ты... Какъ-бы-то ни было, но аристократъ. Вы посмотрите, какіе у него бакенбарды, какъ отъ него духами пахнетъ.

— Да просто землякъ. Чего тутъ разговаривать! По моему, онъ купецъ, нашъ братъ Исакій, или по коммиссіонерской части. Къ тому-же онъ и сказалъ да-

6

веча: „всякія у меня дѣла есть“. Что-нибудь маклеритъ, что-нибудь купитъ и перепродаетъ.

— И ничего это не обозначаетъ. Вѣдь нынче и аристократы въ торговыя дѣла полѣзли. А все-таки онъ аристократъ. Вы, Иванъ Кондратьичъ, что скажете? обратилась Глафира Семеновна къ мрачно шедшему около нихъ Конурину.

— Гвоздь ему въ затылокъ... послышался отвѣтъ.

— Господи! что за выраженія! Удержитесь хоть сколько нибудь. Вѣдь вы въ Ниццѣ, въ аристократическомъ мѣстѣ. Сами-же слышали давеча, что здѣсь множество русскихъ, а только они не признаются за русскихъ. Вдругъ кто услышитъ!

— И пущай. На свои деньги я сюда пріѣхалъ, а не на чужія. Конечно-же, гвоздь ему въ затылокъ.

— Да за что-же, помилуйте! Любезный человѣкъ, провозился съ нами часа три-четыре, все разсказалъ, объяснилъ...

— А зачѣмъ онъ меня въ эту треклятую игру втравилъ? Вѣдь у меня черезъ него около полутораста французскихъ четвертаковъ изъ-за голенища утекло, да самъ онъ восемнадцать четвертаковъ себѣ у меня выудилъ.

— Втравилъ! Да что вы маленькій, что-ли!

Конуринъ не отвѣчалъ. Они шли по роскошному скверу, поражающему своей разнообразной флорой. Огромныя дерева камелій были усѣяны цвѣтами, желтѣли померанцы и апельсины въ темно-зеленой листвѣ, высились пальмы и латаніи, топырили свои мясистыя листья—рога агавы, въ клумбахъ цвѣли фіал-

ки, тюльпаны и распространяли благоуханіе самыхъ разнообразныхъ колеровъ гіацинты.

— Ахъ, какъ хорошо здѣсь! Ахъ, какая прелесть! восхищалась Глафира Семеновна.—А вы, Иванъ Кондратьевичъ, ни на что это и не смотрите. Неужели васъ все это не удивляетъ, не радуетъ? Въ мартѣ мѣсяцѣ и вдругъ подъ открытымъ небомъ такіе цвѣты! обратилась она къ Конурину, чтобы разсѣять его мрачность.

— Да чего-жъ тутъ радоваться-то! Больше полутораста четвертаковъ истинника въ какой-нибудь часъ здѣсь ухнулъ, да дома прикащики въ лавкахъ, можетъ статься, на столько-же меня помазали. Торжествуютъ теперь, поди, тамъ, что хозяинъ-дуракъ дѣло бросилъ и по заграницамъ мотается, отвѣчалъ Конуринъ.

— Скажите, зачѣмъ вы поѣхали съ нами?

— А зачѣмъ вы сманили и подзудили? Конечно, дуракъ былъ.

Они вышли изъ сквера и очутились на набережной горной рѣки Пальона. Пальонъ быстро катилъ узкимъ потокомъ свои мутныя воды по широкому каменисто-песчаному ложу. Конуринъ заглянулъ черезъ перила и сказалъ:

— Ну, ужъ рѣка! Говорятъ, аристократическій, новомодный городъ, а на какой рѣкѣ стоитъ! Срамъ, не рѣка. Вѣдь это уже нашей Карповки и даже, можно сказать, на манеръ Лиговки. Тьфу!

— Чего же плюетесь? Ужъ кому какую рѣку Богъ далъ, отвѣчала Глафира Семеновна.

— А зачѣмъ же они ее тогда дорогой каменной на-

6*

бережной огородили? Нечего было и огораживать. Не стоитъ она этой набережной.

— Ну, ужъ, Иванъ Кондратьичъ, вамъ все сегодня въ черныхъ краскахъ кажется.

— Въ рыжихъ съ крапинками, матушка, даже, покажется, коли такъ я себя чувствую, что вотъ тѣло мое здѣсь, въ Ниццѣ, ну, а душа-то въ Петербургѣ, на Клинскомъ проспектѣ. Охъ, и вынесла же меня нелегкая сюда заграницу!

— Опять.

— Что опять! Я и не переставалъ. А что-то теперь моя жена, голубушка, дома дѣлаетъ! вздохнулъ Конуринъ и прибавилъ:—Поди теперь чай пьетъ.

— Да что она у васъ такъ ужъ больно часто чай пьетъ? Въ какое-бы время объ ней ни вспомнили—все чай да чай пьетъ.

— Такая ужъ до сего напитка охотница. Она много чаю пьетъ. Какъ скучно—сейчасъ и пьетъ, и пьетъ до того, пока, какъ говорится, паръ изъ-за голенища не пойдетъ. Да и то сказать, куда умнѣе до пара чай у себя дома пить, нежели чѣмъ попусту, зря, по заграницамъ мотаться,—прибавилъ Конуринъ и опять умолкъ.

XIV.

СТУПАЯ шагъ за шагомъ, компанія продолжала путь. Показалось зданіе въ родѣ нашихъ русскихъ гостиныхъ дворовъ съ галлереею магазиновъ. Они вошли на галлерею и пошли мимо магазиновъ съ самыми разнообразными товара-

ми по части дамскихъ модъ, разныхъ бездѣлушекъ, сувенировъ изъ лакированнаго дерева въ видѣ баульчиковъ, бюваровъ, портсигаровъ, портмонэ съ надписями „Nice". Все это чередовалось съ кондитерскими, въ окнахъ которыхъ въ красивыхъ плетеныхъ корзиночкахъ были выставлены засахаренные фрукты, которыми такъ славится Ницца. На всѣхъ товарахъ красовались цифры цѣнъ. У Глафиры Семеновны и глаза разбѣжались.

— Боже, какъ все это дешево!—восклицала она.— Смотри, Николай Ивановичъ, прелестный баульчикъ изъ пальмоваго дерева и всего только три франка. А портмонэ, портмонэ... По полтора франка... Вѣдь это просто даромъ. Непремѣнно надо купить.

— Да на что тебѣ, душечка? Вѣдь ужъ ты въ Парижѣ много всякой дряни накупила,—отвѣчалъ тотъ.

— То въ Парижѣ, а это здѣсь. На что! Странный вопросъ... На память... Я хочу изъ каждаго города что-нибудь на память себѣ купить. Наконецъ, подарить кому-нибудь изъ родни или знакомыхъ. А то придутъ къ намъ въ Петербургѣ люди и нечѣмъ похвастать. Смотри, какой бюваръ изъ дерева и всего только пять франковъ. Вотъ, купи себѣ.

— Да на кой онъ мнѣ шутъ?

— Ну, все равно, я тебѣ куплю. Вѣдь у меня деньги выигрышныя, даромъ достались. И засахаренныхъ фруктовъ надо пару корзиночекъ купить.

— Тоже на память?

— Пожалуйста не острите!—вскинулась на мужа Глафира Семеновна.—Вы знаете, что я этого не терплю. Я не дура, чтобы не понимать, что засахарен-

ные фрукты на память не покупаютъ, но я все-таки хочу корзинку привезти домой, чтобы показать, какъ здѣсь засахариваютъ. Вѣдь цѣлый ананасъ засахаренъ, цѣлый апельсинъ, лимонъ.

И она стала заходить въ магазины покупать всякую ненужую дрянь.

— Больше тридцати двухъ рублей на наши деньги на сваяхъ выиграла, такъ смѣло могу половину истратить,—бормотала она.

— Да вѣдь въ Монте-Карло поѣдешь въ рулетку играть, такъ поберегла-бы деньги-то,—сказалъ Николай Ивановичъ.

— А въ Монте-Карло я еще выиграю. Я ужъ вижу, что моя счастливая звѣзда пришла.

— Не хвались ѣдучи на рать...

— Нѣтъ, нѣтъ, я ужъ знаю свою натуру. Мнѣ ужъ повезетъ, такъ повезетъ. Помнишь, на святкахъ въ Петербургѣ? На второй день Рождества у Парфена Михайлыча на вечеринкѣ я четырнадцать рублей въ стуколку выиграла и всѣ святки выигрывала. И въ Монте-Карло ежели выиграю—половину выигрыша на покупки, такъ ты и знай. А то вдругъ восемьдесятъ франковъ выиграть и жаться!

— И вовсе ты восьмидесяти франковъ не выиграла, потому что я двадцать четыре франка проигралъ.

— А это ужъ въ составъ не входитъ. Вы сами по себѣ, а я сама по себѣ. Иванъ Кондратьичъ, да купите вы что нибудь вашей женѣ на память, обратилась Глафира Семеновна къ Конурину.

— А ну ее! Не стоитъ она этого! махнулъ тотъ рукой.

— За что-же это такъ? Чѣмъ-же она это передъ вами провинилась? То вдругъ все вспоминали съ любовью, а теперь вдругъ...

— А зачѣмъ она не удержала меня въ Петербургѣ. Да наконецъ по вашему-же наущенію купилъ я ей въ Парижѣ кружевную косынку за два золотыхъ.

— То въ Парижѣ, а это въ Ниццѣ. Вотъ ей баульчикъ хорошенькій. Всего только четыре франка... Вынимайте деньги.

Вскорѣ Николай Ивановичъ оказался нагруженнымъ покупками. Вдругъ Глафира Семеновна воскликнула, указывая на вывѣску:

— Батюшки! Restaurant russe! Русскій ресторанъ!

— Да неужели? — удивленно откликнулся Конуринъ. — Стало быть и русскихъ щецъ можно будетъ здѣсь похлебать?

— Этого ужъ не знаю, но „ресторанъ рюссъ" написано.

— Дѣйствительно ресторанъ рюссъ. Это-то ужъ я прочесть умѣю по-французски, подтвердилъ Николай Ивановичъ. — Коли такъ, надо зайти и пообѣдать. Вѣдь ужъ теперь самое время.

Они вошли въ ресторанъ, отдѣланный деревомъ въ готическомъ стилѣ, съ цвѣтными стеклами въ окнахъ и двери, уставленный маленькими дубовыми столиками съ мраморными досками.

Конуринъ озирался по сторонамъ и говорилъ:

— Видъ-то не русскій, а скорѣй нѣмецкій, на нашъ петербургскій лейнеровскій ресторанъ смахиваетъ. Вонъ даже, кажется, и нѣмцы сидятъ за пивомъ.

— Не въ видѣ, братъ, дѣло, а въ ѣдѣ, — отвѣчалъ Ни-

колай Ивановичъ.—Ушки, что-ли, спросимъ похлебать? Здѣсь мѣсто приморское, воды много, стало быть и рыбное есть.

— Нѣтъ, нѣтъ, рыбъ я не стану ѣсть! Богъ знаетъ, какая здѣсь рыба! Еще змѣей какой-нибудь накормятъ,—заговорила Глафира Семеновна.

— Закажемъ нашу русскую рыбу. Ну, стерлядей здѣсь нѣтъ, такъ сига, окуня, ершей...

— Вѣдь ужъ сказали, что будемъ щи есть, такъ на щахъ и остановимся.

Они сѣли за столикъ. Къ нимъ подошелъ гарсонъ съ прилизанной физіономіей и карандашемъ за ухомъ и всталъ въ вопросительную позу.

— Похлебать-бы намъ, почтенный... началъ Конуринъ, обратясь къ нему.

Гарсонъ недоумѣвалъ. Недоумѣвалъ и Конуринъ.

— Неужто по-русски не говорите? спросилъ онъ гарсона.

— Comprend pas, monsieur...

— Не говоритъ по русски... Въ русскомъ ресторанѣ и не говоритъ по русски! Тогда позовите, кто у васъ говоритъ по русски. Мы русскіе и нарочно для этого въ русскій ресторанъ зашли. Не понимаешь? Ай-ай, братъ, мусью, не хорошо! Кличку носите русскую, а научиться по русски не хотите. Теперь и у насъ и у васъ „вивъ ля Франсъ“ въ моду вошло, и „вивъ ля Руси“, такъ обязаны по русски пріучаться. Глафира Семеновна, скажите ему по французски, чтобъ русскаго человѣка привелъ намъ. Что-жъ ему столбомъ-то стоять!

— Доне ну, ки парль рюссъ... сказала Глафира Семеновна.—Гарсонъ, ки парль рюссъ.

— Personne ne parle russe chez nous ici, madame.

— Что онъ говоритъ? спрашивалъ Конуринъ.

— Онъ говоритъ, что никто здѣсь не говоритъ по русски.

— Вотъ тебѣ и русскій ресторанъ! Ну, штука! Русскія-то кушанья все-таки можно получить?

— Манже рюссъ есть? задалъ вопросъ Николай Ивановичъ.—Щи, селянка, уха...

Гарсонъ улыбнулся и отвѣтилъ:

— Oh, non, monsieur...

— Здравствуйте! И щей нѣтъ, и селянки нѣтъ, и ухи нѣтъ. Какой-же это послѣ этого русскій ресторанъ! Глаша! Да переведи ему по французски. Можетъ быть онъ не понимаетъ, что я говорю. Какъ селянка по французски?

— Этому насъ въ пансіонѣ не учили.

— Ну, щи. Про щи-то ужъ навѣрное учили.

— Супъ и щи... Ву заве супъ о шу?

— Apresent non, madame... Pour aujourd'hui nous avons consommé, potage an riz avec des pois.

— Нѣтъ у нихъ щей.

— Фу, ты пропасть! Тогда спроси про уху. Ухи нѣтъ-ли?

— Уха... Про уху мы, кажется, тоже не учили. Ахъ, да... Супъ опуасонъ. Эскеву заве супъ опуасонъ?

Гарсонъ отрицательно потрясъ головой и подалъ карточку обѣда, перечисляя блюда:

— Potage, mayonaise de poisson, poitrine de veau...

— Да не нужно намъ твоей карты! отстранилъ ее

отъ себя Николай Ивановичъ.—Поросенка подъ хрѣномъ хотя нѣтъ-ли? Должно-же въ русскомъ ресторанѣ хоть одно русское блюдо быть. Кошонъ, пети кошонъ...

Гарсонъ улыбался и отрицательно покачивалъ головой.

— Ничего нѣтъ. А заманиваютъ русскимъ ресторaномъ! Черти!

— Неужто и русской водки нѣтъ? спросилъ Конуринъ,

— Vodka russe? Oh, oui, monsieur... встрепенулся гарсонъ и побѣжалъ за водкой...

— Не надо! Не надо! кричалъ ему вслѣдъ Николай Ивановичъ.—Я полагаю, что за обманъ, за то, что они насъ обманули вывѣской, не слѣдъ здѣсь даже и оставаться намъ, отнесся онъ къ женѣ и Конурину.

— Да конечно-же не стоитъ оставаться. Надо учить обманщиковъ—отвѣчалъ Конуринъ и первый поднялся изъ-за стола.

Ивановы сдѣлали тоже самое и направились къ выходу.

XV.

И опять Ивановы и Конуринъ начали бродить мимо магазиновъ, останавливаясь у оконъ и разсматривая товары. Время отъ времени Глафира Семеновна заходила въ магазины и покупала разную ненужную дрянь. Теперь

покупками нагружался ужъ Иванъ Кондратьевичъ, такъ какъ Николай Ивановичъ былъ окончательно нагруженъ. Были куплены фотографіи Ниццы, конфекты—имитація тѣхъ разноцвѣтныхъ мелкихъ камушковъ, которыми усѣянъ берегъ Ниццскаго залива, нѣсколько какихъ-то четокъ изъ необычайно пахучаго дерева, складное дорожное зеркальце, флаконъ съ духами. Николай Ивановичъ морщился.

— Напрасно мы въ русскомъ ресторанѣ не пообѣдали, сказалъ онъ.—Не стоило капризничать изъ-за того, что въ немъ нѣтъ русскихъ блюдъ. Вѣдь все равно никакой русской ѣды мы здѣсь не найдемъ.

— А Капитонъ Васильичъ, между прочимъ, давеча говорилъ, что есть здѣсь какой-то ресторанъ, гдѣ можно русскіе щи, кашу и кулебяку получить, отвѣчала Глафира Семеновна.—Онъ даже названіе ресторана сказалъ, но я забыла.

— Тогда спросите у городоваго. Городовой навѣрное знаетъ, гдѣ такой ресторанъ, предложилъ Конуринъ и прибавилъ:—Пора поѣсть, очень пора. Крѣпко ужъ на ѣду позываетъ.

— Да гдѣ городоваго-то сыщешь! Этотъ городъ, кажется, безъ городовыхъ. Вотъ ужъ сколько времени бродимъ, а я ни одного городоваго не видала.

— Въ самомъ дѣлѣ безъ городовыхъ, поддакнулъ Николай Ивановичъ.—И я не видалъ.

— Ну, какъ-же это возможно, чтобъ городъ былъ безъ городовыхъ! возразилъ Конуринъ.—Просто мы не замѣтили. Нельзя безъ городовыхъ... А вдругъ драка? А вдругъ пьяный?

— Иванъ Кондратьичъ, вы забываете, что здѣсь заграница. Нѣтъ здѣсь пьяныхъ.

— Теперь нѣтъ, но по праздникамъ-то ужъ вѣрно бываютъ... Городовой... Городоваго надо на углу искать, на перекресткѣ. Пойдемте-ка на уголъ. Вонъ уголъ.

Вышли на уголъ, гдѣ перекрещивались улицы, но городоваго и тамъ не было.

— Странно...—сказалъ Конуринъ.—Смотрите, на извощичьей биржѣ нѣтъ-ли городоваго. Вонъ извощики стоятъ.

Прошли къ извощикамъ, но и тамъ не было городоваго.

— Ну, городъ!—проговорилъ Конуринъ.—Какъ-же здѣсь по ночамъ-то? Вѣдь это значитъ, коли ежели кто-нибудь на тебя ночью нападетъ, то сколько хочешь „караулъ" кричи, такъ къ тебѣ никто и не прибѣжитъ. А еще говорятъ цивилизація!

— Да не нападаютъ здѣсь по ночамъ.

— Все равно безъ караула невозможно. Это не порядокъ. Ну, вдругъ я полѣзу въ такое мѣсто, въ которое не приказано ходить? Кто меня остановитъ? Опять-же извощики прохожихъ задѣвать начнутъ или промежъ себя ругаться станутъ.

— А извощики здѣсь полированные. Видите, какіе стоятъ? Вѣдь это извощики. Здѣсь на нихъ даже нѣтъ извощичьей одежды, какъ на парижскихъ извощикахъ. Также одѣты, какъ и вы съ Николаемъ Ивановичемъ: пиджачная пара, шляпа котелкомъ и при часахъ и при цѣпочкѣ.

— Да неужто это извощики? дивился Конуринъ.

— А то кто-же? Видите, при лошадяхъ стоятъ. А то вонъ одинъ на козлахъ сидитъ и въ очкахъ даже.

— Фу, ты пропасть! Я думалъ это такъ кто-нибудь. Въ очкахъ и есть. Что это у него? Газета? Да, газету читаетъ, подлецъ. Батюшки! Да вонъ еще извощикъ даже въ сѣрой клѣтчатой парѣ и въ синемъ галстухѣ.

— И даже въ такомъ галстухѣ, какого и у васъ нѣтъ, поддразнила Глафира Семеновна Конурина.

— Ну, ну, ну... Пожалуйста... Я въ Парижѣ полдюжины галстуховъ себѣ купилъ.

— Вотъ видите, хотя и не обижаюсь, а вы все-таки нукаете на даму, а ужъ я увѣрена, что этотъ извощикъ не станетъ на даму нукать. Стало быть для такихъ полированныхъ извощиковъ не нужно и городовыхъ.

— Да вѣдь я, голубушка, любя понукалъ. Вы не обижайтесь, отвѣчалъ Конуринъ.

— А онъ и любя нукать не станетъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, какіе здѣсь извощики! Отъ барина не отличишь! дивился Николай Ивановичъ.

— Гдѣ отличить! поддакнулъ Конуринъ.—Въ толпѣ толкнешь его невзначай, такъ „пардонъ" скажешь.

— Однако, господа, какъ хотите, а обѣдать надо, сказала Глафира Семеновна.—Я и сама проголодалась. Смотрите, ужъ темнѣетъ. Вѣдь седьмой часъ.

— Да, да... Надо хоть какой нибудь ресторанъ отыскать, подхватили мужчины.

— Тогда сядемъ въ коляску и велимъ насъ везти въ самый лучшій ресторанъ.

— Зачѣмъ же въ самый лучшій? Въ самомъ-то лучшемъ бокъ нашпарятъ, возразилъ Николай Ивановичъ.

— Ахъ ты, Боже мой! Да вѣдь я на сваяхъ больше восьмидесяти франковъ выиграла, такъ чего-же сквалыжничать?

— Да что ты все выиграла, да выиграла! Ты считай, много-ли теперь отъ этихъ восьмидесяти франковъ осталось. Вѣдь ты цѣлый ворохъ покупокъ сдѣлала.

— Ахъ, жадный, жадный! А ты не считаешь, что я тебѣ и Ивану Кондратьичу по всей заграницей переводчицей? Въ Парижѣ жидъ переводчикъ предлагалъ свои услуги—я отказала и вездѣ сама. Жиду-то по пяти франковъ въ день нужно было платить, да поить кормить его, а черезъ меня мы безъ жида обошлись. Коше! обратилась Глафира Семеновна къ извощику.—Ну, шершонъ бонъ ресторанъ. Ву саве? Монтре ну.

— Oh, oui, madame...

Извощикъ, учтиво приподнявъ шляпу, полѣзъ на козлы.

— Садитесь, господа, садитесь... скомандовала Глафира Семеновна мужчинамъ.

Всѣ сѣли въ коляску и поѣхали. Ѣхать пришлось недолго, извощикъ сдѣлалъ два-три поворота, выѣхалъ на Place du Jardin Publique и остановился передъ извѣстнымъ рестораномъ London-House.

XVI.

Ресторанъ London-House былъ самый лучшій и самый дорогой въ Ниццѣ. Приноровленный исключительно къ иностранцамъ, онъ щеголялъ, кромѣ французской кухни, русскими и англійскими блюдами. Русскимъ здѣсь подавали семгу, балыкъ, свѣжую икру, щи, борщъ, кашу, пироги, дѣлали даже ботвинью, хотя кислыя щи, которыми ее разбавляли, походили скорѣй на лимонадъ, чѣмъ на кислыя щи; англичанамъ предлагался кровавый ростбифъ и всевозможныхъ сортовъ пудинги.

Когда супруги Ивановы и Конуринъ усѣлись за столикъ и привычная прислуга услыхала ихъ русскій говоръ, къ нимъ сейчасъ-же подошелъ распорядитель ресторана съ карандашемъ, записной книжкой и во фракѣ, и прямо предложилъ на обѣдъ „tchi, kacha, koulibiaka et ikra russe“. Глафира Семеновна не сразу поняла рѣчь француза и недоумѣвающе посмотрѣла на него, такъ что ему пришлось повторить предложеніе.

— Господа, онъ самъ предлагаетъ намъ щи, кашу и кулебяку... Здѣсь русскія блюда есть, обратилась она къ мужу и Конурину.

— Да неужели?! воскликнулъ Конуринъ.—Во французскомъ-то ресторанѣ?

— Во-первыхъ это не французскій, а англійскій ресторанъ. Вонъ на карточкѣ написано „Лондонъ-Гусъ“, а Лондонъ городъ англійскій. Предлагаетъ... Говоритъ, что и икра есть на закуску... Хотите?

— Да конечно-же! откликнулся Николай Ивановичъ... Англійскій ресторанъ... Молодцы англичане! Никогда я ихъ не любилъ, а теперь уважаю.

— Щей, каши и кулебяки можешь подать, мусью? радостно обратился къ распорядителю Конуринъ и, получивъ отъ него утвердительный отвѣтъ, похлопалъ его по плечу и протянулъ руку, сказавъ:—Мерси, мусью. Тащи, тащи скорѣй все, что у тебя есть по русской части! Водка рюссъ тоже есть?

— Mais oui, monsieur.

— Ловко! Еще разъ руку!

Распорядитель сдѣлалъ знакъ гарсону и тотъ засуетился, уставляя столъ приборами.

Была подана бутылка водки въ холодильникѣ со льдомъ, свѣжая икра также во льду, семга; затѣмъ слѣдовали кислыя щи, правда, приправленныя уксусомъ, но все-таки щи, каша и добрый кусокъ разогрѣтой кулебяки, смахивающей, впрочемъ, на паштетъ. Ивановъ и Конуринъ жадно набросились на ѣду.

— Вотъ ужъ не ждали и не гадали, а на русскія блюда попали! говорилъ Конуринъ.—Молодецъ извощикъ, что въ такое мѣсто привезъ! И вѣдь странное дѣло: заходили въ русскій ресторанъ и ничего русскаго не нашли, а тутъ попали въ англійскій — и чего хочешь, того просишь.

— Смотрите, даже черный хлѣбъ подали, указывала Глафира Семеновна.

Николай Ивановичъ попробовалъ хлѣбъ и сказалъ:

— Ну, какой это черный! На пряникъ смахиваетъ.

— Однако, нигдѣ заграницей мы и такого не видали.

Распорядитель ресторана то и дѣло подходилъ къ нимъ и предлагалъ еще русскія блюда. Глафира Семеновна переводила.

— Онъ говоритъ, что здѣсь въ ресторанѣ даже блины съ икрой можно получить, но надо только заранѣе заказать,—сказала она.

— Блины съ икрой? Ловко! Зайдемъ, зайдемъ... Непремѣнно зайдемъ въ слѣдующій разъ, отвѣчали мужчины.

— Et botvigne russe, monsieur...

— Ботвинья? Завтра-же будемъ на этомъ мѣстѣ ботвинью хлебать. Ахъ, англичане, англичане. Распотѣшили купцовъ! Ловко распотѣшили, лягушка ихъ забодай! — бормоталъ Конуринъ. — Не зналъ я, что англичане такое сословіе. И вино красное какое здѣсь хорошее, съ духами...

— А это ужъ здѣсь въ ресторанѣ сами по своему выбору поставили. Я сказала только бонъ вэнъ, чтобъ было хорошее вино,—отвѣчала Глафира Семеновна.

— Шато-Марго. Ну, что-жъ, я думаю, что мы не зашатаемся и не заморгаемъ, ежели еще третью бутылочку спросимъ, — сказалъ Николай Ивановичъ. — Надо Лондонъ-Гусъ поддержать.

— Вали! Я радъ, что до русской-то ѣды дорвался,— откликнулся Конуринъ. — Правда, она все-таки на французскій манеръ, но и за это спасибо.

Николай Ивановичъ и Конуринъ, попивая красное вино, буквально ликовали; но при разсчетѣ вдругъ наступило разочарованіе. Когда Глафира Семеновна спросила счетъ, то онъ оказался самымъ аптекарскимъ счетомъ по своимъ страшнымъ цѣнамъ.

Счетъ составлялъ восемьдесятъ слишкомъ франковъ. Даже за черный хлѣбъ было поставлено пять франковъ.

— Фю, фю, фю! просвисталъ Конуринъ. — Вѣдь это, стало-быть, тридцать пять рублей на наши деньги съ насъ. За три русскія блюда съ икоркой на закуску тридцать пять рублей! Дорогонько, однако, русское-то здѣсь цѣнятъ! Да вѣдь это дороже даже нашего петербургскаго Кюбы, а тотъ ужъ на что шкуродеръ. Ловко, господа англичане! А я еще англійское сословіе хвалилъ, хотѣлъ ему „вивъ англичанъ" крикнуть. По двѣнадцати рублей на носъ прообѣдали, ни жаркого, ни сладкаго не ѣвши.

— Я апельсинъ и порцію мороженнаго съѣла, отвѣчала Глафира Семеновна.

— Да что апельсинъ! Здѣсь, вѣдь, апельсины-то дешевле пареной рѣпы. Нѣтъ, сюда ужъ меня развѣ только собаками затравятъ, такъ я забѣгу, нужды нѣтъ, что тутъ блины и ботвинью предлагаютъ. За блины, да за ботвинью они, пожалуй, столько слупятъ, что послѣ этого домой-то въ славный городъ Петербургъ пѣшкомъ придется идти.

— За вино по двѣнадцати франковъ за бутылку взяли, говорилъ Николай Ивановичъ, просматривая счетъ.

— Да неужели? Ахъ, муха ихъ забодай! Положимъ, вино отмѣнное, одно слово—шаль, но цѣна-то разбойничья. Въ Парижѣ мы по два франка за бутылку пили—и въ лучшемъ видѣ...

— Ну, а здѣсь я заказала самаго лучшаго и сказала,

чтобъ онъ этотъ самый человѣкъ ужъ на свою совѣсть подалъ,—отвѣчала Глафира Семеновна.

— А онъ ужъ и обрадовался? Короткая-же у него совѣсть, тараканъ ему во щи.

— Удивляюсь я на васъ, право, Иванъ Кондратьичъ, — сказала Глафира Семеновна. — Хотите, чтобъ заграницей ваши прихоти исполняли и не хотите за нихъ платить. Не требовали-бы русскихъ блюдъ.

— Какъ не хочу платить? Платить надо. Безъ этого нельзя. Не заплати-ка—въ участокъ стащутъ.

— Такъ зачѣмъ-же не поругаться за свои деньги? Коли ты съ меня семь шкуръ дерешь, то дай мнѣ и надъ тобой потѣшиться и душу отвести.

— Не слѣдовало только вино-то вотъ на его выборъ предоставлять, — сказалъ Николай Ивановичъ.—Давеча за завтракомъ на сваяхъ мы въ лучшемъ видѣ вино за три франка пили.

— Ахъ, Боже мой! И вѣчно вы съ попреками!—воскликнула Глафира Семеновна.—Ну, хорошо, давеча я выиграла и вино на выигрышный счетъ принимаю.

— Поди ты... Ты прежде посчитай много-ли у тебя отъ выигрыша-то осталось. Выигрышные-то деньги ты всѣ въ магазинахъ за портмонэ да баулы оставила. Гарсонъ! Прене...

Николай Ивановичъ вынулъ кошелекъ и принялся отсчитывать золото за обѣдъ.

— Сколько человѣку-то на чай дать? отнесся онъ къ Конурину.—Хоть и нажгли намъ здѣсь бокъ, но нельзя-же свою русскую славу попортить и какой-

7*

нибудь французскій четвертакъ на чай дать. Знаютъ, что мы русскіе.

— Да дай два четвертака.

— Что ты, что ты! Я думаю, что и пять-то мало. Вѣдь лакей чуть не колесомъ вертѣлся, когда узналъ, что русскіе пришли. Вонъ онъ какъ глядитъ! Физіономія самая масляная. Одинъ капуль на лбу чего стоитъ! Тутъ счетъ восемьдесятъ три франка съ половиной... Дамъ я ему четыре золотыхъ большихъ и одинъ маленькій и пусть онъ беретъ себѣ шесть съ половиной франковъ на чай. Русскіе вѣдь мы... Неловко меньше. Русскіе заграницей на особомъ положеніи и ужъ славятся тѣмъ, что хорошо даютъ на чай. Ходитъ, Иванъ Кондратьичъ, что-ли?

— Вали! Гдѣ наше не пропадало! махнулъ рукой Конуринъ.

Николай Ивановичъ бросилъ гарсону на тарелку девяносто франковъ и сказалъ:

— А сдачу прене пуръ буаръ.

XVII.

ИЗЪ ресторана супруги Ивановы и Конуринъ поѣхали домой, въ гостинницу, оставили тамъ свои покупки, сдѣланныя въ магазинахъ передъ обѣдомъ, снова вышли и отправились отыскивать концертный залъ Казино, на который имъ указывалъ утромъ Капитонъ Васильевичъ, какъ на мѣсто, гдѣ можно не скучно провести время.

Конуринъ было отказывался идти съ Ивановыми въ Казино, говоря, что онъ лучше завалится спать, такъ какъ совсѣмъ почти не спалъ ночь, но Глафира Семеновна уговорила его идти.

— Помилуйте, кто-же это спитъ заграницей послѣ обѣда! Нужно идти и осматривать достопримѣчательности города, сказала она ему.

— Знаю я эти достопримѣчательности-то! Землякъ сказывалъ, что тамъ опять игра въ эти самыя дурацкія карусели. Неужто опять по утреннему карманъ на выгрузку предоставить?

— Странное дѣло... Можете и не играть.

— Не играть! Человѣкъ слабъ. Запрятать развѣ куда-нибудь подальше кошелекъ?

— Да давайте мнѣ вашъ кошелекъ, предложила Глафира Семеновна.

— И то возьмите, согласился Конуринъ и, передавъ свой кошелекъ, отправился вмѣстѣ съ Ивановыми.

Царила тихая звѣздная ночь, когда они шли по плохо освѣщеннымъ улицамъ. Въ Ниццѣ рано кончаютъ магазинную торговлю, магазины были уже заперты и газъ въ окнахъ ихъ, составляющій главное подспорье къ городскому уличному освѣщенію, былъ уже потушенъ. Прохожихъ встрѣчалось очень мало. Публика была въ это время сосредоточена въ театрахъ и въ концертно-игорныхъ залахъ. На морѣ съ балконовъ зданія Jetté Promenade пускали фейерверкъ. Трещали шлаги и взвивались ракеты, разсыпаясь разноцвѣтными огнями по темно-синему небу. Оттуда-же доносились и звуки оркестра. Ивановы и Конуринъ остановились и стали любоваться фейерверкомъ.

— Вишь, какъ дураковъ-то заманиваютъ на игорную мельницу! Фейерверкъ пущаютъ для приманки. „Комензи, господа, несите свои потроха, отберемъ въ лучшемъ видѣ", говорилъ Конуринъ. — Нѣтъ, мусьи, издали посмотримъ, а ужъ къ вамъ не пойдемъ.

— Надо опять къ Гостинному двору направляться. Капитонъ Васильичъ говорилъ, что тамъ этотъ самый Казино помѣщается, сказала Глафира Семеновна и повела за собою мужчинъ.

Входъ въ Казино блисталъ газомъ, а потому, приблизясь къ „Гостиному двору", залъ этотъ уже не трудно было найти. Около входа толпились продавцы фруктовъ, тростей, альбомовъ съ видами Ниццы, цвѣточныхъ бутоньерокъ и такъ просто уличные мальчишки. Мальчишки свистали и пѣли. Одинъ даже довольно удачно выводилъ голосомъ арію Тореодора изъ Карменъ. Нѣкоторые, сидя на корточкахъ, играли въ камушки на мѣдныя деньги.

— Смотри, Иванъ Кондратьичъ. Даже маленькіе паршивцы и тѣ въ деньги играютъ. Вотъ она Ницца-то! Совсѣмъ игорный домъ, указалъ Николай Ивановичъ Конурину.

Заплативъ за входъ по два франка, Ивановы и Конуринъ вошли въ залъ Казино, освѣщенный электричествомъ. Это былъ громадный зимній садъ съ роскошными пальмами, латаніями, лѣзущими къ стеклянному потолку. По стѣнамъ плющъ и другія вьющіяся растенія; въ газонахъ пестрѣли и распространяли благоуханіе цвѣты въ корзинкахъ. Садъ былъ уставленъ маленькими столиками, за которыми сидѣла публика, пила лимонадъ, содовую воду съ коньякомъ, марсалу и

слушала стройный мужской хоръ, пѣвшій на эстрадѣ, украшенной тропическими растеніями. Бросались въ глаза разряженныя кокотки въ шляпкахъ съ невозможно выгнутыми и загнутыми широкими полями, съ горой цвѣтовъ и перьевъ, выдѣлялись англичане во всемъ бѣломъ, начиная отъ ботинокъ до шляпы; тощіе, длинные, какъ хлысты, съ оскаленными зубами и съ расчесанными бакенбардами въ видѣ рыбьихъ плавательныхъ перьевъ. Въ двухъ-трехъ мѣстахъ, гдѣ пили коньякъ за столиками, Ивановы и Конуринъ услыхали русскую рѣчь.

— Русскіе... улыбалась Глафира Семеновна.—Правда Капитонъ Васильичъ сказывалъ, что здѣсь въ Ниццѣ русскихъ много. И замѣчательно... прибавила она:— Какъ русскіе, такъ коньякъ пьютъ, а ни что либо другое.

— Да что-жъ православному-то человѣку на гуляньѣ попусту лимонадиться! Отъ лимонаду ни веселья, ничего... Такъ и будешь ходить муміей египетской, отвѣчалъ Конуринъ.—Я думаю даже ужъ и мнѣ съ вашимъ супругомъ садануть по парѣ коньяковыхъ собачекъ.

— Ну, вотъ... Дайте хоть садъ-то путемъ обойти и настоящимъ манеромъ публику осмотрѣть. Здѣсь на дамахъ наряды хорошіе есть. Ахъ, вотъ гдѣ играютъ-то... заглянула она въ боковую комнату. — И сколько публики!

Въ залитыхъ газомъ галлереяхъ, раздѣленныхъ на отдѣленія, и прилегающихъ къ саду, дѣйствительно шла жаркая игра. Около столовъ съ вертящимися поѣздами желѣзной дороги и лошадками толпилась масса публики и то и дѣло слышались возгласы крупье: „Faites votre jeu, messieurs“ и „rien ne va plus“.

— Николай Иванычъ, ты ужъ тамъ какъ хочешь, а я рискну на маленькій золотой, сказала Глафира Семеновна. — Надо пользоваться своимъ счастьемъ. Утромъ выиграла, такъ вѣдь можно и вечеромъ выиграть.

— Да полно, брось...

— Нѣтъ, нѣтъ. И пожалуйста не отговаривай. Вѣдь въ сущности, ежели я маленькій золотой и проиграю, то это будетъ изъ утренняго выигрыша, стало быть особенно жалѣть нечего.

— Носится она съ утрешнимъ выигрышемъ, какъ курица съ яйцомъ! Вѣдь свой утрешній выигрышъ ты въ магазинахъ на разныя бирюльки просѣяла.

— Нѣтъ, нѣтъ, у меня еще остались выигрышныя деньги. Батюшки! Да сколько здѣсь игорныхъ столовъ-то! Здѣсь куда больше столовъ, чѣмъ тамъ на сваяхъ, гдѣ мы утромъ играли. Вотъ ужъ я больше пяти столовъ видѣла. Разъ, два, три... пять... шесть... Вы вотъ что... чтобы вамъ здѣсь не мотаться около меня, вы идите съ Иваномъ Кондратьичемъ и выпейте коньяку. Въ самомъ дѣлѣ, вамъ скучно, горло не промочивши. А я здѣсь останусь. Коньяку-то ужъ вы себѣ одни сумѣете спросить.

— Еще-бы... Хмельныя слова я отлично знаю по французски... похвастался Николай Ивановичъ.—Мнѣ трудно насчетъ чего-нибудь другого спросить, а что насчетъ выпивки я въ лучшемъ видѣ. Только ты, Глаша, смотри не зарвись... Не больше маленькаго золотого.

— Нѣтъ, нѣтъ. Какъ золотой проиграю—довольно.

— Ну, то-то. Пойдемъ, Иванъ Кондратьичъ, хватимъ по чапорушечкѣ.

Супруги разстались. Глафира Семеновна осталась у игорнаго стола, а Николай Ивановичъ и Конуринъ отправились спросить себѣ коньяку.

Спустя часъ Николай Ивановичъ пришелъ къ тому игорному столу, гдѣ оставилъ Глафиру Семеновну, и не нашелъ ее. Онъ сталъ ее искать у другихъ столовъ и увидалъ блѣдную, съ потнымъ лицомъ. Она азартно ставила ставки. Парижская причудливая громадная шляпка ея сбилась у ней на затылокъ и изъ подъ нея выбились на лобъ пряди смокшихъ отъ поту волосъ. Завидя мужа, она вздрогнула, обернулась къ нему лицомъ и, кусая запекшіяся губы, слезливо заморгала глазами.

— Вообрази, я больше двухсотъ франковъ проиграла...—выговорила она наконецъ.

— Да что ты!

— Проиграла. Нѣтъ, здѣсь мошенничество, положительно мошенничество! Я два раза выиграла на Лисабонъ, должна была получить деньги, а крупье заспорилъ и не отдалъ мнѣ денегъ. Потомъ опять выиграла на Лондонъ, но подсунулся какой-то плюгавый старичишка съ козлиной бородкой, сталъ увѣрять меня, что это онъ выигралъ, а не я, загребъ деньги и убѣжалъ. Вѣдь это-же свинство, Николай Иванычъ... Неужто на нихъ, подлецовъ, некому пожаловаться? Отнять три выигранные кона! Будь эти выигранныя деньги у меня, я никогда-бы теперь не была въ проигрышѣ двѣсти франковъ, я была-бы при своихъ.

— Но откуда-же ты взяла, душечка, двѣсти франковъ? Вѣдь у тебя и двадцати франковъ отъ утренняго

выигрыша не осталось,—удивлялся Николай Ивановичъ.

— Да Ивана Кондратьича деньги я проиграла. Чортъ меня сунулъ взять давеча у него его кошелекъ на сохраненіе!

— Конурина деньги проиграла?

— Въ томъ-то и дѣло. Вотъ всего только одинъ золотой да большой серебряный пятакъ отъ его денегъ у меня и остались. Надо будетъ отдать ему. Ты ужъ отдай, Коля.

— Ахъ, Глаша, Глаша! — покачалъ головой Николай Ивановичъ.

— Что Глаша! Пожалуйста не попрекай. Мнѣ и самой горько. Но нѣтъ, каково мошенничество! Отнять три выигранные кона! А еще Ницца! А еще аристократическій городъ! А гдѣ-же Конуринъ? спросила вдругъ Глафира Семеновна.

— Вообрази, играетъ. Въ покатый бильярдъ играетъ и никакъ его оттащить отъ стола не могу. Все ставитъ на тринадцатый номеръ, хочетъ добиться на чортову дюжину выигрышъ сорвать и ужъ тоже проигралъ больше двухсотъ франковъ.

— Но гдѣ-же онъ денегъ взялъ? Вѣдь его кошелекъ у меня.

— Билетъ въ пятьсотъ франковъ размѣнялъ. Кошелекъ-то онъ тебѣ свой отдалъ, а вѣдь бумажникъ-то съ банковыми билетами у него остался, отвѣчалъ Николай Ивановичъ и прибавилъ:—Брось игру, наплюй на нее, и пойдемъ оттащимъ отъ стола Конурина, а то онъ ужасъ сколько проиграетъ. Онъ выпивши, поминутно требуетъ коньяку и все увеличиваетъ ставку.

— Но вѣдь должна-же я, Николай Иванычъ, хоть сколько-нибудь отыграться.

— Потомъ попробуешь отыграться. Мы еще придемъ сюда. А теперь нужно Конурина-то пьянаго отъ этого проклятаго покатаго билліарда оттащить. Конуринъ тебя какъ-то слушается, ты имѣешь на него вліяніе.

Глафира Семеновна послушалась и, поправивъ на головѣ шляпку, отошла отъ стола, за которымъ играла. Вмѣстѣ съ мужемъ она отправилась къ Конурину.

XVIII.

Оттащить Конурина отъ игорнаго стола было, однако, не легко и съ помощію Глафиры Семеновны. Когда Ивановы подошли къ нему, онъ уже не стоялъ, а сидѣлъ около стола. Передъ нимъ лежали цѣлыя грудки намѣненнаго серебра. Сзади его, опершись одной рукой на его стулъ, а другой ухарски подбоченясь, стояла разряженная и сильно накрашенная барынька съ черненькимъ пушкомъ на верхней губѣ и въ калабрійской шляпкѣ съ такимъ необычайно громаднымъ плюмажемъ, что плюмажъ этотъ змѣей свѣшивался ей на сшину. Барынька эта распоряжалась деньгами Конурина, учила его дѣлать ставки и хотя она говорила по французски, онъ понималъ и слушался ее.

— Voyons, mon vieu russe... apresent № 3... говорила она гортаннымъ контральтовымъ голосомъ.

— Нумеръ труа? Ладно... Будь по вашему, отвѣчалъ Конуринъ.—Труа, такъ труа.

Шаръ покатаго бильярда летѣлъ въ гору по зеленому сукну и скатывался внизъ. Конуринъ проигралъ.

— C'est domage, ce que nous avons perdu... Mais ne pleurez pas... Mettez encore.

Она взяла у него двѣ серебряныя монеты и швырнула ихъ опять въ лунку номера третьяго. Снова проигрышъ.

— Тьфу ты пропасть! плюнулъ Конуринъ.—Не слѣдовало ставить на тотъ-же номеръ, мадамъ-мамзель. Вали тринадцать... Вали на чертову дюжину... Вѣдь на чертову дюжину давеча взяли два раза.

— Oh non, non... Laissez moi tranquille... ударила она его по плечу и снова бросила ставку на номеръ третій.

— Въ такомъ разѣ хоть выпьемъ, мадамъ-мамзель, грѣшнаго коньячишку еще по одной собачкѣ, для счастья... предлагалъ ей Конуринъ, умильно взглядывая на нее.

— Assez... сдѣлала она отрицательный жестъ рукой.

— Что такое асе? Ну, а я не хочу асе. Я выпью... Прислужающій! Коньякъ... Давай коньяку... поманилъ онъ гарсона, стоящаго тутъ же съ графинчикомъ коньяку и рюмками на тарелкѣ.

Гарсонъ подскочилъ къ нему и налилъ рюмку. Конуринъ выпилъ.

— Perdu... произнесла барынька.

— Опять пердю! О, чтобъ тебѣ ни дна ни покрышки! воскликнулъ Конуринъ.

Въ это время къ нему подошла Глафира Семеновна и сказала:

— Иванъ Кондратьичъ... Бросьте играть... Вѣдь ы, говорятъ, ужасъ сколько проиграли.

— А! Наша питерская мадамъ теперь подъѣхала! роговорилъ Конуринъ, обращаясь къ ней пьянымъ аскраснѣвшимся лицомъ съ воспаленными узенькими лазами. — Постой, постой, матушка... Вотъ съ помощью этой барыньки я уже отыгрываться начинаю. Пятьдесятъ два франка давеча на чертову дюжину мы сорвали. Ну, мамзель-стриказель, теперь катръ... На номеръ катръ... Ставьте своей ручкой, ставьте... обратился онъ къ накрашенной барынькѣ.

— Да бросьте, вамъ говорятъ, Иванъ Кондратьевичъ, — продолжала Глафира Семеновна. — Перемѣните хоть столъ-то... Можетъ быть другой счастливѣе будетъ... А то прилипли къ этому проклятому билліарду... Пойдемте къ столу съ поѣздами.

— Нѣтъ, постой... упрямился Конуринъ.—Вотъ съ этой черномазой мамзелью познакомился и ужъ у меня дѣло на поправку пошло. Выиграли на катръ? Да неужто выиграли?—воскликнулъ онъ вдругъ радостно, когда увидѣлъ, что крупье отсчитывалъ ему грудку серебряныхъ денегъ.—Мерси, мамзель, мерси. Вивъ ля Франсъ тебѣ—вотъ что... Ручку!

И онъ схватилъ француженку за руку и крѣпко потрясъ ее. Она улыбнулась.

— Вотъ что значитъ, что я коньяку-то выпилъ. Постой, погоди... Теперь дѣло на ладъ пойдетъ, бормоталъ онъ.

— А выигралъ на ставку, такъ и уходи... Перемѣни ты хоть столъ-то!.. приступилъ къ нему Нико-

лай Ивановичъ.—Самъ пьянъ... Не вѣдь съ какой крашеной бабенкой связался.

— Французинка... Сама подошла. „Рюссъ"? говоритъ. Я говорю: „рюссъ"... Ну, и обласкала. Хорошая барынька, только вотъ бассомъ какимъ-то говоритъ.

— А ты думаешь, что даромъ она тебя обласкала? Выудить хочетъ твои потроха. Да и выудитъ, ежели уже не выудила еще...

— Нѣтъ, шалишь! Я свою денежную требуху тонко соблюдаю... Труа! На номеръ труа!

— Пойдемте къ другому столу! воскликнула Глафира Семеновна, схватила Конурина за руку и силой начала поднимать его со стула.

— Стой, погоди... Не балуйтесь... упрямился тотъ.— Мамзель, ставь труа.

— Не надо труа. Забирайте ваши деньги и пойдемте къ другому столу.

Глафира Семеновна держала Конурина подъ руку и тащила его отъ стола. Николай Ивановичъ загребалъ его деньги. Француженка сверкнула глазами на Глафиру Семеновну и заговорила что-то по французски, чего Глафира Семеновна не помниала, но по тону рѣчи слышала, что это не были ласковыя слова.

Конуринъ упрямился и не шелъ.

— Долженъ-же я хоть за коньякъ прислужающему заплатить... говорилъ онъ.

— Заплачу... Не безпокойся... сказалъ Николай Ивановичъ!—Гарсонъ комбьенъ?

Гарсонъ объявилъ ужасающее количество рюмокъ выпитаго коньяку. Николай Ивановичъ началъ разсчитываться съ нимъ. Глафира Семеновна все еще

держала Конурина подъ руку и уговаривала его отойти отъ стола.

— Ну, ладно, согласился, наконецъ, тотъ и прибавилъ:—Только пускай и мамзель-стриказель идетъ съ нами.—Мамзель! коммензи!—и онъ махнулъ ей рукой·

— Да вы никакъ съ ума сошли, Иванъ Кондратьевичъ!—возмутилась Глафира Семеновна.—Съ вами замужняя женщина идетъ подъ руку, а вы не вѣдь какую крашеную даму съ собой приглашаете! Это ужъ изъ рукъ вонъ! Пойдемте, пойдемте...

— Э-эхъ! Въ кои-то вѣки пріударилъ за столомъ за французской мадамой, а тутъ... Тьфу! Да она ничего... Она ласковая... Мадамъ! обернулся къ француженкѣ на ходу Конуринъ.

— Не подпущу я ее къ вамъ... Идемте...

Француженка шла сзади и говорила что-то язвительное по адресу Глафиры Семеновны. Наконецъ она подскочила къ Конурину и взяла его съ другой стороны подъ руку. Очевидно, ей очень не хотѣлось разстаться съ намѣченнымъ кавалеромъ.

— Прочь! закричала на нее Глафира Семеновна, грозно сверкнувъ глазами.

Француженка въ свою очередь крикнула на Глафиру Семеновну и, хотя отняла свою руку изъ подъ руки Конурина, но сильно жестикулируя, старалась объяснить что-то по французски.

— Вотъ видите, какая она ласковая-то. Она требуетъ у васъ половину выигрыша. Говоритъ, что пополамъ съ вами играла, перевела Конурину Глафира Семеновна рѣчь француженки.

— Какой къ чорту выигрышъ! Я продулся, какъ

грецкая губка. Во весь вечеръ всего только три ставки взялъ. Нонъ, мадамъ, нонъ... Я проигрался, мамзель... Я въ проигрышѣ... Понимаешь ты, въ проигрышѣ... Я пердю... Совсѣмъ пердю... обратился Конуринъ къ француженкѣ.

Та не отставала и бормотала по французски.

— Увѣряетъ, что пополамъ съ вами играла... переводила Глафира Семеновна.—Вотъ неотвязчивая-то нахалка! Дайте ей что-нибудь, чтобы она отвязалась.

— На чай за ласковость можно что-нибудь дать, а въ половинную долю я ни съ кѣмъ не игралъ.

Онъ остановился и сталъ шарить у себя въ карманахъ, ища денегъ.

— У Николая Иваныча ваши деньги, а не у васъ. Онъ ихъ сгребъ со стола, говорила Конурину Глафира Семеновна.

— Были и у меня въ карманѣ большіе серебряные пятаки.

Онъ нашелъ наконецъ завалившуюся на днѣ кармана пятифранковую монету и сунулъ ее француженкѣ.

— На вотъ... Возьми на чай... Только это на чай... За ласковость на чай... А въ половинную долю я ни съ кѣмъ не игралъ. Переведите ей, матушка, Глафира Семеновна, что это ей на чай...

— А ну ее! Стану я со всякой крашеной дрянью разговаривать!

Француженка, между тѣмъ, получивъ пятифранковую монету, подбросила ее на рукѣ, ядовито улыбнулась и опять заговорила что-то, обращаясь къ Кону-

рину. Взоръ ея на этотъ разъ былъ уже далеко не ласковъ.

— Вотъ нахалка-то! Мало ей... Еще требуетъ... опять перевела Глафира Семеновна Конурину.

— Достаточно, мамзель... Будетъ. Не проси... Сами семерыхъ сбирать послали! махнулъ Конуринъ француженкѣ рукой и пошелъ отъ нея прочь подъ руку съ Глафирой Семеновной.

Онъ шатался на ногахъ. Глафирѣ Семеновнѣ стоило большихъ трудовъ вести его. Вскорѣ ихъ нагналъ Николай Ивановичъ и взялъ Конурина подъ другую руку. Они направились къ выходу изъ зимняго сада. На шествіе это удивленно смотрѣла публика. Въ слѣдъ компаніи нѣсколько разъ раздавалось слово: «les russes».

XIX.

Съ сильной головной болью проснулся Конуринъ на другой день у себя въ номерѣ, припомнилъ обстоятельства вчерашняго вечера и пробормоталъ:

— А и здорово-же я вчера хватилъ этого проклятаго коньячищу! А все Ницца, чтобы ей ни дна, ни покрышки! Такой ужъ должно-быть пьяный городъ. Пьяный и игорный... Сколько я вчера просѣялъ истиннику-то въ эти поганыя вертушки! Въ сущности вѣдь дѣтскія игрушки, дѣтская забава, а подижъ-ты сколько денегъ выгребаютъ! Взрослому-то человѣку на нихъ

по настоящему и смотрѣть не интересно, а не только что играть, а играютъ. А все корысть. Тьфу!

Онъ плюнулъ, всталъ съ постели и принялся считать переданныя ему вчера Николай Ивановичемъ деньги, оставшіяся отъ размѣненнаго вчера пятисотфранковаго билета. Денегъ было триста пятьдесятъ два франка съ мѣдной мелочью.

— Сто сорокъ восемь франковъ посѣялъ въ апельсинной землѣ, продолжалъ онъ.—Да утромъ на сваяхъ такую-же препорцію икры выпустилъ. Ой-ой-ой, вѣдь это триста франковъ почти на апельсинную землю приходится. Триста франковъ, а на наши деньги по курсу сто двадцать рублей. Вотъ она Ницца-то! Въ одинъ день триста французскихъ четвертаковъ увела... А что будетъ дальше-то? Нѣтъ, надо забастовать... Довольно.

Онъ умылся, вылилъ себѣ на голову цѣлый кувшинъ воды, одѣлся, причесалъ голову и бороду и пошелъ стучаться въ номеръ Ивановыхъ, чтобы узнать спятъ они или встали.

— Идите, идите. Мы ужъ чай пьемъ... послышалось изъ-за двери.

— Чай? Да какъ-же это васъ угораздило? удивленно спросилъ Конуринъ, входя въ номеръ. — Вѣдь самовара здѣсь нѣтъ.

— А вотъ ухитрились, отвѣчала Глафира Семеновна, сидѣвшая за чайнымъ столомъ.—Видите, намъ подали мельхіоровый чайникъ и спиртовую лампу. Въ чайникѣ на лампѣ мы вскипятили воду, а самый чай я заварила въ стаканѣ и блюдечкомъ прикрыла вмѣсто крышки. Изъ него и разливаю. Сколько ни гово-

рила я лакею, чтобы онъ подалъ мнѣ два чайника—не подалъ. Чай заварила свой, что мы изъ Петербурга веземъ.

— Отлично, отлично. Такъ давайте-же мнѣ скорѣй стаканчикъ, да покрѣпче. Страсть какъ башка трещитъ со вчерашняго, заговорилъ Конуринъ, присаживаясь къ столу.

— Да, хороши вы были вчера...

— Охъ, ужъ и не говорите! вздохнулъ Конуринъ.— Трепку мнѣ нужно, старому дураку.

— И даму компаньонку себѣ поддѣли. Какъ это вы ее поддѣли?

— Вовсе не поддѣвалъ. Сама поддѣлась, сконфуженно улыбнулся Конуринъ.

Начались разговоры о вчерашнемъ проигрышѣ.

— Нѣтъ, вообразите, я-то, я-то больше двухсотъ франковъ проиграла! говорила Глафира Семеновна.— Взяла у васъ вашъ кошелекъ съ деньгами на храненіе, чтобъ уберечь васъ отъ проигрыша и сама-же ваши деньги проиграла изъ кошелька. Николай Иванычъ сейчасъ вамъ отдастъ за меня деньги.

— Да что говорить, здѣсь игорный вертепъ, отвѣчалъ Конуринъ.

— И какой еще вертепъ! Игорный и грабительскій вертепъ. Мошенники и грабители.

И Глафира Семеновна разсказала, какъ какой-то старичишка присвоилъ себѣ выигрышъ, какъ крупье два раза заспорилъ и не отдалъ ей выигранное.

— Вотъ видите, а вы говорите, что Ницца аристократическое мѣсто, сказалъ Конуринъ.—А только ужъ сегодня на эти игральныя вертушки я и не взгляну.

8*

Довольно. Что изъ себя дурака строить! Взрослый, мужчина во всемъ своемъ степенствѣ и вдругъ въ дѣтскія игрушки играть! Даже срамъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... Сегодня мы идемъ на праздникъ цвѣтовъ. Развѣ вы забыли, что мы взяли билеты, чтобы смотрѣть, какъ на бульварѣ будутъ цвѣтами швыряться?

— Тоже вѣдь въ сущности дѣтская игра, замѣтилъ Николай Ивановичъ.

— Ну, что-жъ, ежели здѣсь такая мода. Съ волками жить, по волчьи выть, отвѣчала Глафира Семеновна. — Эта игра по крайности хоть не раззорительная.

Послышался легкій стукъ въ дверь.

— Антре... крикнулъ Николай Ивановичъ и самодовольно улыбнулся женѣ, что выучилъ это французское слово.

Вошелъ завѣдующій гостинницей французъ съ наполеоновской бородкой и карандашомъ за ухомъ, поклонился и заговорилъ что-то по французски. Говорилъ онъ долго, Конуринъ и Николай Ивановичъ, ничего не понимая, слушали и смотрѣли ему прямо въ ротъ. Слушала и Глафира Семеновна и тоже понимала плохо.

— Глаша! О чемъ онъ? спросилъ жену Николай Ивановичъ, кивая на безъумолка говорящаго француза.

— Да опять что-то насчетъ завтрака и обѣда въ гостинницѣ. Говоритъ, что табльдотъ у нихъ.

— Дался ему этотъ завтракъ и обѣдъ! Вуй, вуй, мусье. Знаемъ... И какъ понадобится, то придемъ.

— Жалуется, что мы вчера не завтракали и не обѣдали въ гостинницѣ.

— Странно. Пріѣхали въ новый городъ, такъ должны-же мы прежде всего трактиры обозрѣть.

— Вотъ, вотъ... Я теперь поняла въ чемъ дѣло. Вообрази, онъ говоритъ, что ежели мы и сегодня не позавтракаемъ или не пообѣдаемъ у нихъ въ гостинницѣ, то онъ долженъ прибавить цѣну за номеръ.

— Это еще что! Въ кабалу хочетъ насъ взять? Нонъ, нонъ, мусье... мы этого не желаемъ. Скажи ему, Глаша, что мы не желаемъ въ кабалу идти. Вотъ еще что выдумалъ! Такъ и скажи!

— Да какъ я скажу про кабалу, если я не знаю, какъ кабала по французски! Этому слову насъ въ пансіонѣ не учили.

— Ну, скажи какъ-нибудь иначе. Готелевъ, мусью, здѣсь много и ежели прибавка цѣнъ, то мы перейдемъ въ другое заведеніе. Волензи, такъ волензи, а не волензи, такъ какъ хотите. Компрене?

— Чего ты бормочешь, вѣдь онъ все-равно не понимаетъ.

— Да вѣдь я по иностранному. Пейе анкоръ—нонъ. Дежене и дине—тоже нонъ, сказалъ Николай Ивановичъ французу, сдѣлавъ отрицательный жестъ рукой и прибавилъ:—Пойметъ, коли захочетъ. Ну, а теперь ты ему по настоящему объясни.

— Да, ну его! Потѣшимъ ужъ его, позавтракаемъ у него сегодня за табельдотомъ. Къ тому-же это будетъ дешевле, чѣмъ въ ресторанѣ. Завтракъ здѣсь, онъ говоритъ, три франка.

— Тѣшить-то, подлецовъ, не хочется. Много-ли

они насъ тѣшутъ! Мы имъ и „вивъ ля Франсъ“ и все эдакое, а они вонъ не хотѣли даже второй чайникъ къ чаю подать. Срамъ. Въ стаканѣ чай завариваемъ. Это что, мусье? Не можете даже для русскихъ по два чайника подавать, кивнулъ Николай Ивановичъ на заваренный въ стаканѣ чай и прибавилъ: — А еще французско-русское объединеніе! Нѣтъ, уже ежели объединеніе, то обязаны и русскіе самовары для русскихъ заводить и корниловскіе фарфоровые чайники для заварки чая.

— Ну, такъ что-жъ ему сказать?—спрашивала Глафира Семеновна.

— Да ужъ чортъ съ нимъ! Позавтракаемъ сегодня у него. Покрайности здѣсь въ гостинницѣ ни на какую игорную вертушку не нарвешься. А то начнешь ресторанъ отыскивать и опять въ новый игорный вертепъ съ вертушками попадешь,—рѣшилъ Конуринъ.

Николай Ивановичъ не возражалъ.

— Вуй, вуй... Ну, деженонъ ожурдюи ше ву,—кивнула французу Глафира Семеновна.

Французъ поклонился и вышелъ.

XX.

Позавтракавъ за табльдотомъ въ своей гостинницѣ, супруги Ивановы и Конуринъ вышли на берегъ моря, чтобы отправиться на „Весенній праздникъ цвѣтовъ“. На бульварѣ Jetté Promenade, залитомъ ослѣпительнымъ солнцемъ,

были толпы публики. Пестрѣли разноцвѣтные раскрытые зонтики. Толпы стремились по направленію къ Promenade des Anglais, гдѣ былъ назначенъ праздникъ и гдѣ были выстроены мѣста для публики. Почти каждый изъ публики имѣлъ у себя на груди по бутоньеркѣ съ розой, многіе несли съ собой громадные букеты изъ розъ. Всѣ были съ цвѣтами. Даже колясочки, въ которыхъ няньки везли дѣтей, и тѣ были убраны цвѣтами. Цвѣты были на сбруѣ лошадей у проѣзжавшихъ экипажей, на шляпахъ извощиковъ, даже на ошейникахъ комнатныхъ собаченокъ, сопровождавшихъ своихъ хозяевъ. Балконы домовъ, выходящихъ на берегъ моря, убранные гирляндами зелени, были переполнены публикой, пестрѣющей цвѣтными зонтиками и цвѣтами. Всѣ окна были открыты и въ нихъ виднѣлись головы публики и цвѣты. Продавцы и продавщицы цвѣтовъ встрѣчались на каждомъ шагу и предлагали свой товаръ.

— Надо и намъ купить себѣ по розочкѣ въ петличку, а то мы словно обсѣвки въ полѣ, сказалъ Конуринъ и тотчасъ пріобрѣлъ за полфранка три бутоньерки съ розами, одну изъ коихъ поднесъ Глафирѣ Семеновнѣ.

Но вотъ и Promenade des Anglais, вотъ и мѣста для зрителей, убранныя гирляндами зелени. Конуринъ и Ивановы предъявили свои билеты, сѣли на стулья и стали смотрѣть на дорогу, приготовленную для катающихся въ экипажахъ и декорированную выстроившимися въ рядъ солдатами національной гвардіи съ старыми пистонными ружьями у ноги, въ мѣдныхъ каскахъ съ конскими гривами, ниспадающими

на спину. По дорогѣ сновали взадъ и впередъ съ корзинами цвѣтовъ сотни смуглыхъ оборванцевъ—мужчинъ, женщинъ и дѣтей,—выкрикивали свои товары и совали ихъ въ мѣста для публики.

— Un franc la corbeille! Cent bouquets pour un franc!—раздавались ихъ гортанные возгласы съ сильнымъ итальянскимъ акцентомъ.

— Господи! Сколько цвѣтовъ-то! покачалъ головой Конуринъ.—Не будетъ-ли ужъ и здѣсь какой-нибудь игры въ цвѣты, въ родѣ лошадокъ или поѣздовъ желѣзной дороги? Напередъ говорю—единаго франка не поставлю.

— Что вы, Иванъ Кондратьичъ... Какая-же можетъ быть тутъ игра! откликнулась Глафира Семеновна.

— И, матушка, здѣсь придумаютъ! Здѣсь специвалисты. Скажи мнѣ въ Петербургѣ, что можно проиграть триста французскихъ четвертаковъ въ дѣтскую вертушку съ лошадками и поѣздами—ни въ жизнь не повѣрилъ-бы, а вотъ они проиграны у меня.

Но вотъ раздался пушечный выстрѣлъ и послышалась музыка. На дорогѣ началась процессія праздника. Впереди шелъ оркестръ музыки горныхъ стрѣлковъ въ синихъ мундирныхъ пиджакахъ, въ синихъ фуражкахъ съ широкими днами безъ околышковъ и козырьковъ; далѣе несли разноцвѣтныя знамена, развѣвающіяся хоругви, проѣхала колесница, нагруженная и убранная цвѣтами отъ сбруи лошадей до колесъ, и, наконецъ, показались экипажи съ катающимися и также нагруженные корзинами цвѣтовъ. Нѣкоторые изъ катающихся были въ бѣлыхъ костюмахъ Пьеро, нѣкоторые — одѣтые маркизами начала прошлаго столѣ-

тія, въ напудренныхъ парикахъ. Попадались ѣдущія женщины въ бѣлыхъ, красныхъ и черныхъ домино и въ полумаскахъ. Лишь только показались экипажи, какъ изъ мѣстовъ посыпался въ нихъ цѣлый градъ цвѣтовъ. Изъ экипажей отвѣчали цвѣтами-же. Цвѣты носились въ воздухѣ, падали въ экипажи, на мѣдныя каски стоявшихъ для парада солдатъ, на дорогу. Солдаты подхватывали ихъ и въ свою очередь швыряли въ публику, сидѣвшую въ мѣстахъ и въ катающихся. Цвѣты, упавшіе на дорогу, мальчишки собирали въ корзины и тутъ-же снова продавали ихъ желающимъ. Все оживилось, все закопошилось, все перекидывалось цвѣтами. Происходила битва цвѣтами.

Увлеклись общимъ оживленіемъ Ивановы и Конуринъ и стали отбрасываться попадающими къ нимъ цвѣтами. Но вотъ въ Конурина кто-то попалъ довольно объемистымъ букетомъ и сшибъ съ него шляпу.

— Ахъ, гвоздь вамъ въ глотку! Шляпу сшибать начали! Стой-же, погоди! воскликнулъ онъ, поднимая шляпу и нахлобучивая ее.—Погоди! Самъ удружу! Надо купить цвѣтовъ корзиночку, да какихъ-нибудь поздоровѣе, въ родѣ метелъ.—Эй, гарсонъ! Или какъ тебя? Цвѣточникъ! Сюда! Или вотъ ты чумазая гарсонша! суетился онъ, подзывая къ себѣ продавцовъ цвѣтовъ.—Сколько за всю корзинку? На полъ-франка... Сыпь на полъ-франка... Давай и ты, мадамъ гарсонша, на полъ-четвертака. Твои цвѣты поокамелистѣе будутъ.

И купивъ себѣ цвѣтовъ, Конуринъ съ остервененіемъ началъ швырять ими въ катающихся, стараясь

попасть въ самое лицо. Ивановы не отставали отъ него.

— Запаливай, Николай Ивановъ! Запаливай! Запаливай, да прямо въ морду! кричалъ Конуринъ.— Вонъ англичанинъ съ зеленымъ вуалемъ ѣдетъ. Катай ему въ нюхало. Это онъ, подлецъ, давеча шляпу съ меня сшибъ. Стой-же... Я тебѣ теперь, англійская образина, невѣсткѣ на отместку!...

И выбравъ увѣсистый букетъ изъ зимнихъ левкоевъ съ твердыми стеблями, Конуринъ швырнулъ имъ прямо въ лицо англичанина съ такой силой, что тотъ тотчасъ-же схватился руками за носъ.

— Ага! Почувствовалъ! А вотъ тебѣ и еще на закуску! Дошкуривай его, Николай Ивановъ, дошкуривай хорошенько! — продолжалъ кричать Конуринъ.

— Смотрите, Иванъ Кондратьичъ, вѣдь у англичанина-то кровь на лицѣ. Вѣдь вы ему въ кровь носъ расшибли,—замѣтила Глафира Семеновна.

— Ништо ему! Такъ и слѣдуетъ. Поѣдетъ еще разъ мимо, такъ я ему букетецъ въ родѣ вѣника приготовилъ. Такъ окамелкомъ въ дыхало и залѣплю, чтобъ зубаревыхъ дѣтей во рту не досчитался. Батюшки! Смотрите! Моя вчерашняя мамзель въ коляскѣ! Ахъ шкура!—воскликнулъ вдругъ Конуринъ и швырнулъ въ нее увѣсистымъ букетомъ полевыхъ цвѣтовъ, прибавивъ:—Получай сайки съ квасомъ! Вчера пять франковъ на чай вымаклачила, а сегодня, вотъ тебѣ куричью слѣпоту въ ноздрю! Глафира Семеновна! Видите? Кажется, она?

— Вижу, вижу... Дѣйствительно, это ваша вче-

рашняя дама, которая васъ въ покатый билліардъ ставки ставить учила.

Француженка, получивъ отъ Конурина ударъ букетомъ въ грудь, улыбнулась и въ свою очередь пустила въ него цѣлую горсть маленькихъ букетиковъ. Конуринъ опять отвѣчалъ букетомъ.

— Англичанинъ! крикнулъ Николай Ивановичъ.— Англичанинъ обратно ѣдетъ. Иванъ Кондратьичъ, не зѣвай!

— Гдѣ? Гдѣ?—откликнулся Конуринъ.—Надо ему теперь физіономію-то съ другой стороны подправить. Ахъ, вотъ онъ гдѣ. Швыряй въ него, Николай Ивановъ, швыряй! Вотъ тебѣ букетецъ. Не букетъ, а, одно слово, метла... Да и я такимъ-же пущу.

— Господа! Господа! Развѣ можно такъ швыряться? Надо учтивость соблюдать, а то вы въ кровь...—останавливала мужа и Конурина Глафира Семеновна.

— Сапогомъ-бы въ него еще пустилъ, а не токмо-что букетомъ, да боюсь, что сниму сапогъ, швырну, а мальчишки поднимутъ и утащутъ. Эхъ, не захватили мы съ собой пустопорожней бутылки изъ гостинницы. Вотъ бы чѣмъ швырнуть-то.

— Да какъ вамъ не стыдно и говорить-то это. Вѣдь швыряться бутылками это ужъ цѣлое сѣрое невѣжество. Люди устраиваютъ праздникъ, чтобы тихо и деликатно цвѣтами швыряться, а вы о бутылкѣ мечтаете.

— Хороша деликатность, коли давеча съ меня шляпу сшибли! Вотъ тебѣ, зубастый чортъ!

Конуринъ швырнулъ и опять попалъ окомелкомъ букета въ лицо англичанина. Николай Ивановичъ

размахнулся и то же залѣпилъ англичанину букетомъ въ шляпу. Шляпа слетѣла съ головы англичанина и упала на шоссе у колесъ экипажа.

— Отмщенъ Санктъ-Петербургскій купецъ Иванъ Кондратьевъ сынъ Конуринъ! Вотъ оно когда невѣстка-то получила на отместку! воскликнулъ Николай Ивановичъ.

— А вотъ тебѣ, мусью англичанинъ, и въ рыло на прибавку! Это ужъ процентами на капиталъ сочти! прибавилъ Конуринъ, безостановочно запаливая въ англичанина букетиками.

Англичанинъ стоялъ въ коляскѣ во весь ростъ, стараясь улыбнуться. Носъ его былъ въ крови. По пробритому подбородку также текла кровь; мальчишка подавалъ ему поднятую съ земли шляпу.

XXI.

Экипажи, тянувшіеся вереницей мимо мѣстовъ съ зрителями, мало по малу начали рѣдѣть. Катающаяся публика стала разъѣзжаться. У продолжавшихъ еще сновать экипажей уже изсякъ цвѣточный матеріалъ для киданья. Цвѣточный дождь затихалъ. Битва цвѣтами кончалась. Только изрѣдка еще кое кто швырялъ остатками букетиковъ, но ужъ не безъ разбора направо и налѣво, а только въ знакомыхъ, избранныхъ лицъ. Такъ было въ экипажахъ, такъ было и въ мѣстахъ среди

зрителей. Публика, видимо, устала дурачиться. Шоссе было усѣяно цвѣтами, но мальчишки уже не поднимали эти цвѣты, ибо никто не покупалъ ихъ. Публика начала зѣвать и уходила. Окровавленный англичанинъ больше не показывался. Конуринъ, прикопившій съ пятокъ букетиковъ, чтобы швырнуть въ него на послѣдяхъ, долго ждалъ его и наконецъ тоже началъ зѣвать. Зѣвалъ и Николай Ивановичъ.

— Канитель. Чѣмъ зря здѣсь сидѣть, пойдемте-ка лучше въ буфетъ,—сказалъ онъ.—Пить что-то хочется. Глаша можетъ выпить лимонаду, а мы саданемъ бутылочку красненькаго ординерцу.

— Пріятныя рѣчи пріятно и слушать, откликнулся Конуринъ, вставая и отряхиваясь отъ цвѣточныхъ лепестковъ, и спросилъ:—А гдѣ тутъ буфетъ?

— Какой буфетъ? Здѣсь нѣтъ буфета,—проговорила Глафира Семеновна.

— Ну, вотъ... Гулянье, эдакое представленіе, да чтобы буфета не было! Не можетъ этого быть. Навѣрное есть. Гдѣ-же публика горло-то промачиваетъ? Нельзя безъ промочки. Вѣдь у всѣхъ першитъ послѣ такого азарта.

— А вы забываете, что мы на улицѣ, а не въ театрѣ!

— Ничего не обозначаетъ. Обязаны и на улицѣ послѣ такого происшествія...

— Да вотъ сейчасъ спросимъ, сказалъ Николай Ивановичъ.—Мусье! Гдѣ здѣсь буфетъ пуръ буаръ? обратился онъ къ завѣдующему мѣстами старичку съ кокардой изъ цвѣтныхъ ленточекъ на груди пиджака.

— Тринкенъ... пояснилъ Конуринъ и хлопнулъ себя по галстуху.

Старичекъ съ кокардой улыбнулся и заговорилъ что-то по французски.

— Глаша! Что онъ говоритъ? спросилъ Николай Ивановичъ жену.

— Да говоритъ тоже, что и я говорила. Нѣтъ здѣсь буфета.

— Да ты можетъ быть врешь. Можетъ быть онъ что-нибудь другое говоритъ?

— Фу, какой недовѣрчивый! Тогда иди и ищи буфетъ.

— Однако, ужъ это совсѣмъ глупо, что гулянье устраиваютъ, а о буфетѣ не хотятъ позаботиться. Это ужъ даже и на заграницу не похоже.

— Да вотъ пойдемъ мимо дома на сваяхъ, такъ тамъ буфетъ есть,—сказала Глафира Семеновна.

— На сваи? воскликнулъ Конуринъ. — Нѣтъ-съ, слуга покорный! Это чтобы опять полтораста четвертаковъ въ лошадки просадить?—Вяземскими пряниками меня туда не заманишь. И такъ ужъ я въ этихъ вертепахъ, почитай, бочку кенигскаго рафинаду прохалъ.

— То есть какъ это рафинаду?

— Да такъ. Акуратъ такую сумму оставилъ, что бочка сахару-рафинаду въ покупкѣ себѣ въ лавку стоитъ.

— Ахъ, вотъ что, проговорила Глафира Семеновна.—Ну, что-жъ изъ этого? Въ одинъ день проигрываешь, въ другой день выигрываешь. Вчера несчастье, а сегодня счастье. Этакъ ежели бастовать

при первой неудачѣ, такъ всегда въ проигрышѣ будешь. Не знаю, какъ вы, а мнѣ такъ очень хочется попробовать отыграться.

— Глаша! Не смѣй! И думать не смѣй! закричалъ на нее Николай Ивановичъ.

— Пожалуйста, пожалуйста не возвышай голосъ. Не испугаюсь! остановила его Глафира Семеновна.

— Да я не позволю тебѣ играть! Что это такое въ самомъ дѣлѣ! Вчера двѣсти франковъ проухала, сама говоришь, что здѣсь все основано на мошенничествѣ, и вдругъ опять играть.

— Вовсе даже и не двѣсти франковъ, а всего сто двадцать съ чѣмъ-то. Ты забываешь, что я утромъ на сваяхъ выиграла. За то теперь ужъ будемъ глядѣть въ оба. Я буду играть, а ты стой около меня и гляди.

— Да не желаю я совсѣмъ, чтобы ты играла! Провались они эти проигранные двѣсти франковъ!

— Какъ? Ты хочешь, чтобы я даже и въ Монте-Карло не попробовала своего счастія? Зачѣмъ-же тогда было ѣхать въ Ниццу! Ты слышалъ, что вчера Капитонъ Васильичъ сказалъ? Онъ сказалъ, что изъ-за Монте-Карло-то сюда въ Ниццу всѣ аристократы и ѣздятъ, потому тамъ въ рулетку, ежели только счастіе придетъ, въ полчаса можно даже и всю поѣздку свою окупить. Въ лошадки и поѣзда не выиграла, такъ можетъ быть въ рулетку выиграю. Нѣтъ, ужъ ты какъ хочешь, а я въ Монте-Карло хоть на золотой, да рискну.

— Ну, это мы еще посмотримъ!

— А мы поглядимъ. Не позволишь мнѣ испытать

своего счастья въ рулетку, такъ послѣ этого нѣтъ тебѣ переводчицы!—погрозилась Глафира Семеновна.— Не стану я тебѣ ничего и переводить по-русски, что говорятъ французы, не стану говорить по французски. Понимай и говори самъ, какъ знаешь. Вотъ тебѣ за насиліе!

Глафира Семеновна выговорила это и слезливо заморгала глазами. Они шли по бульвару, среди массы гуляющей публики. Проходящіе давно уже обращали вниманіе на ихъ рѣзкій разговоръ въ возвышенномъ тонѣ, а когда Глафира Семеновна поднесла носовой платокъ къ глазамъ, то нѣкоторыя даже останавливались и смотрѣли имъ вслѣдъ. Конуринъ замѣтилъ это и подоспѣлъ на выручку. Онъ сталъ стараться перемѣнить разговоръ.

— Такой ужъ городъ паршивый, что въ немъ на каждомъ перекресткѣ игра въ игрушки, началъ онъ.— Взрослые, пожилые люди играютъ, какъ малые дѣти въ лошадки, въ поѣзда забавляются. Подумать-то объ этомъ срамъ, а забавляются. Да вотъ хоть-бы взять эту цвѣточную драку, гдѣ мы сейчасъ были... Вѣдь это тоже дѣтская игра, самая дѣтская. Ну, что тутъ такое цвѣтами швыряться? Однако, взрослые, старики даже забавлялись, да и мы, глядя на нихъ, разъярились.

— Да и какъ еще разъярились-то! подхватилъ Николай Ивановичъ.—Особенно ты. Хоть-бы вотъ взять этого англичанина... Вѣдь ты ему носъ-то въ перечницу превратилъ. А все-таки эту игру я понимаю. Во-первыхъ, тутъ полировка крови, а во-вторыхъ, безъ проигрыша. Нѣтъ, эту игру хорошо было-бы и у насъ

въ Петербургѣ завести. И публикѣ интересъ, и антрепренеру барышисто. За мѣста антрепренеръ деньги собираетъ, даетъ представленіе, а за игру актерамъ ни копѣйки не платитъ, потому сама-же публика и актеры. Правду я, Иванъ Кондратьичъ?..

— Еще-бы! Огромные барыши можно брать, отвѣчалъ Конуринъ. — Мѣста изъ барочнаго лѣса построилъ, покрасилъ ихъ муміей, да и загребай деньги. Объ этомъ даже надо попомнить. Хотя я и по фруктовой части, при колоніальномъ магазинѣ, но я съ удовольствіемъ-бы взялся за такое дѣло въ Петербургѣ...

— И я то-же. Идетъ пополамъ? воскликнулъ Николай Ивановичъ. — Такую цвѣточную драку закатимъ, что даже небу будетъ жарко. Цвѣтовъ у насъ въ Петербургѣ мало—березовые вѣники въ ходъ пустимъ. Прелесть, что за цвѣточный праздникъ выйдетъ.

— Такъ вамъ сейчасъ въ Петербургѣ и дозволили это устроить! откликнулась Глафира Семеновна.

— Отчего? Ново, прекрасно, благородно. Аркадіи-то эти всѣ у насъ ужъ надоѣли, говорилъ Николай Ивановичъ.

— Здѣсь прекрасно и благородно, а у насъ выйдетъ совсѣмъ наоборотъ.

— Да почему-же?

— Сѣрости много всякой, вотъ почему. Здѣсь цивилизація, образованіе, а у насъ дикая сѣрость и невѣжество. Да вотъ возьмите хоть себя. Вы ужъ и здѣсь-то жалѣли, что нельзя было вмѣсто букета бутылкой швырнуть. Хотѣли даже сапогомъ...

— Это не я. Это Иванъ Кондратьичъ.

9

— Все равно. Иванъ Кондратьичъ такой-же русскій человѣкъ. За что вы бѣдному англичанину носъ расквасили? Нарочно выбирали букетъ съ твердыми корешками, чтобы расквасить.

— А за что онъ мнѣ шляпу сшибъ?

— Вздоръ. Ничего неизвѣстно. Вы не успѣли и замѣтить, кто съ васъ шляпу сшибъ. И наконецъ, ежели и онъ... Онъ съ васъ только шляпу сшибъ, а вы ему носъ въ кровь... У насъ, въ Петербургѣ ежели цвѣточную драку дозволить, то еще хуже выйдетъ. Придутъ пьяные, каменья съ собой принесутъ, каменьями начнутъ швыряться, палки въ ходъ пустятъ, вмѣсто цвѣтовъ стулья въ публику полетятъ. Нельзя у насъ этого дозволить! закончила Глафира Семеновна.

— Ну, раскритиковала! махнулъ рукой Николай Ивановичъ и спросилъ жену:—Однако, куда-же мы теперь идемъ?

— На желѣзную дорогу, чтобъ ѣхать въ Монте-Карло, былъ отвѣтъ.

XXII.

УЗНАВЪ, что Глафира Семеновна ведетъ его и Конурина, чтобы сейчасъ же ѣхать по желѣзной дорогѣ въ Монте-Карло, Николай Ивановичъ опять запротестовалъ, но запротестовалъ только изъ упрямства. Ему и самому хотѣ-

лось видѣть Монте-Карло и его знаменитую игру въ рулетку. Глафира Семеновна, разумѣется, его не послушалась и онъ былъ очень радъ этому. Поворчавъ еще нѣсколько времени, онъ сказалъ:

— А только дадимте, господа, другъ другу слово, чтобъ не играть въ эту проклятую рулетку.

— Нельзя, чтобы совсѣмъ не играть, — откликнулась Глафира Семеновна. — Иначе зачѣмъ-же и въ Монте-Карло ѣздить, если не испытать, что такое это рулетка. Ты вотъ говоришь, что она проклятая, а почемъ ты знаешь, что она проклятая? Можетъ быть такъ-то еще хвалить ее будешь, что въ лучшемъ видѣ! Лучше мы дадимъ себѣ слово не проигрывать много. Ну, хотите, дадимъ слово, чтобы каждый не больше десяти франковъ проигралъ? Проиграетъ и отходи отъ стола.

— Нѣтъ, нѣтъ! Ну, ее, эту рулетку!.. Вы, какъ хотите, а я ни за что...—замахалъ Конуринъ руками.— Ѣхать ѣдемъ, хоть на край свѣта поѣду, а играть— шалишь!

— Ну, тогда мы съ тобой по десяти франковъ ассигнуемъ, Николай Иванычъ. Не бойся, только по десяти франковъ. Согласенъ? Ну, сдѣлай-же мнѣ это удовольствіе. Вѣдь я тебѣ вѣрная переводчица въ дорогѣ.

Глафира Семеновна съ улыбкой взглянула на мужа. Тотъ тоже улыбнулся, утвердительно кивнулъ головой и проговорилъ:

— Соблазнила-таки Ева Адама! И вотъ всегда такъ.

Глафира Семеновна взглянула на часы и воскликнула:

9*

— Ахъ, Боже мой! Опоздаемъ на поѣздъ. Надо ѣхать. Пѣшкомъ не успѣть... Коше! — махнула она проѣзжавшему извощику и, когда тотъ подъѣхалъ, заторопила мужа и Конурина.—Садитесь, садитесь скорѣй. А ля гаръ... Пуръ партиръ а Монте-Карло, приказала она извощику.

Тотъ щелкнулъ бичомъ по лошади, но только что они проѣхали съ четверть версты, какъ обернулся къ Глафирѣ Семеновнѣ и заговорилъ что-то.

— Нонъ, нонъ, нонъ... Алле... Успѣете... махнула та рукой.

— Что такое? Въ чемъ дѣло? спросилъ Николай Ивановичъ.

— Говоритъ, что мы опоздали на поѣздъ, но онъ вретъ. Намъ еще десять минутъ до поѣзда осталось.

Глафира Семеновна смотрѣла на свои часы, показывалъ свои часы и извощикъ, оборачиваясь къ ней, и, когда они проѣзжали мимо извощичьей биржи, указалъ бичомъ на парную коляску и опять что-то заговорилъ въ увѣщательномъ тонѣ.

— Да вѣдь ужъ онъ лучше знаетъ, опоздали мы или не опоздали, замѣтилъ Конуринъ.

— Вздоръ. Просто онъ хочетъ сорвать съ насъ франкъ, не довезя до желѣзной дороги. Онъ вонъ указываетъ на парную коляску и говоритъ, чтобы мы ѣхали въ Монте-Карло не по желѣзной дорогѣ, а на лошадяхъ. Алле! Алле! продолжала она махать извощику рукой.

Тотъ между тѣмъ уже остановился у извощичьей биржи и кричалъ другаго извощика:

— Leon! Voila messieurs et madame... раздавался его голосъ.

— Вѣдь вотъ какой неотвязчивый! Непремѣнно хочетъ навязать намъ, чтобы мы на лошадяхъ ѣхали въ Монте-Карло. Предлагаетъ парную коляску... говорила Глафира Семеновна.—Увѣряетъ, что это будетъ хорошій парти-де-плезиръ.

— А что-жъ. Отлично... На лошадяхъ отлично... Покрайности по дорогѣ можно въ два-три мѣста заѣхать и горло промочить, откликнулся Конуринъ.

— А сколько это будетъ стоить? спросилъ Николай Ивановичъ.

— А вотъ сейчасъ надо спросить. Комбьянъ а Монте-Карло? обратилась Глафира Семеновна къ окружившимъ ихъ извозщикамъ парныхъ экипажей и тутъже перевела мужу отвѣтъ:—Двадцат франковъ просятъ. Говорятъ, что туда три часа ѣзды.

— Пятнадцать! Кензъ! Хочешь, мусью, кензъ, такъ бери! крикнулъ Николай Ивановичъ бравому извозщику, курившему сигару изъ отличнаго пѣнковаго мундштука.—Это то есть туда и обратно? обратился онъ къ женѣ.

— Нѣтъ, только въ одинъ конецъ. Обратно нашъ извозщикъ совѣтуетъ ѣхать по желѣзной дорогѣ.

— Пятнадцать франковъ возьмутъ, такъ поѣдемте, Покрайности основательно окрестности посмотримъ, а то все желѣзныя дороги, такъ ужъ даже и надоѣло. Воздушку по пути понюхаемъ, говорилъ Конуринъ.

— Да, будете вы нюхать по пути воздушокъ! Какъже! Вашъ воздушокъ въ питейныхъ лавкахъ по дорогѣ будетъ. Ну, и налижитесь.

— Да не налижемся. Ну, кензъ... Бери кензъ... Пятнадцать четвертаковъ деньги. На нашъ счетъ перевести по курсу—шесть рублей, говорилъ Николай Ивановичъ извощику.

— Voyons, messieurs... Dix-huit! послышался голосъ изъ толпы извощиковъ.

— За восемнадцать франковъ одинъ предлагаетъ,— перевела Глафира Семеновна.

— Четвертакъ одинъ можно еще прибавить. Ну, мусью... Сезъ... Сезъ франковъ. Шестнадцать... Вези за шестнадцать... По дорогѣ заѣдемъ выпить и тебѣ поднесемъ. Глаша! Переведи ему, что по дорогѣ ему поднесемъ.

— Выдумали еще! Стану я съ извощикомъ о пьянствѣ говорить!

— Да какое-же тутъ пьянство! Ну, ладно... Я самъ... Сезъ, мусье... Сезъ и по дорогѣ венъ ружъ буаръ дадимъ. Компрене? Ничего не компрене, чортъ его дери!

— За семнадцать ѣдетъ одинъ, — сказала Глафира Семеновна.

— Дать, что-ли? спросилъ Николай Ивановичъ.— Право, на лошадяхъ пріятно... Главное, я насчетъ воздушку-то... Я дамъ, Конуринъ.

— Давай! Гдѣ наше не пропадало! Все лучше, чѣмъ эти деньги въ вертушку просолить, махнулъ рукой тотъ.

Разсчитались съ привезшимъ ихъ на биржу одноконнымъ извощикомъ и стали пересаживаться въ двухконный экипажъ и наконецъ, покатили по гладкой, ровной, какъ полотно, дорогѣ въ Монте-

Карло. Дорога шла въ гору. Открывались роскошные виды на море и на горы, вездѣ виллы, окруженныя пальмами, миртами, апельсинными деревьями, лаврами. Новый извощикъ, пожилой человѣкъ съ клинистой бородкой съ просѣдью и въ красномъ галстухѣ шарфомъ, по заведенной традиціи съ иностранцами, счелъ нужнымъ быть въ то-же время и чичероне. Онъ поминутно оборачивался къ сѣдокамъ и, указывая бичемъ на попадавшіяся по пути зданія и открывавшіеся виды, говорилъ безъ умолку. Говорилъ онъ на плохомъ французскомъ языкѣ съ примѣсью итальянскаго. Глафира Семеновна мало понимала его рѣчь, а спутники ея и совсѣмъ ничего не понимали. Вдругъ Глафира Семеновна стала вглядываться въ извощика; лицо его показалось ей знакомымъ, и она воскликнула:

— Николай Иванычъ! Можешь ты думать! Этотъ извощикъ—тотъ самый стариченка, который у меня вчера вечеромъ въ Казино выигрышъ мой утащилъ, когда я выиграла на Лиссабонъ.

— Да что ты!

— Онъ, онъ! Я вотъ вглядѣлась теперь и вижу. Тотъ-же галстухъ, та-же бороденка плюгавая и то-же кольцо съ сердоликовой печатью на пальцѣ. Я на Лиссабонъ поставила два франка, а онъ на Лондонъ, вышелъ Лиссабонъ и вдругъ онъ заспорилъ, что Лиссабонъ онъ выигралъ, схватилъ мои деньги и убѣжалъ.

— Не можетъ быть, отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

Извощикъ, между тѣмъ, услышавъ съ козелъ слова „Лиссабонъ“ и „Лондонъ“ и тоже въ свою очередь узнавъ

Глафиру Семеновну, заговорилъ съ ней о вчерашней игрѣ въ Казино и сталъ оправдываться, увѣряя, что онъ выигралъ вчера ставку на Лиссабонъ, а не она.

— Видишь, видишь, онъ даже и не скрывается, что это былъ онъ! Не скрывается, что и утащилъ мой выигрышъ! И по сейчасъ говоритъ, что на Лиссабонъ онъ выигралъ, а не я! Ахъ, нахалъ! Вотъ нахалъ, такъ нахалъ! кричала Глафира Семеновна. — Вѣдь около двадцати франковъ утащилъ.

— Ну, ужъ и извощики здѣсь! Даже невѣроятно... Наравнѣ съ господами по игорнымъ домамъ въ вертушки играютъ и шуллерствомъ занимаются, покачалъ головой Николай Ивановичъ.—Конуринъ, слышишь?

— Цивилизація—ничего не подѣлаешь... отвѣчалъ тотъ.

XXIII.

Дорога шла въ гору. Открывались виды одинъ другаго живописнѣе. Слѣва шли отвѣсныя скалы, на которыхъ ютились нарядные, какъ бомбоньерки, домики самой причудливой архитектуры; внизу растилалось море съ безконечной голубой далью. Бѣлѣлись паруса лодочекъ, кажущихся съ вытоты дороги, маленькими щепочками, двигались, какъ бы игрушечные, пароходики, выпуская струйки дыма. Передъ глазами рѣзко очерчивалась

глубокой выемкой гавань. Извощикъ указалъ внизъ бичомъ и сказалъ:

— Villefranche... Villafranca...

— Опять вила! воскликнулъ Конуринъ.—И чего они это завилили! На горѣ—вила, въ водѣ—вила.

— Да вѣдь я говорила уже вамъ, что вилла — дача по ихнему, замѣтила ему Глафира Семеновна.

— Да вѣдь онъ въ море кнутомъ-то указываетъ, а не на дачу.

Внизу подъ горой, на самомъ берегу моря показался бѣгущій поѣздъ желѣзной дороги и скрылся въ тунель, оставивъ послѣ себя полоску дыма. Видъ на море вдругъ загородилъ садъ изъ апельсинныхъ и лимонныхъ деревьевъ, золотящихся плодами, и обнесенный живой изгородью изъ агавы.

— Природа-то какая! восторгалась Глафира Семеновна.

— Да что природа! Природа, природа, а ни разу еще не выпили подъ апельсинными-то деревьями, проговорилъ Конуринъ.—Вонъ написано: таверне... указалъ онъ на вывѣску.

— Какъ? Ты уже научился читать по французски? воскликнулъ Николай Ивановичъ.—Ай да Конуринъ!

— Погодите, погодите. Будутъ еще на пути таверны, удерживала ихъ Глафира Семеновна.

Кончился садъ и опять крутой обрывъ къ морю, опять бѣгущій желѣзнодорожный поѣздъ, выскочившій изъ тунеля.

— Смотрите на поѣздъ, указывала Глафира Семеновна.—Отсюда съ горы показываетъ, что онъ дви-

гается какъ черепаха, а вѣдь на самомъ дѣлѣ онъ мчится на всѣхъ парахъ.

— Мадамъ! Желаете сыграть на этотъ поѣздъ? Ставлю четвертакъ, что онъ остановится въ Берлинѣ... шутилъ Конуринъ, обращаясь къ Глафирѣ Семеновнѣ, намекая на игру въ поѣзда въ Ниццѣ.

— Мерси. До Монте-Карловской рулетки копѣйки ни на что не поставлю.

Снова пошли роскошныя виллы, ютящіяся по откосамъ горъ или идущія въ рядъ около дороги, утопающія въ зелени тропическихъ деревьевъ.

— Вишь, какъ застроились! Въ родѣ нашей Новой Деревни, сказалъ Николай Ивановичъ. — Вонъ даже что-то въ родѣ „Аркадіи“ виднѣется.

— Въ родѣ Новой Деревни! Ужъ и вывезешь ты словечко! попрекнула мужа Глафира Семеновна. — Здѣсь мирты, миндаль въ цвѣту, лавровыя деревья, какъ простой лѣсъ растутъ, а онъ: Новая Деревня!

— Лавровыя! Да нешто это лавровыя? усумнился Конуринъ.

— Конечно-же лавровыя.

— Лавровый листъ изъ нихъ дѣлается?

— Онъ

— Ну, штука! Скажи на милость, въ какія мѣста пріѣхали! Вотъ-бы хорошо нарвать, да женѣ для щей на память свезти. Ахъ, жена, жена! Что-то она, голубушка, теперь дѣлаетъ! Поди сидитъ дома, пьетъ чай и думаетъ: „гдѣ-то теперь кости моего дурака мужа носятся“?

— Что это она у тебя ужъ очень часто чай пьетъ?— сказалъ Николай Ивановичъ.

— Такая баба. Ядъ до чаю. А вѣдь и то я дуракъ. На кой шутъ, спрашивается, меня отъ торговаго дѣла къ заграничнымъ чертямъ на кулички вынесло!

— Да полно тебѣ ужъ клясть-то себя! За то отполируешься заграницей.

— Еще таверне. Вонъ вывѣска! Стой, извощикъ! Стой!—закричалъ Конуринъ.

— Увидали? Ахъ, какъ вы глазасты насчетъ этихъ вывѣсокъ,—сказала Глафира Семеновна.

— Матушка, голубушка, въ горлѣ пересохло. Вы то разочтите: вѣдь мы въ Петербургѣ по пяти разъ въ день въ трактиръ чай пить ходимъ, по два десятка стакановъ чаю-то охолащиваемъ иной разъ, а тутъ безъ китайскихъ травъ сидишь.

Извощикъ остановился передъ сѣренькой таверной, помѣщавшейся въ маленькомъ каменномъ домикѣ, около входа въ который стояли деревянные зеленые столы и стулья. Къ коляскѣ выбѣжалъ содержатель таверны, безъ сюртука, въ одномъ жилетѣ и въ полосатомъ вязанномъ колпакѣ на головѣ.

— Венъ ружъ, мусье! И апельсинъ на закуску, для мадамы!...—скомандовалъ Конуринъ.

— Оранжъ, оранжъ...—поправила Глафира Семеновна.

— Oh, oui, madame...—засуетился трактирщикъ.

— Де бутель! Надо двѣ бутылки!—крикнулъ Николай Ивановичъ.—Обѣщались извощику поднести.

— Это шулеришкѣ-то? Шулеришкѣ, отнявшему у меня вчера въ Казино шестнадцать франковъ изъ-за Лисабона? Не желаю я, чтобы вы его потчивали,—заговорила Глафира Семеновна.

— Нельзя, Глаша... Мы ему раньше посулили. Тогда не слѣдовало совсѣмъ ѣхать съ нимъ. А ужъ коли поѣхала, то чего-жъ тутъ!

Мужчины вышли изъ коляски, чтобы размять ноги. Глафира Семеновна продолжала сидѣть. Слѣзъ съ козелъ и извощикъ и закурилъ трубку. Трактирщикъ подалъ вино. Начали пить.

— Наливай и коше венъ ружъ,—говорилъ Николай Ивановичъ, кивая трактирщику на извощика.—Веръ пуръ коше.

Пилъ и извощикъ.

— Votre santé, messieurs et madame... кланялся онъ.— Vous êtes les russes... Oh, nous aimons les russes!

Выпивъ вина, онъ сдѣлался смѣлѣе и фамильярнѣе, подошелъ къ Глафирѣ Семеновнѣ и, извиняясь за причиненную ей вчера въ Казино непріятность, сталъ доказывать, что ставку выигралъ онъ, а не она, стало быть онъ совершенно справедливо захватилъ со стола деньги.

— Алле, але... же не ве па парле авекъ ву... махала та руками и крикнула мужчинамъ: Господа! Да уберите отъ меня извощика! Ну, что онъ ко мнѣ лѣзетъ!

— Мусью! Иди сюда! Пей здѣсь! крикнулъ ему Николай Ивановичъ, помѣстившійся уже съ Конуринымъ за зеленымъ столикомъ.

— Mille pardon, madame... разшаркался передъ Глафирой Семеновной кучеръ и отошелъ отъ нея.

Снова дорога, то поднимающаяся въ гору, то спускающаяся подъ гору, снова налѣво роскошныя виллы, а на право морская синяя даль. Извощикъ, под-

бодренный виномъ и фамильярнымъ обращеніемъ съ нимъ сѣдоковъ, еще съ большимъ жаромъ началъ разсказывать достопримѣчательности дороги, по которой они проѣзжали.

— Villa Pardon... указывалъ онъ на возводящуюся каменную постройку.—Villa Crenon, Villa Scholtz...

Онъ даже разсказывалъ о профессіяхъ владѣльцевъ виллъ: кто откуда родомъ, кто на чемъ разбогатѣлъ, кто фабрикантъ, кто банкиръ, кто на какую актрису разоряется, но его никто не слушалъ.

— Бормочи, бормочи, мусье, все равно тебя никто не понимаетъ... проговорилъ Николай Ивановичъ.

— Очень даже понимаю, похвасталась Глафира Семеновна:—Но не желаю отъ извощика разговоровъ слушать.

Показалась роскошнѣйшая вилла съ бульваромъ, съ роскошнымъ садомъ, обнесеннымъ чугунной рѣшеткой. Посреди пестрѣющей цвѣтами клумбы билъ фонтанъ. Вотъ и ворота во дворъ виллы съ каменными столбами и рѣзной чугунной перекладиной, обвитыми плющемъ. У воротъ стоялъ бравый лакей, съ непокрытой головой, въ синемъ полуфракѣ со свѣтлыми пуговицами, въ бархатныхъ красныхъ плюшевыхъ короткихъ штанахъ и черныхъ чулкахъ и башмакахъ съ пряжками. Онъ стоялъ важно выпятивъ впередъ правую ногу и курилъ сигару, пуская въ воздухъ дымъ колечками. Глафира Семеновна взглянула на лакея и вздрогнула. Въ лакеѣ она узнала Капитона Васильевича, съ которымъ она, ея мужъ и Конуринъ вчера завтракали и играли въ залѣ на сваяхъ. Взглянулъ на лакея и Конуринъ, пробормоталъ:

— Тсъ... Вотъ такъ штука... Землякъ-то нашъ какимъ пестрымъ пѣтухомъ одѣтъ. Скажи на милость, въ лакеяхъ служитъ, а мы то его...

— А мы его чуть не въ графы произвели, въ секретари посольства... Женушка моя любезная прямо заявила, что онъ аристократъ и даже, въ первый разъ увидавшись, ужъ подъ руку съ нимъ по залѣ порхала, весь вспыхнувъ, заговорилъ Николай Ивановичъ.

— Молчите вы... Вы сами-же меня съ нимъ и познакомили!—огрызнулась Глафира Семеновна, слезливо моргая глазами, и крикнула извощику: Алле, коше! Алле плю витъ!

Извощикъ щелкнулъ бичемъ и лошади помчались. Впереди виднѣлась высокая гора и на ней возвышался громадный замокъ. Подъѣзжали къ Монако. Еще выше, на второй горной террасѣ стоялъ Монте-Карло съ его знаменитымъ игорнымъ домомъ.

XXIV.

Передъ самымъ Монте-Карло извощикъ, защелкавъ бичемъ, разогналъ лошадей. Лошади помчались и минуты черезъ двѣ-три на всѣхъ рысяхъ подкатили экипажъ къ роскошному подъѣзду игорнаго дома. Смеркалось уже, когда Ивановы и Конуринъ выходили изъ экипажа. Извощикъ тоже слѣзалъ съ козелъ и, приподнявъ свою шляпу котелкомъ, просилъ „пуръ буаръ“. Николай

Ивановичъ началъ расчитываться съ нимъ. Извощикъ оказался доволенъ расчетомъ, кивнулъ и, улыбнувшись, сказалъ:

— Bonne chance, monsieur...

— Глаша! что онъ говоритъ? Неужто двухъ франковъ на чай ему мало? спросилъ жену Николай Ивановичъ.

— Желаетъ счастія въ игрѣ.

— А почемъ онъ знаетъ, что мы будемъ играть?

— Ахъ, Боже мой! да вѣдь сюда только за этимъ и ѣздятъ!

Извощикъ пошелъ далѣе и, наклонившись къ Глафирѣ Семеновнѣ, даже началъ подавать ей совѣты въ игрѣ въ рулетку, продолжая улыбаться самымъ добродушнымъ образомъ.

— Прежде всего не горячитесь... Но тихо, спокойно... И первую ставку на красную или черную... говорилъ онъ мягкимъ голосомъ на ломанномъ французскомъ языкѣ итальянца.

Глафира Семеновна отшатнулась.

— Да онъ съ ума сошелъ! Вдругъ дѣлаетъ мнѣ наставленія въ игрѣ... проговорила она, бросивъ строгій взглядъ на извощика.

— Осади назадъ, мусью! Осади. Получилъ на чай— и будетъ съ тебя! крикнулъ на него Николай Ивановичъ и тутъ-же прибавилъ, обратясь къ женѣ:—Сама, матушка, виновата... Якшаешься около игорныхъ столовъ чортъ знаетъ съ кѣмъ. Партнеръ твой вчерашній по игрѣ. Онъ тебя за партнера и считаетъ.

— Да развѣ я виновата, что здѣсь извощики шляются во всѣ мѣста, гдѣ бываетъ чистая публика!

Конуринъ, задравъ голову, осматривалъ входъ въ игорный домъ.

— Этакій подъѣздище-то великолѣпный! У иного дворца подъѣздъ въ сто разъ хуже, говорилъ онъ.

— На кровныя денежки дураковъ построенъ. Они ихъ сюда наносили,—отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

— Дураковъ... Однако, здѣсь вся Европа играетъ, возразила Глафира Семеновна.

— Ничего не обозначаетъ. На средства всѣхъ европейскихъ дураковъ. Умные люди здѣсь играютъ, что-ли? Умный человѣкъ въ рулетку играть не станетъ.

— Поди ты! У тебя все дураки. Отчего-же тѣ не дураки, которые въ стуколку играютъ, въ винтъ?

— Въ стуколку или въ проклятую дѣтскую вертушку!..—воскликнулъ въ свою очередь Конуринъ.—Помилуйте, матушка Глафира Семеновна, что вы говорите! Въ стуколку у тебя карты въ рукахъ и всю ты эту музыку видишь, а здѣсь какъ тебѣ эти самые... маркеры они что-ли, что вотъ при вертушкахъ-то?

— Крупье...

— Ну, а здѣсь какъ тебѣ крупье машину пуститъ, такъ ты и долженъ вѣрить, что это правильно. А вѣдь онъ можетъ пустить и шибче и тише, съ какимъ-нибудь шуллеришкой стачавшись. Знай я, что пойдетъ вертушка тише или шибче — сейчасъ у меня другой разсчетъ.

— Да вѣдь вы еще не видали, какъ здѣсь вертушку пускаютъ и судите потому, какъ въ Ниццѣ ее пускаютъ. А здѣсь Монте-Карло... здѣсь на всю Европу... здѣсь совсѣмъ другіе порядки...

— Да вѣдь и вы еще не видали.

— Не видала, но много читала про эту рулетку. Однако, что-же мы не входимъ въ нутро, Николай Иванычъ? Толпимся на подъѣздѣ и безъ всякаго толку...—заговорила Глафира Семеновна.

— Дай, матушка, зданіе-то осмотрѣть. Успѣешь еще деньги-то свои отдать. Хорошъ подъѣздъ, но одного въ немъ не хватаетъ... — произнесъ съ ироніей Николай Ивановичъ.

— Ахъ, какой знаменитый архитекторъ выискался! Чего-же это не хватаетъ-то?

— А вотъ тутъ надъ подъѣздомъ должна быть надпись на всѣхъ европейскихъ языкахъ: „здѣсь дураковъ ищутъ".

— Да полно вамъ! Ну, что это въ самомъ дѣлѣ! Всѣ дураки, дураки... Вы очень умны, должно быть?

— Самый первый дуракъ, иначе-бы сюда не пріѣхалъ.

Разговаривая на эту тему, они обошли кругомъ весь игорный дворецъ, посмотрѣли съ откоса внизъ, гдѣ въ стрѣльбищѣ проигравшіеся игроки, вымѣщая свою злобу на невинныхъ голубяхъ, бьютъ ихъ изъ ружей, и снова подошли къ главному входу.

— Бѣдные голубки!—вздыхала Глафира Семеновна.

— Здѣсь, душечка, жалости нѣтъ, здѣсь и людей не жалѣютъ — отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

— Но я удивляюсь, какъ это не запретятъ для удовольствія голубей разстрѣливать.

— Здѣсь ничего не запрещаютъ. Человѣка даже до застрѣла доводятъ. Нашего-же родственника въ третьемъ году чуть не до сапогъ раздѣли, ты сама знаешь.

— Ахъ, вы все про одно и тоже. Ну, что-жъ, входите.

Они вошли. Уже совсѣмъ стемнѣло и вездѣ зажгли электричество. Представляющій изъ себя верхъ роскоши вестибюль блисталъ электричествомъ. Въ немъ толпилась нарядная публика, очень мало разговаривавшая и съ удивительно озабоченнымъ дѣловымъ выраженіемъ на лицахъ. Ни веселья, ни улыбки Ивановы и Конуринъ ни у кого не замѣтили. Ежели кто и разговаривалъ, то только полушопотомъ. Только у бюро игорнаго дома стоялъ нѣкоторый говоръ.

— Билеты на входъ надо взять, что-ли? спросилъ Николай Ивановичъ.

— Да конечно-же... Видите, люди берутъ, отвѣчала Глафира Семеновна и повела мужа и Конурина въ бюро.

— Комбьянъ пейе? спрашивалъ Николай Ивановичъ у юркаго конторщика въ очкахъ и съ перомъ за ухомъ.—Комбьянъ антре?

— Votre carte, monsieur?.. спросилъ тотъ и забормоталъ цѣлую тираду, пристально разглядывая Николая Ивановича сквозь очки.

Николай Ивановичъ, разумѣется, ничего не понялъ.

— Глаша! Что онъ за рацею такую передо мной разводитъ? задалъ онъ вопросъ женѣ.

— Карточку твою для чего-то проситъ. Спрашиваетъ откуда мы, гдѣ живемъ.

— Тьфу ты пропасть! Люди деньги принесли имъ, а онъ къ допросу тянетъ! проговорилъ Николай Ивановичъ, доставая свою визитную карточку и, подавая ее конторщику, тутъ-же прибавилъ:—Только все равно, мусье, по русски ничего не поймешь.

Конторщикъ принялъ карточку, повертѣлъ ее, отложилъ въ сторону и опять заговорилъ.

— Имя и фамилію твою спрашиваетъ, перевела Глафира Семеновна и тутъ-же сказала конторщику:— Николя Ивановъ де Петерсбургъ, авекъ мадамъ ля фамъ Глафиръ...

— Батюшки! Да тутъ цѣлый допросъ... Словно у слѣдователя. Передай ужъ кстати ему, что подъ судомъ и слѣдствіемъ мы не были, вѣры православной.

— Брось, Николай Иванычъ... Ты мѣшаешь мнѣ слушать, что онъ спрашиваетъ. — Уй, уй, монсье, нусомъ вояжеръ... Команъ?.. Въ Ниццѣ... То бишь... Да, Нисъ... Ахъ, ты Боже мой! Да неужто и гостинницу вамъ нужно знать, въ которой мы остановились!

Глафира Семеновна сказала гостинницу. Конторщикъ все это записывалъ въ разграфленную книгу.

— Допросъ... Допросъ... бормоталъ Николай Ивановичъ. — Переведи ужъ ему кстати, что Петербургскій, молъ, второй гильдіи купецъ... Кавалеръ... 43 лѣтъ отъ роду. Свои-то года скажешь ему, что-ли?

— Бросите вы шутить, или не бросите?.. огрызнулась на него Глафира Семеновна.

— Какія, матушка, тутъ шутки! Цѣлый форменный допросъ. Да дать ему нашъ паспортъ, что-ли? Покрайности не усумнится, что ты у меня законная жена, а не съ боку припека.

— Да допросъ и есть, согласилась наконецъ Глафира Семеновна.—Спрашиваетъ: одинъ день мы здѣсь въ МонтеКарло пробудемъ или нѣсколько... Энъ журъ,

10*

монсье, энъ журъ... И зачѣмъ только ему это?! дивилась она.

Конторщикъ писалъ уже что-то на зеленаго цвѣта билетѣ.

— Знаешь что, Глаша? сказалъ Николай Ивановичъ.—Я боюсь... Ну, ихъ къ чорту! Уйдемъ мы отсюда. Словно мошенниковъ насъ допрашиваютъ.

— Да ужъ кончено, все кончено.

— Чего: кончено! Вѣдь это срамъ! Купца и кавалера, домовладѣльца, извѣстнаго торговца съ старой фирмой и вдругъ такъ допрашиваютъ!

— Ничего не подѣлаешь, коли здѣсь порядки такіе, отвѣчала Глафира Семеновна, принимая отъ конторщика билетъ на право входа въ игорныя залы, и спросила:—Комбьянъ пейе? Рьенъ? переспросила она отвѣтъ конторщика и прибавила, обратясь къ мужу:—Видишь, какъ хорошо и деликатно, дали билетъ и ни копѣйки за него не взяли.

— Да какая ужъ, душечка, тутъ деликатность, коли совсѣмъ оконфузили допросомъ. Только развѣ не спросили о томъ, въ какія бани въ Петербургѣ ходимъ.

Очередь дошла и до Конурина. Тотъ тяжело вздохнулъ и подошелъ къ конторкѣ.

— Полѣзай, Иванъ Кондратьевъ, и ты на расправу, коли сунулся съ своими деньгами въ Монте-Карлу эту проклятую, проговорилъ онъ и прямо подалъ конторщику свой заграничный паспортъ.—Крестьянинъ Ярославской губерніи, Пошехонскаго уѣзда и временный Санктъ-Петербургскій второй гильдіи купецъ, женатъ, но жену дома оставилъ. Впрочемъ тутъ изъ паспорта все видно, прибавилъ онъ, обращаясь къ

конторщику. — Вотъ даже и двѣ печати отъ австрійскаго консульства и отъ германскаго. Будь, братъ, покоенъ: не мазурики и въ социвалистахъ не состоимъ.

Былъ выданъ и Конурину входный билетъ.

XXV.

Запасшись билетами для входа. Ивановы и Конуринъ направились въ игорныя залы. Дабы попасть въ игорныя залы, пришлось пройти черезъ великолѣпную гостиную залу, предназначенную, очевидно, для отдыха послѣ проигрыша и уставленную по стѣнамъ мягкими диванами. Въ ней бродило и сидѣло человѣкъ пятьдесятъ—шестьдесятъ публики. Были мужчины и дамы. Мужчины курили. На лицахъ всѣхъ присутствующихъ было замѣтно какое-то уныніе. Почти всѣ сидѣли и бродилипо одиночкѣ. Группъ совсѣмъ было не видать. Кое гдѣ можно еще было замѣтить стоявшихъ по двое, но они молчали или разговаривали въ полголоса. Ни шутки, ни даже улыбки нигдѣ не замѣчалось. Всѣ были какъ-то сосредоточены и даже ступали по мозаичному полу осторожно, стараясь не дѣлать шуму. Такъ бываетъ обыкновенно, когда въ домѣ есть трудно больной или покойникъ. Сосредоточенность и уныніе присутствующихъ подавляли все. Даже изумительная роскошь отдѣлки залы не производила впечатлѣнія на входящихъ.

— Фу, ты пропасть! Даже жутко дѣлается. Что это

всѣ ходятъ и молчатъ? проговорилъ Конуринъ, обращаясь къ Глафирѣ Семеновнѣ.

— Да почемъ-же я-то знаю! отвѣчала она, раздраженно.—Нельзя-же въ хорошемъ аристократическомъ обществѣ кричать.

Уныло-угнетенный тонъ и на нее произвелъ впечатлѣніе.

— Вонъ барынька-то съ птичкой на шляпкѣ въ уголкѣ какъ пригорюнясь сидитъ и даже плачетъ. Должно быть сильно проигралась, замѣтилъ Николай Ивановичъ.

— Ужъ и плачетъ! Все ты шиворотъ на выворотъ видишь.

— Да конечно-же плачетъ. Видишь, на глазахъ слезы. Моргаетъ глазами и слезы... Конечно-же проигралась.

— Можетъ быть мужъ раздразнилъ.

— А зачѣмъ-же тогда держать кошелекъ въ рукахъ и перебирать деньги? Видишь, серебро. И денегъ-то всего три франка и нѣсколько сантимовъ. Сейчасъ видно, что это остатки. До тла проигралась.

— Удивительно, какъ это вы любите видѣть во всемъ худое.

Николай Ивановичъ, между прочимъ, не спускалъ съ дамы глазъ. Дама была молоденькая, нарядно и кокетливо одѣтая. У ней въ самомъ дѣлѣ на глазахъ были слезы. Вотъ она убрала въ карманъ кошелекъ, тяжело вздохнула и задумалась, въ упоръ смотря на колонну, находящуюся передъ ней. Такъ она просидѣла нѣсколько секундъ и перевела взоръ на свою правую руку, пощупала на ней браслетъ и стала его снимать съ руки. Черезъ минуту она поднялась съ

дивана и стала искать кого-то глазами въ залѣ. По залу, заложа руки за спину и закусивъ въ зубахъ дымящуюся сигару, бродилъ черный усатый господинъ въ длинной темной визиткѣ англійскаго покроя. Дама направилась прямо къ нему. Онъ остановился, вынулъ сигару изо рта и, будучи высокаго роста, наклонился надъ дамой, какъ-бы сбираясь ее клюнуть своимъ длиннымъ крючковатымъ носомъ восточнаго типа. Они разговаривали. Дама подала ему браслетъ. Онъ взялъ отъ нея браслетъ, холодно-вѣжливо кивнулъ ей и отошелъ отъ нея, въ свою очередь отыскивая кого-то глазами. Искать пришлось не долго. Къ нему подлетѣлъ низенькій, толстый, съ неряшливой полусѣдой бородой человѣкъ въ гороховомъ пальто. Они отошли въ сторону и вдвоемъ стали шептаться и разсматривать браслетъ. Пошептавшись, усатый господинъ поманилъ къ себѣ даму и, спрятавъ браслетъ въ одинъ карманъ, вынулъ изъ другаго кармана кошелекъ и началъ отсчитывать ей деньги.

— Глаша, Глаша, смотри. Та дама, что плакала, браслетъ свой ростовщику закладываетъ. Передала ему браслетъ и деньги получаетъ, указалъ Николай Ивановичъ женѣ.

— Ну, ужъ вы наскажете.

— Да смотри сама. Вотъ у колонны... Видишь... Сейчасъ передала ему браслетъ и деньги взяла. Вонъ онъ ей и росписку пишетъ.

Усатый господинъ дѣйствительно вынулъ записную книжку и писалъ въ ней что-то карандашемъ. Черезъ минуту онъ вырвалъ изъ книжки листикъ и подалъ его дамѣ. Дама быстро схватила листикъ и ускорен-

нымъ шагомъ побѣжала къ дверямъ, ведущимъ въ игорныя залы и охраняемымъ швейцаромъ и контролеромъ.

— Ну, что, убѣдилась?—спрашивалъ жену Николай Ивановичъ и прибавилъ:—Вотъ гнѣздо-то игорное! Даже ростовщики водятся.

— Да мало-ли дуръ всякихъ есть,—отвѣчала Глафира Семеновна.

Конуринъ тоже видѣлъ операцію залога браслета и дивился.

— Ловко! Совсѣмъ по цивилизаціи! прищелкнулъ онъ языкомъ и покачалъ головой.—И вѣдь какъ все это въявь дѣлается, безъ всякаго стѣсненія! При игорномъ домѣ и касса ссудъ... Удивительно.

— Попали мы въ мѣстечко!—вздохнулъ Николай Ивановичъ и спросилъ:—А гдѣ-же играютъ-то? Гдѣ этотъ самый вертепъ? Гдѣ рулетка?

— А вотъ должно быть за тѣми дверями. Всѣ туда идутъ,—кивнула Глафира Семеновна на двери, за которыми скрылась заложившая свой браслетъ дама, и направилась къ этимъ дверямъ, ведя за собой мужа и Конурина.

Швейцаръ и контролеръ тотчасъ-же загородили имъ дорогу и спросили билеты. Контролеръ довольно внимательно просмотрѣлъ билеты, переврал въ слухъ фамилію Конурина и наконецъ, возвративъ билеты, произнесъ: „entrez, messieurs“. Швейцаръ распахнулъ двери.

— Ну, наконецъ-то въ рай впустили! произнесъ Конуринъ. Люди свои кровныя деньги имъ несутъ на съѣденіе, а они у каждой двери заставы понадѣлали.

Глазамъ Ивановыхъ и Конурина открылся рядъ большихъ и длинныхъ залъ, отдѣленныхъ одна отъ другой широкими арками. Посреди залъ стояли огромные столы и около нихъ густо толпилась публика. Дамы протискивались сквозь толпу мужчинъ, протягивали руки со ставками. Мужчины загораживали имъ дорогу и въ свою очередь лѣзли къ столу, стараясь поставить на номеръ деньги. Наступившіе кому нибудь на ногу или толкнувшіе другъ друга, даже не извинялись. Азартъ поборолъ все. Вездѣ раскраснѣвшіяся лица, вездѣ тяжелое прерывистое дыханіе, растрепанныя прически, на которыя владѣльцы ихъ, отдавшись всецѣло игрѣ, уже не обращали вниманія и не приводили въ порядокъ. Какъ въ гостиной залѣ, такъ и здѣсь несложный сдержанный разговоръ, состоящій изъ игорныхъ терминовъ или даже только полушопотъ, изрѣдка прерываемый извѣстными выкриками крупье: „Faites vos jeux" и „Rien ne va plus".

Ивановы и Конуринъ обошли всѣ залы, бродя между столами и наблюдая стоявшую и сидѣвшую около нихъ публику. У одного изъ столовъ они услышали и русскій полувозгласъ:

— Бьетъ игра, бьетъ и даже просвѣта не вижу!

— Слышалъ? Русопета нашего обчищаютъ, кивнулъ Конуринъ по направленію къ столу.—Попался, голубчикъ.

— Не лѣзь на рогатину. Самъ виноватъ, откликнулся Николай Ивановичъ.

— Однако, вѣдь есть-же такіе, что и выигрываютъ,—замѣтила Глафира Семеновна.— Я сама чи-

тала въ газетахъ, что какой-то кельнеръ изъ ресторана здѣсь цѣлое состояніе выигралъ.

— Ну, такихъ, я думаю, не завалило. Иначе, суди сама, на какіе имъ доходы было-бы такой дворецъ для игорнаго дома построить. Вѣдь дворецъ. Вонъ люстра-то виситъ съ потолка... Вѣдь она состояніе стоитъ.

Отъ одного изъ столовъ отошелъ уже не раскраснѣвшійся, а блѣдный мужчина съ черной бородой, взъерошилъ себѣ рукой прическу, опустился на круглый диванчикъ и упершись руками въ колѣнки, безсмысленно сталъ смотрѣть въ полъ.

— Этого тоже должно быть ловко умыли!..—замѣтилъ Конуринъ.

— Вонъ и старушка бродитъ и отдувается,—указалъ Николай Ивановичъ. — Непремѣнно и ей бокъ нажгли... Шляпка-то совсѣмъ съѣхала у ней на бокъ, а она и не замѣчаетъ. Грѣхъ, бабушка, въ вертушку въ эти годы играть. Богу-бы молилась дома.

Глафира Семеновна сердилась.

— Ахъ, какъ вы мнѣ оба надоѣли своими прибаутками!—проговорила она, обращаясь къ мужу и Конурину.—Я сбираюсь попробовать счастія, а вы съ двухъ сторонъ: одинъ — нажгли, а другой — умыли. Вѣдь такъ нельзя... Ни въ какой игрѣ не слѣдуетъ такихъ словъ подъ руку говорить. Надо бодрить человѣка, а не околачивать его разными жалкими словами.

— Какъ ты будешь играть, ежели ты не знаешь, какъ здѣсь и играется,—замѣтилъ ей мужъ.

— Ну, вотъ! Не боги горшки-то обжигаютъ. По-

дойдемъ къ столу, присмотримся и поймемъ въ чемъ дѣло. Вотъ столъ, около котораго немножко попросторнѣе, къ нему и подойдемъ.

Она двинулась къ столу. Мужъ и Конуринъ послѣдовали за ней.

XXVI.

Быстро бросились имъ въ глаза одутловатая фигура крупье съ краснымъ широкимъ лицомъ, обрамленнымъ жиденькими бакенами и усами, его лысина, черепаховое пенснэ на носу и грудки золота и пятифранковыхъ монетъ. Банковые билеты лежали отдѣльной стопкой. Другой крупье, молодой, съ кислосладкой физіономіей опереточнаго тенора, украшенный капулемъ, приводилъ въ движеніе рулетку. Игроковъ пять, шесть, въ томъ числѣ одна пожилая дама, вся въ черномъ, сидѣли около стола, остальные стояли. Сидѣвшіе около стола были игроки на большую ставку. Передъ ними также лежали стопки серебра и золота. Одинъ былъ пожилой блондинъ съ безстрастными оловянными, какъ бы рыбьими глазами, но не взирая на ихъ безстрастность, онъ особенно горячился, игралъ на золото и ставилъ по нѣскольку ставокъ сразу, другой, также сильно горячившійся, былъ очень еще молодой человѣкъ, причесанный, прилизанный, какъ-бы соскочившій съ модной картинки, въ широчайшихъ брюкахъ круп-

ными полосами, засученныхъ у щиколки, съ брилліантовой булавкой въ галстухѣ и въ запонкахъ у рукавчиковъ сорочки чуть не въ блюдечко величины. Онъ также игралъ на золото, сидѣлъ у стола какъ-то бокомъ, выставивъ въ сторону ногу, послѣ каждаго проигрыша ударялъ себя по бедру и шепталъ что-то себѣ подъ носъ. Дама играла на золото и на серебро, систематически ставя золотой на номеръ и пятифранковую монету на черную или красную, поминутно кусая свои блѣдныя губы. Ей нѣсколько разъ были даны небольшіе куши, она приподнималась со стула и, недожидаясь, пока крупье подвинетъ къ ней деньги лопаточкой, съ середины стола пригребала ихъ къ себѣ руками и тотчасъ-же удваивала ставку.

— Удивительное дѣло: и здѣсь дамамъ счастье... проговорила Глафира Семеновна, наблюдая игру.

Конуринъ и Николай Ивановичъ молчали и внимательно слѣдили за игрой.

— Теперь я вспоминаю. Точь въ точь такую-же рулетку я видѣла у Комловыхъ, но та, разумѣется, была маленькая, продолжала Глафира Семеновна. Самое выгодное здѣсь на номеръ ставить, но я все не могу сообразить, сколько выдаютъ здѣсь за номеръ при выигрышѣ.—Николай Иванычъ, я поставлю на красную... шепнула она мужу.

— Погоди... не горячись, былъ отвѣтъ.

— Игра большая. Съ маленькой-то ставкой тутъ и не подступайся... прошепталъ Конуринъ.

— Ну, вотъ... Чего тутъ стѣсняться! И маленькую ставку въ лучшемъ видѣ отберутъ, отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

— Ружъ... проговорила вдругъ Глафира Семеновна и бросила двухфранковую монету на красное.

Играющіе обернулись къ ней лицомъ и улыбнулись. Одутловатый крупье-кассиръ придвинулъ къ ней двухфранковую монету обратно и заговорилъ что-то по французски.

— Команъ? удивилась Глафира Семеновна.—Николай Иванычъ, смотри, отъ меня даже не принимаютъ ставку, обратилась она къ мужу недоумѣвающе.

Крупье-кассиръ, заслыша ея русскую рѣчь, издали показалъ ей пятифранковикъ.

— Да, да... Видишь, онъ показываетъ тебѣ, что меньше пяти франковъ ставить нельзя, отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

— Но ежели я поставлю пять франковъ, то у меня ассигнованнаго на проигрышъ золотаго хватитъ только на четыре ставки.

— Такъ что-жъ изъ этого? По одежкѣ и протягивай ножки.

— Помилуй, какая-же это игра на четыре ставки! Дай мнѣ еще золотой.

— Да ты прежде четыре-то ставки проставь.

Конуринъ стоялъ и бормоталъ:

— Вишь, какъ зажравшись здѣсь, черти! Отъ двухъ франковъ отказываются. Какъ будто два франка и не деньги. Два франка—вѣдь это восемь гривенъ, по нашему. У меня въ Питерѣ въ магазинѣ на эти деньги можно купить четверку чаю хорошаго и два фунта сахару.

— Николай Иванычъ, я поставлю пять франковъ

на красное... Ужъ куда ни шло... проговорила Глафира Семеновна.

— Да ставь. Мнѣ-то что! Я вотъ все соображаю, что это значитъ, когда не на номеръ ставятъ, а на полоску между номерами. Вонъ фертикъ съ капулемъ на четыре полоски вокругъ номера сейчасъ поставилъ. Команъ, мосье, вотъ это на полоску?.. Комбьенъ можно получить? обратился Николай Ивановичъ къ стоявшему рядомъ съ нимъ бородачу въ очкахъ, но тотъ не понялъ и, отрицательно покачавъ головой, полѣзъ съ пятифранковикомъ къ номеру.

— Rien ne va plus! воскликнулъ крупье, отстраняя ставку.

— Глаша! Спроси хоть у дамы по французски: что это значитъ на полоску и вокругъ номера, сказалъ Николай Ивановичъ женѣ, но Глафира Семеновна схватила его за руку повыше локтя и радостно шептала:

— Выиграла на красную, пять франковъ выиграла. Я на номеръ поставлю теперь.

— Да вѣдь ты еще не знаешь, сколько здѣсь за угаданный номеръ даютъ.

— И не надо знать. По крайности сюрпризъ будетъ. Неужели-же здѣсь при всей публикѣ надуютъ? Ну, я на семь поставлю. Седьмаго ноября была наша свадьба.

— Понялъ, понялъ, что значитъ на полоску ставить, шепталъ Конуринъ, ударивъ себя по лбу ладонью.—Это значитъ, что ставка на два номера, на номеръ, который на право и на номеръ, который налѣво. Пятакъ серебряный стало быть пополамъ. По-

ставлю я имъ пятакъ? обратился онъ къ Николаю Ивановичу. — Пятакъ—два рубля, стало быть фунтъ чаю... Ну, да ужъ пусть ихъ сожрутъ фунтъ чаю, гвоздь имъ въ глотку!

Онъ положилъ „пятакъ" между двумя номерами и, дивное дѣло: ему придвинули грудку серебра.

— Каково! Вѣдь выигралъ! воскликнулъ Конуринъ среди тишины, такъ что обратилъ на себя всеобщее вниманіе.—Ну, теперь погоди. Теперь можно ужъ изъ выигрыша ставить. Сколько-же мнѣ это дали?

Онъ хотѣлъ считать.

— Брось... Не считай... Не хорошо... Оставь такъ для счастья—остановилъ его Николай Ивановичъ и самъ полѣзъ со ставкой, ставя ее на полоску.

Играли ужъ всѣ трое.

— Николай Иванычъ, у меня изъ золотаго послѣдній пятакъ поставленъ, дергала мужа за рукавъ Глафира Семеновна.—Дай мнѣ еще золотой... Нельзя здѣсь на грошъ играть. Видишь, какая большая игра. Лучше ужъ я въ Италіи буду экономить и не куплю себѣ соломенныхъ шляпокъ, о которыхъ говорила.— Ты вотъ что... Ты дай мнѣ два золотыхъ. Даю тебѣ слово, что въ Италіи...

— Да на, на... Не мѣшай только... Видишь, я самъ играю.

Николай Ивановичъ сунулъ женѣ два золотыхъ.

— Смотри, смотри, ты выигралъ, указывала она мужу.

— Да неужели?!

Крупье и къ нему придвигалъ стопку серебра. Николай Ивановичъ просіялъ.

— Скажи на милость, какъ мы съ Конуринымъ удачно... говорилъ онъ. — Конуринъ съ первой-же ставки получилъ, а я со второй... Какъ это хорошо на полоску-то ставить. Глаша! Ставь на полоску. Что тебѣ за охота на цвѣтное ставить, шепнулъ онъ женѣ.—Нѣтъ, здѣсь какъ возможно... Здѣсь игра куда лучше, чѣмъ въ Ниццѣ.

— И благороднѣе... прибавилъ Конуринъ.—Здѣсь и харь такихъ богопротивныхъ нѣтъ, какъ въ Ниццѣ. Вонъ на іудиномъ мѣстѣ, около денегъ господинъ крупье сидитъ... Пріятное лицо... Основательный мужчина... Сейчасъ видно, что не ярыга.

— Ты въ выигрышѣ?

— Франковъ тридцать въ выигрышѣ. Теперь обложить надо номеръ. Вокругъ обложить... На четыре полоски по монеткѣ... Вонъ давеча этотъ съ помутившимися-то глазами обкладывалъ—и ему уйму денегъ подвинули.

— Такъ обложи.

— Конечно-же обложу. При выигрышѣ можно. Ну, пропадай моя телѣга! Вотъ четыре колеса.

И Конуринъ, бросивъ на столъ четыре „пятака“, сталъ ими обкладывать номеръ.

— Николай Иванычъ... Я выиграла... слышался голосъ Глафиры Семеновны. — Второй золотой оказался счастливѣе. Пятакъ на красную выиграла.

— Погоди... не мѣшай... Играй сама по себѣ, а я буду самъ по себѣ... отвѣчалъ Николай Ивановичъ, видимо заинтересованный игрой.—Что, Иванъ Кондратьичъ, обкладка-то не выдрала?

— Сожрали, гвоздь имъ въ затылокъ! — Ну, да авось поправимся. Еще разъ обложу.

— И я обложу. Вѣдь я въ выигрышѣ.

Сказано-сдѣлано. Рулетка завертѣлась. Конуринъ и Ивановы жадными глазами слѣдили за ней.

— Ура! закричалъ вдругъ Конуринъ.

— Тише! Что ты! Никакъ съ ума сошелъ! дернулъ его за рукавъ Николай Ивановичъ.—Вѣдь на тебя вся публика смотритъ.

— Чихать мнѣ на публику!

Крупье пододвигалъ къ Конурину большую стопку серебра. Въ серебрѣ виднѣлся и золотой.

— Николай Иванычъ! Вообрази, я опять выиграла! наклонилась къ мужу Глафира Семеновна.

Глаза ея радостно блистали.

XXVII.

Игра кончалась. Утомленные крупье зѣвали. Игроки около столовъ начали рѣдѣть. Какъ-то медленно, шагъ за шагомъ, отходили они съ опорожненными карманами отъ столовъ. Нѣкоторые, послѣ небольшаго размышленія и сосчитавъ оставшіяся деньги, вновь приближались къ столамъ, ставили послѣднюю ставку, проигрывали и опять отходили. Какой-то элегантный бородачъ, съ длинными волосами почти до плечъ, выгрузилъ изъ кошелька

всю мелочь, набралъ ставку въ пять франковъ, гдѣ попадались даже полуфранковыя монеты, и бросилъ ее на столъ. Очевидно, это были послѣднія деньги, но и онѣ не помогли ему отыграться. Онъ проигралъ. Покусавъ губы и тихо повернувшись на каблукахъ, онъ направился къ выходной двери.

Ивановы и Конуринъ все еще играли. Конуринъ игралъ уже молча, безъ прибаутокъ. Николай Ивановичъ раскраснѣлся и тоже молчалъ. Только Глафира Семеновна дѣлала иногда кое-какія замѣчанія шепотомъ. Наконецъ, Николай Ивановичъ поставивъ ставку и, проигравъ ее, произнесъ:

— Баста. На яму не напасешься хламу. Тутъ можно душу свою проиграть.

Онъ отдулся и отошелъ отъ стола.

— Да ужъ давно никто не выигрываетъ, а только эти проклятые черти себѣ деньги загребаютъ, откликнулась Глафира Семеновна, кивая на крупье.

— Отходи, Глаша... сказалъ ей мужъ.

— А вотъ только еще ставочку... Я въ выигрышѣ немножко.

— Какъ ты можешь говорить о выигрышѣ, если мужъ твой болѣе четырехсотъ франковъ проигралъ! Вѣдь деньги-то у насъ изъ одного кармана. Бросай, Иванъ Кондратьичъ, тронулъ онъ за плечо Конурина.

— Да и то надо бросить, иначе безъ сапогъ домой поѣдешь, отвѣчалъ тотъ и отошелъ отъ стола, считая остатки денегъ.

Глафира Семеновна продолжала еще играть.

— Глаша! крикнулъ ей еще разъ мужъ.

— Сейчасъ, сейчасъ... Только одну послѣднюю ставочку...

— Да ужъ прибереги деньги-то хоть на желѣзную дорогу и на извощика отъ станціи. У меня въ карманѣ только переводъ на банкъ—и больше ни гроша.

— На желѣзную дорогу у меня хватитъ.

Глафира Семеновна звякнула стопочкой пятифранковиковъ на ладони. Мужъ схватилъ ее за руку и силой оттащилъ отъ стола, строго сказавъ:

— Запрещаю играть. Довольно.

— Какъ это хорошо турецкія звѣрства надъ женой при цивилизованной публикѣ показывать!—огрызнулась она на него, но отъ стола все-таки отошла. — Я въ выигрышѣ, все-таки двадцать пять франковъ въ выигрышѣ.

— Не смѣй мнѣ объ этомъ выигрышѣ и говорить.

Они молча шли по игорнымъ комнатамъ, направляясь къ выходу.

— Поспѣемъ-ли еще на поѣздъ-то? Не опоздали-ли? говорилъ Николай Ивановичъ.

— Тебѣ вѣдь сказано, что послѣдній поѣздъ послѣ окончанія всей игры идетъ. Я спрашивала... дала отвѣтъ Глафира Семеновна и прибавила:—Ахъ, какая я дура была, что давеча не прикончила играть! Вѣдь я была сто семьдесятъ франковъ въ выигрышѣ.

— Да ужъ что тутъ разбирать, кто дура, кто дуракъ! махнулъ рукой Конуринъ. — Всѣ дураки. Умные къ этимъ столамъ не подходятъ.

Когда они выходили изъ подъѣзда, въ саду около скамеекъ, поставленныхъ противъ подъѣзда, была толпа. Кто-то кричалъ и плакалъ навзрыдъ. Нѣкото-

11*

рые изъ публики суетились. Изъ находящагося черезъ дорогу кафе, иллюминованнаго лампіонами, бѣжалъ гарсонъ въ бѣломъ передникѣ, со стаканомъ воды въ рукѣ, безъ подноса. Ивановы и Конуринъ подошли къ толпѣ. Тамъ лежала на пескѣ, въ истерикѣ, молодая, нарядно одѣтая дамочка. Она плакала, кричала и смѣялась. Ее приводили въ чувство. Это была та самая дамочка, которую Ивановы и Конуринъ видѣли въ гостиной залѣ, закладывающей свой браслетъ ростовщику.

— Доигралась, матушка! Вотъ до чего доигралась! Ну, и лежи... Ништо тебѣ... сказалъ Конуринъ.

Пріѣхавъ въ Монте-Карло на лошадяхъ, они не знали куда идти на станцію желѣзной дороги и Глафира Семеновна спрашивала у встрѣчныхъ:

— Ля гаръ? У е ля гаръ? Ля стаціонъ?

Имъ указывали направленіе.

Нѣкоторые изъ публики уже бѣжали, очевидно, торопясь попасть на поѣздъ. Побѣжали и они вслѣдъ за публикой. Вотъ входъ куда-то... Но передъ ними захлопнулась дверь и они остановились.

— Николай Иванычъ... Да что-же это такое?! Не пускаютъ... Вѣдь мы опоздаемъ на послѣдній поѣздъ... говорила испуганная Глафира Семеновна.

— А опоздаемъ, то такъ намъ и надо, барынька.— Ночуемъ вонъ тамъ, на травкѣ, за всѣ наши глупости, отвѣчалъ Конуринъ со вздохомъ.—Дураковъ учить надо, охъ, какъ учить!

— Зачѣмъ-же на травкѣ? Здѣсь есть гостинницы. Давеча мы видѣли вывѣски „готель", отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

— Нѣтъ, ужъ вы тамъ какъ хотите, а я на травкѣ... Не намѣренъ я за два номера платить—и здѣсь, и въ Ниццѣ. Что это въ самомъ дѣлѣ, и семь шкуръ съ тебя сняли, да и за двѣ квартиры плати! Я на травкѣ или вонъ на скамейкѣ. Сама себя раба бьетъ за то, что худо жнетъ.

У захлопнувшейся двери стояли не одни они, тутъ была и другая публика. Глафира Семеновна суетилась и ко всѣмъ обращалась съ безсвязными вопросами въ родѣ:

— Ме команъ донъ?.. Ну, вулонъ сюръ ля гаръ... Ле дерніе тренъ... Ну, вулонъ партиръ а Нисъ, и вдругъ захлопываютъ двери! У е ля гаръ?

Ее успокоивали. Какой-то молодой человѣкъ, въ сѣрой шляпѣ, красномъ шарфѣ и красныхъ перчаткахъ, старался ей втолковать по-французски, что они успѣютъ, что это захлопнули передъ ними двери подъемной машины, машина сейчасъ поднимется на верхъ и ихъ впустятъ въ дверь, но впопыхахъ она его не понимала.

Двери подъемной машины наконецъ распахнулись. Глафира Семеновна схватила мужа за руку и со словами: „скорѣй, скорѣй“ втащила его въ подъемный вагонъ. Вскочилъ за ними и Конуринъ. Вагонъ быстро наполнился и сталъ опускаться.

— Боже мой! Это асансеръ! Это подъемная машина!—воскликнула Глафира Семеновна. — Мы не туда попали.

— Стой! Стой!—кричалъ Николай Ивановичъ служащему при машинѣ въ фуражкѣ съ галуномъ, схвативъ его за руку.—Намъ на поѣздъ. Гаръ... Гаръ... Тренъ...

Но машина не останавливалась.

— Фу, ты пропасть! Куда-же это насъ опускаютъ! Не надо намъ... Никуда не надо. Мы въ Нисъ, въ Ниццу... Глаша! Да переведи-же ты этому лѣшему, что намъ въ Ниццу надо.

— Что ужъ тутъ переводить, коли въ преисподнюю куда-то спустились! Изволь потомъ выбираться оттуда.

— А все ты!.. упрекнула мужа Глафира Семеновна.

— Ну, вотъ еще! Чѣмъ-же я-то?..

— Да вѣдь ты меня за руку втащила. Не разспросивши хорошенько — куда, и вдругъ тащишь! Иванъ Кондратьичъ, что тутъ дѣлать? Намъ въ Ниццу, на поѣздъ, а насъ въ преисподнюю спускаютъ.

Конуринъ сидѣлъ потупившись.

— Мало еще по грѣхамъ нашимъ, мало!—отвѣчалъ онъ со вздохомъ.

Служащій при подъемной машинѣ между тѣмъ совалъ имъ билеты и требовалъ по полуфранку за проѣздъ.

— Какъ? Еще за проѣздъ? Силой не вѣдь куда спускаете, да еще за проѣздъ вамъ подай? — воскликнулъ раздраженно Николай Ивановичъ. — Ни копѣйки не получишь.

— Mais, monsieur... началъ было служащій при машинѣ.

— Прочь, прочь! Не распространяй руки, а то вѣдь я по свойски! Намъ въ Ниццу, а вы насъ къ чорту на рога тащите. Мерси... Ни гроша...

Машина остановилась. Двери распахнулись. Глафира Семеновна выглянула и заговорила.

— Отдай, Николай Иванычъ, отдай... Мы правиль-

но попали... Насъ къ самой желѣзной дорогѣ спустили... Вотъ рельсы... Вотъ станція, вотъ и касса билетная. Отдай!

— Чѣмъ я отдамъ, ежели я до послѣдняго четвертака проигрался? Отдавай ужъ ты.

Глафира Семеновна сунула служащему при подъемной машинѣ двухфранковую монету и побѣжала къ кассѣ за билетами на поѣздъ. Поѣздъ уже свистѣлъ и подходилъ къ станціи. Какъ огненные глаза виднѣлись его два буферные фонаря.

— Кто-жъ ихъ зналъ, что здѣсь, чтобъ попасть на поѣздъ, нужно еще на подъемной машинѣ спуститься! ворчалъ Николай Ивановичъ.

Черезъ двѣ-три минуты они сидѣли въ поѣздѣ.

XXVIII.

Поѣздъ шелъ медленно, поминутно останавливаясь на всевозможныхъ маленькихъ станціяхъ и полустанкахъ. Въ купэ вагона, гдѣ сидѣли Ивановы и Конуринъ, помѣщался и тотъ молодой человѣкъ съ запонками въ блюдечко и необычайно широкихъ брюкахъ, котораго они видѣли у игорнаго стола. Онъ сидѣлъ въ уголкѣ и дремалъ, снявъ съ головы шляпу. Визитка его была распахнута и на жилетѣ его виднѣлась золотая цѣпь съ кучей дорогихъ брелоковъ. Тотъ конецъ цѣпи, гдѣ прикрѣпляются на карабинѣ часы, выбился изъ жилетнаго кармана и болтался безъ часовъ. Это обстоятельство

не уклонилось отъ наблюденія Глафиры Семеновны и она тотчасъ-же шепнула сидѣвшему рядомъ съ ней насупившемуся мужу:

— Посмотри, молодой-то человѣкъ даже часы проигралъ—и то не злится, и не дуется, а ты рвешь и мечешь. Видишь, цѣпь безъ часовъ болтается.

— Мало-ли дураковъ есть! отвѣчалъ тотъ.—Неужто ты хотѣла-бы, чтобъ и мы перезаложили всѣ свои вещи въ игорномъ вертепѣ?

— Я не къ этому говорю, а къ тому, что вѣдь игра перемѣнчива. Сегодня проигралъ, а завтра выигралъ. Нельзя-же съ перваго раза выигрыша ждать.

— Такъ ты хочешь, чтобы я отыгрывался завтра? Нѣтъ, матушка, не дождешься. Былъ дуракомъ, соблазнила ты меня, а ужъ больше не соблазнишь, довольно. Вѣдь мы съ тобой въ два-то дня шестьсотъ франковъ проухали. Достаточно. Плюю я на эту Ниццу и завтра-же ѣдемъ изъ нея вонъ.

— Голубчики, ангельчики мои, увезите меня поскорѣй куда-нибудь изъ этого проклятаго мѣста! упрашивалъ Конуринъ. — Вы вдвоемъ шестьсотъ франковъ проухали, а вѣдь я одинъ ухитрился болѣе восьмисотъ франковъ въ вертушки и собачки проиграть.

— Въ какія собачки? — спросила Гдафира Семеновна.

— Ну, все равно: въ лошадки, въ поѣзда, въ вертушки. Увезите, братцы, Христа ради. Вѣдь я семейный человѣкъ, у меня дома жена, дѣти.

— Да вѣдь дома въ стуколку играете-же и по многу проигрываете, замѣтила Глафира Семеновна.

— То дома, матушка Глафира Семеновна, а вѣдь

здѣсь на чужбинѣ, здѣсь можно до того профершпилиться, что не съ чѣмъ будетъ и выѣхать.

— Насчетъ этого пожалуйста не безпокойтесь. Вмѣстѣ пріѣхали, вмѣстѣ и уѣдемъ. Въ крайнемъ случаѣ я свой большой бриллiантовый браслетъ продамъ, а на мой браслетъ можно всѣмъ намъ до Китая доѣхать, а не только что до Петербурга.

— Завтра ѣдемъ, Иванъ Кондратьичъ, завтра... Успокойся... торжественно сказалъ Николай Ивановичъ.

— А шестьсотъ франковъ такъ ужъ и бросишь безъ отыгрыша? спросила мужа Глафира Семеновна.

— Пропади они пропадомъ! Что съ воза упало, то ужъ пропало! И не жалѣю... Только-бы выбраться изъ игорнаго гнѣзда.

— Вѣрно, вѣрно, Николай Иванычъ, и я не жалѣю. Проигралъ—впередъ наука, поддакнулъ Конуринъ.

— Какъ вы богаты, посмотрю я на васъ! Гдѣ такъ на обухѣ рожь молотите, а гдѣ такъ вамъ и большихъ денегъ не жаль. Вѣдь восемьсотъ франковъ и шестьсотъ—тысяча четыреста... сказала Глафира Семеновна.

— Плевать! Только-бы вынесъ Богъ самихъ-то цѣлыми и невредимыми! махнулъ рукой Конуринъ и прибавилъ:—Голубчикъ, Николай Иванычъ, не поддавайся соблазну бабы. Ѣдемъ.

— Ѣдемъ, ѣдемъ.

Разговаривая такимъ манеромъ, они пріѣхали въ Ниццу. Вмѣстѣ съ ними ѣхала въ поѣздѣ и та дамочка, которая въ саду около игорнаго дома лежала въ истерикѣ. Они увидали ее на станцiи. Ее выводили

изъ вагона подъ руки двое мужчинъ: молодой въ шляпѣ котелкомъ и пожилой въ плюшевомъ цилиндрѣ. Глафира Семеновна осмотрѣла ее съ ногъ до головы и сказала:

— Ни браслета, ни часовъ на груди, ни серегъ въ ушахъ, однако-же вотъ не унываетъ.

— Какъ не унываетъ, ежели дѣло даже до истерики дошло! Какого еще унынія надо? воскликнулъ Николай Ивановичъ.

— Истерика может и отъ другихъ причинъ сдѣлаться.

— Ну, Глафира! Ну, баба! Въ ступѣ бабу не утолчешь! И откуда у тебя могла такая ярость къ игрѣ взяться — вотъ чего я понять не могу! Есть у тебя деньги на извощика? Я проигралъ все свое золото, серебро и банковые билеты. Переводъ на банкъ въ карманѣ и больше ничего.

— Есть, есть, не плачь. Четырнадцать франковъ еще осталось.

У станціи они сѣли въ коляску и поѣхали въ гостинницу. Ночь была восхитительная, тихая, луна свѣтила во всю, пахло бальзамическимъ запахомъ померанцевъ и лимоновъ, посаженныхъ въ скверѣ близъ станціи. Молодые побѣги лавровыхъ деревьевъ обдавали своимъ ароматомъ.

— Ночь-то какая, ночь! восхищалась Глафира Семеновна.—Эдакое здѣсь благоуханіе, эдакой климатъ чудесный и вдругъ уѣзжать отсюда, не пробывъ и недѣли! Вѣдь мартъ въ началѣ, у насъ въ Петербургѣ еще лютые морозы, на саняхъ черезъ Неву ѣздятъ, а

здѣсь мы безъ пальто, я вонъ въ одной шелковой накидкѣ...

— Не соблазняй, Ева, не соблазняй, откликнулся мужъ.

— Завтра ѣдемъ? еще разъ спросилъ Конуринъ.

— Завтра, завтра... Черта-ли намъ въ благоуханіи, ежели это благоуханіе на шильничествѣ и ярыжничествѣ основано, чтобы заманить человѣка въ вертепъ и обобрать.

— Ну, вотъ и ладно, ну, вотъ и спасибо. Ахъ, что-то теперь моя жена, голубушка, дома дѣлаетъ! вздохнулъ Конуринъ.

— Чай пьетъ, улыбнулась Глафира Семеновна.

— Нѣтъ, спитъ, поди, ужъ третій сонъ спитъ. Вотъ смирныя-то жены, которыя ежели не бодающіяся, хуже. Дура она была, совсѣмъ полосатая дура, что не удержала меня дома, а позволила по заграницамъ мотаться. Встань она на дыбы, бодни меня хорошенько и сидѣлъ-бы я теперь въ Петербургѣ, не посѣялъ-бы денегъ на дорогу, не разбросалъ-бы ихъ по столамъ съ вертушками и собачками. А то вдругъ, дура, говоритъ: „поѣзжай, посмотри, какъ въ заграничныхъ земляхъ люди живутъ, а потомъ мнѣ разскажешь". Восемьсотъ франковъ проиграть въ вертушки! Вѣдь это, люди говорятъ, триста двадцать рублей. Сколько на эти деньги можно было купить судачины, буженины и солонины для семьи и для артели прикащиковъ!

— Ахъ, Иванъ Кондратьичъ! Ну, чего вы стонете! Все удовольствіе своимъ стономъ отравляете! воскликнула Глафира Семеновна. — Надоѣли... Ужасъ какъ надоѣли! Скулите, какъ собака.

— Ругай меня, матушка, ругай, Христа ради! Ругай хорошенько. Стою я всякой руготни за мое безобразіе. Не собака я, а еще хуже. Ругай... А то некому меня и поругать здѣсь.

Конуринъ опять вздохнулъ.

— Эхъ, хоть-бы по телеграфу жена моя обругала меня хорошенько, такъ все мнѣ легче-бы было! проговорилъ онъ.

Извощикъ подвезъ ихъ къ гостинницѣ.

Николай Ивановичъ сдержалъ свое слово. Утромъ Глафира Семеновна еще спала, а онъ уже съѣздилъ въ банкирскую контору, получилъ деньги по переводу, а вернувшись домой, за кофе потребовалъ счетъ изъ гостинницы, чтобы разсчитаться и ѣхать изъ Ниццы въ Италію.

XXIX.

За утреннимъ кофе Глафира Семеновна опять сильно запротестовала, что они уѣзжаютъ изъ Ниццы, отъ Монте-Карло, не попробовавъ даже отыграться, но Николай Ивановичъ былъ неумолимъ. Его поддерживалъ и Конуринъ, пришедшій изъ своего номера пить кофе вмѣстѣ съ ними.

— Надо, милая барынька, ѣхать, непремѣнно надо, а то въ конецъ свихнуться можно, говорилъ онъ.

— Но мы вѣдь и Ниццы еще хорошенько не видали, возражала она.

— Богъ съ ней, съ Ниццей. Довольно. Хорошенькаго тоже надо по немножку... Море синее видѣли какъ шумитъ, какъ апельсины ростутъ видали, какъ взрослые дураки въ дѣтскія игрушки играютъ и деньги проигрываютъ видали, такъ чего-жъ намъ еще? Какого татуна?

— А не видали еще, какъ дамы купаются въ морѣ при всей публикѣ, попробовала Глафира Семеновна ударить на чувственную сторону мужчинъ.—Останемся хоть для дамъ-то еще денекъ.

— Ну, вотъ... Стоитъ-ли изъ-за купающихся дамъ! откликнулся Николай Ивановичъ.—Это можно и у насъ подъ Петербургомъ видѣть. Поѣзжай лѣтомъ на Охту и за Охтой въ лучшемъ видѣ увидишь, какъ бабы-копорки, полольщицы съ огородовъ въ рѣчкѣ купаются.

— Да развѣ тутъ есть какое-нибудь сравненіе! Тамъ бабы-копорки, а здѣсь аристократки въ костюмахъ.

— Безъ костюмовъ-то, ангелъ мой, еще интереснѣе. Прямо онатюрель.

— Однако-же вѣдь это сѣрое невѣжество, чтобъ уѣзжать изъ города, ничего путемъ не видавши. Сегодня, напримѣръ, маскарадъ особенный будетъ, гдѣ всѣ должны быть во всемъ бѣломъ: въ бѣлыхъ балахонахъ, въ бѣлыхъ дурацкихъ колпакахъ. Это называется Корсо блянъ. Неужели-же и это не посмотрѣть?

— Мы и такъ ужъ, сударыня-барыня, въ дурацкихъ колпакахъ, проигравши въ дѣтскія бирюльки завѣдомымъ обираламъ полторы тысячи франковъ, отвѣчалъ Конуринъ.

— Ужъ и полторы тысячи! Цѣлыхъ ста франковъ

до полторы-то тысячи не хватаетъ. А у меня сегодня ночью, какъ нарочно, даже и предзнаменованіе... Всю ночь мнѣ снилась цифра двадцать два, продолжала Глафира Семеновна.—То будто этотъ номеръ въ видѣ бѣлыхъ утокъ по морю плыветъ, то будто-бы двадцать два огненными цифрами у Николая Иваныча на лбу... Вотъ-бы на эту цифру и попробовать.

— Не путай, матушка, меня, не путай, сама какіе хочешь сны видь, а меня не путай, откликнулся Николай Ивановичъ.—На-ко вотъ, разсмотри лучше счетъ изъ гостинницы, коли ты французская грамотѣйка. Что-то ужъ очень много они съ насъ содрали, подалъ онъ ей счетъ.

— А я увѣрена, что послѣ такого предзнаменованія на двадцать два я выиграла-бы, навѣрное выиграла-бы. Да и ты выигралъ-бы, потому вѣдь и у тебя на лбу. Иванъ Кондратьичъ тоже выигралъ-бы, потому и у него, только не двадцать два, а тридцать три...

— Да неужто тридцать три? Тридцать три—это женина цифра. Ей тридцать три года, сказалъ Конуринъ.

— Ну, вотъ видите. А на счастье жены вы ни разу, кажется, не ставили.

— Ставить-то ставилъ, но такъ, зря... Что-же и у меня эта цифра огненными буквами?..

— Нѣтъ, такъ... Стоите будто-бы вы въ бѣломъ балахонѣ—вотъ въ такомъ, что мы видѣли въ окнахъ магазиновъ для бѣлаго маскарада-то приготовленные... Стоите вы будто въ бѣломъ балахонѣ, придумывала Глафира Семеновна:—а у васъ на груди—тридцать три. А отъ головы какъ-бы сіяніе...

— Фу, ты пропасть! Николай Иванычъ, слышишь?

— Слушай ее! Она тебѣ наскажетъ! Ей только-бы остаться, да поиграть.

— Какъ это глупо, что вы не вѣрите! Вѣдь это-же сонъ... Во снѣ можетъ все присниться.

— Дѣйствительно, во снѣ можетъ всякая чушь присниться, согласился Конуринъ:—но я замѣчалъ, что эта чушь иногда бываетъ въ руку и сбывается. Да вотъ я видѣлъ во снѣ, что меня собака бодала—и тотчасъ же получилъ въ Парижѣ отъ жены письмо. Собака—письмо.

— Конечно-же. Ну, а тутъ ужъ не собака, а прямо цифра тридцать три... По моему, даже грѣхъ не попробовать, если есть предзнаменованіе.

— Такъ-то оно такъ, да ужъ много очень проиграно. Нѣтъ, ѣдемте въ Италію!—махнулъ рукой Конуринъ.—Объѣздить скорѣй эти итальянскія палестины, да и къ себѣ по дворамъ, на постные щи и кашу. Вѣдь, люди говорятъ, у насъ теперь великій постъ, а мы въ здѣшнихъ заграничныхъ земляхъ и забыли совсѣмъ о немъ, грѣшники великіе. Пріѣхать домой, да и покаяться хорошенько.

— Смотри, Глаша, счетъ-то скорѣй. Ужасъ что въ немъ наворочено... указывалъ Николай Ивановичъ женѣ на счетъ.

— На комнаты по три франка въ день прибавлено, отвѣчала та.—Потомъ сервизъ... За прислугу по два франка въ день на персону...

— Да какъ-же они смѣли, подлецы, супротивъ уговора! Эй, кельнеръ! Или какъ тамъ у васъ!

Николай Ивановичъ разгорячился и началъ тыкать въ электрическій звонокъ.

— За кипятокъ въ чайникѣ и спиртовую лампу, на которой мы чайникъ для нашего собственнаго чаю кипятили, взяли четыре франка, продолжала Глафира Семеновна.

— Рубль шесть гривенъ? — воскликнулъ Конуринъ.—Да вѣдь это разбой на большой дорогѣ!

— Просила я кувшинъ теплой воды, чтобы шею себѣ послѣ желѣзной дороги вымыть—и за кувшинъ воды франкъ поставленъ.

— Не отдамъ, ни за что не отдамъ, что по уговору не было назначено, продолжалъ горячиться Николай Ивановичъ и когда слуга явился, воскликнулъ, тыкая пальцемъ въ счетъ: — Команъ это? Кескесе? Пуръ шамбръ было двѣнадцать франковъ объявлено, дузъ франкъ, а тутъ кензъ. Вѣдь это мошенничество, мусье. И пуръ ло, и пуръ самоваръ... Да какой тутъ къ чорту самоваръ! Просто чайникъ съ грѣлкой... Это разбой... Глаша! Какъ разбой по французски? Да переведи-же ему скорѣй по французски.

— Я не знаю, какъ разбой по французски,—отвѣчала Глафира Семеновна.

— А! Ты это нарочно? Нарочно, мстишь мнѣ, что я не остаюсь въ этомъ игорномъ вертепѣ Ниццы и уѣзжаю изъ нея? Хорошо... Ладно... я и самъ сумѣю!..

— Увѣряю тебя, Николай Иванычъ, что я не знаю, какъ разбой. Насъ про разбой не учили, оправдывалась Глафира Семеновна.—Въ благородномъ пансіонѣ съ генеральскими дочерьми я обучалась, такъ зачѣмъ намъ знать о разбоѣ!

— Довольно! Молчи! Это, братъ, разбой! Это, братъ, въ карманъ залѣзать—вотъ что это. Компрене? Воля,

что это... кричалъ Николай Ивановичъ и жестами показывалъ слугѣ, какъ залѣзаютъ въ карманъ.—Какъ воры по французски? обратился онъ къ женѣ.

— Ле волеръ...

— Ле волеръ такъ дѣлаютъ. Компрене? Ле волеръ.

Лакей недоумѣвалъ и пятился. Когда же слово «ле волеръ» закричалъ и Конуринъ и показалъ даже слугѣ кулакъ, то испуганный слуга выбѣжалъ изъ номера и черезъ минуту явился вновь, но уже съ управляющимъ гостинницей, съ французомъ съ сѣдой, козлиной наполеоновской бородкой и съ карандашемъ за ухомъ.

Началось объясненіе съ управляющимъ, въ которомъ уже приняла участіе Глафира Семеновна. Конуринъ по прежнему показывалъ кулакъ и бормоталъ:

— Мы къ вамъ «вивъ ля Франсъ», всей душой, а вы грабить? За это вотъ! Какое-же послѣ этого французское сочувствіе, коль вы будете грабить!

Управляющій слушалъ спокойно, онъ понялъ въ чемъ дѣло, когда ему тыкали пальцемъ въ счетъ, и наконецъ заговорилъ, начавъ оправдываться.

— Глаша! Что онъ говоритъ? спрашивалъ Николай Ивановичъ.

— Онъ говоритъ, что это оттого на комнаты прибавлена цѣна, что мы дежене и дине у нихъ не брали, то есть не завтракали и не обѣдали за табльдотомъ, а онъ предупреждалъ насъ.

— Какъ не обѣдали и не завтракали? Нарочно вчера остались дома завтракать, чтобы глотку имъ заткнуть. Врешь ты, мусье! Мы дежене вчера, всѣ труа дежене. Да переводи-же ему, Глаша!

— Я перевожу, а онъ говоритъ, что одинъ разъ завтракать мало.

— Ну, городъ! Совсѣмъ хотятъ взять въ кабалу! Въ вертепахъ обыгрываютъ, въ гостинницахъ насчитываютъ. Хоть-бы взять англійскій ресторанъ, гдѣ мы третьяго дня обѣдали... Ограбили. Нонъ, нонъ, прибавки за комнаты никакой... Рьянъ пуръ шамбръ.. размахивалъ руками Николай Ивановичъ.—Мы кричимъ «вивъ ля Франсъ», вы кричите «вивъ ля Руси»· а извольте видѣть какое безобразіе! Дузъ франкъ пуръ шамбръ и рьянъ!..

Глафира Семеновна старалась переводитъ. Управляющій смягчился и обѣщался по франку въ день сбросить за комнату. Николай Ивановичъ продолжалъ торговаться. Кончили на двухъ франкахъ, убавили франкъ за кипятокъ.

— Ахъ, ярыги, ярыги! Ахъ, грабители! восклицалъ Николай Ивановичъ, выбрасывая деньги по счету.— Ни копѣйки за это на чай гарсонамъ, швейцарамъ и дѣвушкамъ!

Черезъ часъ они ѣхали въ омнибусѣ съ чемоданами на станцію желѣзной дороги. Глафира Семеновна сидѣла въ углу омнибуса и дулась. Ей ни за что не хотѣлось уѣзжать, не отыгравшись въ рулетку. Конуринъ, напротивъ, былъ веселъ, шутилъ, смотрѣлъ изъ окошка и говорилъ:

— Прощай, славный городъ Ницца! Чтбы тебѣ ни дна, ни покрышки!

XXX.

Ивановы и Конуринъ подъѣзжали къ желѣзнодорожной станціи.

— Батюшки! Да это та-же самая станція, на которую мы и изъ Марселя и изъ Монте-Карло пріѣхали,—говорилъ Николай Ивановичъ.— Сказала ли ты въ гостинницѣ, чтобы насъ везли на ту дорогу, по которой въ Италію можно ѣхать?—спросилъ онъ жену.

— Сказала, сказала. А то какъ-же? Прямо сказала: ля гаръ пуръ Ромъ.

— А развѣ Римъ-то по-французски ромомъ называется?—удивленно задалъ вопросъ Конуринъ.

— Да, да. Римъ—Ромъ по-французски,—отвѣчала Глафира Семеновна.

— Фу, ты пропасть! Такой городъ и вдругъ по хмельному зовется: ромъ! А еще папа живетъ! Стало быть бѣлый и красный ромъ-то оттуда къ намъ и привозится?

— Да почемъ-же я-то знаю, Иванъ Кондратьичъ! Насъ объ винахъ въ пансіонѣ не учили.

— Та-же самая дорога, что въ Римъ, что въ Монте-Карло, теперь ужъ я вижу...—продолжалъ Николай Ивановичъ, вынимая изъ кармана карту желѣзныхъ дорогъ и смотря въ нее.

Заглянула въ карту и Глафира Семеновна и сказала:

— Дѣйствительно, та. Вотъ Ницца, откуда мы ѣдемъ,—ткнула она пальцемъ,—вотъ за красной чер-

12*

той Италія. Видишь, написано: Италія? Вотъ мы такъ поѣдемъ въ Италію, потому что другой дороги изъ Ниццы нѣтъ. А вотъ по пути и Монте-Карло. Вотъ оно напечатано: Монте-Карло.

— Мимо вертепа стало быть поѣдемъ? — спросилъ Конуринъ Глафиру Семеновну.

— Мимо, мимо.

— Вотъ съ удовольствіемъ-то плюну на станціи.

— И я съ тобой вмѣстѣ,—подхватилъ Николай Ивановичъ.

— А какъ это глупо будетъ. Словно дѣти...—сказала Глафира Семеновна. — На которомъ мѣстѣ ушиблись, на то и плюютъ. Совсѣмъ бородатыя дѣти.

Остановились у станціи. Носильщики потащили багажъ. Сопровождавшій омнибусъ человѣкъ изъ гостинницы сталъ спрашивать, куда сдавать багажъ.

— Ромъ, Ромъ, Ромъ... — твердила Глафира Семеновна.

— Въ Ромъ или въ Коньякъ, но только вонъ изъ вашего славнаго города Ниццы,—прибавилъ, смѣясь, Конуринъ.

Человѣкъ изъ гостинницы повелъ ихъ къ кассѣ, сдалъ багажъ, купилъ имъ билеты до Рима и заговорилъ, что-то объясняя.

— На итальянской границѣ нужно будетъ пересаживаться въ другіе вагоны,—перевела Глафира Семеновна.—Но за то эти билеты дѣйствительны на четырнадцать дней и мы по пути, если захотимъ, то можемъ на каждой станціи останавливаться, — весело прибавила она.

Въ головѣ ея въ это время мелькнула мысль, что

во время пути она, можетъ быть, успѣетъ уговорить мужа и Конурина сойти въ Монте-Карло и остаться тамъ часа на три до слѣдующаго поѣзда, чтобы отыграться въ рулетку.

— Гдѣ тутъ останавливаться!—махнулъ рукой Николай Ивановичъ.—Прямо въ Римъ. Изъ Рима въ Неаполь, оттуда въ Венецію и домой...

— Да, да... Въ Римъ такъ и въѣдемъ. Пусть ромомъ насъ угощаютъ...—подхватилъ Конуринъ и опять прибавилъ:—Скажи на милость, вотъ ужъ не думалъ и не воображалъ, что Римъ хмельной городъ.

Человѣкъ изъ гостинницы, исполнивъ свою миссію по сдачѣ багажа и покупкѣ билетовъ, привелъ Ивановыхъ и Конурина въ залу перваго класса, поставилъ около нихъ ихъ сакъ-вояжи и пледы съ подушками и, снявъ фуражку, остановился въ ожидающей позѣ.

— Что? Пуръ буаръ теперь? На чай хочешь? спросилъ, улыбаясь, Николай Ивановичъ.—А зачѣмъ путешественниковъ въ гостинницѣ грабите? Мы — рюсъ, вы—франсе и должны въ мирѣ жить, потому что друзья, ами. Какое-же тогда „вивъ ля Руси“ съ вашей стороны? На вотъ полъ-четвертака. А больше не дамъ. Не стоите вы, черти!

Онъ далъ мелкую серебряную монету.

Черезъ нѣсколько минутъ подошелъ поѣздъ изъ Марселя, отправляющійся до итальянской границы и супруги Ивановы и Конуринъ засѣли въ купэ вагона. Когда поѣздъ тронулся, Конуринъ перекрестился.

— Ни изъ одного города не уѣзжаю съ такимъ удовольствіемъ, какъ изъ этого, проговорилъ онъ.

— Есть чѣмъ хвалиться! Молчали-бы лучше. Вѣдь

это-же сѣрое невѣжество и ничего больше, отвѣчала Глафира Семеновна. — Люди со всѣхъ сторонъ сюда на отдыхъ собираются, благодарятъ Бога, что попали въ этотъ благословенный край, а вы радуетесь, что уѣзжаете!

— Да какъ-же не радоваться-то, ежели ни пито ни ѣдено, столько денегъ здѣсь посѣяли!.. А оставайся больше—еще-бы посѣяли.

— Рѣшительно ничего не извѣстно. Бывали случаи, что люди до послѣдняго рубля проигрывались, потомъ ставили этотъ рубль, счастье къ нимъ обертывалось и они уйму денегъ выигрывали. Сколько разъ я читала объ этомъ въ романахъ.

— Да вѣдь романы-то враки.

— Ахъ, Боже мой! Да самимъ-то вамъ развѣ не случалось наблюдать, что во время проигрыша счастье вдругъ обернется?

— Случалось-то случалось, что говорить!

— Ну, а въ Монте-Карло вы всего только одинъ вечеръ и играли. Развѣ можно судить о своемъ счастьи по одному вечеру?

— Такъ-то оно такъ... Это дѣйствительно... Это грѣхъ говорить... Ну, да ужъ уѣзжаемъ, такъ и слава Богу.

— Ничего не значитъ, что уѣзжаемъ. Поѣдемъ мимо Монте-Карло, можно и остановиться въ немъ. Наши билеты поѣздные на двѣ недѣли дѣйствительны. Уговорите только моего баши-бузука остановиться, кивнула Глафира Семеновна на мужа.

— Глаша! Не соблазняй, крикнулъ тотъ.

Поѣздъ бѣжалъ по самому берегу моря, то исчезая

въ тунеляхъ, то вновь выскакивая изъ нихъ. Виды по дорогѣ попадались восхитительные, самые разнообразные: справа морская синева, смыкающаяся съ синевой неба, слѣва скалистыя горы и ютящіяся богатыя виллы на скалахъ, утопающія въ роскошной зелени.

— Фу, сколько тунелей! говорилъ Николай Ивановичъ.—Полъ-часа ѣдемъ, а уже семь тунелей проѣхали.

— А гдѣ мы, милая барынька, позавтракаемъ? спрашивалъ Кануринъ Глафиру Семеновну: — Гдѣ адмиральскій часъ справимъ? У меня ужъ въ утробѣ на контрабасѣ заиграло.

— Да въ Монте-Карло. Чего еще лучше?

— А развѣ тамъ поѣздъ такъ долго стоитъ?

— Да зачѣмъ намъ знать, сколько поѣздъ стоитъ? Вы слышали, что билеты дѣйствительны на четырнадцать дней. Выйдемъ изъ поѣзда съ нашими сакъ-вояжами, позавтракаемъ, а въ слѣдующій поѣздъ опять сядемъ. Здѣсь поѣзда чуть-ли не каждый часъ ходятъ.

— Глаша! не соблазняй! крикнулъ Николай Ивановичъ.—Знаю я къ чему ты подъѣзжаешь!

— Да ровно ни къ чему. Надо позавтракать гдѣ нибудь, а съ этими билетами такъ свободно можно это сдѣлать. Зачѣмъ-же голодомъ себя морить? Вышелъ въ Монте-Карло...

— Отчего-же непремѣнно въ Монте-Карло? Мало-ли другихъ станцій есть!

— Другія станціи маленькія и неизвѣстно есть-ли на нихъ буфеты, а ужъ про Монте-Карло-то мы знаемъ, что тамъ и великолѣпные рестораны и роскошные

кафе... Выпьете тамъ коньяку, позаправитесь хорошенько.

— Нѣтъ, нѣтъ. Лучше на какой-нибудь другой станціи остановимся. Что намъ роскошный ресторанъ! Колбаса да булка найдется—съ насъ и довольно. Только отъ чего мы съ собой въ запасъ не взяли колбасы? Ни колбасы, ни вина... Всегда съ собой возили, а тутъ вдругъ ѣдемъ безъ всего.

— Да вѣдь ты-же отъѣздъ въ одно утро скрутилъ. „Ѣдемъ, ѣдемъ"... Вотъ и ѣдемъ, какъ на пожаръ. Монте-Карло-то городъ, въ Монте-Карло-то ежели остановиться, то мы и закусками и виномъ могли-бы запастись. Остановимся въ Монте-Карло.

Николай Ивановичъ вспылилъ.

— Да что ты съ ума сошла, что-ли! Отъ этого игорнаго вертепа мы только уѣзжаемъ скорѣй, куда глаза глядятъ, а ты въ немъ-же хочешь остановиться! воскликнулъ онъ.

— Игорный вертепъ... Мы не для игорнаго вертепа остановимся, а для ресторана.

— Знаемъ, знаемъ. А отъ ресторана десять шаговъ до вертепа, сказалъ Конуринъ.

— Ахъ, Боже мой! Да что вы, младенцы, что-ли, что не будете въ состояніи отъ игры себя удержать.

— Эхъ, барынька, человѣкъ слабъ и сердце у него не камень.

— Тогда я васъ удержу...

— Ты? Ха-ха-ха! — захохоталъ Николай Ивановичъ.—Да ты самый заядлый игрокъ-то и есть.

Поѣздъ убавлялъ ходъ и приближался къ станціи.

— Monte-Carlo!—кричали кондукторы, успѣвшіе уже на ходу соскочить на платформу.

— Вотъ Монте-Карло! Вытаскивайте, господа, скорѣй сакъ-вояжи и подушки, ежели хотите настоящимъ манеромъ позавтракать,—засуетилась Глафира Семеновна, схватила сакъ-вояжъ и выскочила на платформу.

— Глаша! Глаша! Лучше подальше... Лучше на слѣдующей станціи...—говорилъ женѣ Николай Ивановичъ, но она снова вскочила въ вагонъ и вытащила оттуда на платформу дорожный баулъ и подушку...

Сталъ за ней вылѣзать на платформу и Конуринъ съ своей громадной подушкой.

— Иванъ Кондратьичъ! Ты-то чего лѣзешь! Вѣдь это Монте-Карло! старался пояснить ему Николай Ивановичъ.

— Ничего. Богъ не выдастъ—свинья не съѣстъ. Ужасъ, какъ ѣсть хочется. Вѣдь вчера, до глубокой ночи проигравши въ рулетку, такъ мы нигдѣ и не ужинали, такъ ужъ сегодня-то хоть позавтракать надо основательно,—отвѣчалъ Конуринъ.

— Я не выйду здѣсь... Вы какъ хотите, а я не выйду. Я дальше поѣду... Я не желаю...

— Да полно, Николай Ивановичъ, капризничать! Тебя въ ресторанъ поведутъ, а не въ рулетку играть. Выходи скорѣй сюда.

— Но вѣдь это-же свинство, Глаша, такъ поступать. Вы оставайтесь, а я уѣду.

— Ну, и уѣзжай безъ билета. Вѣдь билеты-то у меня.

— Глаша! Да побойся ты Бога...

— Выходи, выходи скорѣй изъ вагона. Поѣздъ трогается.

— Это чортъ знаетъ что такое! воскликнулъ Николай Ивановичъ, выбросилъ на платформу еще небольшой сакъ-вояжъ и плэдъ и выскочилъ самъ изъ вагона.

Поѣздъ медленно сталъ отходить отъ станціи.

XXXI.

Ручной багажъ сданъ на станціи на храненіе. Николай Ивановичъ ворчитъ, Глафира Семеновна торжествуетъ, Конуринъ тяжело вздыхаетъ и дѣлаетъ догадки, что его жена теперь въ Петербургѣ дѣлаетъ,—и вотъ они подходятъ наконецъ къ подъемной машинѣ, втаскивающей посѣтителей Монте-Карло, на скалу, къ самому игорному дворцу—вертепу.

— И вѣдь на какую высоту подняться-то надо, чтобъ свои денежки въ этой самой рулеткѣ оставить, за поднятіе на машинѣ заплатить, а вотъ лѣзутъ-же люди и еще какъ лѣзутъ-то! говорилъ Конуринъ.

— Можно и пѣшкомъ идти, половина пріѣхавшей публики кругомъ пѣшкомъ пошла, но только трудно въ гору подниматься, отвѣчала Глафира Семеновна.

— Пѣшкомъ-то можетъ быть лучше, счастливѣе. На манеръ какъ-бы по обѣщанію на богомолье. Не пройтись-ли и намъ пѣшкомъ?

Но они уже стояли въ подъемномъ вагонѣ и машина медленно поднимала ихъ.

— Надѣюсь, однако, Конуринъ, что мы только позавтракать поднимаемся, замѣтилъ Николай Ивановичъ.

— Позавтракать, позавтракать, отвѣчалъ Конуринъ.

— Но ты ужъ въ родѣ того, какъ будто подговариваешься, чтобъ играть.

— Ни-ни... Что ты! Полторы-то тысячи проигравши? У насъ деньги не бѣшенныя, а наживныя.

— Да что вы все полторы, да полторы! Вовсе даже и не полторы, а всего тысячу четыреста, и наконецъ вѣдь не рублей, а четвертаковъ, французскихъ четвертаковъ, проговорила Глафира Семеновна.

— А это мало развѣ, мало? подхватилъ Николай Ивановичъ. — На эти деньги мы цѣлое путешествіе сдѣлали отъ Петербурга до Парижа, а тутъ вдругъ въ одномъ паршивомъ Монте-Карло столько-же...

— Врешь. Въ Монте-Карло и въ Ниццѣ, все вмѣстѣ, и на троихъ мы только тысячу четыреста четвертаковъ проиграли, не рублей, а четвертаковъ.

— А вѣдь за четвертакъ-то мы по сорока копѣекъ платили.

— Да что объ этомъ говорить! Если такъ сквалыжничать и расчитывать, Николай Иванычъ, то не надо было и заграницу ѣздить. Сюда мы пріѣхали не наживать, а проживать. Тогда поѣхать-бы уже въ какой-нибудь Тихвинъ... Да вѣдь и въ Тихвинѣ тоже за все подай.

Подъемная машина остановилась и вагонъ распахнулъ двери въ благоухающій садъ. Пахло кипарисами,

пригрѣтыми весеннимъ солнцемъ, шпалерой шли цвѣтущія бѣлыми и красными цвѣтками камеліи, блестѣлъ лимонъ въ темнозеленой листвѣ. Ивановы и Конуринъ шли по аллеѣ сада.

— Природа-то, посмотри, какая!—восторженно говорила Глафира Семеновна мужу:—А ты упираешься, ворчишь, что мы здѣсь остановились.

— Я, Глаша, не супротивъ природы, а чтобы опять дураковъ не разыграть и деньги свои ярыгамъ не отдать. Природу я очень люблю.

— И я обожаю. Особливо ежели подъ апельсиннымъ деревцомъ, да на апельсинныхъ коркахъ водочки выпить,—откликнулся Конуринъ и прибавилъ:—А отчего мы ни разу не спросили себѣ на апельсинныхъ коркахъ настоечки? Вѣдь ужъ навѣрное здѣсь есть.

— А вотъ сейчасъ потѣшимъ васъ и спросимъ,—отвѣчала Глафира Семеновна.

Они вышли къ главному подъѣзду игорнаго вертепа. На лѣво отъ подъѣзда виднѣлся ресторанъ съ большой терассой. У подъѣзда и около ресторана толпилось и шныряло уже много публики, на терассѣ также сидѣли и завтракали.

— Такъ въ ресторанъ?—спросилъ Николай Ивановичъ.

— Погоди немножко, пройдемся... Мнѣ хочется хорошенько вонъ на той дамѣ платье разсмотрѣть,—сказала Глафира Семеновна.—Удивительно оригинальное платье. Она въ пальмовую аллею пошла. Кстати и пальмовую аллею посмотримъ. Смотри, клумбы съ розами... Въ мартѣ и розы въ цвѣту. А латані-

то какія на открытомъ воздухѣ и прямо въ грунту! Вѣдь вотъ этой латаніи непремѣнно больше ста лѣтъ. И пальмѣ этой тоже больше ста лѣтъ. Ихъ года по рубчикамъ, оставшимся отъ старыхъ листьевъ, надо считать.

— Вы платье-то на дамѣ разсматривайте, которое хотѣли, да поскорѣй и въ ресторанъ, чтобы на апельсинныхъ коркахъ...—проговорилъ Конуринъ.

— Да потерпите немножко. Нельзя-же сразу въ платье глаза впялить, не учтиво. Мы обойдемъ вотъ всю эту аллею и тогда въ ресторанъ. Николай Иванычъ, наслаждайся-же природой, наслаждайся. Вѣдь ты сейчасъ сказалъ, что любишь природу. Смотри, какая клумба левкою. Наслаждайся... — лебезила передъ мужемъ жена.

— Да я и наслаждаюсь, угрюмо отвѣчалъ мужъ.

Аллея обойдена, платье разсмотрѣно. Они взошли на терассу ресторана и сѣли за столъ.

— На апельсинныхъ корочкахъ-то, на апельсинныхъ корочкахъ-то... напоминалъ Конуринъ.

— Сейчасъ, отвѣчала Глафира Семеновна и, обратясь къ гарсону, спросила:—Эске ву заве о-де-ви оранжъ? Совсѣмъ забыла, какъ корки по французски, прибавила она.—На коркахъ... Ву компрене: оранжъ... желтая корка... жонь...

— Шнапсъ тринкенъ... хлопалъ себя Конуринъ передъ гарсономъ по галстуху.

Гарсонъ недоумѣвалъ.

— Апорте муа оранжъ, сказала наконецъ Глафира Семеновна.

Гарсонъ улыбнулся и принесъ вазу съ апельсинами.

Глафира Семеновна оторвала кусокъ апельсинной корки и показала ее гарсону.

— Вуаля... О-де-ви комса...

Гарсонъ пожималъ плечами и что-то бормоталъ.

— Не понимаетъ! Видите, мужчины, какъ я для васъ стараюсь, а онъ все-таки не понимаетъ.

— Да чего тутъ! Не стоитъ и хлопотать! Пусть принесетъ бѣлой русской водки! воскликнулъ Николай Ивановичъ.—О-де-ви рюссъ есть? Ву заве?

— Oui, monsieur...

— И закуски, закуски... Горъ девръ... отдавала приказъ Глафира Семеновна.—Аля рюссъ... О-де-ви, горъ девръ... А апре—дежене пуръ труа персонь.

— Странно, что въ апельсинной странѣ живутъ и водки на апельсинныхъ коркахъ не держутъ,—покачивалъ головой Конуринъ,

— Кажется, ужъ я для васъ стараюсь, но нѣтъ у нихъ этой водки да и что ты хочешь,—проговорила Глафира Семеновна.—Ну, да вы простой выпейте... Ты ужъ, Николай Иванычъ, выпей сегодня основательно, потому можетъ быть водки-то русской въ Италіи и не найдется. Да и навѣрное не найдется. Вѣдь это только въ Ниццѣ держутъ и въ Монте-Карло, гдѣ русскихъ много, а то вѣдь она и въ Парижѣ не вездѣ имѣется; въ первую нашу поѣздку въ Парижъ на выставку ея нигдѣ не было.

— Да что ты это предо мной лебезишь такъ сегодня?—удивился мужъ.

— Угодить тебѣ хочу,—отвѣчала жена.

Завтракъ былъ на славу и, заказанный не по картѣ, стоилъ всего только по четыре франка съ персоны.

Мужчины осушили бутылку русской смирновской водки и, покрывши ее лакомъ, то есть запивъ краснымъ виномъ, развеселились и раскраснѣлись.

— Глаша! На радостяхъ, что мы сегодня отъ сихъ прекрасныхъ мѣстъ уѣзжаемъ, я хочу даже выпить бутылку шампанскаго! Ужъ куда ни шло! воскликнулъ Николай Ивановичъ.

— Да конечно-же выпей...

— И я бутылку шампанскаго ставлю на радостяхъ! прибавилъ Конуринъ.

— Шампань! Де бутель шампань! отдалъ приказъ Николай Ивановичъ, показывая гарсону два пальца.— Шампань секъ и фрапе. Компрене? Каково я хмельныя-то слова знаю! Совсѣмъ, какъ французъ, похвастался онъ.—Что другое—ни въ зубъ... ну, а хмельное спросить—просто на славу.

Выпито и шампанское.

— Ну, теперь въ вагонъ—и шляфенъ: на боковую... сказалъ Николай Ивановичъ. —Скоро-ли, Глаша, поѣздъ-то отходитъ? Спроси.

— Спрашивала ужъ. Черезъ два съ половиной часа. Времени у насъ много. Въ дорогу намъ гарсонъ приготовитъ краснаго вина и тартинки съ сыромъ и ветчиной. Видите, какъ я умно распорядилась и какъ стараюсь для васъ.

— Мерси, душка, мерси... Ты у меня бонь фамъ.. Но сколько намъ еще времени-то ждать! Тогда вотъ что... Тогда не выпить-ли еще бутылку шампанеи?

— Довольно, Колинька. Вѣдь ужъ выпито и вы развеселились достаточно. Лучше съ собой въ вагонъ взять и въ дорогѣ выпить.

— А что мы здѣсь-то будемъ дѣлать?

— Да пойдемъ въ игорный домъ и посмотримъ какъ тамъ играютъ.

— Что?!. Въ игорный домъ? Въ рулетку! воскликнулъ Николай Ивановичъ.

— Да не играть, а только посмотрѣть, какъ другіе играютъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что на свѣтѣ! Знаю я къ чему ты подбираешься!

— Увѣряю тебя...

— Шалишь... Полторы тысячи франковъ посѣяли и будетъ съ насъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что не полторы, а только тысячу четыреста, а ты все полторы, да полторы... Ежели ужъ такъ, то дай, чтобъ въ самомъ дѣлѣ сдѣлать полторы. Ассигнуй полторы... Вѣдь только еще сто франковъ надо прибавить. А почемъ знать, можетъ-быть эти сто франковъ отыграютъ и выиграютъ и будемъ мы не полторы тысячи франковъ въ проигрышѣ, а полторы въ выигрышѣ? уговаривала мужа Глафира Семеновна.

— Не могу, Глаша, не могу.

— Женѣ своей жалѣешь сдѣлать удовольствіе на сто франковъ! А еще сейчасъ бонь фамъ меня называлъ.

— Не въ деньгахъ дѣло, а не хочу изъ себя еще разъ дурака сломать.

— Ну, пятьдесятъ... Пятьдесятъ франковъ ты и пятьдесятъ Конуринъ дастъ. Я только на пятьдесятъ франковъ рискну... Всего десять ставокъ. Мнѣ главное то интересно, что вотъ сонъ-то предвѣщательный я

сегодня видѣла, гдѣ эта самая цифра двадцать два мнѣ приснилась. Двадцать два... Вѣдь почему-же нибудь она приснилась!

— Фу, неотвязчивая! вздохнулъ Николай Ивановичъ, какъ-бы сдаваясь.

— А для меня вы дѣйствительно цифру тридцать три воснѣ видѣли? спросилъ Конуринъ, улыбнувшись.

— Тридцать три, тридцать три...

— Да что, Николай Иванычъ, не попробовать-ли ужъ на сто-то франковъ пополамъ, чтобъ и въ самомъ дѣлѣ цифру до полутора тысячъ округлить? спросилъ Конуринъ.—Сонъ-то вотъ... Предзнаменованіе-то...

— Вретъ она про сонъ. Сочинила.

— Ей-ей, не вру, ей-ей, не сочинила. Голубчикъ, ну, потѣшь меня, я вѣдь тебя тѣшила.

Глафира Семеновна быстро подхватила мужа подъ руку и потащила его съ терассы ресторана. Тотъ слабо упирался.

— И откуда у тебя такія игрецкія наклонности явились! Вопль какой-то грудной, чтобъ играть, словно у самаго заядлаго игрока, говорилъ онъ.

— Ахъ, Николя, да вѣдь должна-же я свой сонъ провѣрить! Идешь, голубчикъ? Ну, вотъ мерси, вотъ мерси... радостно бормотала Глафира Семеновна.

Они подходили къ игорному дому. Плелся и Конуринъ за ними.

13

XXXII.

Былъ десятый часъ утра. Ранній, утренній поѣздъ отошелъ отъ станціи Монте-Карло и помчался къ Вентимильи, на французско-итальянскую границу. Въ поѣздѣ, въ купэ перваго класса, сидѣли Ивановы и Конуринъ. Вчера они проиграли въ Монте-Карло весь остатокъ дня и весь вечеръ, вплоть до закрытія рулетки, и не попали ни на одинъ изъ поѣздовъ, отправлявшихся къ итальянской границѣ. Пришлось ночевать въ Монте-Карло въ гостинницѣ и вотъ только съ утреннимъ поѣздомъ отправились они въ Италію. Они сидѣли въ отдаленіи другъ отъ друга, каждый въ своемъ углу и молчали. Уже по ихъ мрачнымъ лицамъ можно было замѣтить, что надежды на отыгрышъ не сбылись и они значительно прибавили къ своему прежнему проигрышу. Они уже не любовались даже роскошными видами, попадающимися по дорогѣ, и Николай Ивановичъ сидѣлъ отвернувшись отъ окна. Глафира Семеновна попробовала заговорить съ нимъ.

— Вѣдь даже ни чаю, ни кофею сегодня не пили— до того торопились на желѣзную дорогу, а и торопиться-то въ сущности было не для чего. Два часа зря пробродили по станціи, начала она, стараясь говорить, какъ можно нѣжнѣе и ласковѣе.—Хочешь закусить и выпить? Тартинки-то вчерашнія, что намъ въ

ресторанѣ приготовили, всѣ остались. Вино тоже осталось. Хочешь?

— Отстань... отвѣчалъ Николай Ивановичъ и даже закрылъ глаза.

Глафира Семеновна помедлила и сново обратилась къ мужу:

— Выпей красненькаго-то винца вмѣсто чаю. Все-таки немножко пріободришься.

— Брысь!

— Какъ это хорошо такъ грубо съ женой обращаться!

— Не такъ еще надо.

— Да чѣмъ-же я-то виновата, что ты проигралъ? Вѣдь это ужъ несчастіе, полоса такая пришла. Да и не слѣдовало тебѣ вовсе играть. Стоялъ-бы, да стоялъ около стола съ рулеткой и смотрѣлъ, какъ другіе играютъ. Тебѣ даже и предзнаменованія не было на выигрышъ...

— Молчать!

— Да конечно-же не было. Мнѣ было, мнѣ для меня самой приснилась цифра двадцать два въ видѣ бѣлыхъ утокъ и я выиграла.

— Будешь ты молчать о своемъ выигрышѣ, или не будешь?!

Николай Ивановичъ сверкнулъ глазами и сжалъ кулаки. Глафира Семеновна даже вздрогнула.

— Фу, какой турецкій баши-бузукъ! проговорила она.

— Хуже будетъ, ежели не замолчишь, отвѣчалъ Николай Ивановичъ и заскрежеталъ зубами.

— Что-жъ мнѣ молчать! Конечно-же выиграла.

13*

Хоть немножко, а выиграла, продолжала она.—Все-таки семь серебряныхъ пятаковъ выиграла, а это тридцать пять франковъ. И не сунься ты въ игру и не проиграй четыреста франковъ... Сколько ты проигралъ: четыреста или четыреста пятьдесятъ?

— Глафира! Я перейду въ другое купэ, если ты не замолчишь хвастаться своимъ глупымъ выигрышемъ!

— Глупымъ! Вовсе даже и не глупымъ. Вчера тридцать пять, третьяго дня двадцать пять, восемьдесятъ франковъ четвертаго дня въ Ниццѣ на свахъ... Сто сорокъ франковъ... Не сунься ты въ игру, мы были бы въ выигрышѣ.

Николай Ивановичъ сдѣлалъ отчаянный жестъ и спросилъ:

— Глафира Семеновна, что мнѣ съ вами дѣлать?!.

— Я не съ тобой разговариваю. Я съ Иваномъ Кондратьичемъ. Съ нимъ ты не имѣешь права запретить мнѣ разговаривать. Иванъ Кондратьичъ, вѣдь вы вчера вплоть до тѣхъ поръ, все время, пока электричество, зажгли въ выигрышѣ были. Были въ выигрышѣ—вотъ и надо было отойти, обратилась она къ Конурину.

— Да вѣдь предзнаменованіе-то ваше, матушка... васъ-же послушалъ, отвѣчалъ Конуринъ со вздохомъ.—Тридцать три проклятые, что вы во снѣ у меня на лбу видѣли, меня попутали. Былъ въ выигрышѣ сто семьдесятъ франковъ и думалъ, что весь третьягодняшній проигрышъ отыграю.

— А потомъ сколько проиграли?

Конуринъ махнулъ рукой и закрылъ глаза.

— Охъ, и не спрашивайте! Эпитемію нужно на себя наложить.

Произошла пауза. Глафира Семеновна достала полбутылки коньяку.

— И не понимаю я, чего ты меня клянешь, Николай Иванычъ, начала она опять, нѣсколько помедля.— Тебя я вовсе не соблазняла играть. Я подговаривала только Ивана Кондратьича рискнуть на сто франковъ, по пятидесяти франковъ мнѣ и ему — и мы были-бы въ выигрышѣ. А ты сунулся—ну и...

— Брысь подъ лавку! Тебѣ вѣдь сказано... Что это я на бабу управы не могу найти! воскликнулъ Николай Ивановичъ.

— И не для чего находить, голубчикъ. Баба у тебя ласковая, заботливая, отвѣчала сколь возможно кротко Глафира Семеновна.—Вотъ даже озаботилась, чтобъ коньячку тебѣ захватить въ дорогу. Хочешъ коньячку, головку поправить?

Николай Ивановичъ оттолкнулъ бутылку. Конуринъ быстро открылъ глаза.

— Коньякъ? спросилъ онъ.—Давайте. Авось, свое горе забудемъ.

— Да ужъ давно пора. Вотъ вамъ и рюмочка... совала Глафира Семеновна Конурину рюмку.—И чего, въ самомъ дѣлѣ, такъ-то ужъ очень горевать! Николай Иванычъ вонъ цѣлую ночь не спалъ и все чертыхался и меня попрекалъ. Ну, проиграли... Мало-ли люди проигрываютъ, однако, не убиваются такъ. Вѣдь не послѣднія проиграли. Запасъ проиграли—вотъ и все. Ну, въ итальянскихъ городахъ будемъ экономнѣе.

Конуринъ выпилъ залпомъ три рюмки коньяку, одну за другой, крякнулъ и спросилъ:

— Вы мнѣ только скажите одно: не будетъ въ тѣхъ мѣстахъ, куда мы ѣдемъ, этой самой рулетки и лошадокъ съ поѣздами?

— Это въ Италіи-то? Нѣтъ, нѣтъ. Эти игры только въ Монте-Карло и въ Ниццѣ и нигдѣ больше, отвѣчала Глафира Семеновна.

— Ну, тогда я спокоенъ, отвѣчалъ Конуринъ.—Гдѣ наше не пропадало! Хорошо, что Богъ вынесъ-то ужъ изъ этого Монте-Карло! Николай Ивановъ! Плюнь! Завей горе въ веревочку и выпей коньячищу! хлопнулъ онъ по плечу Николая Ивановича. — А ужъ о Монте-Карлѣ и вспоминать не будемъ.

— Да вѣдь вотъ ея поганый языкъ все зудитъ, кивнулъ Николай Ивановичъ на жену. — „Тебѣ не слѣдовало играть", „тебѣ предзнаменованія не было". А ужъ пуще всего я не могу слышать, когда она о своемъ выигрышѣ разговариваетъ! На мои деньги вмѣстѣ играли, я уйму денегъ проигралъ, а она какъ сорока стрекочетъ о своемъ выигрышѣ.

— Ну, я молчу, молчу. Ни слова больше не упомяну ни о выигрышѣ, ни о Монте-Карло... заговорила Глафира Семеновна и, обратясь къ мужу, прибавила:—Не капризься, выпей коньячку-то. Это тебя пріободритъ и нервы успокоитъ.

— Давай...

Конуринъ сталъ пить съ Николаемъ Ивановичемъ за компанію.

— Mentone! закричалъ кондукторъ, когда поѣздъ остановился на станціи.

— Ахъ, вотъ и знаменитая Ментона! воскликнула Глафира Семеновна.—Это тотъ самый городъ, куда всѣхъ чахоточныхъ на поправку везутъ, только не больно-то они здѣсь поправляются. Ахъ, какой видъ! Ахъ, какой прелестный видъ! Лимоны... Цѣлая роща лимонныхъ деревьевъ. Посмотри, Николай Иванычъ!

— Плевать! Что мнѣ лимоны! Чихать я на нихъ хочу!

— Какъ тутъ чахоточному поправиться, коли подъ бокомъ игорная Монте-Карла эта самая, замѣтилъ Конуринъ. — Съѣздитъ больной порулетить, погладятъ его хорошенько противъ шерсти господа крупьи—ну, и ложись въ гробъ. Этой карманной выгрузкой господа крупьи и не на чахоточнаго-то человѣка могутъ чахотку нагнать. Вѣдь выдумаютъ тоже мѣсто для чахоточныхъ!

— А зачѣмъ вспоминать, Иванъ Кондратьичъ! Зачѣмъ вспоминать объ игрѣ? воскликнула Глафира Семеновна.—Вѣдь ужъ былъ уговоръ, чтобы ни объ игрѣ, ни о Монте-Карло не вспоминать.

Поѣздъ засвистѣлъ и опять помчался. Начались опять безчисленные туннели. Воздухъ въ вагонахъ сдѣлался спертый, сырой, гнилой; мѣстами пахло даже какой-то тухлятиной. Поѣздъ только на нѣсколько минутъ выскакивалъ изъ туннелей, озарялся яркимъ свѣтомъ весенняго солнца и снова влеталъ во мракъ и вонь. Вотъ длинный туннель Ментоны, вотъ коротенькій туннель Роше-Ружъ, немного побольше его туннель Догана, опять коротенькій туннель мыса Муртола, туннель Мари и наконецъ самый длиннѣйшій передъ Вентимильей.

— Фу, да будетъ-ли конецъ этимъ проклятымъ подземельямъ! проговорилъ Конуринъ, теряя терпѣніе.— Что ни ѣдемъ—все подъ землей.

— А ты думаешь изъ игорнаго-то вертепа легко на свѣтъ Божій выбиться? Изъ ада кромешнаго, кажется, и то легче, отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

Но вотъ опять засіяло солнце.

— Vintimille! Changez les voitures! кричали кондукторы.

— Вентимилья! Нужно пересаживаться въ другіе вагоны, перевела Глафира Семеновна.— На итальянскую границу пріѣхали. Здѣсь таможня... Вещи наши будутъ досматривать. Николай Иванычъ, спрячь пожалуста къ себѣ въ карманъ пачку моихъ дорогихъ кружевъ, что я купила въ Парижѣ, а то увидятъ въ сакъ-вояжѣ и пошлину возьмутъ.

— Не желаю. Не стоишь ты этого.

— Да вѣдь тебѣ-же придется пошлину за нихъ платить.

— Копѣйки не заплачу. Пускай у тебя кружева отбираютъ.

— Какъ это хорошо съ твоей стороны! Вѣдь на твои же деньги они въ Парижѣ куплены для меня. Кружева пять-сотъ франковъ стоютъ. Зачѣмъ же имъ пропадать?

— Плевать. Дуракъ былъ, что покупалъ для такой жены.

— Давайте, давайте... Я спрячу въ пальто въ боковой карманъ, предложилъ свои услуги Конуринъ, и Глафира Семеновна отдала ему пачку кружевъ.

Въ купэ вагона лѣзли носильщики въ синихъ блузахъ съ предложеніемъ своихъ услугъ.

XXXIII.

Переѣхали итальянскую границу. Таможенные досмотрщики не придирались при осмотрѣ вещей, а потому переѣздъ произвелъ на всѣхъ пріятное впечатлѣніе.... Пріятное впечатлѣніе это усилилось хорошимъ и недорогимъ буфетомъ на пограничной станціи, гдѣ всѣ съ удовольствіемъ позавтракали. Италія сказывалась: мясо было уже подано съ макаронами. Съ макаронами былъ и супъ, тарелку котораго захотѣла скушать Глафира Семеновна. Колобки яичницы были тоже съ какими-то накрошенными не то макаронами, не то клецками. Къ супу былъ поданъ и бѣлый хлѣбъ въ видѣ сухихъ макаронъ палочками, вкусомъ напоминающій наши баранки. Начиналось царство макаронъ.

— Въ четырехъ сортахъ макароны. Замѣтили, господа? Вотъ она Италія-то! обратила вниманіе мужчинъ Глафира Семеновна.—А какіе люди-то при досмотрѣ хорошіе! Ни рытья, ни копанья въ чемоданахъ. Пуще всего я боялась за кусокъ шелковаго фая, который везу изъ Парижа. Положила я его въ сакъ-вояжъ, подъ бутерброды и апельсины, а сверху была бутылка вина, такъ чиновникъ даже и не заглянулъ туда. Видитъ, что откупоренная бутылка и булки. «Манжата»? гово-

ритъ. Я говорю «манжата». Ну, и налѣпилъ мнѣ сейчасъ на сакъ-вояжъ билетикъ съ пропускомъ.—И такой легкій здѣсь языкъ, что я сразу поняла. По французски ѣда—манже, а по итальянски манжата.

— Фу, ты пропасть, какъ легко! Стало быть, ежели деньги по французски — аржанъ, а по итальянски аржанто? спросилъ Николай Ивановичъ.

— Да, должно быть, что такъ.

Съ отъѣзда изъ Монте-Карло Николай Ивановичъ еще въ первый разъ заговорилъ безъ раздраженія. Снисходительная таможня, хорошій и недорогой буфетъ и неторопливая остановка на станціи больше часа и на его хорошо подѣйствовали.

— Только франкъ здѣсь ужъ не франкъ, а лира называется. Помните, продолжала Глафара Семеновна.

— Да, да... Сейчасъ при расчетѣ я говорю гарсону: франкъ, а онъ мнѣ отвѣчаетъ: лира, лира. Вотъ что лира-то значитъ! Коньякъ только здѣсь дорогъ. До сихъ поръ по французскому счету мы все платили по полуфранку за пару рюмокъ, а здѣсь ужъ на франкъ пары рюмокъ не даютъ.

— Стало быть «вивъ ля Франсъ» совсѣмъ ужъ кончилось? спросилъ Конуринъ.

— Кончилось, кончилось. Италія безъ подмѣса началась. Видишь, основательные люди... уже вокругъ не суетятся, никуда не спѣшатъ, на станціи по часу сидятъ, отвѣчалъ Николай Ивановичъ, мало-по-малу приходя въ хорошее расположеніе духа.

Вотъ звонокъ. Прибѣжалъ носильщикъ, схватилъ багажъ и сталъ звать Ивановыхъ и Конурина са-

диться въ вагонъ, кивая имъ на платформу и бормоча что-то по итальянски.

— Идемъ, идемъ... привѣтливо закивала ему въ свою очередь Глафира Семеновна.

Направились къ вагонамъ. У вагоновъ, на платформѣ, два жирные смуглые бородача-брюнета играли на мандолинѣ и гитарѣ и пѣли.

— Вотъ она Италія-то! Запѣли, макаронники...— подмигнулъ на нихъ Конуринъ.

— А что-жъ... Лучше ужъ пѣніемъ деньги выпрашивать, чѣмъ разными шильническими лошадками, да вертушками ихъ у глупыхъ путешественниковъ выгребать, — отвѣчалъ Николай Ивановичъ.—Все-таки себѣ горло деретъ, трудится, вонъ приплясываетъ даже. На тебѣ лиру, мусье, выпей за то, что мы выбрались наконецъ изъ игорнаго вертепа,—подалъ онъ бородачу монету.

— Здѣсь уже не мусье, а синьоръ,—поправила его Глафира Семеновна.

Поѣздъ тронулся. Въ купэ вагона было сидѣть удобно. Ивановы и Конуринъ опять были только втроемъ. Начались итальянскія станціи, изукрашенныя роскошною растительностью. Вотъ Бордигера, вотъ Оспедалетти, Санремо, Порто-Маурizіо, Онеліо, Алясіо. Туннели попадались рѣже. Виды на море и на горы были по прежнему восхитительны. Повсюду виноградники, фруктовые сады, въ которыхъ работали смуглыя грязныя итальянки съ цѣлой копной всклоченныхъ волосъ на головахъ. Такія же грязныя итальянки появлялись и при остановкахъ на станціяхъ съ корзинками апельсиновъ и горько-кислень-

кимъ виномъ Шіанти (Chianti) въ красивенькихъ пузатенькихъ бутылочкахъ, оплетенныхъ соломой и украшенныхъ кисточками изъ красной шерсти. Конуринъ и Ивановы почти на каждой станціи покупали эти хорошенькія бутылочки, и морщась, выпивали ихъ. Мандолины брядали тоже на каждой станціи и въ окна вагоновъ протягивали свои рваныя шляпы ихъ владѣльцы-музыканты съ лихими черными усами или бородами и глазищами по ложкѣ и выпрашивали мѣдныя монетки. Босые и съ непокрытыми головами мальчики и дѣвочки носили свѣжую воду въ глиняныхъ кувшинахъ и предлагали ее желающимъ. Нѣкоторые изъ мальчишекъ плясали передъ окнами вагоновъ и выпрашивали подаяніе. Охотники до развлеченій кидали имъ мѣдныя монеты на драку и начиналась свалка. Дѣвочки кидали въ окна букетики цвѣтовъ и тоже выпрашивали у пассажировъ монетки. Желѣзнодорожное начальство снисходительно относилось и къ оборванцамъ музыкантамъ, и къ грязнымъ торговкамъ, и къ полуголымъ нищимъ мальчишкамъ и дѣвченкамъ. Это рѣзко бросалось въ глаза послѣ нѣмецкихъ и французскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Вечерѣло. Проѣхали Савону съ узломъ желѣзныхъ дорогъ и приближались къ Генуѣ. Утомленный дорогой и изрядно выпившій вина Шіанти, Конуринъ растянулся на диванѣ купэ и спалъ крѣпкимъ сномъ. Дремалъ и Николай Ивановичъ, клюя носомъ. Глафира Семеновна читала книжку итальянскихъ разговоровъ и твердила себѣ подъ носъ:

— Супъ—минестра, телячье жаркое—аросто дивительо, папате—картофель, окорокъ — прескіуто,

колбаса—салами, рагу—стуфатино, сладкій пирогъ—кростата ди фрути, цвѣтная капуста—кароли фіори, апельсинъ—оранчіо или портогальо.

Прочитавъ столбецъ до конца, она снова начинала затверживать эти слова. Николай Ивановичъ проснулся, открылъ глаза и спросилъ:

— Доходишь-ли?

— По немножку дохожу. Вѣдь все для васъ хлопочу и учусь, а вы этого не чувствуете!

— Кажется, языкъ не трудный. Манже—манжато, аржанъ—аржанто. Какъ красное-то вино по итальянски?

— Вино́ неро.

— Вино неро, вино неро. По русски вино̀, а по ихнему вѝно. Чего-жъ тутъ! Даже съ нашимъ схоже.

— Бани—тоже и по итальянски бани, сказала она ему.

— Скажи на милость! Стало-быть мы къ итальянцамъ-то ближе, чѣмъ къ французамъ. А какъ бѣлое вино?

— Вино бьянко.

— Вино бьянко. Фу, какъ легко! Да это я сразу...

— Яблоки по французски помъ, а по ихнему поми. Сыръ—фромажъ, а по ихнему—формажіо.

— Стало быть ты по итальянски-то будешь свободно разговаривать?

— Да, думаю, что могу. Особенно мудренаго, дѣйствительно, кажется, ничего нѣтъ. Очень многія слова почти какъ по французски. Вотъ только гостинница не готеліо, а альберго называется. Альберго, альберго...

Вотъ это самое главное, чтобы не забыть. Гарсонъ — ботега.

— Какъ?

— Ботега...

— Ботега... ботега... Фу, ты пропасть! Вѣдь вотъ теперь надо вновь привыкать. Только къ гарсону привыкли, а теперь вдругъ ботегой зови.

— Также можно и камерьере гарсона звать. Также откликнется. Для гарсона два названія.

Конуринъ бредилъ. Ему, очевидно, снилась рулетка.

— Ружъ... Ружъ... Пятакъ на ружъ... и пятакъ на эмперъ...—бормоталъ онъ.

— Рьянъ не ва плю!—поддразнила его Глафира Семеновна, заучившая выкрикъ крупье, но Конуринъ продолжалъ спать.

XXXIV.

Проѣхали Геную. Стемнѣло. Конуринъ и Николай Ивановичъ, благодаря дешевому вину Шіанти, на которое они накинулись на первыхъ итальянскихъ станціяхъ, спали крѣпкимъ сномъ. Сна ихъ не могли потревожить ни мандолинисты, бряцающіе на каждой станціи, ни нищіе мальчишки, лѣзущіе въ окна вагоновъ, ни всевозможные торговки и торговцы, выкрикивающіе свой товаръ. Ихъ не интересовало даже, когда они пріѣдутъ въ Римъ.

Глафира Семеновна бодрствовала и была въ тревогѣ. Изъ прочитанныхъ романовъ ей вспомнилось, что Италія страна разбойниковъ, бандитовъ и въ голову ей лѣзло могущее быть ночью нападеніе бандитовъ. Къ тому-же, со станціи Специя стали появляться на платформахъ мрачные итальянцы въ шляпахъ съ необычайно широкими полями и въ цвѣтныхъ рубахахъ, безъ пиджаковъ и жилетовъ, очень напоминающіе тѣхъ бандитовъ, которыхъ она видѣла на картинкахъ. Ей казалось даже, что они, разговаривая между собой, сверкали глазами въ ея сторону, какъ-бы указывая на нее. Итальянецъ-кондукторъ, посмотрѣвъ два раза находящіеся у ней и у мужчинъ билеты и зная, что билеты до Рима, ни разу уже больше не заглядывалъ въ ихъ купэ. И это казалось Глафирѣ Семеновнѣ подозрительнымъ. Ей лѣзло въ голову, что кондукторъ въ стачкѣ съ итальянцами въ шляпахъ съ широкими полями и въ цвѣтныхъ рубахахъ.

«Нарочно и не заглядываетъ къ намъ въ купэ, чтобъ бандиты могли влѣзть къ намъ и ограбить насъ», мелькало у ней въ головѣ.

Какъ на грѣхъ, одного такого итальянца, похожаго на бандита, съ красной ленточкой на шляпѣ, съ усами въ добрую четверть аршина и съ давно небритымъ подбородкомъ, покрытымъ черной щетиной, ей пришлось уже увидѣть три раза около ея окна. Очевидно, онъ ѣхалъ съ ними въ одномъ поѣздѣ и Глафирѣ Семеновнѣ казалось уже, что онъ слѣдитъ за ней, за ея мужемъ и Конуринымъ и выбираетъ только моментъ, чтобы напасть на нихъ. Она не вытерпѣла и разбудила мужа.

— Что такое? Пріѣхали развѣ въ Римъ?—съ просонья спрашивалъ Нилолай Ивановичъ, поднимаясь и протирая глаза.

— Какое пріѣхали! Неизвѣстно, когда еще пріѣдемъ-то,—отвѣчала она плаксиво.—Спрашиваю на каждой станціи всѣхъ пробѣгающихъ мимо окна желѣзнодорожниковъ «Ромъ матенъ или суаръ»—и ничего не отвѣчаютъ. Не знаю даже ночью сегодня пріѣдемъ, или завтра утромъ, или днемъ. Спрашиваю, а они машутъ руками.

— Да должно быть не понимаютъ по французски-то. Ты-бы по-итальянски... Не можешь?

— Не могу. Я только еще съѣдобныя слова успѣла выучить.

— Стало быть, не знаешь, какъ утро и вечеръ по-итальянски?

— Не знаю. Только про кушанье успѣла...

— Такъ посмотри въ словарькѣ-то.

— Темно. А печать, какъ на зло, мелкая. При этомъ освѣщеніи въ фонаряхъ, ничего не видать.

На глазахъ у Глафиры Семеновны навернулись слезы.

— Доѣдемъ какъ-нибудь—сказалъ Николай Ивановичъ ей въ утѣшеніе и снова началъ укладывать свои ноги на диванъ.—Крикнутъ «Ромъ»—вотъ, значитъ, и пріѣхали.

— Ты опять спать?—спросила раздраженно Глафира Семеновна.

— Да что-же мнѣ дѣлать-то? Ужасти какъ дремлется.

— Полно тебѣ дрыхнуть-то! Вѣдь по Италіи ѣдемъ, а не по какому другому государству.

— А что-жъ такое Италія?

— Дуракъ! Совсѣмъ дуракъ.

— Чего-же ты ругаешься!

— По странѣ бандитовъ ѣдемъ, гдѣ на каждомъ шагу, судя по описаніямъ, должны быть разбойники, а вы съ Конуринымъ дрыхните.

— Да что ты!—испуганно проговорилъ Николай Ивановичъ.

— Не читаете вы ничего, оттого и не знаете. Бандиты-то гдѣ? Въ какомъ государствѣ? Ничего развѣ не слыхалъ про бандитовъ? Здѣсь-то первое разбойничье гнѣздо и есть.

— Слыхать-то слыхалъ и даже читалъ... Но неужели-же въ поѣздѣ?..

— У насъ въ поѣздахъ грабятъ, а не только что здѣсь. Вскочитъ въ купэ, табаку нюхательнаго въ глаза кинетъ, за горло схватитъ, деньги и часы вытащитъ—вотъ тебѣ и удовольствіе.

И Глафира Семеновна разсказала мужу о подозрительныхъ личностяхъ, которыхъ она уже видѣла на станціяхъ, разсказала какъ одинъ изъ нихъ черномазый съ красной ленточкой на шляпѣ видимо уже слѣдитъ за ними. Николай Ивановичъ встрепенулся и сталъ будить Конурина:

— Иванъ Кондратьичъ! Вставай! Проснись!

Конуринъ не поднимался и не просыпался.

— Три пятака... Только три пятака на енперъ поставлю...—бормоталъ онъ, сквозь сонъ.

— И во снѣ-то въ рулетку, подлецъ, играетъ! Ка-

кая тутъ рулетка! Тутъ хуже рулетки. Проснись, говорятъ тебѣ!

Конурина растолкали и разсказали ему въ чемъ дѣло. Понялъ онъ не сразу и сидѣлъ, выпуча глаза.

— Разбойниковъ здѣсь много. По такой мѣстности мы теперь ѣдемъ, гдѣ разбойниковъ очень много, старалась втолковать ему Глафира Семеновна.

— Разбойниковъ?

— Да, да, бандитовъ. Нападаютъ и грабятъ...

— Фу-у! протянулъ Конуринъ.—Вотъ такъ заѣхали въ хорошее мѣстечко! Какой, спрашивается, насъ чортъ носитъ по такимъ палестинамъ? Изъ хорошей спокойной жизни и вдругъ въ разбойничье гнѣздо! Надо будетъ деньги въ сапогъ убрать, что-ли!

Онъ кряхтѣлъ и началъ разуваться.

— Не спать надо, бодрствовать и быть на сторожѣ—вотъ самая лучшая охрана, говорила Глафира Семеновна.—А вы дрыхнете, какъ сурки.

— Да вѣдь ты насъ не надоумила, а я зналъ, дѣйствительно зналъ, что въ Италіи эти самые бандиты существуютъ, но совсѣмъ изъ ума вонъ объ нихъ,—сказалъ Николай Ивановичъ и тоже сталъ стаскивать съ себя сапоги, прибавивъ:—Въ сапоги-то деньги запрячешь, такъ, дѣйствительно, будетъ дѣло понадежнѣе! Гдѣ твоя брилліантовая браслетка, Глаша?

— Въ баульчикѣ.

— Вынь ее оттуда и засунь за корсажъ. Да поглубже запихай.

— Въ самомъ дѣлѣ надо спрятать. Я и кольца и серьги туда... сказала Глафира Семеновна.

— Клади! Клади! Удивительное дѣло, какъ намъ эти бандиты раньше въ голову не пришли! бормоталъ Николай Ивановичъ, опоражнивая кошелекъ отъ золота и бумажникъ отъ банковыхъ билетовъ и запихивая все это въ чулокъ.

Перекладывала изъ баула за корсажъ и Глафира Семеновна свои драгоцѣнности.

— Ты сверху-то, Глаша, носовымъ платкомъ заложи. Даже законопать хорошенько, совѣтовалъ Николай Ивановичъ женѣ.

— Да ужъ знаю, знаю... Не спите только теперь.

— Какой тутъ сонъ, коли эдакая опасность! отвѣчалъ Конуринъ.—Суньте, матушка, и мой брилліантовый перстень къ вамъ туда-же, а то въ сапогъ-то онъ у меня не укладывается.

— Нѣтъ, нѣтъ, у меня все полно. Запихивайте у себя за голенищу.

— Боюсь, какъ-бы не выпалъ изъ-за голенищи.

— Перевяжите голенищу. Вотъ вамъ веревочка. А ты, Николай Ивановичъ, вынь револьверъ. Все лучше. Люди видятъ оружіе—и сейчасъ другой разговоръ.

Николай Ивановичъ досадливо чесалъ затылокъ.

— Вынимай-же! Чего медлишь? крикнула на него жена.

— Вообрази, душечка. я револьверъ въ сундукъ запряталъ, а сундукъ въ багажѣ, отвѣчалъ онъ...

— Только этого недоставало! Для чего-же тогда его съ собой брать было!..

— Да вотъ поди-жъ ты! Отъ Берлина до Парижа ѣхали, такъ лежалъ онъ у меня въ ручномъ сакъ-

14*

вояжѣ и ни разу не понадобился, а тутъ я его и сунулъ въ сундукъ.

— Самое-то теперь проѣзжаемъ мы такое мѣсто, гдѣ нуженъ револьверъ—а у васъ револьверъ въ багажѣ!

— Да что-жъ ты подѣлаешь! Ужъ и ругаю я себя, да дѣлу не поможешь.

— Хотите я выну свой дорожный ножикъ? Онъ совсѣмъ на манеръ кинжала, проговорилъ Конуринъ.

— Да, конечно-же, выньте и положите на видномъ мѣстѣ. Но главное, не спать!

— Какой тутъ сонъ! Съ меня какъ помеломъ сонъ теперь смело.

Конуринъ досталъ ножикъ и, открывъ его, положилъ около себя.

Пріѣхали на станцію. На платформѣ опять показался черномазый итальянецъ съ красной ленточкой на шляпѣ и съ щетиной на подбородкѣ.

— Вотъ, вотъ онъ... Нѣсколько ужъ станцій за нами слѣдитъ, шляется мимо окна и заглядываетъ въ купэ, указывала Глафира Семеровна.—И у него есть сообщникъ, такой-же страшный.

— Дѣйствительно, рожа ужасно богопротивная. Беременной женщинѣ такая рожа приснится, такъ нехорошо можетъ быть, отвѣчалъ Конуринъ и выставилъ итальянцу изъ окна на показъ свой дорожный ножикъ, повертывая его.

— Фу, какая досада, что мой револьверъ въ багажѣ! вздыхалъ Николай Ивановичъ.

Остатокъ ночи мужчины уже больше не спали.

XXXV.

Начало свѣтать. Взошло солнце. Станціи стали попадаться рѣже. Роскошная растительность исчезла, исчезли и шикарныя виллы. Ни пальмъ, ни апельсинныхъ и лимонныхъ деревьевъ. Исчезли и горы. Ѣхали по луговой равнинѣ, залитой еще кое-гдѣ весенней водой. Деревца попадались только изрѣдка и то какія-то убогія, чуть начинающія распускаться. Не видать было и народа на поляхъ. Только то тамъ, то сямъ бродили волы по лугу. Вмѣсто виллъ попадались развалины каменныхъ строеній, груды строительнаго мусора и щебня. Мѣстность была совсѣмъ неприглядная, даже мѣстами убогая, болотистая, поросшая голымъ сѣвернымъ кустарникомъ.

— Боже мой, ужъ въ Римъ-ли мы ѣдемъ? Не завезли-ли насъ въ другое какое-нибудь мѣсто, вмѣсто Италіи? — тревожилась Глафира Семеновна, разсматривая окрестности и обращаясь къ своимъ спутникамъ.

— Не знаю, матушка, ничего не знаю, отвѣчалъ Николай Ивановичъ.—Ты путеводительница.

— Нѣтъ, я къ тому, что гдѣ-же апельсинныя деревья?

— Какія тутъ апельсинныя деревья! Вся мѣстность на Новгородскую губернію смахиваетъ. Вонъ верба по канавамъ растетъ.

— Вотъ штука-то будетъ, если насъ въ другое мѣсто завезли!

— А въ какую мѣстность насъ могутъ, кромѣ Италіи, завести? спрашивалъ Конуринъ.

— Да ужъ и ума не приложу... разводила руками Глафира Семеновна. — спросить не у кого... Не понимаютъ, не отвѣчаютъ, махаютъ головами.

— Э, да все равно! Послѣ Монте-Карлы этой самой я готовъ хоть къ туркамъ, сказалъ Конуринъ.— Мухоѣдане—невѣрные, а ужъ навѣрное такъ не ограбятъ, какъ ограбили насъ въ Монте-Карлѣ и въ Ниццѣ.

Остановились на полустанкѣ. Опять продажа вина Шіанти въ красивенькихъ бутылочкахъ. Гарсонъ въ курткѣ и зеленомъ передникѣ совалъ въ окна чашки съ кофе на подносѣ, булки. Толпился народъ въ шляпахъ съ широкими полями и галдѣлъ.

— Судя по шляпамъ, мы въ Италіи, да и по итальянски болтаютъ, проговорила Глафира Семеновна. — Нѣтъ, мы въ Италіи, только ужъ на апельсинное-то царство все вокругъ нисколько не похоже.

Она высунулась изъ окна и кричала ни къ кому особенно не обращаясь:

— Синьоръ! Ромъ... У е Ромъ?.. Ромъ е луанъ анкоръ?

— Roma? переспросилъ гарсонъ съ подносомъ чашекъ съ кофе на плечѣ и, махнувъ рукой по направленію, куда стоялъ паровозъ, забормоталъ что-то по итальянски.

— Нѣтъ, въ Римъ ѣдемъ... Слава Богу, не спутались, обратилась Глафира Семеновна къ мужу и Конурину.— Но отчего-же дорога-то такая неприглядная!

Снова тронулись въ путь. Развалины зданій начали попадаться чаще. Виднѣлись полуразрушенныя арки, обсыпавшіяся каменныя галлереи, повитыя плющемъ.

— Словно Мамай съ войскомъ прошелъ — вотъ какое мѣстоположеніе, замѣтилъ Конуринъ, смотря въ окно.

Въ купэ наконецъ влѣзъ кондукторъ и сталъ отбирать билеты.

— Ромъ? спросила Глафира Семеновна.

— Roma, Roma... закивалъ онъ головой.

— Слава Богу, подъѣзжаемъ.. А только и мѣстность-же!

Вдали виднѣлся громадный городъ съ множествомъ куполовъ церквей. Развалины направо и налѣво дороги стояли уже шпалерой. Вотъ и крытый желѣзнодорожный дворъ, куда они въѣхали. Какъ въ муравейникѣ кишилъ народъ и между ними бросалось въ глаза множество католическихъ монаховъ въ черныхъ одеждахъ, въ коричневыхъ, въ бѣлыхъ, въ синихъ, въ шляпахъ и въ капюшонахъ.

— Римъ! Римъ! По попамъ вижу! воскликнулъ Николай Ивановичъ.—Вонъ сколько ксендзовъ!

Поѣздъ остановился. Глафира Семеновна выглянула изъ окна и стала звать носильщика.

— Факино! Факино! Иси! кричала она, прочитавъ въ книжкѣ діалоговъ, какъ зовется по итальянски носильщикъ.—Теперь вотъ вопросъ, въ какую гостинницу мы поѣдемъ, обратилась она къ мужчинамъ.

— А надо такъ, какъ въ Ниццѣ. Первая гостиничная карета, которая попадется—въ ту и влѣземъ, отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

Носильщикъ не заставилъ себя долго ждать, схватилъ ручной багажъ и потащилъ его изъ вагона. У станціи, на улицѣ, стояло множество омнибусовъ изъ гостинницъ. Сопровождавшіе ихъ проводники, въ фуражкахъ съ позументами, махали руками, выкрикивали названія своихъ гостинницъ и заманивали въ кареты путешественниковъ. Первая карета была съ надписью: „Albergo della Minerwa" и Николай Ивановичъ вскочилъ въ нее.

— Дуе камера? Вузаве дуе камера? спрашивала Глафира Семеновна проводника, показывая ему два пальца и тыкая себя въ грудь.

— Садись. Чего тутъ спрашивать! Довезутъ.

Проводникъ, однако, оказался говорящимъ кое-какъ по французски.

— Prenez place, madame, — сказалъ онъ и подсадилъ Глафиру Семеновну въ карету.

Съ десятокъ нищихъ, въ лохмотьяхъ и въ кожанныхъ сандаліяхъ,—мужчинъ и женщинъ съ грудными ребятами, завернутыми въ грязныя тряпки,—тотчасъже окружили ихъ, выпрашивая „уна монета".

Но вотъ багажъ взятъ и омнибусъ тронулся. Широкія площади чередовались съ узенькими переулками, черезъ которыя были перетянуты веревки и на нихъ сушилось тряпье, дѣтскія подстилки. Были вывѣшены даже перины на просушку. Переулки были переполнены съѣстными лавченками съ вывѣшенными надъ дверьми зеленью, помидорами, вѣтками съ апельсинами, колбасами, сыромъ въ телячьихъ желудкахъ, мясомъ, битыми голубями. Около нѣкоторыхъ лавчонокъ дымились жаровни и на нихъ варились бобы и макароны

въ котлахъ. У лавокъ было грязно, насорено бумагой, объѣдками, апельсинными корками. Воняло прѣлью, тухлятиной. Бродили тощія собаки и обнюхивали сваленную у лавокъ въ груды цвѣтную капусту, выставленную въ мѣдныхъ тазахъ и большихъ глиняныхъ чашкахъ вареную кукурузу, бобы, фасоль. Площади были пыльны и мѣстами поросши травой, дома въ переулкахъ давно некрашены, не ремонтированы, съ обсыпавшейся штукатуркой, кой-гдѣ съ выбитыми стеклами.

И монахи, монахи безъ конца, на каждомъ шагу монахи!

— Да неужели-же это Римъ! Господи Боже мой, я его совсѣмъ другимъ воображала, произнесла Глафира Семеновна,

— И я тоже... отвѣчалъ Николай Ивановичъ.—Вотъ это должно-быть древности египетскія, указалъ онъ на громадную древнюю колонну, поросшую травой.

— Какія-же египетскія-то! Въ Римѣ, такъ римскія. Изъ-за нихъ сюда многіе и ѣдутъ, чтобы посмотрѣть.

— Ну, изъ-за этого не стоитъ ѣздить, сказалъ Конуринъ.—Вотъ папу римскую посмотрѣть—дѣло другое.

— А вотъ и фонтанъ. Смотрите, фонтанъ какой прекрасный!—указывала Глафира Семеновна. — Слава Богу, на хорошую улицу выѣзжаемъ. Вотъ, вотъ и приличные магазины. А я ужъ думала, что весь Римъ состоитъ изъ грязныхъ переулковъ.

Проводникъ при омнибусѣ, стоя на подножкѣ, говорилъ названія улицъ, зданій и церквей, мимо которыхъ проѣзжали. Церкви также были сѣрыя, не привѣтливыя, съ обсыпавшейся всюду штукатуркой, съ

отбитымъ мокрымъ цоколемъ. Распахнутыя двери церквей были завѣшаны полотнищами грязнаго бѣлаго и зеленаго сукна, на папертяхъ сидѣли и стояли нищіе въ грязныхъ лохмотьяхъ; босые мальчишки съ головами, повязанными тряпицами, играли въ камушки.

Опять свернули въ узкій переулокъ и покатили по крупной каменной тряской мостовой.

— Синьоръ! А гдѣ папа? Папа ромъ? Я папы вашего не вижу,—спрашивалъ Николай Ивановичъ проводника.

Тотъ улыбнулся, пробормоталъ что-то смѣсью итальянскаго съ французскимъ и указалъ рукой направленіе, гдѣ живетъ папа.

Выѣхали изъ переулка, потянулись опять развалины древнихъ зданій. Развалины, роскошные старинные дворцы, грязные переулки и богатые магазины съ дорогими товарами чередовались безъ конца. Снова переулокъ. Свернули на piazza della Minerva съ колонной, стоящей на слонѣ, и остановились около темнаго неприглядного дома. Вывѣска гласила, что это была гостинница Минерва.

XXXVI.

ЧАСА черезъ три послѣ пріѣзда Ивановы и Конуринъ выходили уже изъ гостинницы. Они отправлялись осматривать городъ и его достопримѣчательности. Гостинница произвела на нихъ пріятное впечатлѣніе, хотя, какъ и всюду

во время ихъ заграничнаго путешествія, въ ней не оказалось русскаго самовара, который они требовали, чтобъ заварить чай. За двѣ комнаты, очень приличныя, взяли только по пяти франковъ. Управляющій гостинницы говорилъ по французски, нашелся даже корридорный слуга, знающій французскія слова, такъ что Глафирѣ Семеновнѣ не пришлось даже покуда пускать въ ходъ и итальянскихъ словъ, которыя она съ такимъ усердіемъ изучала по книжкѣ «Разговоровъ» во время пути. Выходя изъ гостинницы на прогулку, она, какъ и всегда, вырядилась во все лучшее и нацѣпила даже на себя брилліантовыя брошь, браслетку и серьги. Это не уклонилось отъ наблюденія Николая Ивановича.

— Зачѣмъ ты брилліанты-то на себя надѣла? сказалъ онъ.—Знаешь, что Италія страна бандитовъ, сама-же намъ это разсказывала и вдругъ нацѣпила на себя брилліанты.

— Ну, вотъ... Я про дорогу говорила, а Римъ городъ, обширный городъ, самъ папа римскій въ немъ живетъ, такъ какіе-же могутъ быть тутъ бандиты! Да и какая масса народу повсюду на улицахъ. Вѣдь мы ѣхали, видѣли. Раннее утро давеча было, а и то народу повсюду страсть...

— Нѣтъ, а я, барынька, все-таки мои капиталы изъ сапога не вынулъ, сообщилъ Конуринъ.—Золотой кругляшокъ вотъ на всякій случай у меня въ кошелькѣ вмѣстѣ съ парой франковъ болтается, а остальной истинникъ въ сапогѣ. Да и лучше оно такъ-то, спокойнѣе. Налетишь на какую-нибудь рулетку, игру въ лошадки, такъ только и объегорятъ тебя на золотой.

Вѣдь сапогъ при всей публикѣ съ ноги стаскивать не будешь, чтобы деньги оттуда на отыгрышъ доставать.

— Да нѣтъ здѣсь рулетки, нѣтъ здѣсь лошадокъ. Римъ вовсе не этимъ славится, — успокоивала его Глафира Семеновна.

— Все-таки спокойнѣе, когда деньги подъ пяткой въ чулкѣ. Человѣкъ слабъ.

— Не рулеткой Римъ славится, а своими древностями, развалинами, церквами—вотъ и все.

— А ромъ-то, ромъ... Вѣдь вы говорили, что ромъ здѣсь очень хорошій, оттого французы Римъ Ромомъ и зовутъ.

— Вовсе я никогда этого не говорила. Это вы сочинили. Про Римъ я читала. Здѣсь нужно прежде всего развалины смотрѣть, потомъ знаменитый соборъ Петра.

— Прежде всего папу римскую.

— Да папу въ соборѣ за обѣдней и увидимъ. А теперь возьмемъ извощика и пусть онъ насъ возитъ по развалинамъ. Колизей... Тутъ есть Колизей... Театръ эдакій, циркъ, гдѣ людей за наказаніе заставляли съ дикими звѣрями биться. Вотъ туда мы и поѣдемъ.

— Да, да... И мнѣ говорили, что этотъ самый Колизей нужно посмотрѣть, когда будемъ въ Римѣ, подхватилъ Николай Ивановичъ.

Разговоръ этотъ происходилъ на дворѣ гостинницы, гдѣ билъ фонтанъ, были разставлены маленькіе столики и за ними сидѣли постояльцы гостинницы.

Они вышли на улицу. Ихъ окружило нѣсколько рослыхъ оборванцевъ. Оборванцы эти, мѣшая итальянскія, французскія и нѣмецкія слова, совали имъ

въ руки альбомы видовъ Рима въ красныхъ переплетахъ, и выкрикивали: «Coliseum... Pantheon... Forum Romanum... Basilica Julia... Palazzi de Cesari»...

— Вотъ, вотъ... И здѣсь предлагаютъ видъ Колизея...—сказала Глафира Семеновна, взявъ одинъ изъ альбомовъ.

— Una lira!..—кричалъ одинъ изъ оборванцевъ, суя альбомчикъ и Конурину, и уступая книжку за франкъ.

— Mezza lira!—прибавилъ другой, уступая книженку уже за полъ-франка.

— Брысь! Чего вы пристали!—отбивался отъ нихъ Конуринъ.

Къ Николаю Ивановичу подбѣжала оборванная дѣвочка-цвѣточница, подпрыгнула, сунула ему въ наружный боковой карманъ жакетки букетикъ фіалокъ и стала просить денегъ.

— Ну, народъ итальянцы! Да это хуже жидовъ по назойливости!—разводилъ тотъ руками.

Только что Глафира Семеновна купила себѣ маленькій альбомчикъ за полъ-лиры, какъ тотъ-же продавецъ сталъ ей навязывать большой альбомъ за двѣ лиры. Приковылялъ какой-то старикъ съ длинными волосами, въ соломенной шляпѣ и на костылѣ и совалъ четки изъ черныхъ бусъ. Цвѣточница и ей успѣла засунуть букетикъ фіалокъ и выпрашивала монетку. Ивановы и Конуринъ были буквально осаждены со всѣхъ сторонъ.

— Коше! Коше! замахала руками Глафира Семеновна, подзывая къ себѣ одного изъ стоявшихъ въ отдаленіи извощиковъ.

Нѣсколько извощиковъ взмахнули бичами и подкатили къ нимъ свои коляски, направляя лошадей прямо на продавцовъ. Началась перебранка. Продавцы показывали извощикамъ кулаки, извощики щелкали бичами.

— Садитесь, господа, скорѣй въ коляску. Садитесь! А то насъ порвутъ! кричала мужу и Конурину Глафира Семеновна.

Всѣ вскочили въ коляску.

— Алле, алле, коше! приказывала Глафира Семеновна, впопыхахъ.

Коляска тронулась, но оборванцы побѣжали за коляской, суя сѣдокамъ свои товары, и только пробѣжавъ шаговъ съ полсотни отстали отъ нея, произнося въ слѣдъ угрозы извощику. Извощикъ обернулся и спрашивалъ что-то у сѣдоковъ.

— Разбери, что онъ говоритъ! пожимала плечами Глафира Семеновна.—Ву парле франсе? спросила она его.

— Si, madame, утвердительно кивнулъ онъ ей головой и опять заговорилъ на непонятномъ ей языкѣ.

— Да должно-быть онъ спрашиваетъ, куда надо ѣхать, замѣтилъ Николай Ивановичъ.

— Ахъ, да... И въ самомъ дѣлѣ... Вѣдь я не сказала ему, куда ѣхать. Мы поѣдемъ осматривать развалины... Рюинъ, коше... Вуаръ рюинъ... отдавала она приказъ.—Колизеумъ. Вуаръ Колизеумъ...

— Ah, Coliseum! Si, madame...

— Папу римскую вези показывать, мусью извощикъ! кричалъ въ свою очередь Конуринъ.

— Иванъ Кондратьичъ... Бросьте. Не сбивайте

его... останавливала Конурина Глафира Семеновна.— Сначала развалины посмотримъ.

— Ну, въ развалины, такъ въ развалины, мнѣ все равно. Только не въ рулетку! Колизеумъ—это древній театръ, циркъ... А буфетецъ тамъ есть, чтобъ самаго лучшаго римскаго ромцу выпить было можно?

— Ахъ, Боже мой, да почемъ-же я знаю! Вѣдь и я также, какъ и вы, въ первый разъ въ Римѣ.

Начали попадаться по дорогѣ развалины, извощикъ оборачивался къ сѣдокамъ, указывалъ на древности бичомъ и говорилъ безъ умолку.

— Глаша! что онъ говоритъ? спрашивалъ жену Николай Ивановичъ.

— Рѣшительно ничего не понимаю! пожимала та плечами. — Сказалъ, что говоритъ по французски, когда я его давеча спрашивала, а теперь бормочетъ по итальянски.

— Да и не надо понимать. Пускай его бормочетъ, что хочетъ, а мы будемъ ѣздить и смотрѣть, замѣтилъ Конуринъ.

— Однако, должны-же мы знать, какъ эти развалины называются, отвѣчала Глафира Семеновна.

— А зачѣмъ? Вѣдь уѣдемъ отсюда, все равно забудемъ. Видимъ, что развалины, видимъ, что они древнія, такъ что даже травой поросли—съ насъ и довольно.

Подъѣхали къ обширному углубленію, устланному плитами. На днѣ его виднѣлись остатки колоннъ, лежали каменные карнизы. Извощикъ остановился и, указывая на углубленіе, произнесъ:

— Forum Romanum.

— Форумъ Романумъ, передала его слова Глафира Семеновна.

— А что это за штука такая была? Для чего это?— спрашивалъ Конуринъ.

— Да, судя по колоннамъ, должно быть храмъ какой-нибудь идолопоклонническій. Вонъ и идолъ лежитъ,—отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

— Идолъ и есть. Чего-же только папа-то смотритъ и не приберетъ его? Христіане, а идола держутъ.

— Для древности держутъ, пояснила Глафира Семеновна.—Вѣдь это-то древности и есть. Вонъ тамъ на днѣ публика ходитъ и колонны разсматриваетъ. Вонъ и лѣстница, чтобъ сходить. Сойдемъ мы внизъ, что-ли?

— Да чего-жъ тутъ сходить-то? И отсюда все видно. Да и смотрѣть-то, по совѣсти сказать, нечего. Вотъ если-бы тамъ ресторанчикъ былъ...—проговорилъ Конуринъ.

Вокругъ Форума высились также развалины храма Кастора и Полукса, храма Юлія Цезаря. Извощикъ, указывая на нихъ бичомъ, такъ и надсаживался, сыпля историческими названіями и дѣлая свои поясненія, но его никто не слушалъ.

— Колизеумъ, коше... Монтре ну Колизеумъ... У е Колизеумъ? тороиила его Глафира Семеновна.

— Coliseum? Si, madame...

Онъ щелкнулъ бичемъ и коляска покатилась далѣе.

XXXVII.

Coliseum!—указалъ наконецъ извощикъ и продолжалъ бормотать по итальянски, разсказывая что̀ такое Колизеумъ.

Передъ путниками высились двѣ величественныя кирпичныя стѣны, оставшіяся отъ гигантскаго зданія.

— Это-то хваленый вами Колизеумъ!—протянулъ Конуринъ.—Такъ что-жъ въ немъ хорошаго? Я думалъ и не вѣдь что!

— Позвольте, Иванъ Кондратьичъ... Вѣдь это-же развалины, остатки старины,—сказала Глафира Семеновна.

— Такъ что-жъ за охота смотрѣть только однѣ развалины? Ѣдемъ, ѣдемъ — вотъ ужъ сколько ѣдемъ и только однѣ развалины. Надо-бы что-нибудь и другое.

— Однако, нельзя-же быть въ Римѣ и не посмотрѣть развалинъ. Вѣдь сами-же вы согласились посмотрѣть.

— Названіе-то ужъ очень фигуристое... Колизеумъ... Я думалъ, что нибудь въ родѣ нашего петербургскаго Акваріума этотъ самый Колизеумъ, а тутъ развалившіяся стѣны... и ничего больше.

— Ахъ, Боже мой! Погодите-же... Вѣдь еще не подъѣхали. Можетъ быть, что-нибудь и интереснѣе будетъ.

15

Позѣвывалъ и Николай Ивановичъ, соскучившись смотрѣть на развалины.

— Ежели въ Римѣ ничего нѣтъ лучшаго, кромѣ этихъ самыхъ развалинъ, то, я думаю, намъ въ Римѣ и однѣ сутки пробыть довольно,—проговорилъ онъ.

— Да конечно-же довольно, подхватилъ Конуринъ.—Вотъ отсюда сейчасъ поѣхать посмотрѣть папу римскую, переночевать, да завтра и въ другое какое-нибудь мѣсто выѣхать.

— Ахъ, Боже мой! Да неужели вы думаете, что какъ только вы пріѣдете папу смотрѣть, такъ сейчасъ онъ вамъ и покажется! воскликнула Глафира Семеновна.—Вѣдь на все это свои часы тутъ, я думаю, назначены.

— И, матушка! Можно такъ сдѣлать, что и не въ часы онъ покажется. На все это есть особенная творялка. Вынуть эту отворялку, показать кому слѣдуетъ—сейчасъ и папу намъ покажутъ.

Конуринъ подмигнулъ и хлопнуть себя по карману.

— Само собой... поддакнулъ Николай Ивановичъ.—Не пожалѣть только пару золотыхъ.

— Ахъ, какъ вы странно, господа, объ папѣ думаете! перебила Глафира Семеновна.—Вѣдь папа-то кто здѣсь? Папа здѣсь самый главный, самое первое лицо. Его можетъ-быть не одна сотня людей охраняетъ. Тутъ кардиналы около него, тутъ и служки. Да мало-ли сколько разныхъ придворныхъ! Вѣдь онъ, какъ царь живетъ, такъ что тутъ ваши пара золотыхъ!

— А ты видала, какъ онъ живетъ? Видала? присталъ къ женѣ Николай Ивановичъ.

— Не видала, а читала и слышала.

— Ну, такъ нечего и разсказывать съ чужихъ словъ. Прислужающимъ его дать на макароны и на выпивку—вотъ они его и покажутъ какъ-нибудь. Вѣдь намъ что надо? Только взглянуть на него, да и довольно. Не узоры на немъ разглядывать!

Разговаривая такимъ манеромъ, они подъѣхали къ воротамъ Колизея. Къ нимъ тотчасъ-же подскочили два итальянца, въ помятыхъ шляпахъ съ широкими полями,—одинъ пожилой, съ бородою съ просѣдью, въ черномъ плисовомъ порыжѣломъ жакетѣ, другой молодой, необычайно загорѣлый, съ черными, какъ смоль усами и въ длинномъ клѣтчатомъ пальто. Приподнявъ шляпы для поклона, они наперерывъ торопились высаживать изъ коляски Ивановыхъ и Конурина. Пожилой, съ ловкостью галантнаго кавалера, предложилъ было Глафирѣ Семеновнѣ руку, свернутую калачикомъ, но молодой тотчасъ-же оттолкнулъ его и предложилъ ей свою руку. Глафира Семеновна не принимала руки и, стоя на подножкѣ коляски, отмахивалась отъ нихъ.

— Не надо мнѣ, ничего не надо. Иль не фо па... Лесе муа... говорила она.—Николай Иванычъ! Да что они пристали!

— «Брысь», крикнулъ на нихъ Николай Ивановичъ, вышелъ изъ коляски и протянулъ руку женѣ.

Глафира Семеновна вела мужа въ ворота Колизея. Конуринъ плелся сзади. Итальянцы не отставали отъ нихъ и, забѣгая впередъ, указывали на стѣны воротъ съ остатками живописи и бормотали что-то на ломаномъ французскомъ языкѣ.

— Чего имъ надо отъ насъ, я не понимаю! гово-

15*

рилъ Николай Ивановичъ.—Глаша! что они бормочатъ?

— Предлагаютъ показать намъ Колизеумъ. Видишь, разсказываютъ и указываютъ. Проводники это.

— Не надо намъ! Ничего не надо! Алле! махнулъ имъ рукой Николай Ивановичъ, но итальянцы не отходили и шли дальше.

Вотъ обширная арена цирка, вотъ мѣста для зрителей, вытесанные изъ камня, вотъ хорошо сохранившаяся императорская ложа съ остатками каменныхъ украшенiй, полуразвалившiяся мраморныя лѣстницы, корридоры. Ивановы и Конуринъ бродили по Колизею, но куда-бы они ни заглядывали, итальянцы ужъ были впереди ихъ и наперерывъ бормотали безъ умолку.

— Что тутъ дѣлать! Какъ ихъ отогнать? пожималъ плечами Николай Ивановичъ.

— Да не надо и отгонять. Пусть ихъ идутъ и бормочатъ. Они бормочатъ, а мы не слушаемъ, отвѣчала Глафира Семеновна, но все-таки незамѣтно поддавалась проводникамъ и шла, куда они ихъ вели.

Вотъ, въ концѣ одного корридора желѣзная рѣшетка и лѣстница внизъ, въ подземелье. Пожилой проводникъ тотчасъ-же остановился у рѣшетки, досталъ изъ кармана стеариновую свѣчку и спички и началъ манить Ивановыхъ и Конурина въ подземелье.

— Зоветъ туда, внизъ, сказала мужу Глафира Семеновна.—Должно быть тамъ что-нибудь интересное. Можетъ быть это тѣ самыя темницы, гдѣ несчастные сидѣли, которыхъ отдавали на растерзанiе звѣрямъ? Я читала про нихъ. Спуститься развѣ?

— Да ты никакъ, Глаша, съума сошла! Нацѣпила

на себя брилліантовъ на нѣсколько тысячъ и хочешь идти въ какую-то трущобу, куда тебя манитъ неизвѣстный, подозрительный человѣкъ! А вдругъ онъ заведетъ насъ въ такое мѣсто, гдѣ выскочутъ на насъ нѣсколько человѣкъ, ограбятъ да и запрутъ тамъ въ подземельи? Алле, мосье! Алле! Брысь! Не надо! крикнулъ Николай Ивановичъ пожилому итальянцу и быстро потащилъ жену обратно отъ входа въ подземелье.

Глафира Семеновна нѣсколько опѣшила.

— Вотъ только развѣ, что брилліанты-то, а то какъ-же не посмотрѣть подземелья! Можетъ быть въ подземельи-то самое любопытное и есть, сказала она.

— Ничего тутъ нѣтъ, барынька, интереснаго. Развалившійся кирпичъ, обломки каменьевъ—и ничего больше, заговорилъ Конуринъ, зѣвая. — Развалившійся-то кирпичъ и у насъ въ Питерѣ видѣть можно. Поѣзжайте, какъ будете дома, посмотрѣть, какъ Большой театръ ломаютъ для консерваторіи—тоже самое увидите.

Забѣжавшій между тѣмъ впередъ пожилой проводникъ-итальянецъ звалъ уже ихъ куда-то по лѣстницѣ, идущей вверхъ, но они не обращали на него вниманія. Къ Глафирѣ Семеновнѣ подскочилъ усатый проводникъ-итальянецъ и совалъ ей въ руки два осколка бѣлаго мрамора.

— Souvenir du Coliseum... Prenez, madame, prenez...— говорилъ онъ.

— На память отъ Колизеума даетъ камушки... Взять, что-ли?—спросила Глафира Семеновна мужа.

— Ну, возьми. Похвастаемся передъ кѣмъ-нибудь

въ Петербургѣ, что вотъ прямо изъ Рима, изъ Колизеума, отъ царской ложи отломили. Конуринъ! Хочешь камень на память въ Питеръ свезти изъ Колизеума?

— Поди ты! Рюмку рома римскаго съ порціей ихъ итальянскихъ макаронъ, такъ вотъ-бы я теперь съ удовольствіемъ на память въ себя вонзилъ. А то камень! Что мнѣ въ камнѣ!—отвѣчалъ Конуринъ и прибавилъ:—Развалины разныя для пріѣзжающихъ держутъ, а нѣтъ чтобы въ этихъ развалинахъ какой-нибудь ресторанчикъ устроить! Нація то-же! Нѣтъ, будь тутъ французы или нѣмцы, навѣрное-бы ужъ продавали здѣсь и выпивку, и закуску.

— Ѣдемъ, Конуринъ, въ ресторанъ, ѣдемъ завтракать. И я проголодался, какъ собака, сказалъ Николай Ивановичъ.

Они направлялись къ выходу изъ Колизеума. Проводники, заискивающе улыбаясь, снимали шляпы и кланялись. Слышалось слово «macaroni»...

— Что? На макароны просите?—сказалъ Николай Ивановичъ, посмѣиваясь.—Ахъ, вы неотвязчивые черти! Ну, вотъ вамъ франкъ на макароны. Подѣлитесь. Пополамъ... Компрене? Пополамъ...—показывалъ онъ итальянцамъ жестами.

Итальянецъ въ усахъ пожималъ плечами и просилъ еще денегъ, стараясь пояснить, что онъ долженъ получить, кромѣ того, за камни, которые онъ вручилъ Глафирѣ Семеновнѣ.

Та вынула изъ кармана кошелекъ и дала усатому итальянцу еще франкъ.

— Merci, madame — любезно кивнулъ онъ и сунулъ ей въ руку еще осколочекъ мрамора на прибавку, вынувъ его изъ кармана пиджака.

XXXVIII.

Опять сѣли въ коляску.

— Траторія! Манжата!—крикнула Глафира Семеновна извощику, стараясь пояснить ему, что они хотятъ ѣсть и что ихъ нужно везти въ ресторанъ.

— Макарони и рома! — прибавилъ Конуринъ, потирая руки.—Ужасъ какъ хочется выпить и закусить.

— Si, signor... si, signora...—отвѣчалъ извощикъ, стегнулъ лошадь и трусцой повезъ ихъ хоть и другой дорогой, но тоже мимо развалинъ, продолжая называть остатки зданій и сооруженій, мимо которыхъ они ѣхали.—Forum Julium... Forum Transitorium... Forum Trajanum...—раздавался его голосъ.

— Заладилъ съ своими форумами!—пожалъ плечами Николай Ивановичъ.—Довольно! Довольно съ твоими форумами! Хорошенькаго понемножку. Надоѣлъ. Ассе!..—крикнулъ онъ извощику.—Тебѣ сказано: траторіумъ, манжата, вино неро, салами на закуску—вотъ что намъ надо. Понялъ? Компрената?

— Si, signor... улыбнулся извощикъ, оборотившись къ сѣдокамъ въ полъоборота и погналъ лошадь.

— Однако, какъ мы хорошо по-итальянски-то насобачились! Вѣдь вотъ извощикъ все понимаетъ! похвастался Николай Ивановичъ.

— Да, не трудный языкъ. Совсѣмъ легкій... отвѣчала Глафира Семеновна.—По книжкѣ я много словъ выучила.

Вотъ и ресторанъ, ничѣмъ не отличающійся отъ французскихъ ресторановъ.

Вошли и сѣли.

— Камерьере... обратилась Глафира Семеновна къ подошедшему слугѣ: Деженато... Тре... Пуръ труа, показала она на себя, мужа и Конурина.—Минестра... Аристо ди вителіо... Вино неро... заказывала она завтракъ.

— Je parle française, madame... перебилъ ее слуга.

— Батюшки! Говоритъ по-французски! Ну, вотъ и отлично, обрадовалась Глафира Семеновна.

— Ромцу, ромцу ему закажите настоящаго римскаго и макаронъ... говорилъ ей Конуринъ.

Подали завтракъ, подали красное вино, макароны сухіе и вареные съ помидорнымъ соусомъ, подали ромъ, но на бутылкѣ оказалась надпись „Jamaica". Это не уклонилось отъ мужчинъ.

— Смотрите, ромъ-то ямайскій подали, а не римскій, указалъ Николай Ивановичъ на этикетъ.

— Да кто тебѣ сказалъ, что ромъ бываетъ римскій?—отвѣчала Глафира Семеновна.—Ромъ всегда ямайскій.

— Ты-же говорила. Сама сказала, что по французски оттого и Римъ Ромомъ называется, что здѣсь въ Римѣ ромъ дѣлаютъ.

— Ничего я не говорила. Врешь ты все... разсердилась Глафира Семеновна.

— Говорили, говорили. Въ вагонѣ говорили, под-

твердилъ Конуринъ.—Нѣтъ, римскаго-то ромцу куда-бы лучше выпить.

— Пейте, что подано. Да не наваливайтесь очень на вино-то, вѣдь папу ѣдемъ послѣ завтрака смотрѣть.

— А папу-то увидать, урѣзавши муху еще пріятнѣе.

— А урѣжете муху, такъ никуда я съ вами не поѣду. Отправлюсь въ гостиннину и буду спать. Я цѣлую ночь изъ-за бандитовъ въ вагонѣ не спала.

— Сократимъ себя, барынька, сократимъ, кивнулъ ей Конуринъ и взялся за бутылку.

Завтракъ былъ поданъ на славу и, главное, стоилъ дешево. Дешевизна римскихъ ресторановъ рѣзко сказалась передъ ницскими, что Конурину и Николаю Ивановичу очень понравилось. За франкъ, данный на чай, слуга низко поклонился и назвалъ Николая Ивановича даже „эчеленцей".

— Смотри, какой благодарный гарсонъ-то! Даже превосходительствомъ тебя назвалъ, замѣтила мужу Глафира Семеновна.

У того лицо такъ и просіяло.

— Да что ты! удивился онъ.

— А то какъ-же... Онъ сказалъ „эчелеица", а эчеленца значитъ, я вѣдь прочла въ книгѣ-то, превосходительство.

— Тогда надо будетъ выпить шампанскаго и еще ему дать на чай.—Синьоръ ботега! Иси...

— Ничего не надо. Не позволю я больше пить. Мы идемъ папу смотрѣть.

— Ну, тогда я такъ ему дамъ еще франковикъ. Надо поощрять учтивость. А то въ Ниццѣ сколько

денегъ просѣяли и никто насъ даже благородіемъ не назвалъ. Гарсонъ! Вотъ... Вуаля... Анкоръ...

Николай Ивановичъ бросилъ франкъ. Прибавилъ еще полъ франка и Конуринъ.

— На макароны... Вивъ тальянцы! похлопалъ онъ по плечу слугу.

За такую подачку слуга до самаго выхода проводилъ ихъ, кланяясь, и разъ пять пускалъ въ ходъ то „эчеленцу", то „экселянсъ".

Сѣли опять въ коляску. Конуринъ и Николай Ивановичъ кряхтѣли. Макаронами обильно поданными и очень вкусными, они наѣлись до отвалу.

— Что-то жена моя, голубушка, дѣлаетъ теперь! Чувствуетъ-ли, что я папу римскую ѣду смотрѣть! вздыхалъ Конуринъ и прибавилъ:—Поди тоже только что пообѣдала и чай пить собирается.

Извощикъ обернулся къ сѣдокамъ и спрашивалъ куда ѣхать.

— Вуаръ ле папъ... Папъ... Папа, отдавала приказъ Глафира Семеновна.—Компрене? Понялъ? Компрената? Папа...

— Ah! Le Vatican!—протянулъ извощикъ.—Si, madame.

Пришлось ѣхать долго. Конуринъ зѣвалъ.

— Однако, папа-то совсѣмъ у чорта на куличкахъ живетъ, сказалъ онъ.—Вишь, куда его занесло!

Вотъ и мутный Тибръ съ его сѣрой неприглядной набережной, вотъ и знаменитый мостъ Ангела съ массой древнихъ изваяній. Переѣхали мостъ, миновали нѣсколько зданій и выѣхали на площадь святаго Петра.

Вдали величественно возвышался соборъ святаго Петра.

— Basilica di Pietro in Vaticano!—торжественно воскликнулъ извощикъ, протягивая бичъ по направленію къ собору.

— Вотъ онъ... Вотъ соборъ святаго Петра. Я его сейчасъ-же по картинкѣ узнала—проговорила Глафира Семеновна.—Надо, господа, зайти и посмотрѣть хорошенько—обратилась она къ мужчинамъ.

— Еще-бы не зайти. Надо зайти—откликнулся Николай Ивановичъ. — Только послѣ макаронъ-то маршировать теперь трудновато. Сонъ такъ и клонитъ.

— Пусть онъ насъ прежде къ папѣ-то римской везетъ—сказалъ Конуринъ.—Синьеръ извощикъ!—Ты къ папѣ насъ... Прямо къ папѣ. Папа...

— Да вѣдь къ папѣ-же онъ насъ и везетъ. Папа рядомъ съ соборомъ живетъ...—отвѣчала Глафира Семеновна.—Коше! У е ле пале папъ?

— Voilà... C'est le Vatican!—указалъ извощикъ направо отъ собора.

— Вотъ дворецъ папы... Направо...

Видъ былъ величественный. Подъѣзжали къ самой паперти собора, раскинутой на огромномъ пространствѣ. Паперть, впрочемъ, была грязна: по ступенькамъ валялись апельсинныя корки, лоскутья газетной бумаги; изъ расщелинъ ступеней росла трава. На паперти и вдали между колоннъ стояли и шмыгали монахи въ черныхъ и коричневыхъ одеждахъ, въ шляпахъ съ широкими полями или въ капюшонахъ. Какъ около Колизея, такъ и здѣсь на Ивановыхъ и на Конурина накинулись проводники. Здѣсь проводниковъ была уже цѣлая

толпа. Они совали имъ альбомы съ видами собора и бормотали, кто на ломаномъ французскомъ, кто на ломаномъ нѣмецкомъ языкахъ. Слышалась даже исковерканная англійская рѣчь. Услуги предлагались со всѣхъ сторонъ.

— Брысь! Брысь! Ничего намъ не надо, отмахивался отъ нихъ Николай Ивановичъ по русски, восходя по ступенькамъ паперти, но проводники все-таки не отставали отъ нихъ.

Ивановы и Конуринъ направились въ двери собора.

XXXIX.

Какъ ни отгоняли Ивановы и Конуринъ отъ себя проводниковъ при входѣ въ соборъ св. Петра, но одинъ проводникъ, лысый старикъ съ сѣдой бородкой, имъ все-таки навязался, когда они вошли въ храмъ. Сдѣлалъ онъ это постепенно. Первое время онъ ходилъ за ними на нѣкоторомъ разстояніи и молча, но какъ только они останавливались въ какой-нибудь нишѣ, передъ мозаичной картиной или статуей папы, онъ тотчасъ-же подскакивалъ къ нимъ, дѣлалъ свои объясненія на ломаномъ французскомъ языкѣ и снова отходилъ.

— Бормочи, бормочи, все равно тебя не слушаемъ,—говорилъ ему Николай Ивановичъ, махая рукой; но проводникъ не обращалъ на это вниманія

и при слѣдующей остановкѣ Ивановыхъ и Конурина опять подскакивалъ къ нимъ,

Мало по малу онъ ихъ пріучилъ къ себѣ; компанія не отгоняла его уже больше и когда Глафира Семеновна обратилась къ нему съ какимъ-то вопросомъ, онъ оживился, забормоталъ безъ умолку и сталъ совать имъ въ руки какую-то бумагу.

— Что такое? На бѣдность просишь? Не надо, не надо намъ твоей бумаги. На вотъ... Получи такъ пару мѣдяковъ и отходи прочь, — сказалъ ему Николай Ивановичъ, подавая двѣ монеты.

Проводникъ не бралъ и продолжалъ совать бумагу.

— Онъ аттестатъ подаетъ. Говоритъ, что это у него аттестатъ отъ какого-то русскаго,—пояснила Глафира Семеновна.

— Аттестатъ?

Николай Ивановичъ взялъ протягиваемую ему бумагу, сложенную въ четверо, и прочиталъ:

— „Симъ свидѣтельствуемъ, что проводникъ Франческо Корыто презабавный итальянецъ,скворцомъ свиститъ, сорокой прыгаетъ, выпить не дуракъ, если ему поднести, и комикъ такой, что животики надорвешь. Познакомилъ насъ въ Римѣ съ такими букашками-таракашками, по части женскаго сословія, что можно сказать только мерси. Московскій купецъ... Бо... Во...“ Подписи не разобрать...—сказалъ Николай Ивановичъ.—Но тутъ двѣ подписи. „Самый распродраматическій артистъ“... И второй подписи не разобрать,— улыбнулся онъ.

— Что это такое? Да ты врешь, Николай Иванычъ! удивилась Глафира Семеновна, вырвавъ у мужа бумагу·

— Вовсе не вру. Написано, какъ видишь, по русски. Кто-нибудь изъ русскихъ, бывшихъ здѣсь, на смѣхъ далъ ему этотъ аттестатъ, а онъ, думая, что тутъ и не вѣдь какія похвалы ему написаны, хвастается этой бумагой передъ русскими.

— C'est moi... c'est moi!—тыкалъ себя въ грудь проводникъ и кивалъ головой.

— Да онъ презабавный! засмѣялся Конуринъ.— Дѣйствительно комикъ. Рожа у него преуморительная.

— И въ самомъ дѣлѣ кто-то на смѣхъ далъ ему дурацкій аттестатъ, сказала Глафира Семеновна, прочитавъ бумагу и прибавила.—Вѣдь есть-же такіе безобразники!

— Шутники... проговорилъ Николай Ивановичъ.— Римъ городъ скучный: развалины, да развалины и ничего больше—вотъ и захотѣлось подшутить надъ итальянцемъ.

— Само собой... Не надо его отгонять. Пусть потомъ и насъ позабавитъ на улицѣ, прибавилъ Конуринъ.

— Да вы никакъ съ ума сошли! сверкнула глазами Глафира Семеновна.—Срамникъ! Букашекъ-таракашекъ вамъ отъ него не надо-ли!

— Зачѣмъ букашекъ-таракашекъ? Мы люди женатые и этимъ не занимаемся.

— Знаю я васъ, женатыхъ! Алле, синьоръ. Не надо,—передала она бумагу проводнику, махнула ему рукой и отвернулась.

Проводникъ недоумѣвалъ.

— C'est moi, madame, c'est moi... продолжалъ онъ тыкать себя пальцемъ въ грудь.

— Да пусть ужъ насъ до папы-то проводитъ, вставилъ свое слово Николай Ивановичъ.—Человѣкъ знающій... Все-таки съ русскими, оказывается, возился. А что до букашекъ-таракашекъ, такъ чего ты, Глаша, боишься? Вѣдь ты съ нами.

Глафира Семеновна не отвѣчала и ускорила шагъ. Проводникъ продолжалъ идти около нихъ и время отъ времени дѣлалъ свои объясненія.

Но вотъ соборъ осмотрѣнъ. Они вышли на паперть. Проводникъ стоялъ безъ шляпы и, сдѣлавъ прекомическое лицо, просительно улыбался.

— Да дамъ, дамъ на макароны, — кивнулъ ему Николай Ивановичъ.—Покажи намъ теперь только папу. Глаша! Да спроси его, гдѣ и какъ намъ можно видѣть папу.

— Ахъ, не хочется мнѣ съ такимъ дуракомъ и разговаривать!

— Да дураки-то лучше. Папъ... Папъ... Понимаешь, мусье, папъ намъ надо видѣть.

— Ну вулонъ вуаръ папъ...—сдалась Глафира Семеновна, обратившись наконецъ къ проводнику.

Тотъ заговорилъ и зажестикулировалъ, указывая на лѣвую колонаду, прилегающую къ паперти.

— Что онъ говоритъ?—спрашивали мужчины.

— Да говоритъ, что папа теперь нездоровъ и его видѣть нельзя.

— Вздоръ. Знаемъ мы эти уловки-то! Покажи намъ папъ—и вуаля...

Николай Ивановичъ вынулъ пятифранковую монету и показалъ проводнику. Проводникъ протянулъ къ монетѣ руку. Тотъ не давалъ.

— Нѣтъ, ты прежде покажи, а потомъ и дадимъ, сказалъ онъ.—Двѣ даже дадимъ. Да... Глаша! Да переведи-же ему.

— Что тутъ переводить! Онъ говоритъ, что дворецъ папы можно видѣть только до трехъ часовъ дня, а теперь больше трехъ. А самъ папа боленъ.

Николай Ивановичъ не унимался и вынулъ маленькій десятифранковый золотой.

— Вуаля... Видишь? Твой будетъ. Гдѣ дворецъ папы? Гдѣ пале? приставалъ онъ къ проводнику. Пале де папъ.

Проводникъ повелъ ихъ подъ колонаду, привелъ къ лѣстницѣ, ведущей наверхъ и указалъ на нее, продолжая говорить безъ конца. Вверху на площадкѣ лѣстницы бродили два жандарма въ треуголкахъ.

— Вотъ входъ во дворецъ папы, пояснила Глафира Семеновна:—Но все-таки онъ говоритъ, что теперь туда не пускаютъ. И въ самомъ дѣлѣ, видишь, даже солдаты стоятъ.

— Что такое солдаты! подхватилъ Конуринъ.—Пусть сунетъ солдатамъ вотъ эту отворялку—и живо насъ пропустятъ. Мусье! Комикъ. Вотъ тебѣ... Дай солдатамъ. Ужъ только бы въ нутро-то впустили!

Онъ подалъ проводнику пятифранковую монету.

— Доне о сольда... доне... посылала проводника Глафира Семеновна на лѣстницу.

Тотъ недоумѣвалъ.

— Иди, иди... Ахъ, какой не расторопный! А еще проводникъ съ аттестатомъ, сказалъ Николай Ивановичъ.—Ну, вотъ тебѣ и анкоръ. Вотъ еще три франка... Это ужъ тебѣ... Тебѣ за труды. Бери...

Проводникъ держалъ на рукѣ восемь франковъ и что-то соображалъ. Черезъ минуту онъ отвелъ Ивановыхъ и Конурина въ колонны, таинственно подмигнулъ имъ, самъ побѣжалъ къ лѣстницѣ, ведущей въ Ватиканъ, и тамъ скрылся.

— Боялся должно быть на нашихъ-то глазахъ солдатамъ сунуть, замѣтилъ Конуринъ.

— Само собой... поддакнулъ Николай Ивановичъ.— Ну, что-жъ, подождемъ.

И они ждали, стоя въ колоннахъ. Къ нимъ одинъ за другимъ робко подходили нищіе и просили милостыню. Нищіе были самыхъ разнообразныхъ типовъ. Тутъ были старики, дѣти, оборванные, босые или въ кожанныхъ отрепанныхъ сандаліяхъ, на манеръ нашихъ лаптей, были женщины съ грудными ребятами. Всѣ какъ-то внезапно появлялись изъ-за колоннъ, какъ изъ земли выростали и, получивъ подаяніе, быстро исчезали за тѣми-же колоннами. Прошло пять минутъ, прошло десять, а проводникъ обратно не шелъ.

— Ужъ не надулъ-ли, подлецъ? сказалъ Николай Ивановичъ. — Не взялъ-ли деньги, да не убѣжалъ-ли?

— Очень просто. Отъ такого проходимца, который букашекъ-таракашекъ путешественникамъ сватаетъ — все станется, отвѣчала Глафира Семеновна.

— Дались тебѣ эти букашки.

Прождавъ еще минутъ десять, они вышли изъ-за ко-

лоннъ и пошли къ лѣстницѣ. Жандармы въ трехуголкахъ по прежнему стояли на площадкѣ, но проводника не было видно.

— Надулъ, комическая морда! воскликнулъ Конуринъ.—Ахъ, чтобъ ему... Постой-ка, я попробую одинъ войти на лѣстницу. Можетъ быть и пропустятъ.

Онъ поднялся по лѣстницѣ до площадки, но тамъ жандармъ загородилъ ему дорогу. Онъ совалъ жандарму что-то въ руку, но тотъ не бралъ и сторонился.

— Вуаръ ле пале! крикнула Глафира Семеновна жандармамъ.

Тѣ отвѣчали что-то по итальянски.

Конуринъ спустился съ лѣстницы внизъ.

— Не берутъ и не пускаютъ, сказалъ онъ. — А комикъ надулъ, подлецъ, насъ дураковъ.

— И ништо вамъ, ништо... Не связывайтесь съ такой дрянью, который букашекъ на двухъ ногахъ путешественникамъ сватаетъ, поддразнивала Глафира Семеновна.

Ругая проводника, они вышли на площадь и сѣли въ коляску, которая ихъ поджидала.

— Куда-же теперь ѣхать? спрашивала Глафира Семеновна.

— Только не на развалины! воскликнули въ одинъ голосъ мужъ и Конуринъ.

— Такъ домой. Дома и пообѣдаемъ.

Она отдала извощику приказъ ѣхать въ гостинницу.

XL.

Ивановы и Конуринъ пріѣхали къ себѣ въ гостинницу въ то время, когда на дворѣ и по корридорамъ всѣхъ этажей звонили въ колокола. Оберкельнеръ во фракѣ надсажался, раскачивая довольно объемистый колоколъ, привѣшенный при главномъ входѣ, корридорные слуги трезвонили въ маленькіе ручные колокольчики, пробѣгая по корридорамъ мимо дверей номеровъ. Звонили къ обѣденному табльдоту. Столовая, гдѣ былъ накрытъ столъ, помѣщалась въ нижнемъ этажѣ. Жильцы гостинницы, какъ муравьи, сходили внизъ по лѣстницѣ, спускались по подъемной машинѣ. Около столовой образовалась цѣлая толпа. Слышались французскій, нѣмецкій, итальянскій, англійскій говоръ. Англичане были во фракахъ и бѣлыхъ галстухахъ. Двѣ чопорныя молодыя англичанки, некрасивыя, съ длинными тонкими шеями, съ длинными зубами, непокрывающимися верхней губой, вели подъ руки полную старуху съ сѣдыми букельками на вискахъ. Нѣмцы были въ сюртукахъ, французы и итальянцы въ лѣтнихъ пиджачныхъ свѣтлыхъ парахъ. Итальянцы, кромѣ того, отличались яркими цвѣтными галстухами, а французы розами въ петличкахъ. Какой-то старикъ нѣмецъ несъ съ собой къ столу собственную пивную граненную хрустальную кружку съ мельхіоровой крышкой и фарфоровую

16*

большую трубку съ эластичнымъ чубукомъ въ бисерномъ чахлѣ.

— Къ табльдоту попали? Ну, вотъ и отлично, сказалъ Николай Ивановичъ.—Хоть и плотно давеча за завтракомъ натромбовали въ себя макаронъ, а ѣсть все-таки хочется.

— Водочки-бы теперь въ себя вонзить православной, да чего-нибудь итальянистаго на закуску... прибавилъ Конуринъ.

— Какая тутъ въ Италіи водка! Вѣдь давеча за завтракомъ у лакея спрашивали, такъ тотъ даже глаза выпучилъ отъ удивленія,—отвѣчала Глафира Семеновна.—Пейте итальянское вино. Такое здѣсь въ Италіи прекрасное и недорогое вино Шіанти—вотъ его и пейте.

Оберкельнеръ, замѣтивъ ихъ идущими въ столовую, какъ новыхъ постояльцевъ, тотчасъ-же принялъ подъ свое особое покровительство. Онъ отвелъ имъ мѣсто на уголкѣ стола, поставленнаго покоемъ, принесъ холодильникъ для шампанскаго, поставилъ вазу съ живыми цвѣтами передъ приборомъ Глафиры Семеновны и наконецъ подалъ карту винъ.

— Вино неро, Шіанти... —сказала Глафира Семеновна.

— А мадеры, хересу или портвейну послѣ супу? — предложилъ оберъ-кельнеръ по французски.

— Нонъ, нонъ, нонъ.

— Постойте... Да нѣтъ-ли водки-то здѣсь? Можетъ быть и есть,—сказалъ Конуринъ.—О де ви русь?— спросилъ онъ оберъ-кельнера, но тотъ далъ отрицательный отвѣтъ.

— Ахъ, подлецы, подлецы! Хоть-бы апельсины свои на нашу русскую водку мѣняли.

— Тогда давай коньякъ и келькшозъ эдакаго забористаго на закуску...—проговорилъ Николай Ивановичъ.—Глаша переведи.

— Коньякъ е кельшозъ пикантъ пуръ горъ-девръ. Доне тудесюитъ.

— Avant la soupe?—удивился оберкельнеръ, что коньякъ требуютъ передъ супомъ.

— Вуй, вуй... Се а ля рюссъ... Удивляется, что коньякъ спрашиваемъ нередъ супомъ.

— По русски, братъ, всегда передъ супомъ... тужуръ...—подмигнулъ ему Николай Ивановичъ.

Явились коньякъ и тарелочка какихъ-то пикулей въ уксусѣ. Мужчины съ жадностью хватили по рюмкѣ коньяку, Конуринъ запихалъ себѣ въ ротъ какой-то бурый плодъ съ тарелки, жевнулъ его и разинулъ ротъ—до того ему зажгло во рту и горлѣ.

— Что это онъ, подлецъ, намъ преподнесъ! еле выговорилъ онъ, выплевывая закуску въ салфетку.—Ядъ какой-то, а не закуска... Дайте воды скорѣй! Фу!

Онъ всполоснулъ водой ротъ и сдѣлалъ глотокъ, но ротъ и горло еще пуще зажгло. Оберкельнеръ стоялъ поодаль и улыбался.

— Чего смѣешься-то, дуракъ! крикнулъ на него Николай Ивановичъ, тоже попробовавшій закуски и тотчасъ-же ее выплюнувшій.—Кескесе, ты намъ подалъ? спрашивалъ онъ его, тыкая въ тарелку.

Спрашивала и Глафира Семеновна, испугавшаяся за Конурина, все еще сидящаго съ открытымъ ртомъ. Оберкельнеръ сталъ объяснять.

— Перецъ... Маринованный перецъ... Стручковый перецъ... Видите, красный перецъ... перевела она мужчинамъ.

— Мерзавецъ! Да развѣ стручковый перецъ ѣдятъ со стручкомъ?

— Онъ оправдывается тѣмъ, что я у него спросила какой-нибудь попикантнѣе закуски—вотъ онъ и подалъ, стараясь угодить русскимъ.

— Угодить русскимъ? Угодилъ—нечего сказать! все еще плевался Конуринъ.—Дьяволамъ это жрать, въ пеклѣ, прости Господи мое прегрѣшеніе, что я неумытыхъ за столомъ поминаю, а не русскимъ! Неси назадъ свою закуску, неси! махалъ онъ рукой.—Перцемъ стручковымъ вздумалъ русскихъ кормить! Я думалъ, онъ икорки подастъ, балычка или рака варенаго.

Оберкельнеръ извинялся и сталъ убирать закуску и коньякъ.

— Нѣтъ, ты коньякъ-то, мусье, оставь... Пусть онъ тутъ стоитъ, схватился за бутылку Николай Ивановичъ.—А вотъ этотъ ядъ бери обратно. Должно быть на самоварной кислотѣ онъ у нихъ настоенъ, что-ли, отиралъ онъ салфеткой языкъ. — Вѣдь вотъ чуточку только откусилъ, а весь ротъ зудитъ.

— А у меня даже языкъ пухнетъ... Чужой языкъ во рту дѣлается, сказалъ Конуринъ. — Надо будетъ вторую рюмку коньяку выпить, такъ авось будетъ легче. Наливай, Николай Ивановъ, а то ужасъ какъ деретъ во рту.

— Да неужели ужъ такая сильная крѣпость? спросила Глафира Семеновна. Кажется, вы притворяетесь, чтобъ придраться и выпить еще коньяку.

— Купоросъ, матушка, совсѣмъ купоросъ—вотъ до чего.

— А оберкельнеръ говоритъ, что это у англичанъ самый любимый салатъ къ жаркому.

— Провались онъ съ своими англичанами! Да и вретъ онъ. Гдѣ англичанамъ такую ѣду выдержать, которую ужъ русскій человѣкъ не можетъ выдержать.

Конуринъ продолжалъ откашливаться и отплевываться въ платокъ. Сидѣвшіе за столомъ, узнавъ отъ оберкельнера въ чемъ дѣло, съ любопытствомъ посматривали на Конурина, посмѣивались и перешептывались. Подали супъ. Одно мѣсто передъ Ивановыми и Конуринымъ было не занято за столомъ, но передъ приборомъ стояла початая бутылка вина, перевязанная красной ленточкой по горлышку. Очевидно, на это мѣсто дожидали кого-то и вотъ когда супъ былъ съѣденъ сидящими за столомъ, явилась красивая, стройная молодая женщина, лѣтъ двадцати пяти, въ черномъ шелковомъ платьѣ, съ розой въ роскошныхъ волосахъ и маленькимъ стальнымъ кинжаломъ съ золотой ручкой вмѣсто брошки на груди. Она вошла въ столовую, поспѣшно сѣла за столъ, привѣтливо улыбнулась своему сосѣду, который отодвинулъ ей стулъ, причемъ выказала два ряда прелестнѣйшихъ бѣлыхъ зубовъ и, посматривая по сторонамъ, поспѣшно начала снимать съ рукъ длинныя перчатки до локтей. Войдя въ столовую, она сразу обратила на себя вниманіе всѣхъ.

Глафира Семеновна такъ и врѣзалась въ нее глазами.

— Это что за птица такая! пробормотала Глафира Семеновна.

На новопришедшую смотрѣли въ упоръ и Конуринъ съ Николаемъ Ивановичемъ и любовались ею. Въ ней было все красиво, все изящно, все гармонично, но въ особенности выдѣлялись черные большіе глаза съ длинными густыми рѣсницами. Конуринъ забылъ даже о своемъ обожженномъ ртѣ и прошепталъ:

— Бабецъ не вредный... Вотъ такъ итальяночка!

Николай Ивановичъ тоже хотѣлъ произнести какое-то одобрѣніе, но только крякнулъ и слегка покосился на жену. Покосилась на него ревниво и Глафира Семеновна.

Красавица кушала супъ, поднося его къ себѣ въ полуоткрытый ротикъ не по полной ложкѣ и осторожно откусывала маленькіе кусочки отъ сухихъ макаронъ, поданныхъ къ супу.

XLI.

Заслыша русскій говоръ Ивановыхъ и Конурина, красавица тотчасъ-же обратилась къ нимъ и съ улыбкой спросила Конурина:

— Vous étes des russes, monsieur?

— Русь, русь... поспѣшно за него отвѣтилъ Николай Ивановичъ, радуясь, что красавица обратилась къ нимъ.

— Oh, j'aime les russes! произнесла она, играя глазами, и продолжала говорить по французски съ силь-

нымъ итальянскимъ акцентомъ и вставляя даже время отъ времени итальянскія слова.

Мужчины улыбались во всю ширину лица и хоть ничего не понимали, но кивали головами и поддакивали: „вуй, вуй“. Услыхавъ слово „Petersbourg“, Конуринъ воскликнулъ:

— Вуй, вуй, изъ Петербургъ! Я съ Клинскаго проспекта, а онъ съ Песковъ, показалъ онъ на Николая Ивановича.—Голубушка, Глафира Семеновна, переведите Бога ради, что она говоритъ.

Глафира Семеновна сидѣла, насупившись.

— И не нужно знать вамъ, отвѣчала она сердито.— Слушайте и молчите. Я не понимаю, чего эта женщина навязывается съ разговоромъ! Нахалка какая-то. Чего глаза-то выпучилъ! ѣшь! крикнула она на мужа.— Даже впился глазами.

— Ахъ, Боже мой! Да на то мнѣ глаза во лбу врѣзаны.

— Чтобъ впиваться ими? Врешь! Не впиваешься ты, однако, вонъ въ того толстаго нѣмца, который разложился за столомъ съ своей кружкой и трубкой, а впиваешься въ бабенку-вертячку.

— Да ежели она какъ разъ противъ меня сидитъ.

— Пожалуйста., молчи.

А красавица продолжала бормотать безъ умолку на ломанномъ французскомъ языкѣ и обращалась ужъ къ Глафирѣ Семеновнѣ, щеголяя даже русскими словами въ родѣ „Невскій, извощикъ, закуска, человѣкъ, кулебяка“, и произнося ихъ съ особеннымъ удареніемъ на французско-итальянскій ладъ.

— Въ Петербургѣ бывала, русскія слова знаетъ!

воскликнулъ Николай Ивановичъ.—Навѣрное артистка какая-нибудь. Итальянка? спросилъ онъ красавицу.

— Oui, monsieur...

— Артистъ? Артистка?

Красавица кивнула головой.

— Глаша! Полно тебѣ дуться-то! Неловко. Видишь, она какая любезная... Спроси-ка ты лучше ее насчетъ папы и папскаго дворца. Можетъ быть намъ наврали, что папу нельзя видѣть, обратился Николай Ивановичъ къ женѣ.

— Отстань, послышался отвѣтъ.

Красавица между тѣмъ уже прямо спросила Глафиру Семеновну, говоритъ-ли та по французски.

— Нонъ, угрюмо отрѣзала Глафира Семеновна, отрицательно покачавъ головой.

Красавица выразила сожалѣніе и продолжала бормотать, относясь ужъ къ мужчинамъ.

— Переведи хоть немножко, что она такое говоритъ, упрашивалъ жену Николай Ивановичъ.

— Ахъ, какой несносный! воскликнула Глафира Семеновна и отвѣчала:—Въ душу влѣзаетъ, хвалитъ русскихъ, говоритъ, что очень любитъ ихъ.

— Ну, вотъ видите. Насъ хвалятъ, а мы безъ всякаго сочувствія, сказалъ Конуринъ.—Вивъ тальянка! воскликнулъ онъ вдругъ и полѣзъ къ красавицѣ черезъ столъ чокаться стаканомъ краснаго вина.

Та, въ свою очередь, протянула свой стаканъ.

— Шампанскаго бутылочку спросить, что-ли?—прибавилъ Конуринъ, обращаясь къ Николаю Ивановичу:—а то не ловко съ дамой краснымъ виномъ чокаться.

Растопимъ бутылку. Куда ни шло! Гарсонъ!—Шампань!—крикнулъ онъ вдругъ слугѣ, не дождавшись отвѣта.

— Иванъ Кондратьичъ, я положительно обо всемъ этомъ вашей женѣ отпишу,—сказала Конурину Глафира Семеновна.

— Объ чемъ? Что я шампанское-то спрашиваю? Ахъ, Боже мой! Да отписывайте! Что тутъ такого? Не сквалыжничать поѣхали, а мамонъ набивать, и жена это знаетъ.

Лакей совалъ Конурину карту винъ и спрашивалъ, какого шампанскаго подать. Конуринъ передалъ карту Николаю Ивановичу и просилъ его выбрать. Тотъ, косясь на жену, отпихивалъ отъ себя карту.

— Да чего ты жены-то боишься!—упрекнулъ его Конуринъ.—Мы изъ-за ея наущенія пять—шесть ящиковъ шампанскаго въ рулетку проиграли, а тутъ ужъ безъ ея разрѣшенія не смѣй и бутылки одной выпить по своему желанію! Шампань... шампань... тыкалъ онъ передъ слугой пальцемъ въ карту.

Тотъ пожималъ плечами и тоже тыкалъ въ карту, поименовывая названія шампанскаго.

— Асти... Асти...—подсказала красавица.

— Ну, давай, гарсонъ, Асти, давай вонъ, что барыня требуетъ.

Лакей побѣжалъ исполнять требуемое. Глафира Семеновна съ шумомъ отодвинула отъ себя стулъ и поднялась изъ-за стола.

— Я не хочу больше обѣдать. Я въ номеръ къ себѣ пойду...—сказала она раздраженно.—Можете пьянствовать одни съ вертячкой.

— Матушка, голубушка, да какое-же это пьянство!—старался убѣдить ее мужъ.

— Ну, ладно. Я тебѣ покажу потомъ!

Николай Ивановичъ сидѣлъ молча, уткнувшись въ тарелку.

— Ты не пойдешь наверхъ въ номеръ?—обратилась она къ нему.

— Глафира Семеновна, пойми ты, я ѣсть хочу.

Глафира Семеновна, закусивъ губы, вышла изъ столовой.

— Чего это она? Ревнуетъ тебя, что-ли? спросилъ Конуринъ Николая Ивановича.

— Не понимаю... пожалъ тотъ плечами.—Нервы у ней, что-ли! Не можетъ видѣть хорошенькихъ женщинъ. Какъ заговоритъ со мной какая-нибудь хорошенькая бабенка—сейчасъ скандалъ. А между тѣмъ сама такъ какъ кокетничаетъ съ мужчинами! Вотъ хоть-бы тогда въ Ниццѣ, при игрѣ въ лошадки, съ этимъ лакеемъ, котораго ей почему-то вздумалось принять за графа. Нервы...

— Много воли даешь—оттого и нервы. Вотъ какъ я своей бабѣ въ Петербургѣ потачки не даю, такъ у ней и нервовъ нѣтъ, наставительно замѣтилъ Конуринъ.

Красавица между тѣмъ, видя отсутствіе Глафиры Семеновны, спрашивала ихъ съ хитрой улыбкой:

— Madame est malade?

— Малядъ, малядъ... разводилъ руками Николай Ивановичъ.—Захворала.. Мигрень... Ля тетъ... указывалъ онъ на голову.—Нервы эти самые.. Компренэ? Ля фамъ всегда нервъ...

— Oui, oui, monsieur... Je sais... кивнула ему краса-

вица, насмѣшливо подмигнувъ.—Il n'y a rien à faire... пожала она плечами.

— Ничего не подѣлаешь, мадамъ, коли баба закапризничаетъ, говорилъ Конуринъ.—Закусила удила и убѣжала. Вотъ и лекарства не дождалась отъ нервовъ, хлопнулъ онъ по бутылкѣ шипучаго итальянскаго Асти, поданнаго ему слугой.—Ну, да мы и безъ нея выпьемъ... Пожалуйте-ка вашъ стакашекъ... показывалъ онъ жестами.

Красавица протянула ему свой стаканъ. Конуринъ налилъ ей, налилъ себѣ и проговорилъ:

— За вашу распрекрасную красоту и ловкость.. Кушайте...

Протянулъ и Николай Ивановичъ свой стаканъ къ красавицѣ. Выпили.

— Вотъ такъ, Николаша, вотъ такъ... Что тутъ обращать на жену такое особенное вниманіе. Пей, да и дѣлу конецъ. Будешь очень-то ужъ баловать, такъ она сядетъ тебѣ на шею да и ноги свѣситъ, ободрялъ Николай Ивановича Конуринъ.

Тотъ махнулъ рукой и какъ-бы преобразился.

— Анкоръ, мадамъ... предложилъ онъ красавицѣ вина.

Красавица не отказывалась. Завязался разговоръ. Она говорила по-французски, мужчины говорили по-русски, и она и они сопровождали свои слова мимикой и, удивительно—какъ-то понимали другъ друга. Первая бутылка была выпита. Николай Ивановичъ потребовалъ вторую.

— Важная штучка! похваливалъ Конурину собесѣдницу Николай Ивановичъ.—И какая не спѣсивая!

— Отдай все серебро и всѣ мѣдныя—вотъ какая апетитная кралечка, прищелкивалъ языкомъ Конуринъ.—Въ здѣшней гостинницѣ она живетъ, что-ли? Спроси.

— Въ готель? Иси? спрашивалъ собесѣдницу Николай Ивановичъ, показывая пальцемъ въ потолокъ и, получивъ утвердительный отвѣтъ, сказалъ:—Здѣсь, здѣсь. Вмѣстѣ съ нами, въ одной гостинницѣ живетъ.

— Ахъ, чортъ возьми! воскликнулъ Конуринъ.

— Мадамъ! Анкоръ! предлагалъ красавицѣ вина Николай Ивановичъ и отказа не получилось.

— Гарсонъ! Еще такую-же сулеечку! кричалъ Конуринъ и показывалъ лакею пустую бутылку.

Обѣдъ кончился. Всѣ вышли изъ-за стола, а Николай Ивановичъ, Конуринъ и ихъ собесѣдница продолжали сидѣть и пить Асти. Лица мужчинъ раскраснѣлись. Масляными глазами смотрѣли они на красавицу, а та такъ и кокетничала передъ ними, стрѣляя глазами.

XLII.

Николай Ивановичъ потребовалъ еще бутылку Асти, но красивая собесѣдница на отрѣзъ отказалась пить, замахала руками, быстро поднялась изъ-за стола и, весело улыбаясь, почти побѣжала изъ столовой. Конуринъ и Николай Ивановичъ послѣдовали за ней. Выйдя изъ столовой, она направилась къ подъемной машинѣ и

вскочила въ нее, сказавъ машинисту „troisieme“. Мужчины тоже забрались за ней въ подъемную карету и сѣли рядомъ съ ней, одинъ по одну сторону, другой по другую. Щелкнулъ шалнеръ и машина начала поднимать ихъ. Въ каретѣ было темновато. Николай Ивановичъ не утерпѣлъ, схватилъ собесѣдницу за руку и поцѣловалъ у ней руку. Она отдернула руку и кокетливо погрозила ему пальцемъ, что-то пробормотавъ по-французски. Конуринъ только вздыхалъ, крутилъ головой и говорилъ:

— А и кралечка-же! Только изъ-за этой кралечки стоитъ побывать въ Римѣ. Право слово.

Подъемная машина остановилась. Они вышли въ корридоръ третьяго этажа. Собесѣдница схватила Конурина подъ руку и побѣжала съ нимъ по корридору, подошла къ двери своей комнаты, бросила его руку и, блеснувъ бѣлыми зубами, быстро сказала:

—Assez. Au revoir, messieurs. Merci...

Щелкнулъ замокъ и дверь отворилась. Конуринъ стоялъ обомлѣвшій отъ удовольствія. Николай Ивановичъ ринулся было за собесѣдницей въ ея комнату, но она тотчасъ-же загородила ему дорогу, шаловливо присѣла, сдѣлавъ реверансъ, и захлопнула дверь.

— Ахъ, шельма! могъ только выговорить Николай Ивановичъ.—Чертенокъ какой-то, а не баба!

— Совсѣмъ миндалина!—опять вздохнулъ Конуринъ, почесалъ затылокъ и сказалъ товарищу:—Ну, теперь пойдемъ скорѣй ублажать твою жену.

Комнаты ихъ находились этажемъ ниже и имъ пришлось спускаться по лѣстницѣ. Когда они очутились въ корридорѣ своего этажа, то увидѣли Глафиру

Семеновну, выходившую изъ своей комнаты. Она была въ шляпкѣ и въ ватерпруфѣ. Глаза ея были припухши, видно было, что она плакала, но потомъ умылась и припудрилась. Увидавъ мужа и Конурина, она отвернулась отъ нихъ. Николай Ивановичъ какъ-то весь съежился и сдѣлалъ жалобное лицо.

— Ахъ, Глаша! И не стыдно это тебѣ было ни съ того ни съ сего разкапризиться! заговорилъ онъ.—Хоть-бы Ивана-то Кондратьича посовѣстилась. Онъ все-таки посторонній человѣкъ.

— Отстань...

Глафира Семеновна зашагала по корридору по направленію къ лѣстницѣ. Мужчины послѣдовали за ней.

— Послушай. Куда это ты?

— Въ театръ... Компанію себѣ искать, отвѣчала она, стараясь быть какъ можно болѣе равнодушной, между тѣмъ въ говорѣ ея, въ походкѣ и въ жестахъ такъ и сквозилъ гнѣвъ.—Ты нашелъ себѣ за столомъ компанію, должна и я себѣ искать. Не безпокойся, не рохля я, съумѣю себѣ тоже какого-нибудь актера найти!

— Да ты въ умѣ, Глафира Семеновна? Вспомни, что ты говоришь!

— А ты въ умѣ, Николай Иванычъ? Что ты до сихъ поръ дѣлалъ въ столовой съ этой вертячкой? Ужъ обѣдъ-то давнымъ давно кончился, всѣ по своимъ номерамъ разошлись, а ты бражничалъ и лебезилъ передъ ней, какъ котъ въ мартѣ мѣсяцѣ. Ты не въ умѣ и я не желаю быть въ умѣ. Невѣсткѣ на отместку. Пожалуйста, пожалуйста, не идите за мной хвостомъ. Я одна въ театръ поѣду.

— Не пущу я тебя одну, рѣшительно сказалъ Николай Ивановичъ.

— Посмотримъ.

Они спустились по лѣстницѣ внизъ и очутились во дворѣ гостинницы.

— Не подобаетъ такъ, барынька, передъ своимъ мужемъ козыриться, эй, не подобаетъ... началъ Конуринъ уговаривать Глафиру Семеновну.—Ну, что онъ такое сдѣлалъ? Стаканъ, другой шампанскаго съ сосѣдкой по обѣденному столу выпилъ—вотъ и все. Да и не онъ это затѣялъ, а я... Бросьте-ка вы это все, да опять ладкомъ...

— Позвольте... Какое вы имѣете право меня учить! воскликнула Глафира Семеновна.—Вотъ еще какой второй мужъ выискался!

Глафира Семеновна сѣла на дворѣ гостинницы за столикомъ и спросила себѣ мороженнаго. Сѣли и Николай Ивановичъ съ Конуринымъ и потребовали сифонъ сельтерской воды. Всѣ молчали. Наконецъ Николай Ивановичъ началъ:

— Я не препятствую насчетъ какого-нибудь театра, но зачѣмъ-же тебѣ одной-то ѣхать? И мы съ тобой вмѣстѣ поѣдемъ.

Глафира Семеновна не отвѣчала. Наскоро съѣвъ свое мороженное, она быстро сама разсчиталась съ гарсономъ и вышла на улицу. Мужъ и Конуринъ не отставали отъ нея. У воротъ она вскочила въ извощичью коляску и стала говорить извощику:

— Театръ у Консертъ... Алле...

Извощикъ спрашивалъ, въ какой театръ.

— Сет егаль. Алле... Алле плю витъ.

Вскочили въ коляску и Николай Ивановичъ съ Конуринымъ.

— Напрасно ѣдете со мной. Все равно, вѣдь въ театрѣ мы будемъ—вы сами по себѣ, а я сама по себѣ,—сказала она имъ.—Буду гулять по корридорамъ одна и авось тоже найдется какой-нибудь кавалеръ, съ которымъ можно знакомство завести.

— Да уймитесь, барынька, переложите гнѣвъ на милость...—сказалъ Конуринъ.

— Ага! Вамъ непріятно теперь. А каково было мнѣ, когда вы за столомъ такъ и вонзились глазами въ вертячку и начали съ ней бражничать! воскликнула Глафира Семеновна.

Путь былъ длинный. Извощикъ долго везъ ихъ то по темнымъ переулкамъ, то по плохо освѣщеннымъ улицамъ, выѣзжалъ на мрачныя площади, снова въѣзжалъ въ узенькіе переулки и наконецъ остановился около блещущаго двумя электрическими фонарями небольшаго зданія. Большая транспарантная вывѣска гласила: „Orfeo di Roma“.

Все еще не угомонившаяся Глафира Семеновна выскочила изъ коляски и, подбѣжавъ къ кассѣ, взяла себѣ билетъ на мѣсто. Мужъ и Конуринъ взяли также билеты. Мужъ предложилъ ей было руку, чтобы войти съ ней вмѣстѣ, но она хлопнула его по рукѣ, одна прошла по корридору и вошла въ зрительную залу.

„Orfeo di Roma“, куда извощикъ привезъ Ивановыхъ и Конурина, былъ не театръ, а просто кафе-концертъ. Публика сидѣла за столиками, разставленными по залѣ, пила кофе, ликеры, вино, прохлади-

тельные напитки, закусывала и смотрѣла на сцену, на которой кривлялись комики, куплетисты, пѣли шансонетки до нельзя декольтированныя пѣвицы, облеченныя въ трико, украшенныя только поясомъ или пародіей на юбку. Пѣвцовъ и комиковъ смѣняли клоуны и акробаты.

— Да это вовсе не театръ, сказалъ Николай Ивановичъ, слѣдуя за женой.—Какой-же это театръ! Это кафе-шантанъ.

— Тѣмъ лучше... отвѣчала Глафира Семеновна, отыскала порожній столикъ и подсѣла къ нему.

— Такъ-то оно такъ! продолжалъ Николай Ивановичъ, усаживаясь противъ жены,—но сидѣть здѣсь замужней-то женщинѣ, пожалуй, даже и неловко. Смотри, какого сорта дамы вокругъ.

— Да я вовсе и не желаю, чтобы меня считали теперь за замужнюю.

— Ахъ, Глаша, что ты говоришь!

— Пожалуйста не отравляй мнѣ сегодняшній вечеръ. А что насчетъ вонъ этихъ накрашенныхъ дамъ, то можешь къ нимъ даже подойти и бражничать, я вовсе препятствовать не буду, только ужъ не смѣй и мнѣ препятствовать.

— Да что ты, Глаша, опомнись.

— Давно опомнилась, отвѣчала Глафира Семеновна, отвернулась отъ мужа и стала смотрѣть на сцену, на которой красивый, смуглый акробатъ въ трико тѣльнаго цвѣта выдѣлывалъ разныя замысловатыя штуки на трапеціи.

Къ Ивановымъ и Конурину подошелъ слуга въ

17*

черной курткѣ и бѣломъ передникѣ до щиколокъ ногъ и предложилъ, нежелаютъ-ли они чего.

— Хочешь чего-нибудь выпить? робко спросилъ Николай Ивановичъ жену.

— Даже непремѣнно... отвѣчала она, не оборачиваясь къ мужу, и отдала приказъ слугѣ: — Апорте шампань...

— Асти, Асти... заговорилъ Конуринъ слугѣ.

— Это еще что за Асти такое?

— А вотъ что мы давеча за обѣдомъ пили. Отличное шампанское.

— Не слѣдовало-бы васъ по настоящему тѣшить, не стоите вы этого, ну, да ужъ заказывайте, сдалась Глафира Семеновна.

— Асти, Асти, де бутель! крикнулъ радостно Николай Ивановичъ слугѣ, показывая ему два пальца, и обратясь къ женѣ, заискивающимъ тономъ шепнулъ:—ну, вотъ и спасибо, спасибо, что переложила гнѣвъ на милость.

Жена, попрежнему, сидѣла отвернувшись отъ него.

XLIII.

Посѣтители кафе-шантана вели себя сначала чинно и сдержанно, накрашенныя кокотки въ до нельзя вычурныхъ шляпкахъ съ перьями, птицами и цѣлымъ огородомъ цвѣтовъ, только пострѣливали глазами на мужчинъ, си-

дѣли за столиками въ одиночку или по-парно съ подругами, потягивая лимонадъ изъ высокихъ и узенькихъ стакановъ, но когда мужская публика разгорячила себя абсентомъ и другими ликерами, онѣ стали уже подсаживаться къ мужчинамъ. Дѣлалось шумно. Мужчины начали подпѣвать исполнителямъ и исполнительницамъ шансонетокъ, похлопывать въ тактъ въ ладоши, стучать въ полъ палками и зонтиками. Не отставали отъ нихъ и кокотки, поминутно взвизгивая отъ черезъ-чуръ осязательныхъ любезностей. Кто-то изъ публики вертѣлъ свою шляпу на палкѣ, подражая жонглеру на сценѣ. Кто-то подъигрывалъ оркестру на губной гармоніи, гдѣ-то перекидывались кусочками пробокъ отъ бутылокъ и апельсинными корками. Конуринъ и Николай Ивановичъ съ любопытствомъ посматривали по сторонамъ и улыбались.

— Ахъ, быкъ ихъ забодай! Да не начнется-ли и здѣсь такое-же швыряніе другъ въ друга, какое было въ Ниццѣ на бульварѣ?—сказалъ Конуринъ.—Тогда вѣдь надо и намъ апельсинными корками запастись, чтобы отбрасываться. Эй, какъ тебя, гарсонъ! Ботега! Пятокъ апельсиновъ!

— Не надо.—Ничего не надо! строго крикнула на него, раскраснѣвшаяся отъ шипучаго Асти, Глафира Семеновна и взялась за бутылку, чтобъ подлить себѣ еще въ стаканъ.

— Глаша! Ты ужъ, кажется, много пьешь, замѣтилъ ей Николай Ивановичъ. — Головка можетъ заболѣть.

— Наплевать. Это на зло вамъ, отрѣзала та и выпила свой стаканъ до дна. — А что, довольны вы въ

какое васъ заведеніе завезла я? съ злорадствомъ спрашивала она мужа.

— Да вовсе и не ты завезла, а извощикъ. Только не пей, пожалуйста, много.

— Ничего. Пусть пьетъ. Насъ двое. Справимся и съ хмельной,довеземъ какъ-нибудь, сказалъ Конуринъ.— Дай ей развеселиться-то хорошенько. Видишь, бабеночка отъ здѣшнихъ римскихъ развалинъ сомлѣла. Да и сомлѣешь. Цѣлый день развалины, да развалины...

— Вовсе я не отъ развалинъ сомлѣла, а отъ вашей поведенціи. Ну, и моя такая-же поведенція сегодня будетъ. Вонъ рядомъ, за столикомъ, интересный итальянчикъ сидитъ. Сейчасъ протяну ему свой бокалъ и чокнусь съ нимъ.

— Только посмѣй!—строго сказалъ Николай Ивановичъ.

— Отчего-же не посмѣть? Вы-же давеча за обѣдомъ чокались съ вертячкой. Здѣсь, заграницей равноправность женщинъ и никто не смѣетъ мнѣ препятствовать,—блажила Глафира Семеновна.—Чего вы около меня-то торчите? Идите, подсаживайтесь къ какой-нибудь накрашенной.

— Ой, не то, Глаша, запоешь, ежели подсядемъ!

— А вы думаете заплачу? Вовсе не заплачу.

На столъ ихъ упалъ кусокъ апельсинной корки, брошенной кѣмъ-то. Она взяла его и въ свою очередь бросила въ публику. Прилетѣлъ и второй кусокъ. Глафиру Семеновну, по ея эксцентричной парижской шляпкѣ, очевидно, кто-то уже принималъ за кокотку.

— Не пора-ли домой? — съ безпокойствомъ освѣдомился Николай Ивановичъ у жены.

— Если для васъ пора, то можете уѣзжать, а для меня еще рано.

А на сценѣ, между тѣмъ, безпрерывно шло представленіе. Пѣніе чередовалось съ гимнастическими упражненіями акробатовъ. Вотъ натянули тоненькій проволочный канатъ на сценѣ. Появилась акробатка въ пунцовомъ трико. Публика неистово зааплодировала. Глафира Семеновна взглянула на акробатку, вся вспыхнула и прошептала:

— Ахъ, дрянь... Такъ вотъ она кто!

Взглянули и Николай Ивановичъ съ Конуринымъ на акробатку и узнали въ ней ту самую черноокую красавицу, съ которой они такъ пріятно провели время за обѣденнымъ столомъ и послѣ обѣда. Лицо Конурина подернулось масляной улыбкой и онъ толкнулъ Николая Ивановича подъ столомъ ногой.

— Не узнаете развѣ свою пріятельницу?—спросила ихъ съ злорадствомъ Глафира Семеновна.—Апплодируйте-же ей, апплодируйте... Вотъ какая она артистка... Канатная плясунья.

— Оказія!—крутилъ головой Конуринъ, улыбаясь.—Въ первый разъ въ жизни пришлось съ акробаткой бражничать. Въ трикѣ-то какая она изъ себя... Совсѣмъ не такая, какъ давеча за столомъ. Ахъ, муха ее заклюй! Акробатка...

Акробатка, между тѣмъ, исполняла различныя замысловатыя эволюціи: ходила по канату съ шестомъ, потомъ безъ шеста, ложилась на канатъ, вставала на голову. Николай Ивановичъ, не смѣя при женѣ прямо смотрѣть на акробатку, косился только на нее и млѣлъ. Глафира Семеновна фыркала и говорила:

— Вотъ какую хорошую компанію вы себѣ давеча нашли. Любуйтесь. Впрочемъ, вамъ, мужчинамъ, чѣмъ хуже, тѣмъ лучше.

— Да кто-жъ ее зналъ-то, что акробатка? Я думалъ, что изъ какого другаго сословія, отвѣчалъ Николай Ивановичъ.—Сидитъ съ нами за однимъ столомъ, живетъ съ нами въ одной гостинницѣ...

— Какъ? Она даже и въ одной гостинницѣ съ нами живетъ? воскликнула Глафира Семеновна.—Ну, батюшка, тогда за тобой нужно и дома слѣдить, а то она какъ разъ тебя и къ себѣ заманитъ.

— Да вѣдь ты-же сказала, что равноправность...

— Молчать!

Акробатка кончила свой номеръ при громкихъ рукоплесканіяхъ и, пославъ публикѣ летучій поцѣлуй, убѣжала за кулисы. Начался другой номеръ, затѣмъ слѣдовалъ антрактъ между вторымъ и третьимъ отдѣленіями представленія, а супруги Ивановы все еще пикировались, Глафира Семеновна все еще донимала мужа. Вино еще сильнѣе разгорячило ее, она раскраснѣлась, шляпка съѣхала у ней на затылокъ, пряди волосъ выбились на лобъ. Окружающая ихъ публика бросала на Глафиру Семеновну совсѣмъ уже нескромные взгляды. Вдругъ въ публикѣ среди столиковъ появилась сама акробатка, изъ-за которой шла пикировка. Она уже успѣла переодѣться изъ трико, была въ роскошномъ палевомъ платьѣ и шикарной соломенной шляпкѣ съ длиннымъ бѣлымъ страусовымъ перомъ. Пройдя по рядамъ между столиковъ, пожираемая глазами мужчинъ, она было присѣла за одинъ изъ столиковъ и стала что-то заказывать для себя лакею, но

увидавъ сидящихъ Николая Ивановича и Конурина, быстро поднялась съ своего стула и подошла къ нимъ.

— Voyons, c'est vous, messieurs... сказала она мужчинамъ, какъ старымъ знакомымъ, фамильярно хлопнула Николая Ивановича по плечу и искала глазами стула, чтобы сѣсть рядомъ.

Глафира Семеновна заскрежетала зубами.

— Прочь, мерзавка! Какъ ты смѣешь подсаживаться къ семейному человѣку, сидящему съ своей законной женой! воскликнула она и даже замахнулась на акробатку стаканомъ.

Та, въ недоумѣніи, отшатнулась. Николай Ивановичъ вскочилъ съ мѣста и схватилъ жену за руку.

— Глаша! Глаша! Опомнись! Можно-ли дѣлать такой скандалъ въ публичномъ мѣстѣ! испуганно заговорилъ онъ.—Смотри, вся публика смотритъ. Швыряться стаканомъ вздумала! Вѣдь изъ-за этого можно въ полицію попасть.

— Въ полицію, такъ въ полицію. Замужнюю женщину всякій защититъ. Какое такое имѣетъ право эта акробатка врываться въ семейный кругъ?

— Голубушка, да какой-же тутъ въ кафе-шантанѣ семейный кругъ? Ну, полно, сядь, успокойся... Сократи себя...

Акробатка, пробормотавъ какія-то ругательства, отошла отъ стола, но Глафира Семеновна не унималась и, вырывая свою руку изъ рукъ мужа, кричала:

— До тѣхъ поръ не успокоюсь, пока не наплюю въ глаза этой мерзкой твари! Пусти меня!

Конуринъ загородилъ Глафирѣ Семеновнѣ путь и тоже упрашивалъ ее успокоиться.

— Бросьте, матушка! Угомонитесь! Ну, что! стоитъ-ли съ ней связываться! Не хорошо, ей-ей, не хорошо.

Глафира Семеновна взглянула ему черезъ плечо и, не видя уже больше акробатки, сказала:

— Ага! Испугалась, подлая тварь! Ну, теперь домой! скомандовала она мужу.

— Да, съ радостью, матушка... Бога ради поѣдемъ домой... засуетился Николай Ивановичъ.

— И не только что домой, а даже чтобы завтра-же утромъ вонъ изъ Рима. Вонъ, вонъ! Въ Неаполь! Не желаю я съ этой тварью жить въ одной гостинницѣ.

— Да куда хочешь, матушка... Хоть къ чорту на кулички.

Николай Ивановичъ взялъ супругу подъ руку и потащилъ къ выходу. Та вырвала у него руку и пошла одна. Видѣвшая скандалъ публика смѣялась и кричала имъ въ догонку какія-то остроты.

Конуринъ шелъ сзади Ивановыхъ и говорилъ:

— Позвольте... Но ежели завтра утромъ ѣхать, то когда-же мы папу-то римскую увидимъ?..

Глафира Семеновна обернулась, подбоченилась и отвѣчала:

— Насмотрѣлись всласть на маму римскую, такъ можете и не видѣвши папы уѣхать. Достаточно.

— Оказія! Выпьетъ баба на грошъ, а на рубль веревокъ требуется, чтобы обуздать ее... пробормоталъ Конуринъ и плюнулъ.

Разъяренная гнѣвомъ, Глафира Семеновна не слыхала его словъ и выскочила изъ зрительнаго зала въ корридоръ кафе-шантана.

XLIV.

Глафира Семеновна какъ сказала, такъ и сдѣлала: скрутила отъѣздъ изъ Рима на слѣдующее-же утро. Какъ ни упрашивалъ ее Конуринъ остаться еще денекъ въ Римѣ, чтобъ попытаться увидать папу—она была непреклонна и твердила одно:

— Маму видѣли—съ васъ и довольно. Не знала я, Иванъ Кондратьичъ, что вы такой алчный до женщинъ стариченка, прибавила она.—Вы думаете, что я не понимаю, почему вамъ такъ хочется для папы остаться? Очень хорошо понимаю. Акробатка вамъ нужна, которая надъ нами живетъ, а вовсе не папа.

— Позвольте, что-же вы меня-то ревнуете! Вѣдь я вамъ не мужъ, возмутился Конуринъ.

— Вовсе я не ревную, а хочу, чтобь вы, если ужъ съ семейными людьми ѣдете, и держали себя по семейному. Плевался человѣкъ на всѣ эти римскія развалины, просилъ поскорѣй увезти его изъ Рима, а какъ увидалъ нахалку-акробатку, просится остаться опять среди этихъ развалинъ.

— Поймите вы, я женѣ еще изъ Ниццы написалъ, что ѣду въ Римъ смотрѣть папу. Вѣдь она потомъ дома будетъ распрашивать меня, какой онъ такой изъ себя.

— Ну, и разскажите ей, какой онъ такой. „Въ красномъ, молъ, трико, по канату ходитъ, кувыркается“, донимала она Конурина.—Можете даже написать, что

Асти съ нимъ пили. И еще можете ей что-нибудь разсказать поподробнѣе, чего я не знаю.

— Моя душа чиста. Вы все знаете.

— Вздоръ. Ничего я не знаю, что было ночью послѣ кафе-шантана. Можетъ быть, вы и въ номерѣ-то своемъ не ночевали, а отправились наверхъ къ акробаткѣ, да и прображничали съ ней до утра. Вонъ у васъ физіономія-то сегодня какая! Чертей съ нея писать можно, извините за выраженіе.

— Однако, барынька, это ужъ слишкомъ.

— Ничего не слишкомъ. Вотъ вы и объ вашихъ ночныхъ похожденіяхъ напишите женѣ. Пожалуйста, не оправдывайтесь. Я по мужу знаю, каковы мужчины. Онъ сегодня разъ пять вскакивалъ съ постели, подъ видомъ того, чтобы воду пить, а самъ присматривался и прислушивался ко мнѣ—сплю я или не сплю, чтобы ему можно было къ акробаткѣ убѣжать, ежели я крѣпко сплю. Но я вѣдь тоже себѣ на умѣ и какъ только онъ вскакивалъ—сейчасъ-же окликала его.

— Глаша! И не стыдно тебѣ это говорить!—воскликнулъ до сихъ поръ молча сидѣвшій Николай Ивановичъ.

— А ты будешь утверждать, что не вскакивалъ? Не вскакивалъ?—обратилась къ нему жена.

— Понятное дѣло, что послѣ вина всегда жажда, а потому и пьется. Много вѣдь вчера вина пили.

— А отчего у меня ночью къ водѣ жажды не было, отчего я не вскакивала? Я также вчера вино пила. Знаю я васъ, мужчинъ! Дура я была только, что не притворилась крѣпко спящей. Выпустить-бы тебя въ корридоръ, да и накрыть тутъ на мѣстѣ преступленія.

Николай Ивановичъ только махнулъ рукой и уже болѣе не возражалъ.

Весь этотъ разговоръ происходилъ въ номерѣ Ивановыхъ, за утреннимъ кофе. Глафира Семеновна тотчасъ-же потребовала счетъ изъ бюро гостинницы, заставила мужа расплатиться, справилась, когда идетъ утренній поѣздъ въ Неаполь и, узнавъ, что въ полдень, тотчасъ-же велѣла выносить свои, заранѣе уже приготовленные, чемоданы, чтобы ѣхать на станцію.

— Да вѣдь теперь еще только десять часовъ, барынька,—попробовалъ возразить ей Конуринъ.

— На станціи, въ буфетѣ, посидимъ. Тамъ и позавтракаемъ.

На ловца и звѣрь бѣжитъ, говоритъ пословица. Когда они выходили изъ гостинницы и проходили по двору, чтобъ сѣсть въ извощичій экипажъ, акробатка сидѣла на дворѣ за столикомъ и пила свой утренній кофе. Голова и плечи ея были кокетливо задрапированы, по домашнему, бѣлымъ кружевнымъ шарфомъ. Пара черныхъ большихъ глазъ ея, казавшихся отъ бѣлаго кружева еще чернѣе и больше, насмѣшливо смотрѣла на Глафиру Семеновну. Видя вынесенные на дворъ чемоданы, акробатка догадалась, что компанія уѣзжаетъ, и на прощанье кивнула мужчинамъ.

— Не смѣй ей кланяться! воскликнула Глафира Семеновна, сверкнувъ глазами и дернувъ мужа за рукавъ, обернулась въ сторону акробатки и показала ей языкъ.

Часа черезъ два поѣздъ увозилъ ихъ въ Неаполь. По правую и по лѣвую сторону желѣзнодорожнаго пути тянулись безъ конца развалины древнихъ зданій.

— Прощайте, прощайте, римскіе кирпичики! Прощай щебенка! Прощай римскій мусоръ! говорилъ Конуринъ, кивая на развалины, и прибавилъ:—Вѣдь вотъ здѣсь въ Римѣ позволяютъ развалившимся постройкамъ рядомъ съ хорошими домами стоять,—не боятся, что кого-нибудь они задавятъ, а будь-ка это у насъ въ Питерѣ—сейчасъ-бы эти самыя развалины приказали обнести заборомъ—ломай и свози кирпичъ и мусоръ куда хочешь.

— Ахъ, Иванъ Кондратьичъ, что вы говорите! Да здѣсь нарочно эти развалины держатъ, чтобъ было на что пріѣзжей публикѣ смотрѣть, замѣтила Глафира Семеновна.

— Не понимаю, какой тутъ есть интересъ пріѣзжей публикѣ на груды кирпичей и строительный мусоръ смотрѣть!

— Однако, вчера мы все-таки кое-какія развалины осматривали.

— Да вѣдь вы-же потащили насъ ихъ осматривать, словно невидаль какую, а самъ я ни за что-бы не поѣхалъ смотрѣть.

— Здѣсь древнія развалины.

— Да Богъ съ ними, что онѣ древнія. Древнія, такъ и сноси ихъ или приводи въ порядокъ, ремонтируй. Ну здѣсь, гдѣ вотъ мы теперь ѣдемъ, это за городомъ, это ничего, а вѣдь что мы вчера осматривали, такъ то въ самомъ центрѣ города, даже на хорошихъ улицахъ. Какой нибудь дворецъ хорошій, только-бы полюбоваться на него, а смотришь, рядомъ съ нимъ кирпичный остовъ, словно послѣ пожара, стоитъ. Ну, дворецъ-то и теряетъ свой видъ, коли у него такая

вещь подъ бокомъ. Ни крыши, ни оконъ. Нуженъ все-таки порядокъ. Или снеси его, или отремонтируй. Да вотъ хоть-бы взять тотъ соборъ,въ которомъ мы вчера были и у котораго крыши нѣтъ. Какъ онъ? Какъ его?

— Пантеонъ? подсказала Глафира Семеновна.

— Да, да... Пантеонъ.Эдакій хорошій соборъ,внутри всякая отдѣлка въ порядкѣ и даже все роскошно, а крыши нѣтъ и вода льетъ на мраморный полъ. А снаружи-то какое безобразіе! Голые, обитые кирпичи, штукатурки даже званія нѣтъ. Вѣдь это срамъ. Древній соборъ, вы говорите, а стоитъ безъ крыши и не могутъ собрать ему на наружную штукатурку. Или ужъ бѣдные они очень, что-ли, эти самые итальянскіе музыканты-шарманщики!?.

Глафира Семеновна больше не возражала.

Вскорѣ развалины, тянувшіяся отъ Рима, прекратились. Дорога пошла по засѣяннымъ полямъ. Начали попадаться направо и налѣво фруктовые сады, виноградники, веселенькія деревушки съ бѣлыми каменными домиками, покрытыми черепичными крышами, Въ виноградникахъ работали босые мужчины и женщины. Мужчины были въ соломенныхъ шляпахъ съ широкими полями, женщины имѣли на головахъ обернутыя бѣлыми полотенцами дощечки, причемъ концы полотенецъ спускались по затылку на плечи. Рѣзко бросались исчезновеніе лошадей и замѣна ихъ ослами или мулами. Мѣстность дѣлалась все холмистѣе и поляны переходили въ горы всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. Открывались великолѣпные живописные виды.

Конуринъ мало интересовался ими и вздыхалъ.

— Ай, ай, ай! Были въ Римѣ и папы не видали... говорилъ онъ.—Срамъ. Скажите кому-нибудь про Римъ въ Петербургѣ, что вотъ, молъ, были въ Римѣ— и похвастаться нечѣмъ: не видали папы.

— А кто вамъ помѣшаетъ разсказывать, что видѣли его? замѣтила Глафира Семеновна.

— Ну, ладно... согласился Конуринъ и успокоился.

XLV.

Часовъ въ шесть вечера по правую сторону желѣзнодорожнаго полотна показалась синяя полоса воды и синяя даль. Подъѣзжали къ Неаполю.

— Море! воскликнула Глафира Семеновна, протягивая руки по направленію къ синевѣ.

Дремавшіе Николай Ивановичъ и Конуринъ встрепенулись.

— Гдѣ, гдѣ море? спрашивалъ Конуринъ, зѣвая и потягиваясь.

— Да вотъ.

— Фу, какое синее! Про это-то море должно быть и поется въ пѣснѣ: „разыгралось сине море“?

— Почемъ я знаю, про какое море въ пѣснѣ поется!

— А Неаполь этотъ самый скоро?

— Подъѣхали къ морю, такъ ужъ значитъ скоро. Я сейчасъ по картѣ смотрѣла. Неаполь на самомъ берегу моря стоитъ.

— Какъ на берегу моря? А раньше вы говорили, что тамъ огненная гора, изъ которой горящія головешки выскакиваютъ.

— Да развѣ не можетъ быть огнедышащая гора на берегу моря?

— Такъ-то оно такъ...—продолжалъ зѣвать Конуринъ.—Скажи на милость, такъ Неаполь-то на берегу моря, а я думалъ, что тамъ горы, горы и больше ничего. Какъ огненная-то гора называется?

— Везувій.

— Везувій, Везувій. Какъ-бы не забыть. А то начнешь женѣ разсказывать, что огненную гору видѣлъ, и не знаешь, какъ ее назвать. И каждый день эта гора горитъ и головешки изъ нея вылетаютъ?

— Съ поконъ вѣка горитъ, — отвѣчалъ Николай Ивановичъ.—По исторіи извѣстно, что эта огнедышащая гора еще тогда была, когда ничего не было. Я читалъ. Яйцо, говорятъ, туда кинешь—и сейчасъ-же вынимай—испеклось въ крутую, ѣсть можно.

— Фу, ты пропасть! дивился Конуринъ.—Пожалуй, и бикштесъ даже изжарить можно?

— Какой тутъ бифштексъ!—подхватила Глафира Семеновна.—Когда сильное изверженіе начинается, то землетрясеніе бываетъ, дома разрушаются. Цѣлыя облака огня, дыма, пепла и углей изъ горы летятъ. И называется это—лава.

— А будетъ вылетать, такъ насъ не задѣнетъ?

— Надо быть осторожнымъ, ежели большое изверженіе, то близко не подходить. Вы говорите про яйцо и про бифштексъ... Цѣлый городъ разъ около Везувія сожгло, засыпало всѣ улицы и дома углями, головеш-

ками и пепломъ. Давно это было. Городъ называется Помпея. Теперь вотъ его отрыли и показываютъ. Это близь Неаполя. Мы поѣдемъ его смотрѣть.

— Богъ съ нимъ!—махнулъ рукой Конуринъ.

— Какъ-же: Богъ съ нимъ! Для этого только въ Неаполь ѣздятъ, чтобы отрытый городъ Помпею смотрѣть. Везувій и Помпея—вотъ для чего ѣздятъ сюда.

— А вдругъ опять начнется изверженіе и опять этотъ городъ засыплетъ, да вмѣстѣ съ нами?

— Да ужъ должно быть теперь большаго изверженія не бываетъ, коли всѣ путешественники ходятъ и смотрятъ. Это въ древности было.

— А вы говорите, что и теперь горящія головешки и уголья летятъ.

— Летятъ, въ этомъ-то и интересъ, что летятъ, но не надо близко подходить туда, гдѣ летятъ, когда пойдемъ на Везувій.

— Нѣтъ, Глаша, я непремѣнно хочу отъ везувнаго уголька закурить папироску. Папироску закурю и яйцо спеку и привезу это яйцо въ Петербургъ въ доказательство, что вотъ были на Везувіи, сказалъ Николай Ивановичъ.—И угольковъ захвачу. Тамъ, говорятъ, цѣлыя горы углей.

— Вотъ гдѣ самовары-то ставить, подхватилъ Конуринъ.—А у нихъ навѣрное тамъ, иа Везувіѣ и самоваровъ нѣтъ и, какъ вездѣ заграницей, даже не знаютъ, что такое самовары.

— Да вѣдь это каменный уголь а онъ для самоваровъ не годится. Везувій каменнымъ углемъ отопляется.

— Отопляется! иронически улыбнулась Глафира Семеновна.—Кто же его отопляетъ! Онъ самъ горитъ,

съ поконъ вѣка горитъ, то и дѣло страшныя разрушенія дѣлаетъ. Всѣ боятся его въ Неаполѣ, когда онъ ужъ очень сильно горѣть начинаетъ.

— Боятся, а потушить никакъ не хотятъ? спросилъ Конуринъ.—Вѣдь вы говорите, что этотъ самый Везувій на берегу моря. Ну, взялъ, созвалъ всю пожарную команду, протянулъ изъ моря кишки да накачивай туда въ нутро.

— Иванъ Кондратьичъ, что вы говорите! Да развѣ это можно!

— Отчего нельзя? На цѣлыя версты тунели для желѣзныхъ дорогъ подъ землей здѣсь заграницей въ горахъ проводятъ, по скаламъ мосты перекидываютъ, а Везувій залить не могутъ? Ну, накачивай туда воду день, два, недѣлю, мѣсяцъ—вотъ и зальешь. Наконецъ, водопроводъ изъ моря проведи, чтобъ заливалъ. Иностранецъ, да чтобъ не ухитрился гору огнедышащую залить! Ни въ жизнь не повѣрю. А просто они не хотятъ. Вы вотъ говорите, что только на этотъ Везувій и ѣздятъ сюда смотрѣть. Вотъ изъ-за этого-то и не хотятъ его залить. Зальешь, такъ на что поѣдутъ смотрѣть? И смотрѣть не начто. А тутъ публика-дура все-таки ѣздитъ смотрѣть и итальянцы о нихъ трутся, наживаются.

— Полноте, полноте... Что вы говорите! махнула рукой Глафира Семеновна.

— Вѣрно. Какъ въ аптекѣ вѣрно... стоялъ на своемъ Конуринъ.—Итальянцы народъ бѣдный, все больше шарманщики, акробаты, музыканты, кто на дудкѣ, кто на гитарѣ—вотъ они и боятся свою гору потушить. Опасность... Что имъ опасность! Хоть и опасность, а

18*

все-таки потерся отъ иностраннаго ротозѣя—и сытъ.

Конуринъ еще разъ зѣвнулъ, прищурилъ глаза и сталъ усаживаться поудобнѣе.

— Опять спать! Вы ужъ не спите больше. Сейчасъ пріѣдемъ въ Неаполь, остановила его Глафира Семеновна.

— Да неужто сейчасъ? А я хотѣлъ сонъ свой доспать. Можете вы думать, какой я давеча сонъ видѣлъ, когда вы меня разбудили, крикнувши про море! И разбудили-то на самомъ интересномъ мѣстѣ. Вижу я, что будто мы еще все въ Римѣ и пью я чай у папы римской.

— Сочиняйте, сочиняйте!

— Ей-ей, не вру! Гостиная комнатка будто эдакая чистенькая, гдѣ мы сидимъ, канарейка на окнѣ, столикъ красной салфеткой покрытъ, самоваръ... Точь-точь, какъ вотъ я у одного игумена въ Новгородской губерніи чай пилъ.

— Какъ ты можешь папу видѣть во снѣ, когда ты на яву его не видѣлъ! усомнился Николай Ивановичъ.

— А вотъ поди-жъ ты, во снѣ видѣлъ. На мѣнялу Никиту Платоныча будто онъ похожъ, и разговорчивый такой-же... Спрашиваетъ будто онъ меня: „а ѣдятъ-ли у васъ въ Питерѣ наши итальянскія макароны“?

— Вздоръ! Какъ ты могъ съ нимъ разговаривать, ежели папа только по итальянски говоритъ.

— Чудакъ-человѣкъ! Да вѣдь это во снѣ. Мало-ли что можетъ привидѣться во снѣ. Отлично будто говоритъ по русски. Потомъ наклонился онъ будто-бы ко мнѣ...

— Пустяки. И слушать про глупости не хочу, сказала Глафира Семеновна и отвернулась къ окну.

— Наклонился онъ будто-бы ко мнѣ къ уху, улыбается и шепчетъ: „хотя, говоритъ, Иванъ Кондратьичъ, намъ, по нашей тальянской вѣрѣ, вашей русской водки и не полагается пить, а не долбанемъ-ли мы съ вами по баночкѣ“?

— Врешь! врешь! Сочиняешь! Чтобъ папа водку съ тобою пилъ! Ни въ жизнь не повѣрю! воскликнулъ Николай Ивановичъ.

— Да вѣдь это-же во снѣ. Пойми ты, что во снѣ. И только онъ мнѣ это сказалъ—вдругъ Глафира Семеновна кричитъ—„море“, и я проснулся. Такая досада! Не проснись—выпилъ-бы съ папой по собачкѣ нашей православной водчишки.

— Дурака изъ себя ломаешь, дурака. Брось!

— Даю тебѣ слово. Побожиться готовъ. И вѣдь какъ все это явственно!

— Смотрите, смотрите! Везувій показался! кричала Глафира Семеновна, указывая рукой въ окно.— Вотъ это получше вашего папы съ водкой. Ахъ, какая прелесть!

— Гдѣ? Гдѣ? заговорили мужчины, встрепенувшись, и тоже стали смотрѣть въ окно.

Передъ ними на голубомъ горизонтѣ, при закатѣ солнца виднѣлся буро-фіолетовый, нѣсколько раздвоенный вверху конусъ Везувія. Тонкой струйкой, постепенно расплываясь въ маленькое облачко, изъ его кратера выходилъ дымъ.

— Это-то Везувій? спрашивалъ Конуринъ, ожидавшій совсѣмъ чего-то другаго.

— Ну, да. Видите, дымится, отвѣчала Глафира Семеновна.

— А гдѣ-же пламя-то? Гдѣ-же огненныя головешки?

— Боже мой, да развѣ можно при дневномъ свѣтѣ и на такомъ далекомъ разстояніи видѣть огонь и головешки! Это надо вблизи и ночью смотрѣть.

— Признаюсь, и я воображалъ себѣ Везувій иначе,—сказалъ Николай Ивановичъ.

— Да неужели ты его не видалъ на картинахъ! На картинахъ онъ точь въ точь такой.

— На картинахъ-то я и видѣлъ, что онъ пышетъ и даже зарево...

— Да вѣдь это ночью, это ночной видъ.

— Не боюсь я такого Везувія, не боюсь. Ежели онъ и вблизи будетъ такой-же, то куда угодно съ вами пойду. Ничего тутъ опаснаго. Дымящаяся труба на крышѣ—вотъ и все...—рѣшилъ Конуринъ.

XLVI.

Поѣздъ остановился. На платформѣ неаполитанской станціи толпился народъ. Преобладали грязныя, до-нельзя запятнанныя черныя шляпы съ широкими полями. Изъ подъ шляпъ выглядывали коричневыя загорѣлыя лица въ черныхъ, какъ уголь, бородахъ, въ усахъ, съ давно небритыми подбородками. То тамъ, то сямъ мелькали затянутые въ рюмочку офицеры въ узкихъ голубо-

вато-сѣрыхъ штанахъ, въ до-нельзя миніатюрныхъ кепи, едва приткнутыхъ на голову.

— Ботега! Ботега! Или нѣтъ, не ботега... Фачино! Фачино!—кричала высунувшаяся изъ окна вагона Глафира Семеновна, узнавъ изъ книжки итальянскихъ разговоровъ, что носильщика зовутъ „фачино" и подзывая его къ себѣ.

Носильщикъ въ синей блузѣ и съ бляхой на груди вскочилъ въ купэ вагона.

— Вотъ... Тре сакъ-вояжъ... Дуо подушки... Але... Вентурино намъ и пусть везетъ въ альберго,—отдавала она приказъ, вставляя итальянскія слова.

Носильщикъ потащилъ ручной багажъ на подъѣздъ станціи. Тамъ Ивановы и Конуринъ сѣли на-угадъ въ первый попавшійся омнибусъ, оказавшійся принадлежащимъ гостинницѣ Бристоль, и поѣхали.

Отъ станціи сначала шла широкая улица, но потомъ потянулись узенькіе переулки, переулки безъ конца, грязные, вонючіе, какъ и въ Римѣ, съ старыми домами въ нѣсколько этажей, съ лавченками съѣстныхъ припасовъ, цирюльнями, гдѣ грязные цирюльники въ однихъ жилетахъ, съ засученными по локоть рукавами сѣрыхъ отъ пыли рубахъ, брили сидящимъ на самыхъ порогахъ посѣтителямъ щетинистые подбородки. Тутъ-же варились на жаровняхъ бобы и макароны, тутъ-же народъ ѣлъ ихъ, запихивая себѣ въ ротъ прямо руками, тутъ-же доили козъ прямо въ бутылки, тутъ-же просушивали грязное тряпье, дѣтскіе тюфяки, переобувались. Около лавченокъ бродили тощія собаки, ожидающія подачки.

— Боже мой, грязь-то какая!—восклицала Глафира

Семеновна.—Вотъ-бы нашей кухаркѣ Афимьѣ здѣсь пожить. Она каталась бы здѣсь, какъ сыръ въ маслѣ. Она только и говоритъ, что при стряпнѣ чистоты не напасешься, что на то и кухня, чтобы въ ней таракань жилъ.

Дорога шла въ гору. Запряженные въ омнибусъ мулы еле тащили экипажъ по переулкамъ. Наконецъ переулки кончились, кончился и подъемъ въ гору, выѣхали на Корсо Виктора Эмануила, широкую улицу съ проходящей по ней конножелѣзной дорогой и обстроенной домами новѣйшей постройки. Улица шла на высокой горѣ и представляла изъ себя террасу, дома находились только на одной сторонѣ, поднимающейся въ гору, сторона-же къ скату имѣла какъ-бы набережную, была обнесена каменнымъ барьеромъ и черезъ него открывался великолѣпный видъ на Неаполь, на море. Дома спускались къ морю террасами. Надвигались сумерки. Виднѣвшійся вдали Везувій уже начиналъ багровѣть заревомъ.

— Иванъ Кондратьичъ, видите, какъ горитъ Везувій?—указывала Глафира Семеновна Конурину.

— Вижу, вижу, но я все-таки воображалъ его иначе. Это что за топка! У насъ по Николаевской желѣзной дорогѣ мимо Колпина проѣзжаешь, такъ изъ трубы желѣзо-прокатнаго завода куда больше пламя выбиваетъ.

Омнибусъ остановился около гостинницы. Звонки. Зазвонили въ большой колоколъ, подхватили въ маленькіе колокольчики. Выбѣжали швейцаръ и помощникъ швейцара въ фуражкахъ съ золотымъ галуномъ, выбѣжала корридорная прислуга въ зеленыхъ

передникахъ, выскочилъ мальчикъ въ венгеркѣ съ позументами и въ кепи, выбѣжалъ управляющій гостинницей, элегантный молодой человѣкъ въ пенснэ и съ двумя карандашами за правымъ и лѣвымъ ухомъ. Всѣ наперерывъ старались вытаскивать багажъ изъ омнибуса и высаживать пріѣзжихъ.

— Дуе камера... начала было Глафира Семеновна ломать итальянскій языкъ, но прислуга заговорила съ ней по французски, по нѣмецки и по англійски.

— Madame parle français? спросилъ ее элегантный управляющій и, получивъ утвердительный отвѣтъ, повелъ садиться въ карету подъемной машины. Николай Ивановичъ и Конуринъ шли сзади.

Скрипнули блоки подъемной машины—и вотъ путешественники въ корридорѣ третьяго этажа. Вдругъ въ корридорѣ раздалась русская рѣчь:

— Иди и скажи имъ, подлецамъ, что ежели у нихъ сегодня опять къ обѣду будетъ баранье сѣдло съ макаронами и черный пудингъ, то я, чортъ ихъ дери, обѣдать не намѣренъ.

На площадкѣ стоялъ молодой человѣкъ въ клѣтчатой пиджачной парѣ, съ капулемъ на лбу, въ пестрой сорочкѣ съ упирающимися въ подбородокъ воротничками, въ желтыхъ ботинкахъ, съ кучей брелоковъ на массивной золотой цѣпочкѣ, съ запонками по блюдечку въ рукавчикахъ сорочки. Передъ нимъ помѣщался довольно потертый среднихъ лѣтъ мужчина, съ длинными волосами и съ клинистой бородкой. Онъ былъ маленькій, худенькій, тщедушный и платье висѣло на немъ какъ на вѣшалкѣ.

— Развѣ только узнать, какое меню сегодня къ

обѣду, а вѣдь перемѣнять блюда они для насъ не станутъ, отвѣчалъ маленькій и худенькій человѣчекъ.

— Ты не разсуждай, а иди.

— Русскіе! невольно вырвалось у Глафиры Семеновны восклицаніе и она толкнула Николая Ивановича въ бокъ.

— Точно такъ-съ, мадамъ, русскіе, отвѣчалъ молодой человѣкъ.—Позвольте представиться. Изъ Петербурга... Продажа пера, пуху, полупуху, щетины и волоса наслѣдниковъ Аверьяна Граблина. Григорій Аверьянычъ Граблинъ, отрекомендовался молодой человѣкъ.—А это господинъ художникъ-марало изъ Петербурга Василій Дмитричъ Перехватовъ. Взялъ его съ собой заграницу въ переводчики. Нахвасталъ онъ мнѣ, что по-итальянски лучше самаго пѣвца Мазини говоритъ, а оказалось, что самъ ни въ зубъ и только по-французски малость бормочетъ, да и то на жидовскій манеръ.

— Очень пріятно... проговорила Глафира Семеновна, кланяясь, и подала Граблину и Перехватову руку.—И мы изъ Петербурга. Вотъ мужъ мой, а вотъ нашъ пріятель.

Назвали себя и Николай Ивановичъ съ Конуринымъ и протянули руки новымъ знакомымъ.

— Такъ иди и объяви насчетъ бараньяго сѣдла и пудинга, еще разъ отдалъ приказъ Граблинъ Перехватову.—И чтобъ этой самой бобковой мази изъ помидоровъ къ рыбѣ больше не было.

Перехватовъ почесалъ затылокъ и, нехотя, медленно сталъ спускаться съ лѣстницы. Управляющій

гостинницей повелъ Ивановыхъ и Конурина показывать комнаты. Граблинъ, заложа руки въ карманы брюкъ, шелъ сзади,

— Самая разбойницкая гостинница эта, куда вы попали, говорилъ онъ Ивановымъ и Конурину.

— Да вѣдь онѣ всѣ заграницей разбойницкія, отвѣчалъ Конуринъ.

— Нѣтъ, ужъ эта на отличку. Я полъ-Европы проѣхалъ, а такого разбойничьяго притона не видалъ... За маленькій сифонъ содовой воды полтора франка лупятъ. Вина меньше пяти франковъ за бутылку не подаютъ. Кромѣ того здѣсь англійское гнѣздо. Вся гостинница занята англичанами. Англичанинъ на англичанинѣ ѣздитъ и англичаниномъ погоняетъ и потому въ гостинницѣ только и душатъ всѣхъ англійской ѣдой. Къ завтраку баранина съ макаронами и бобами и къ обѣду баранина, къ завтраку черный пудингъ и къ обѣду черный пудингъ, а меня угораздило здѣсь взять пансіонъ на недѣлю. Три дня ужъ живу и хочу сбѣжать отъ мерзавцевъ. Рѣшилъ, ежели сегодня опять бъранье сѣдло и бобковая мазь къ обѣду, плюну на пансіонъ и поѣду въ другой ресторанъ обѣдать.

— Нѣтъ... нѣтъ... Мы съ пансіономъ ни за что комнатъ не возьмемъ, отвѣчалъ Николай Ивановичъ.—Зачѣмъ себя стѣснять!

— Ну, то-то. Послушайте... Вы еще не обѣдали? Умойтесь, переодѣньтесь и поѣдемте вмѣстѣ обѣдать въ ресторанъ противъ театра Санъ-Карло, предлагалъ Граблинъ.—Я вчера тамъ ужиналъ послѣ театра. Отличный ресторанъ и дешевую шипучку подаютъ.

Чортъ съ ней, съ здѣшней гостинницей! Глаза-бы мои не глядѣли на этихъ паршивыхъ англичанъ. Англичанки—рожи, у мужчинъ красныя хари. Право, не могу я жрать здѣшней бобковой мази изъ помидоровъ, а они ею рыбу поливаютъ. И, кромѣ того, вся ѣда на такомъ перцѣ, что весь ротъ тебѣ обдеретъ. Такъ поѣдемъ? Ужъ очень я радъ, что съ своими русопетами-то повстрѣчался.

— Да погодите, погодите. Дайте намъ прежде привести себя въ порядокъ, сказала Глафира Семеновна.

Ивановы и Конуринъ выбрали себѣ комнаты и начали умываться послѣ дороги.

XLVII.

Глафира Семеновна только что успѣла переодѣться изъ своего дорожнаго костюма и завивала нагрѣтыми на свѣчкѣ щипчиками кудерьки на лбу, какъ ужъ Граблинъ стучалъ въ дверь. Съ нимъ былъ и его спутникъ художникъ Перехватовъ.

— Не стоитъ здѣсь въ гостинницѣ обѣдать, положительно не стоитъ. Вотъ мой Рафаэль узналъ, что и сегодня къ обѣду баранина и пудингъ, и хотя бобковой мази изъ помидоровъ къ рыбѣ нѣтъ, но за то супъ изъ черепахи, началъ Граблинъ, кивая на Перехватова.

— Супъ изъ черепахи? Фи! Николай Иванычъ, слышишь? воскликнула Глафира Семеновна.

— Положимъ, что я, какъ человѣкъ полированный, всякую гадость могу ѣсть и даже жареныя устрицы съ яичницей ѣлъ, чтобъ доказать цивилизацію, но зачѣмъ-же я себя буду неволить? продолжалъ Граблинъ.—Ѣдемъ лучше въ тотъ ресторанъ, противъ театра, про который я говорилъ вамъ. Вчера тамъ лакей говорилъ вотъ моему Рафаэлю, что тамъ все намъ приготовятъ, чего-бы ни пожелали: „селянку рыбную—и то, говоритъ, даже можно приготовить". Рафаэль! Ты не навралъ мнѣ?

— Да. Булябесъ, по ихнему. Густой супъ такой изъ рыбы.

— Селяночки-то-бы дѣйствительно любопытно было поѣсть, сказалъ Николай Ивановичъ.—Около мѣсяца мы шатаемся по заграничнымъ палестинамъ, а селянки и въ глаза не видали.

— Такъ вотъ ѣдемъ. Съ сегодня я ужъ плюю на мой пансіонъ.

— А вообразите, какое намъ здѣсь въ гостинницѣ предъявили условіе, начала Глафира Семеновна.—За комнаты съ насъ взяли по шести франковъ съ кровати, но какъ только мы не явимся за табльдотъ къ завтраку или обѣду—сейчасъ на каждаго изъ насъ прибавляется по два франка въ день.

— Вотъ-съ, вотъ-съ... Они мерзавцы, они вымогаютъ, чтобъ постояльцы у нихъ пили и ѣли, а придешь за столъ—баранина и бобковая мазь. Послѣ супу обносятъ хересомъ и мадерой. Хочешь—пей, хочешь—не пей, а ужъ франкъ за вино въ счетъ поставятъ. Скоты.

А для меня мадера или хересъ все равно, что микстура. Что вамъ два франка въ день! Пусть прибавляютъ. Плюньте и поѣдемте въ ресторанъ противъ театра Санъ-Карло.

Ивановы согласились, Конуринъ тоже, и всѣ отправились. Наступила уже темная, южная ночь. Везувій горѣлъ багровымъ заревомъ.

— Были вы уже на Везувіи?—спросила Глафира Семеновна Граблина, помѣстившагося съ ней и съ ея мужемъ въ одной коляскѣ, тогда какъ Перехватовъ и Конуринъ ѣхали въ другой.

— Вообразите, не былъ. Нигдѣ не былъ. Третій день живу и ни въ одномъ путномъ мѣстѣ не былъ. Марало Рафаэличъ мой таскаетъ меня все по какимъ-то музеямъ и говоритъ:—вотъ гдѣ цивилизація. А какая тутъ цивилизація, старыя потрескавшіяся картины? На иной картинѣ и облика-то настоящаго нѣтъ. Тоже и поломанныя статуи. „Вотъ, говоритъ, Венера". А какая это Венера, коли у ней даже живота нѣтъ! Ни живота, ни руки. Потомъ какой-то старый позеленѣвшій хламъ смотрѣли. „Это, говоритъ бронза, найденная подъ землей... Ночники какіе-то, куколки. Плевать мнѣ на ночники! А то скелеты. „Найденные, говоритъ, на глубинѣ въ семьсотъ тридцать два фута". смертный скелетъ женщины! Очень мнѣ нужно смертный скелетъ женщины! Ты подавай мнѣ живую, а не мертвую. Въ музеяхъ этихъ облинявшія картины и поломанныя статуи, а въ гостинницѣ баранье сѣдло съ макаронами и бобковая мазь изъ помидоровъ. Взялъ подлеца въ переводчики, и ужъ каюсь. Тоже вѣдь онъ мнѣ не малаго стоитъ этотъ самый Рафаэль.

что одного коньячищу выхлещетъ за день, не говоря ужъ о жратвенномъ препаратѣ. За эти три дня мы только и путнаго сдѣлали что три кафе-шантана осмотрѣли. Но мамзели здѣшнія дрянь и противъ Парижа... Пардонъ! Забылъ, что съ дамой разговариваю, спохватился Граблинъ.—Завтра сбираемся мы ѣхать провалившійся городъ смотрѣть.

— Помпею? подхватила Глафира Семеновна.

— Вотъ, вотъ... Помпею. «Древнія, говоритъ, бани увидимъ, допотопные трактиры и дома, гдѣ эти самыя древнія кокотки жили». Пардонъ. Я все забываю, что вы дама. Три недѣли по заграницамъ мотаемся и вы первая замужняя дама.

— Помпея вовсе не провалившійся городъ. Я читала про него, поправила Граблина Глафира Семеновна.—Помпея была засыпана лавой и пепломъ при изверженіи Везувія и вотъ теперь ее отрыли и показываютъ.

— Ну, все одинъ чортъ. Вы думаете, интересно это будетъ посмотрѣть?

— Да какъ-же. Сюда для этого только и ѣздятъ. Быть въ Неаполѣ и не видѣть откопанной Помпеи, тогда не стоитъ и пріѣзжать сюда.

— Коли такъ, поѣдемте завтра. У моего Рафаэля Маралыча и книжка такая есть съ описаніемъ.

— Поѣдемте, поѣдемте.

Ресторанъ, куда они пріѣхали, сіялъ электричествомъ и былъ переполненъ публикой. Публика также сидѣла и около ресторана, на улицѣ, за поставленными столиками. Звенѣли двѣ мандолины и гитара, услаждая слухъ публики. Пріятнаго тембра баритонъ

и теноръ распѣвали «Маргариту». Между столиками шныряли цвѣточницы съ розами, мальчишки предлагали сигары, папиросы и спички на лоткахъ, бродили продавцы статуэтокъ изъ терракоты, навязывая ихъ публикѣ, маленькія босыя дѣвочки лѣзли съ нитками ковалловъ, четками изъ мелкихъ раковинъ или такъ выпрашивали себѣ подаяніе.

Компанія вошла въ ресторанъ. Ресторанъ былъ роскошный. Потолокъ и стѣны были покрыты живописными панно въ перемежку съ громадными зеркалами. Ресторанъ былъ до того переполненъ, что компанія еле могла найти себѣ столъ, чтобы помѣститься, и то благодаря лакею, который, узнавъ Граблина и Перекатова, очевидно хорошо давшихъ ему вчера на чай любезно закивалъ имъ и усадилъ всѣхъ на стулья.

— Рафаэль! заказывай скорѣй рыбную селянку! командовалъ Граблинъ Перекатову.

— Водочки, водочки нашей русской, православной, пусть подадутъ, просилъ Конуринъ.

— Нигдѣ нѣтъ. Три дня уже спрашиваемъ по ресторанамъ и кофейнамъ—и нѣтъ. Даже не слыхивали и названія, отвѣчалъ Перекатовъ.

— Тогда коньячку хорошенькаго.

— И коньякъ прескверный. Такъ селянку заказать? Булябесъ... — отдалъ Перекатовъ приказъ лакею, разсматривая при этомъ карту.—Что прикажете, господа, еще?

— Бифштексъ мнѣ попрожаристѣе,—просила Глафира Семеновна.

— Смотрите, здѣсь бифштексы дѣлаютъ на прованскомъ маслѣ. Это по всей южной Италіи.

— Ничего, я прованское масло люблю.

— И мнѣ бифштексъ на постномъ маслѣ!—кричалъ Конуринъ.—Пріѣду домой, такъ есть, по крайности, чѣмъ похвастать женѣ. „Бифштексъ, молъ, изъ постной говядины на постномъ маслѣ въ Неаполѣ ѣлъ".

— Вотъ въ картѣ, господа, есть олеапатрида. Не хотите-ли мѣстнаго блюда попробовать?

— А что это за олеапотрида такая? Можетъ быть лягушка жареная?—спросилъ Конуринъ.

— Винегретъ такой изъ разнаго мяса. Все тутъ есть, и рыба, и мясо, все это перемѣшано съ вареными овощами, съ капорцами, съ оливками, пересыпано перцемъ и полито прованскимъ масломъ и уксусомъ. Послѣ коньяку прелестная закуска.

— Разное мясо... Да можетъ быть тамъ и лягушиное и черепашье мясо?

— Нѣтъ, нѣтъ. Лягушекъ въ Италіи не ѣдятъ.

— Послѣ селянки всѣмъ по порціи бифштекса, а этого винигрету закажи только на пробу двѣ порціи. Понравится—будемъ ѣсть, нѣтъ—велимъ убирать, рѣшилъ Граблинъ.

— Всѣ будете ѣсть, потому что это вкусно.

— Только ужъ не я, вставила свое слово Глафира Семеновна.—Къ рыбѣ заграницей я не касаюсь.

— Для дамы мы спросимъ желято—мороженое. Въ Неаполѣ славятся мороженымъ и приготовляютъ его на десятки разныхъ манеровъ.

Перехватовъ сталъ заказывать лакею ѣду.

— Асти, асти... Три бутылочки асти закажите, предлагалъ Николай Ивановичъ.

— Ага! Знаете, уже, что такое асти!

— Еще-бы, наитальянились въ лучшемъ видѣ.

XLVIII.

Все заказанное въ ресторанѣ подано было отлично. Провизія была свѣжая, вкусно приготовленная, порціи были большія. Ресторанъ произвелъ на всѣхъ самое пріятное впечатлѣніе, хотя Глафира Семеновна до булябеса и олеапотриды и не дотрогивалась, какъ вообще она заграницей не дотрогивалась ни до одного рыбнаго блюда изъ опасенія, что ей подадутъ «что-нибудь въ родѣ змѣи», и довольствовалась только бифштексомъ и мороженымъ. Мужчинамъ-же булябесъ, приготовленный съ пряностями и сильно наперченный, вполнѣ замѣнилъ русскую рыбную селянку. Они ѣли его, покрякивая отъ удовольствія, и то и дѣло пропускали въ себя мизерныя рюмочки коньяку. Олеапатрида тоже оказалась не дурной закуской къ коньяку, хотя Конуринъ, выбирая изъ нея разные кусочки и подозрительно ихъ разсматривая, и сказалъ:

— Нѣмцу ѣсть, а не русскому. Нѣмецъ форшмакъ свой любитъ за то, что ѣстъ его и не знаетъ, что въ него намѣшано. Такъ-же и тутъ. Разбери, изъ чего все это—ни въ жизнь не разберешь. Можетъ быть есть зайчина, а можетъ-быть и крокодилина.

— Ужъ и крокодилина! Наскажешь тоже! улыбнулся Николай Ивановичъ.

— А что-же? Здѣсь все ѣдятъ, всякую тварь.

— Послушайте... Ужъ хоть-бы другимъ-то не пор-

тили аппетитъ своими словами, брезгливо замѣтила Конурину Глафира Семеновна.

— Да не ѣдятъ здѣсь крокодиловъ, не ѣдятъ, да и нѣтъ ихъ въ Италіи, можете быть спокойнымъ, сказалъ художникъ Перехватовъ.—Зайцевъ тоже здѣсь нѣтъ. Это сѣверная ѣда. Развѣ кроликъ.

— Тьфу! Тьфу! Еще того лучше! плюнулъ Конуринъ.

— Да ужъ ѣшь, ѣшь, что тутъ разбирать! кивнулъ ему Николай Ивановичъ.—Пріѣдешь въ Питеръ, все равно послѣ заграничной ѣды ротъ святить придется.

— Я не понимаю, господа, зачѣмъ вы такое кушанье требуете? проговорила Глафира Семеновна.

— А чтобы наитальяниться. Да вѣдь въ сущности очень вкусно приготовлено и къ коньяку на закуску какъ нельзя лучше идетъ. Ну-ка, господа, еще по одной коньяковой собачкѣ... предложилъ Николай Ивановичъ.

Поданная на столъ бутылка коньяку была выпита до дна и компанія развеселилась. Три бутылки шипучаго асти еще болѣе поддали веселости.

— Господа! отсюда въ театръ Санъ-Карло... предложилъ художникъ Перехватовъ.—Вотъ онъ противъ насъ стоитъ. Только площадь перейти. Вѣдь нельзя быть въ Неаполѣ и не посѣтить знаменитаго театра Санъ-Карло. Самый большой театръ въ мірѣ считается.

— А какое тамъ представленіе?—спросилъ Граблинъ.

— Опера, опера... О, невѣжество! Молодые пѣвцы и пѣвички всего міра, ежели бываютъ въ Италіи, считаютъ за особенное счастіе, если ихъ допустятъ къ де-

19*

бюту въ театрѣ Санъ-Карло. На этой сценѣ карьеры пѣвцовъ и пѣвицъ составляются.

— Такъ что-жъ?... Зачѣмъ-же дѣло-то? Вотъ мы черезъ площадь и перекочуемъ,—отвѣчалъ Николай Ивановичъ.—Оперу всегда пріятно послушать.

— Ну, что опера! Очень нужно!—скорчилъ гримасу Граблинъ.—Можетъ быть еще панихидную какую-нибудь оперу преподнесутъ. Послѣ коньяку и асти развѣ оперу надо? А поѣдемте-ка мы лучше здѣшніе капернаумы осматривать. Въ трехъ кафе-шантанахъ мы съ Рафаэлемъ уже были, а, говорятъ, еще четвертый вертепъ здѣсь есть. Хоть и дрянь здѣшнія бабенки, выѣденнаго яйца передъ парижскими не стоютъ, а чѣмъ чортъ не шутитъ, можетъ быть въ этомъ-то четвертомъ вертепѣ на нашу долю какія-нибудь особенныя свиристельки и наклюнутся.

Глафира Семеновна вспыхнула.

— Послушайте, Григорій Аверьянычъ, да вы забываете должно быть, что съ семейными людьми здѣсь сидите! строго сказала она Граблину.

Тотъ спохватился и хлопнулъ себя ладонью по рту.

— Пардонъ, мадамъ! Вотъ ужъ пардонъ, такъ пардонъ! воскликнулъ онъ.—Пожалуйста простите. Совсѣмъ забылъ, что вы настоящая дама. Ей-ей, съ самаго отъѣзда изъ Петербурга настоящей дамы еще не видалъ и ужъ отвыкъ отъ нихъ. Три недѣли по заграницамъ шляемся и вы первая замужняя дама. Еще разъ пардонъ. Чтобъ загладить мою проруху — для васъ и въ театръ Санъ-Карло готовъ отправиться и какую угодно панихидную оперу буду слушать.

— Да конечно-же перейдемте въ театръ Санъ-

Карло, подхватилъ Перехватовъ.—Вѣдь это срамъ—быть въ Неаполѣ и въ Санъ-Карло оперу не послушать. Оперу послушаемъ, пораньше домой спать, завтра пораньше встанемъ и въ Помпею поѣдемъ, откопанныя древности смотрѣть.

— Молчи, мазилка! Замажь свой ротъ. Иду въ Санъ-Карло, но не для тебя иду, а вотъ для дамы, для Глафиры Семеновны, перебилъ его Граблинъ. — Желаете, мадамъ?

— Непремѣнно... кивнула головой Глафира Семеновна.—Плати, Николай Иванычъ, и пойдемъ, сказала она мужу.

— Розу за мою проруху... продолжалъ Граблинъ и крикнулъ: — Эй, букетчица! Востроглазая шельма! Сюда.

Онъ поманилъ къ себѣ цвѣточницу, купилъ у нея букетикъ изъ розъ и поднесъ его Глафирѣ Семеновнѣ.

Черезъ пять минутъ компанія разсчиталась въ ресторанѣ и переходила площадь, направляясь въ театръ. Цѣлая толпа всевозможныхъ продавцовъ отдѣлилась отъ ресторана и бѣжала за компаніей, суя въ руки мужчинъ и Глафиры Семеновны цвѣты, вазочки, статуэтки, альбомы съ видами Неаполя, кораллы, раковины, вещички изъ мозаики, фотографіи пѣвицъ и пѣвцовъ, либрето оперъ и т. п.

— Брысь! кричалъ Конуринъ, отмахиваясь отъ продавцовъ, но они не отставали и, продолжая бѣжать сзади, выхваливали свой товаръ.

Въ театрѣ въ этотъ вечеръ давалась какая-то двухактная опера и небольшой балетъ. Театръ Санъ-Карло поразилъ всѣхъ своей громадностью.

— Батюшки! Да тутъ въ театральный залъ весь нашъ петербургскій Маріинскій театръ съ крышкой встанетъ!—дивился Николай Ивановичъ. — Ну, залище!

Также поразили всѣхъ и дешевыя цѣны на мѣста. Билеты, купленные по четыре франка, оказались креслами шестаго ряда.

— Создатель! А у насъ-то въ Питерѣ за оперу какъ дерутъ! —говорилъ Конуринъ. — Вѣдь вотъ мы здѣсь за рубль шесть гривенъ, на наши деньги ежели считать, сидимъ въ шестомъ ряду креселъ, а у насъ въ Питерѣ за три рубля загонятъ тебя въ Маріинскомъ театрѣ въ самый дальній рядъ, да еще и за эти-то деньги пороги обей у театральной кассы и покланяйся кассиршѣ.

Поразили и необычайно коротенькіе антракты. Занавѣсъ опускался не больше какъ на пять минутъ и тотчасъ-же поднимался. Балетъ состоялъ изъ шести картинъ и декораціи перемѣнялись мгновенно, по звонку. Скорость перемѣны декорацій и перемѣны костюмовъ исполнителями и исполнительницами была изумительная. Въ 10 ч. вечера спектакль былъ ужъ конченъ.

— Послушайте, мадамъ... Заграницей, ей ей, нисколько не конфузно замужней дамѣ быть въ кафешантанахъ, говорилъ Граблинъ на подъѣздѣ театра Глафирѣ Семеновнѣ. — Ѣдемте всей компаніей въ кафе-шантанный капернаумъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, мы домой. У насъ свой чай есть. Попробуемъ, какъ нибудь, съ грѣхомъ пополамъ, изготовить себѣ чаю, напьемся и спать. А завтра по-

раньше встанемъ и въ Помпею. Вѣдь ужъ такъ и давеча рѣшили, отвѣчала Глафира Семеновна.

— Да что Помпея! Отчего въ Помпею надо непремѣнно рано ѣхать? Можно и позднѣе. Поѣдемте, мадамъ, въ капернаумчикъ.

— Въ капернаумъ вы можете и одни ѣхать... съ вашимъ переводчикомъ.

— Да что одни! Компанія моего Рафаэльки мнѣ ужъ надоѣла. Тогда мы вотъ какъ сдѣлаемъ: всѣ мы проводимъ васъ до гостинницы, вы тамъ останетесь, а вашего супруга отпустите съ нами вмѣстѣ въ капернаумъ.

— Да вы никакъ съума сошли!

Глафира Семеновна гнѣвно сверкнула глазами.

Граблину пришлось покориться. Всѣ поѣхали въ гостинницу. Но доѣхавъ до гостинницы, Граблинъ все таки не утерпѣлъ. Онъ уже вышелъ изъ экипажа, чтобы идти домой, но остановился, подумалъ и снова вскочилъ въ экипажъ, крикнувъ художнику Перехватову:

— Рафаэль! Марало! Садись въ экипажъ и ѣдемъ вдвоемъ кафе-шантанные монастыри обозрѣвать! Рано еще домой! Нечего намъ дома дѣлать. Дома наши дѣти по насъ не плачутъ!

Перехватовъ пожалъ плечами и повиновался.

XLIX.

Какъ было предположено, такъ и сдѣлано. Утромъ Ивановы проснулись рано: еще семи часовъ не было. Глафира Семеновна поднялась съ постели первая, отворила окно, подняла штору и ахнула отъ восторга. Передъ ней открылся великолѣпный видъ на Неаполь съ высоты птичьяго полета. Гостинница помѣщалась на крутой горѣ и изъ оконъ былъ видѣнъ весь городъ, какъ на ладони. Вдали виднѣлось море и голубая даль. По морю двигались черными точками пароходики съ булавочную головку, бѣлѣли паруса лодокъ, слѣва выросталъ Везувій и дымилъ своимъ конусомъ. Внизъ къ морю террасами сползалъ длинный рядъ улицъ. Крыши, куполы, шпицы зданій въ перемежку съ зеленью садиковъ и скверовъ пестрѣли всѣми цвѣтами радуги на утреннемъ солнцѣ. Теплый живительный воздухъ врывался въ открытое окно и невольно заставлялъ дѣлать глубокіе вздохи.

— Боже мой, какая прелесть! И это въ мартѣ мѣсяцѣ такое прекрасное утро! воскликнула она.—Николай Иванычъ, вставай! Чего ты валяешься! Посмотри, какой видъ обворожительный!

Всталъ и Николай Ивановичъ и вдвоемъ, еще не одѣваясь, они долго любовались красивой картиной.

Черезъ полчаса, когда уже супруги Ивановы сидѣли за кофе, пришелъ Конуринъ.

— Письмо женѣ сейчасъ написалъ, сказалъ онъ.— Написалъ, что въ Римѣ былъ въ гостяхъ у папы римской и чай у него пилъ, сказалъ онъ.—Вы ужъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, ежели увидитесь съ женой, не выдавайте меня пожалуйста насчетъ папы-то. Я ужъ и всѣмъ знакомымъ въ Петербургѣ буду разсказывать, что былъ у него въ Киновеи въ гостяхъ.

— А про маму римскую ничего женѣ не написали? спросила Глафира Семеновна.

— Это про акробатку-то? Да что-жъ про нее писать? Мало-ли мы по дорогѣ сколько пронзительнаго женскаго сословія встрѣчали! Прямо скажу, бабецъ очень любопытный, но вѣдь объ этомъ женамъ не пишутъ.

— А вотъ я напишу вашей женѣ про этого бабца. Напишу, какъ вы у ней были въ гостяхъ послѣ представленія въ Орфеумѣ. Вѣдь вы были. Будто я не знаю, что вы къ ней потихоньку отъ насъ бѣгали.

Конуринъ вспыхнулъ.

— Зачѣмъ-же про то писать, чего не было, помилуйте! Вѣдь это мараль.

— Были, были.

— Да что-жъ, пишите. У моей жены нервовъ этихъ самыхъ нѣтъ. Битвеннаго происшествія изъ-за мигрени не выйдетъ. Развѣ только кислоту физіономіи личности сдѣлаетъ при встрѣчѣ, а я кружевнымъ шарфомъ и шелковой матеріей подслащу, что въ Парижѣ ей на платье купилъ. Жена у меня баба смирная.

— Ну, ужъ Богъ васъ проститъ. Ничего не напишу. Садитесь и пейте кофей, да надо ѣхать Помпею

смотрѣть. А гдѣ-же кутилишка Граблинъ и его товарищъ?

— Дрыхнутъ-съ. Сейчасъ я стучался къ нимъ въ дверь—мычаніе и больше ничего.

— Подите и еще разъ побудите ихъ и скажите, что ежели не встанутъ, то мы одни уѣдемъ въ Помпею.

— А вотъ только чашечку кофейку слизну.

Разбудить Граблина и Перехватова стоило, однако, Конурину большаго труда и только черезъ добрый часъ, когда уже Глафира Семеновна разсердилась на долгое ожиданіе, Конуринъ привелъ ихъ. Лица у нихъ были опухшія, голоса хриплые, глаза красные.

— Пардонъ, пардонъ, мадамъ, извинялся Граблинъ.—Ужасти какъ вчера на какомъ-то сладкомъ винѣ ошибся. Рафаэль! Какъ вино-то?

— Лакрима Кристи.

— Вотъ, вотъ... Такъ ошиблись, что ужъ сегодня два сифона воды въ себя вкачалъ и все никакого толку. Видите, голосъ-то какой... Только октаву въ архіерейскомъ хорѣ подпускать и пригоденъ. Но за то съ какой испаночкой въ Капернаумѣ я познакомился, такъ разлюли малина! «Кара міа, міа кара»—вотъ Рафаэль научилъ меня, какъ и разговаривать съ ней. Рафаэль! Испанка она, что-ли, или какого-нибудь другаго сословія?

— Оставьте... Пожалуйста не разсказывайте мнѣ о вашихъ ночныхъ похожденіяхъ съ женщинами! перебила его Глафира Семеновна.

— Пардонъ. Совсѣмъ пардонъ. Дѣйствительно я совсѣмъ забылъ, что вы замужняя дама, спохватился Граблинъ.—Ну, такъ ѣдемъ въ отрытый-то городъ,

что-ли? На воздухѣ хоть вѣтеркомъ меня малость пообдуетъ послѣ вчерашняго угара.

— Готовы мы. Васъ только ждемъ. Пейте скорѣй кофе и поѣдемъ.

— Не могу-съ... На утро послѣ угара я никогда ничего не могу въ ротъ взять, кромѣ зельтерской. Развѣ ужъ потомъ. Рафаэль! Чего ты, подлецъ, на чужія-то булки съ масломъ набросился! крикнулъ Граблинъ на Перехватова.—Вишь, дорвался!

— Дай ты мнѣ чашку-то кофе выпить. Не могу я на тощакъ ѣхать, я не въ тебя.

— Рѣшительно не понимаю, какъ человѣкъ послѣ такой вчерашней урѣзки мухи жрать можетъ! хлопнулъ себя по бедрамъ Граблинъ.

— Да вѣдь урѣзывалъ-то муху ты, а не я... отвѣчалъ Перехватовъ.

— Да вѣдь и ты не на пищѣ святаго Антонія сидѣлъ.

— Я пилъ въ мѣру и тебя охранялъ. Не хорошо разсказывать-то... Но, вообразите, влѣзъ вчера въ оркестръ и вздумалъ съ музыкантами на турецкомъ барабанѣ играть. Ну, разумѣется, пробилъ у барабана шкуру. Я началъ торговаться... Двадцат лиръ взяли.

— Что двадцат лиръ въ сравненіи съ такой шальной испаночкой, которая вчера...

Глафира Семеновна вспыхнула:

— Господа! Если вы не перестанете!

— Пардонъ, пардонъ... Ахъ, какъ трудно послѣ трехнедѣльнаго шатанья среди купоросныхъ барышень прибыкать къ замужней женщинѣ!..

— Ѣдемте, ѣдемте, господа, въ Помпею... торопила Глафира Семеновна компанію.

Черезъ пять минутъ они выходили изъ гостинницы.

— Рафаэль! Нанимай извощиковъ и будь путеводителемъ!—кричалъ Граблинъ Перехватову.—Вѣдь изъ-за чего я его взялъ въ Италію? Набахвалилъ онъ мнѣ, что всю Италію, какъ свои пять пальцевъ знаетъ.

— Да я и знаю Италію, но только по книгамъ. По книгамъ досконально изучилъ. Садитесь, господа, въ коляски, садитесь. На желѣзную дорогу надо ѣхать. До Помпеи отъ Неаполя полчаса ѣзды. Торопитесь, торопитесь, а то къ утреннему поѣзду опоздаемъ и придется три часа слѣдующаго поѣзда ждать.

— А велика важность, ежели и опоздаемъ! отвѣчалъ Граблинъ.—Сейчасъ закажемъ себѣ на станціи завтракъ... Чего-нибудь эдакаго кисленькаго, солененькаго, опохмелимся коньячишкой, все это краснымъ виномъ, какъ лакомъ покроемъ, а потомъ со слѣдующимъ поѣздомъ, позаправившись, и въ Помпею. Рафаэль! Какъ эта пронзительная-то закуска по итальянски называется, что я скуловоротомъ назвалъ?

— Да торопитесь же, Григорій Аверьянычъ! Не желаю я до слѣдующаго поѣзда оставаться на станціи! кричала Глафира Семеновна Граблину.

— Сейчасъ, кара міа, міа кара... Ахъ, еще два-три вечера и вчерашняя испанка въ лучшемъ видѣ выучитъ меня говорить по своему! бормоталъ Граблинъ, усаживаясь въ экипажѣ передъ Ивановыми.

— Не смѣйте меня такъ называть! Какая я вамъ кара міа! огрызнулась Глафира Семеновна.

— Позвольте... Да развѣ это ругательное слово! Вѣдь это...

— Еще-бы вы меня ругательными словами!..

— Кара міа значитъ—милая моя, иначе какъ бы испаночка-то?..

— И объ испанкѣ вашей не смѣйте упоминать. Что это въ самомъ дѣлѣ, какой саврасъ безъ узды!

Экипажи спускались подъ гору, извощики тормазили колеса, ѣхали по вонючимъ переулкамъ. Въ съѣстныхъ лавченкахъ по этимъ переулкамъ грязные итальянцы завтракали макаронами и вареной фасолью, запихивая ихъ себѣ въ ротъ прямо руками; еще болѣе грязныя, босыя итальянки, стоя, пили кофе изъ глиняныхъ и жестяныхъ кружекъ. Экипажи спускались къ морю. Пыль была невообразимая. Она лѣзла въ носъ, ротъ, засаривала глаза. То тамъ, то сямъ виднѣлись жерди и на этихъ жердяхъ среди пыли сушились, какъ бѣлье, только-что сейчасъ выдѣланныя макароны.

Наконецъ подъѣхали къ желѣзнодорожной станціи.

— Я все соображаю... сказалъ Граблинъ.—Неужто мы въ этомъ отрытомъ городѣ Помпеѣ никакого отрытаго заведенія не найдемъ, гдѣ-бы можно было выпить и закусить?

Ивановы не отвѣчали. Къ экипажу подбѣжалъ Перехватовъ.

— Торопитесь, торопитесь, господа! Пять минутъ только до отхода поѣзда осталось, говорилъ онъ.

Компанія бросилась бѣгомъ къ желѣзнодорожной кассѣ.

L.

ДО Помпеи компанія доѣхала безъ приключеній. На станціи компанію встрѣтили проводники и загалдѣли, предлагая свои услуги. Слышалась ломанная французская, нѣмецкая, англійская рѣчь. Нѣкоторые говорили въ перемежку сразу на трехъ языкахъ. Дабы завладѣть компаніей, они старались выхватить у мужчинъ палки, зонтики.

— Не надо! не надо! Брысь! Знаемъ мы васъ! кричалъ Конуринъ, отмахиваясь отъ проводниковъ.

Какой-то черномазый, въ полинявшемъ до желтизны черномъ бархатномъ пиджакѣ, тащилъ уже ватерпруфъ Глафиры Семеновны, который раньше былъ у ней накинутъ на рукѣ, и кричалъ, маня за собой спутниковъ:

— Passez avec moi... Premièrement déjeuner... restaurant Cook...

— Господа! Да отнимите-же у него мой ватерпруфъ... Вѣдь это-же нахальство! вопила она.

Граблинъ бросился за нимъ въ догонку, отнялъ у него платье и сильно пихнулъ проводника въ грудь. Ударъ былъ настолько неожиданъ, что проводникъ сверкнулъ глазами и въ свою очередь замахнулся на Граблина.

— Что? Драться хочешь? А ну-ка, выходи на кулачки, арапская образина! Попробуй русскаго кулака!

Граблинъ сталъ уже засучать рукава, вышелъ-бы,

навѣрное, скандалъ, но подскочилъ Перехватовъ и оттащилъ Граблина.

— Ахъ, какое наказаніе! Или хочешь, чтобы тебя и здѣсь поколотили, какъ въ Парижѣ! сказалъ Перехватовъ.—Господа! какъ хотите, но проводника для хожденія по Помпеи нужно намъ взять, иначе мы запутаемся въ раскопкахъ, обратился онъ къ компаніи.—Только, разумѣется, слѣдуетъ поторговаться съ нимъ.

— Какой тутъ еще проводникъ, ежели прежде нужно выпить и закусить, отвѣчалъ Граблинъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Григорій Аверьянычъ, оставьте вы пока выпивку и закуску, сказала Глафира Семемовна.—Прежде Помпея, а ужъ потомъ выпивка. Посмотримъ Помпею и отправимся завтракать. Нанимайте проводника, мосье Перехватовъ, но только пожалуйста не черномазаго нахала.

— Позвольте-съ... У меня башка трещитъ послѣ вчерашняго! Долженъ-же я поправиться послѣ вчерашняго! протестовалъ Граблинъ.—А то чихать мнѣ и на вашу Помпею.

— Ну, оставайтесь одни и поправляйтесь.

Перехватовъ началъ торговаться съ проводниками. Одинъ ломилъ десять лиръ (франковъ) за свои услуги, другой тотчасъ-же спустилъ на восемь, третій семь и выговаривалъ себѣ даровой завтракъ послѣ осмотра. Перехватовъ сулилъ три лиры и меца-лира (полъ-франка) на макароны. Проводники на такое предложеніе какъ-бы обидѣлись и отошли въ сторону. Вдругъ подскочилъ одинъ изъ нихъ, маленькій, юркій, съ

черныmя усиками и произнесъ на ломанномъ нѣмецкомъ языкѣ:

— Пять лиръ, но только дайте потомъ хорошенько на макароны.

Перехватовъ покончилъ на пяти лирахъ, но уже безъ всякихъ макаронъ.

— О, я увѣренъ, что эчеленца добрый и дастъ мнѣ на стаканъ вина... подмигнулъ юркій проводникъ и, крикнувъ:—Kommen Sie bitte, meine Herrn! торжественно повелъ за собою компанію.

Проводники-товарищи посылали ему въ догонку сочныя итальянскія ругательства.

— Рафаэль Маралычъ! Зачѣмъ ты нѣмчуру въ проводники взялъ?—протестовалъ Граблинъ.—Лучше-бы съ французскимъ языкомъ...

— Да вѣдь ты все равно ни по-французски, ни по-нѣмецки ни бельмеса не знаешь. Ты слушай, что я тебѣ буду переводить.

— Все-таки онъ будетъ нѣмчурить надъ моимъ ухомъ, а я этого терпѣть не могу.

Всѣ слѣдовали за проводникомъ. Проходили мимо ресторана. Проводникъ остановился.

— Самый лучшій ресторанъ...—произнесъ онъ по-нѣмецки.—Здѣсь можете получить отличный завтракъ. Hier können Sie gut essen und trinken...

— Что? Тринкенъ? встрепенулся Граблинъ.—Вотъ, братъ, за это спасибо, хоть ты и нѣмецъ. Изъ нѣмецкаго языка я только и уважаю одно слово—„тринкенъ“. Господа! Какъ вы хотите, а я ужъ мимо этихъ раскопокъ пройти не могу. Пару коньяковыхъ собачекъ на поправку вонзить въ себя надо.

— Ахъ, Боже мой! И зачѣмъ этотъ паршивый проводникъ къ ресторану насъ привелъ! негодовала Глафира Семеновна.—Послѣ, послѣ Помпеи, Григорій Аверьянычъ, вы выпьете.

— Нѣтъ, мадамъ, не могу. Аминь... У меня послѣ вчерашняго заднія ноги трясутся. Ѣсть мы ничего не будемъ, но коньячишкой помазаться слѣдуетъ. Господа мужчины! Коммензи... На скору руку...

Мужчины улыбнулись и направились за Граблинымъ.

— Ахъ, какое наказаніе! вздыхала Глафира Семеновна, оставшись у ресторана.—Пожалуйста, господа, не засиживайтесь тамъ, упрашивала она мужчинъ.

— Въ одинъ моментъ! крикнулъ ей Граблинъ и кивнулъ проводнику:—Эй, нѣмчура! Иди и ты выпей за то, что сразу понялъ, какія намъ раскопки нужно.

Въ ресторанѣ, однако, мужчины не засидѣлись и вскорѣ изъ него вышли, покрякивая послѣ выпитаго коньяку. Граблинъ сосалъ цѣлый лимонъ, закусывая имъ. Ихъ сопровождалъ на подъѣздъ лакей ресторана, кланялся и, прося зайти послѣ осмотра раскопокъ завтракать, совалъ карточки меню ресторана.

Входъ въ помпейскія раскопки былъ рядомъ съ рестораномъ. У каменныхъ воротъ была касса. Кассиръ въ военномъ сюртукѣ и въ кэпи съ краснымъ кантомъ продавалъ входные билеты и путеводители. За входъ взяли по два франка съ персоны и пропустили сквозь контрольную рѣшетку съ щелкающимъ крестомъ на дорогу, ведущую въ раскопки. Дорога была направо и налѣво обложена каменнымъ барьеромъ и на немъ росли шпалерой кактусы и агавы.

Впечатлѣніе было такое, какъ будто-бы входили на кладбище. Публики было совсѣмъ не видать. Тишина была мертвая. Всѣ молчали и только одинъ проводникъ, размахивая руками, вертѣлся на жиденькихъ ногахъ и бормоталъ безъ умолка, ломая нѣмецкій языкъ. Показалось небольшое зданіе новой постройки.

— Museo Pompeano... указалъ проводникъ, продолжая трещать безъ умолка.

— Что онъ говоритъ? спросилъ Перехватова Николай Ивановичъ.

— А вотъ это Помпейскій музей. Проводникъ говоритъ, что его осмотримъ потомъ на обратномъ пути.

— Еще музей? воскликнулъ Граблинъ.— Нѣтъ, братъ, мазилка, въ музей я и потомъ не пойду. Достаточно ужъ ты меня намузеилъ въ этомъ Неаполѣ. До того намузеилъ, что даже претитъ. Пять музеевъ съ безрукими и безголовыми статуями и облупившимися картинами въ три дня осмотрѣли. Нѣтъ, шалишь! Аминь.

— Каково невѣжество-то! отнесся Перехватовъ къ Глафирѣ Семеновнѣ, кивая на Граблина.—И вотъ все такъ.—Вчера на статуи лучшихъ мастеровъ плевалъ.

— Я не понимаю, Григорій Аверьянычъ, зачѣмъ вы тогда въ Италію поѣхали? замѣтила Глафира Семеновна.

— Я-съ?.. Само-собой ужъ не за тѣмъ, чтобъ эти музеи смотрѣть. Нѣмецкіе и французскіе рестораны и увеселительныя мѣста я видѣлъ—захотѣлось и итальянскіе посмотрѣть. Надо-же всякой цивилизаціи поучиться, коли я живу по полированному. Родители

наши были невѣжественные мужики, а мы хотимъ новомодной цивилизаціи. Но одно скажу: лучше парижскихъ полудѣвицъ нигдѣ нѣтъ! Ни нѣмки, ни итальянки, ни испанки въ подметки имъ не годятся. Вотъ, напримѣръ, танцодрыгальное заведеніе Муленъ-Ружъ въ Парижѣ... Ежели-бы такую штуку завести у насъ въ Питерѣ...

— Брось, тебѣ говорятъ... дернулъ Граблина за рукавъ Перехватовъ и кивнулъ на Глафиру Семеновну.

Граблинъ спохватился.

— Пардонъ... Пардонъ... Не буду... То есть рѣшительно я никакъ не могу привыкнуть, что вы, Глафира Семеновна, настоящая дама!...

Начались раскопки. Проводникъ остановился около каменныхъ стѣнъ зданія безъ крыши, зіяющаго своими окнами безъ переплетовъ и входами безъ дверей, какъ послѣ пожара. Проводникъ забормоталъ и пригласилъ войти внутрь стѣнъ. Расположеніе комнатъ было отлично сохранившись. Компанія послѣдовала за нимъ.

— Мосье Перехватовъ, переводите-же, что онъ разсказываетъ, — попросила Глафира Семеновна.— Насчетъ нѣмецкаго языка я совсѣмъ швахъ.

— Вотъ это были спальныя комнаты и назывались онѣ у жителей по латыни cubicula, вотъ это гостиная—tablinum... вотъ столовая—triclinium.

— Постой, постой... Да развѣ въ Помпеѣ-то мертвецы прежде были?—спросилъ Перехватова Граблинъ.

— То-есть какъ это мертвецы? Пока Помпея была не засыпана, они были живые.

20*

— А какъ-же они по латински-то разговаривали? Вѣдь самъ-же ты говорилъ, что латинскій языкъ— мертвый языкъ.

— Теперь онъ мертвый, а тогда былъ такой-же живой, какъ и нашъ русскій.

— Что-то, братъ, ты врешь, Рафаэль.

— Не слушай, коли вру. Вотъ какія у древнихъ помпейцевъ постели были. Видите, ложе изъ камня сдѣлано,—обратился Перехватовъ къ Глафирѣ Семеновнѣ.—Вотъ и каменное изголовье.

— На манеръ нашихъ лежанокъ стало быть! Такъ, такъ... кивалъ Конуринъ.

— Но неужели-же они спали на этихъ камняхъ безъ подстилокъ?—задала вопросъ Глафина Семеновна.

— Какъ возможно безъ подстилокъ!—отвѣчалъ Николай Ивановичъ.—Навѣрное хоть войлокъ какой-нибудь подстилали и подушку клали. Вѣдь и у насъ на голыхъ изразцовыхъ лежанкахъ не спятъ. Какъ столовая-то по латыни?

— Триклиніумъ.

— Триклиніумъ, триклиніумъ... Хорошее слово.

Проводникъ велъ компанію въ стѣны другаго зданія.

LI.

CASA di Niobe! возгласилъ проводникъ, вводя компанію въ стѣны большаго зданія, и сталъ по нѣмецки разсказывать сохранившіяся достопримѣчательности древней постройки.

Перехватовъ переводилъ слова проводника.

— Это, господа, былъ домъ какого-то богача, магната. Вотъ спальня, вотъ столовая, вотъ садъ съ остатками мраморнаго фонтана, говорилъ онъ.—Въ теченіи восемнадцати столѣтій даже вотъ часть свинцовой трубы водопровода сохранилась. Вотъ и ложе домохозяина.

— Богачъ, а тоже спалъ на лежанкѣ, а не на кровати, замѣтилъ Конуринъ. — Совсѣмъ деревенская печь — вотъ какъ у насъ въ Ярославской губерніи.

— Въ старину-то, братъ, люди проще жили, отвѣчалъ Николай Ивановичъ.—Вотъ я помню своего дѣда Акинфа Иваныча. При капиталѣ человѣкъ былъ, а по буднямъ всегда щи деревянной ложкой хлебалъ, да и всему семейству нашему другихъ не выдавалъ, а серебряныя ложки въ горкѣ въ гостиной лежали.

— Называется этотъ домъ домомъ Ніобы по сохранившемуся изображенію Ніобы на доскѣ каменнаго стола, продолжалъ переводить Перехватовъ.—Ніоба— это изъ миѳологіи. Вотъ столъ и изображеніе Ніобы, оплакивающей своихъ сыновей. Смотри, Граблинъ.

— Вижу, вижу. Только я думалъ, что это какая-нибудь карта географіи.

— Bottega del Ristoratore! обвелъ рукой вокругъ проводникъ, когда всѣ вошли въ третье зданіе.

— Древній ресторанъ, трактиръ помпейцевъ, перевелъ Перехватовъ.

— Трактиръ? воскликнулъ Граблинъ, — вотъ это любопытно.

— Посмотримъ, посмотримъ, какой такой трактиръ

былъ у этихъ самыхъ древнихъ эфіоповъ, заговорилъ Конуринъ.

— Не у эфіоповъ, а у помпейцевъ.

— Ну, все равно. Гдѣ-же буфетъ-то былъ? Гдѣ-же у нихъ водочка-то стояла?

— А вотъ большой залъ для помѣщенія гостей. Вотъ и остатки камина, гдѣ приготовлялись горячіе напитки. Смотрите, полъ-то какой! Изъ мраморной мозаики. Вотъ полка для стакановъ.

— Ахъ, быкъ ихъ забодай! И то изъ мозаики. Должно быть полиція заставила, чтобъ былъ изъ мозаики. И полка-то для посуды каменная. Это полиція чистоту наводила, бормоталъ Конуринъ.

— А вотъ на стѣнѣ и изображеніе бога торговли Меркурія, разсказывалъ Перехватовъ.

— Да нешто у ихнихъ купцовъ особый богъ былъ?

— Особый, особый. Они почитали Меркурія. Смотрите, какъ хорошо сохранилось изображеніе.

— Опять потрескавшіяся и облупившіяся картины! воскликнулъ Граблинъ, зѣвая.—Ты, Рафаэль, вотъ что... Ты меня на облупившееся мазанье не наводи. Надоѣло. Шутка-ли, три дня по музеямъ съ тобой здѣсь шлялся. Ну, чего впился?

— Да вѣдь это остатки древняго художества. Ты невѣжественный, дикій человѣкъ, а мнѣ интересно.

— Довольно, говорятъ тебѣ! Веди дальше.

Показались остатки древняго храма съ полуразрушенными, но все еще величественными колоннами.

— Базилика! воскликнулъ Перехватовъ.—Смотрите, какіе портики, какія колонны. Здѣсь посрединѣ была трибуна магистрата. Вотъ ея остатки.

— Была да сплыла—ну, и Богъ съ ней... бормоталъ Конуринъ.

— Проводникъ, между тѣмъ, указывалъ на отверстіе въ землѣ, куда шла лѣстница.

— Это была тюрьма, темница для осужденныхъ. Вотъ гдѣ они томились, въ этомъ подземельѣ, переводилъ Перехватовъ.

— Послушай, Рафаэль! Да ты скажи нѣмчурѣ, чтобы онъ показывалъ что-нибудь поинтереснѣе! А то что это за интересъ на камни да на кирпичъ смотрѣть! нетерпѣливо сказалъ Граблинъ.

Перешли strada della Marina и открылись остатки храма Венеры.

— Древнѣйшій и роскошнѣйшій изъ помпейскихъ храмовъ—храмъ Венеры! сказалъ Перехватовъ.

— Такъ, такъ... А гдѣ-же она сама матушка? Венера-то гдѣ эта сидѣла? спросилъ Конуринъ.—Не осталась-ли она? Любопытно-бы Венеру-то посмотрѣть?

— Ну, зачѣмъ вамъ Венеру! Ну, что вы смыслите! замѣтила ему Глафира Семеновна.

— Какъ не смыслю? Очень чудесно смыслю. Венера—это женское оголеніе.

— А съ какой стати вамъ оголеніе? Стыдились-бы...

— Древность. А можетъ быть въ древности-то это самое оголеніе какъ-нибудь иначе было?

— Вотъ sanctuarium, здѣсь была статуя Венеры, и вотъ алтарь, гдѣ ей приносились жертвы, указалъ Перехватовъ.

— Была да сплыла, а вотъ это-то и плохо.

— Рѣшительно ничего нѣтъ въ этой Помпеѣ инте-

реснаго! восклицалъ Граблинъ.—Развѣ только трактиръ-то древній... Но ежели показываютъ этотъ трактиръ, то отчего-бы не устроить здѣсь и выпивки съ закуской? Странно. Вотъ олухи-то! Тогда-бы мы все-таки здѣсь выпили, а пріѣхавъ въ Питеръ разсказывали, что пили, молъ, допотопный коньякъ въ Помпеи, въ допотопномъ трактирѣ. Вели вести насъ дальше.

Переходили улицу, свертывали въ переулки.

— Замѣтьте, господа, что мостовая, по которой мы идемъ—древняя мостовая, сохранившаяся восемнадцать столѣтій, продолжалъ разсказывать Перехватовъ.

— Плевать! отвѣчалъ Граблинъ.

Открылась большая площадь съ колоннами.

— Форумъ!

— Опять форумъ? Ну, что въ немъ интереснаго! Мимо, мимо! Этихъ форумовъ-то мы ужъ и въ Римѣ насмотрѣлись, надоѣли они намъ хуже горькой рѣдьки,—послышались голоса.

Компанія начала уже зѣвать. Николай Ивановичъ тяжело вздыхалъ и отиралъ обильный потъ, струившійся у него со лба, а когда Перехватовъ возгласилъ: «Храмъ Меркурія»,—сказалъ:

— Да ужъ, кажись, довольно-бы этихъ храмовъ-то.

— Нѣтъ, нѣтъ. Проводникъ говоритъ, что тутъ замѣчательные остатки мраморнаго алтаря съ прекрасно сохранившимся барельефомъ.

Начали разсматривать барельефъ, изображающій жертвоприношеніе. Начался разговоръ, дѣлались догадки.

— Мясники-быкобойцы, что-ли, это быка-то за рога ведутъ?—слышался вопросъ.

— Само собой мясники. Меркурію празднуютъ, а вѣдь Меркурій купеческій богъ, какъ говоритъ господинъ художникъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, господа. Это жрецы. Это въ жертву, для закланія быка ведутъ.

— Какіе тутъ жрецы! Или мясники или пастухи. Вонъ пастухъ въ рогъ трубитъ. А ужъ и рожи-же у всѣхъ отъѣвшіяся! Вонъ и барышня около... Быка это она испугалась, что-ли?

— Гдѣ вы видите барышню? что вы, господа!

— А вотъ. Шла на рынокъ, увидѣла быка...

— Такъ это жрецъ, закутанный въ покрывало жрецъ. А справа два ликтора, два полицейскихъ, два древнихъ городовыхъ.

— Позвольте, позвольте мнѣ, господа, на древнихъ городовыхъ посмотрѣть, протискивался Конуринъ и воскликнулъ:—Это-то городовые? По каскамъ въ родѣ пожарныхъ. Да зачѣмъ-же они безъ штановъ-то?

— А ужъ должно быть тогда такая форма была по лѣтнему положенію, чтобы съ голыми ногами, сказалъ Николай Ивановичъ.—Древняя форма... Это самая обыкновенная вещь. Въ древности всегда такъ ходили.

— Тсъ... Скажите на милость! дивился Конуринъ.— Вотъ женѣ-то по пріѣздѣ въ Питеръ сказать, — ни за что не повѣритъ.

И опять пошли стѣны дворцовъ, колонны храмовъ, но ужъ компанія на-отрѣзъ отказалась осматривать ихъ.

— Pantheon Augusteum! возглашалъ проводникъ, разсыпаясь въ разсказахъ.

— Мимо! слышалось восклицаніе.

— Senaculum!

— Надоѣло!

— Господа! Храмъ Юпитера! Городское казначейство! Эти зданія надо-же посмотрѣть, тащилъ Перехватовъ компанію, но та упиралась и проходила мимо.

— Нѣтъ, нѣтъ! Довольно ужъ этихъ храмовъ! Ты, Рафаэль, скажи нѣмчурѣ, чтобы онъ показалъ только то, что есть здѣсь особеннаго, попронзительнѣе, да и довольно ужъ съ этой Помпеей! крикнулъ на него Граблинъ.—Говорили: «Помпея, Помпея! Вотъ что надо посмотрѣть». А позвольте васъ спросить, что тутъ интереснаго?

Граблина отчасти поддерживали и Николай Ивановичъ съ Конуринымъ.

— О, невѣжество, невѣжество! вслухъ тяжело вздохнулъ Перехватовъ и вступилъ съ проводникомъ въ переговоры о сокращеніи осмотра помпейскихъ раскопокъ.

Тотъ улыбнулся и спросилъ:

— А господа скучаютъ? Ну, сейчасъ я имъ покажу кое-что такое, что ихъ развеселитъ.—Но только однимъ господамъ, а дамѣ нельзя.

Онъ подмигнулъ глазомъ и повелъ ихъ, минуя добрый десятокъ зданій.

LII.

Улица двѣнадцати боговъ! Вотъ на углу на стѣнѣ и остатки изображенія ихъ, составляющія ларарiумъ!—восклицалъ проводникъ по-нѣмецки.

Перехватовъ переводилъ.

— Да что-жъ тутъ интереснаго-то? отвѣчалъ Граблинъ.—Боги, какъ боги... Видали мы этихъ боговъ и не на облупившихся картинахъ. Дальше... Рафаэль! Ты скажи нѣмчурѣ, чтобъ онъ велъ насъ дальше и показывалъ только что-нибудь особенное. Ты говоришь, что онъ для мужчинъ хотѣлъ что-то особенное показать.

— Фу, ты, какой нетерпѣливый! Да погоди-же. Вѣдь надо по порядку... И такъ ужъ проходимъ десятки достопримѣчательныхъ домовъ, не заглядывая въ нихъ.

— И не требуется. Ну, ихъ къ чорту!

— Fabrica di sapone!.. указывалъ проводникъ, возгласивъ по-итальянски, и продолжалъ разсказъ по-нѣмецки.

— Мыловаренный заводъ... переводилъ Перехватовъ.—Сохранилась даже печь и два свинцовыхъ котла для приготовленія мыла. Вотъ они.

— Ну, пущай ихъ сохранились, сказалъ Граблинъ.—Сами мы мыловаренныхъ заводовъ не дер-

жимъ, въ прикащикахъ у мыловареннаго заводчика Жукова тоже не служимъ.

— Фу, ты пропасть, да вѣдь интересно-же посмотрѣть, какъ и въ какихъ котлахъ восемнадцать столѣтій тому назадъ мыло варили! Проводникъ говоритъ, что сохранилась даже куча извести, употреблявшейся при мыловареніи.

— А тебѣ интересно, такъ вотъ ты завтра сюда пріѣзжай, да одинъ и осматривай.

— Я не понимаю, господа, зачѣмъ вы тогда пріѣхали помпейскія раскопки смотрѣть! разводилъ руками Перехватовъ.

— Да ты-же натолковалъ, что тутъ много интереснаго.

— Не только много, а все интересно. Для любопытнаго человѣка каждый уголокъ достопримѣчателенъ. Не понимаю я, чего вы хотите. Вѣдь не можетъ-же здѣсь быть кафешантанъ съ акробатами и подергивающими юбками женщинами.

— Ты меня юбками-то не кори. Я знаю, что я говорю! вспыхнулъ Граблинъ.—Да... Ежели я взялъ тебя съ собой заграницу, то не для твоего удовольствія, а для своего удовольствія—вотъ ты и обязанъ моему удовольствію потрафлять. Пою, кормлю тебя, чорта... Сколько ты одного винища у меня по дорогѣ вытрескалъ.

— Однако, братъ, ужъ это слишкомъ! возмутился Перехватовъ.

Начался споръ. Вступилась Глафира Семеновна.

— Разсказывайте, разсказывайте, мосье Перехватовъ, не слушайте его,—сказала она.—Ежели ему не

интересно, то мнѣ интересно. Я женщина образованная и все это отлично понимаю.

Перехватовъ сдержалъ себя.

— Полагаю, что и не вамъ однѣмъ, а и вашему супругу и господину Конурину,—проговорилъ онъ.— А Граблинъ... Я не понимаю, чего онъ хочетъ.

— А вотъ того, что проводникъ обѣщалъ, на что только однимъ мужчинамъ можно смотрѣть, а дамскому сословію невозможно,—отвѣчалъ Граблинъ.

— Да вѣдь до этого надо дойти. Вотъ мы и идемъ.

— Lederfabrik!—указывалъ проводникъ.

— Кожевенный заводъ,—перевелъ Перехватовъ.

— Да будетъ тебѣ, съ заводами-то!

— Давайте, давайте, посмотримъ, какой такой заводъ,—сказала Глафира Семеновна, входя во внутрь стѣнъ.

За ней послѣдовали Николай Ивановичъ и Конуринъ. Граблинъ остался на улицѣ и насвистывалъ изъ «Корневильскихъ Колоколовъ».

— Позвольте... Но гдѣ-же кожи въ этомъ заводѣ? Любопытно кожи посмотрѣть, — говорилъ Конуринъ.

— Ахъ, Боже мой, да развѣ кожи могутъ тысячу лѣтъ сохраниться! Вѣдь это все подъ пепломъ и лавой было,—отвѣчала Глафира Семеновна.

— Такъ-съ... Ну, а какъ-же узнали, что это былъ кожевенный заводъ?

— По инструментамъ. Тутъ нашли инструменты, такіе инструменты, которые и по сейчасъ употребляются на кожевенныхъ заводахъ,—объяснялъ Перехватовъ.—Кромѣ того, сохранилось пятнадцать бассей-

новъ, гдѣ выдѣлывали кожи. Вотъ эти бассейны. Видите, проводникъ ихъ указываетъ.

Двинулись дальше.

— Гостинница, мельница и хлѣбопекарня, булочная, переводилъ Перехватовъ разсказывающаго проводника.—Сохранились каменныя ступы, гдѣ толкли зерно, сохранились остатки горшковъ, гдѣ замѣшивали тѣсто. Это любопытно посмотрѣть.

— Ну, можно и мимо, пробормоталъ Конуринъ, зѣвнувъ во весь ротъ.

— Кузница и желѣзодѣлательный заводъ...

— Опять заводъ? Тьфу ты пропасть! Да будетъ-ли этому конецъ! нетерпѣливо воскликнулъ Граблинъ.

Повернули за уголъ.

— Улица скелетовъ... перевелъ проводника Перехватовъ.—Названа такъ по найденнымъ здѣсь человѣческимъ скелетамъ. Тутъ находится казарма гладіаторовъ, тутъ находится подземелье, гдѣ заключали рабовъ, и вотъ въ этомъ-то подземельѣ...

— Скелеты? Человѣчьи скелеты? вскрикнула Глафира Семеновна и остановилась.—Ни за что не пойду сюда. Пусть проводникъ ведетъ обратно.

— Позвольте, Глафира Семеновна... Скелеты уже перенесены въ неаполитанскій музей и только гипсовые снимки съ нихъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Что хотите, но не скелеты! Николай Иванычъ! Что-жъ ты сталъ! Поворачивай назадъ. Что хотите, а на змѣй и на скелеты я не могу смотрѣть. Иди-же... Чего ты глаза-то вылупилъ!

Пришлось вести переговоры съ проводникомъ. Про-

водникъ улыбнулся, пожалъ плечами, повернулъ назадъ и ввелъ въ другую улицу.

— Strada del Lupanare! сказалъ онъ и сталъ разсказывать.

— Улица, гдѣ были увесилительные дома и жили... кокотки, — произнесъ Перехватовъ, переводя его слова.

— Ну?! весело воскликнулъ Граблинъ и захохоталъ.—Да неужели кокотки? Вотъ уха-то!

— Понравилось! Попалъ человѣку въ жилу, покачалъ головой Перехватовъ.—Ахъ, человѣче, человѣче! Проводникъ разсказываетъ, что вотъ на этомъ домѣ сохранилась надпись имени одной жившей здѣсь кокотки. Вотъ, вотъ... И по сейчасъ еще можно прочитать.

— Да что вы!

Мужчины остановились и начали приподниматься на пальцы, чтобы поближе разглядѣть на стѣнѣ поблекшую отъ времени красную надпись.

— Не по нашему написано-то, замѣтилъ Конуринъ.

— Рафаэль! Ты прочти! Какъ-же ее звали-то, эту самую?.. говорилъ Граблинъ.

— Изволь. Удовлетворю твое любопытство. Ее звали Аттика.

— Аттика, Аттика!.. Ахъ, шельма! Какое имя себѣ придумала! Аттика... И все это было, ты говоришь, тысячу восемьсотъ лѣтъ тому назадъ?

— Да, да...

— Стой... А неизвѣстно, какой она масти была, эта самая Аттика: брюнетка или блондинка?

— Почемъ-же это можетъ быть извѣстно! Сохрани-

лась только вывѣска, что вотъ въ этомъ домѣ жила куртизанка Аттика.

Мужчины стояли около стѣнъ и не отходили, тщательно осматривая ихъ. Глафира Семеновна уже сердилась.

— Николай Иванычъ! Ты чего глаза-то впялилъ! Обрадовался ужъ... Радъ... Проходи! кричала она.

Около стѣнъ дома, на противоположной сторонѣ улицы, входъ въ которыя былъ огражденъ желѣзной рѣшеткой, запертой на замкѣ, стоялъ проводникъ и, лукаво улыбаясь, манилъ къ себѣ мужчинъ. Около него стоялъ сторожъ въ военной кепи, съ ключами.

— Ага! Вотъ гдѣ любопытное-то и особенное! пробормоталъ Граблинъ и со всѣхъ ногъ бросился черезъ улицу къ проводнику.—Идите, господа, идите... На замкѣ что-то такое...

Всѣ перешли улицу. Сторожъ отворилъ уже дверь. Проводникъ повѣствовалъ о домѣ.

Перехватовъ перевелъ:

— Древній увеселительный домъ... Сюда, впрочемъ, дамы не допускаются, и вамъ придется остаться одной на улицѣ, обратился онъ къ Глафирѣ Семеновнѣ.

— И останусь... вспыхнула та.—Очень мнѣ нужно на всякую гадость смотрѣть! Но только и мужа я туда не пущу.

— Позволь, Глаша... но отчего-же?.. попробовалъ возразить Николай Ивановичъ.

— Молчать! Оставайтесь здѣсь! Ни съ мѣста! Вспомните, что вы не мальчишка, а женатый, семейный человѣкъ.

— Послушай, душечка... Но при историческомъ

ходѣ вещей... тогда какъ это помпейская древность...

— Молчать! Не могу-же я остаться одна на улицѣ. Видите, никого нѣтъ, все пустынно. А вдругъ на меня нападутъ и ограбятъ?

— Позволь... Кто-же можетъ напасть, ежели никого нѣтъ?

— Молчать!

И Николай Ивановичъ остался при Глафирѣ Семеновнѣ на улицѣ. Остальные мужчины вошли въ домъ за рѣшетку.

Черезъ десять минутъ они уже выходили изъ дома обратно. Граблинъ такъ и гоготалъ отъ восторга... Конуринъ тоже смѣялся, крутя головой и держась за животъ.

— Ну, штука! Вотъ это дѣйствительно!.. Только изъ-за одного этого стоитъ побывать въ Помпеѣ! кричалъ Граблинъ.—Ахъ мосье Ивановъ! Какъ жаль, что ваша супруга не пустила васъ съ нами! Только это-то и стоитъ здѣсь смотрѣть. А то, помилуйте, какіе-то кожевенные заводы, какія-то фабрики, мельницы, хлѣбопекарни... Да чихать на нихъ, на всѣ эти заводы!

Перехватовъ, смотря на Граблина и Конурина, пожималъ плечами и говорилъ:

— О, невѣжество, невѣжество!

LIII.

Проводникъ повелъ дальше. Сдѣлали два три поворота по переулкамъ и открылась площадь съ каменными скамьями, расположенными амфитеатромъ.

— Театръ трагедій... перевелъ со словъ проводника Перехватовъ.—Видите, какая громадина. Мѣста въ первыхъ рядахъ изъ мрамора. Они занимались почетными лицами. Тутъ помѣщались городскія власти, жрецы...

— Постой, постой... Да развѣ жрецамъ подобало въ театръ?.. Вѣдь это ихніе попы, остановилъ его Конуринъ.

— Ихнимъ все подобаетъ, отвѣчалъ Николай Ивановичъ: — Вѣдь они идольскіе жрецы, даже богу пьянства Бахусу праздновали, такъ чего тебѣ еще!

— А развѣ у нихъ былъ богъ пьянства?

— Былъ. Въ томъ-то и штука. Вся и служба-то у жрецовъ заключалась въ томъ, что придутъ въ храмъ, накроютъ передъ статуей Бахуса закуску, выпьютъ, солененькимъ закусятъ, попоятъ этихъ самыхъ вакханокъ...

— Ахъ, вотъ какъ... ну, тогда дѣло десятое.

— Положимъ, что не совсѣмъ такъ... началъ было Перехватовъ.—Ну, да ужъ будь по вашему, махнулъ онъ рукой.

— А вакханки—тѣ-же самыя кокотки, только еще

попронзительнѣе, потому-что завсегда пьяныя, пояснилъ въ свою очередь Граблинъ и сказалъ:—Ну, чтожъ, Рафаэль, веди дальше.

— Дай на величественное-то зданіе посмотрѣть. Вѣдь это театръ, а не домишко какой-нибудь.

— Какой тутъ театръ! Просто циркъ. На манеръ цирка и выстроенъ. Вотъ тутъ на площадкѣ должно-быть акробаты ломались.

— Тогда всѣ театры такъ строились.

— Поди ты! Ежели-бы былъ театръ, то была-бы и сцена.

— Да вотъ сцена... Вотъ гдѣ она была. Разумѣется, только этотъ театръ былъ безъ крыши.

— Ну, а безъ крыши, такъ это уже не театръ.

— Театръ, настоящій театръ, съ декораціями на сценѣ. Я-же вѣдь читалъ описаніе. Былъ и занавѣсъ передъ сценой, съ тою только разницей, что этотъ занавѣсъ не наверхъ поднимался, а опускался внизъ подъ сцену, гдѣ было подземелье.

— Ну, довольно, довольно. Мимо. Завелъ свою шарманку и ужъ радъ. Не желаемъ мы слушать, торопилъ Перехватова Граблинъ.

Двинулись дальше. Подошли ко второму театру.

— Комическій театръ... Theatrum tectum... Въ 63 году онъ былъ разрушенъ землетрясеніемъ и ужъ изверженіе Везувія застало его въ развалинахъ. Въ этомъ комическомъ театрѣ замѣчателенъ оркестръ изъ цвѣтнаго мрамора... разсказывалъ Перехватовъ.

— Ну, и чудесно, ну, и пусть его замѣчателенъ, отвѣчалъ Граблинъ.—Ужъ замѣчательнѣе, братъ, того,

что мы видѣли нарисованнымъ на стѣнахъ увеселительнаго дома, ничего не будетъ. Мимо.

— Вы говорите, комическій театръ... началъ Конуринъ.—Стало быть здѣсь въ старину оперетки эти самыя давались?

— Какія оперетки! Оперетокъ тогда не было.

— Ты, Рафаэль, вотъ что... Ты скажи проводнику, что ежели есть еще на просмотръ такое-же забавное, какъ мы давеча за замкомъ видѣли, то пусть показываетъ, а нѣтъ, такъ ну ее и Помпею эту самую...

— Уходить? Да что ты! Мы еще и половины не осмотрѣли. Вообразите, какое невѣжество! обратился Перехватовъ къ Глафирѣ Семеновнѣ, но та тоже зѣвала.—Вамъ скучно? спросилъ онъ ее.

— Не то чтобы скучно, а все одно, одно и одно.

— Здѣсь кладбище еще будетъ. Я знаю по описанію. Сохранились могилы съ надписями.

— Ну, его, это самое кладбище! Позавтракать надо. Я до смерти ѣсть хочу... Бродимъ, бродимъ... заговорилъ Конуринъ.

— Пріятныя рѣчи пріятно и слушать, подхватилъ Граблинъ.—Рафаэль! Что-же ты моей командѣ не внимаешь! Вели выводить насъ вонъ. Будетъ ужъ съ насъ, достаточно напомпеились.

— Domus Homerica! возглашалъ проводникъ, продолжая разсказывать безъ умолку.

— Домъ трагическаго поэта, но какого именно, неизвѣстно, переводилъ Перехватовъ.—У дома сохранилась надпись «Cave canem»—берегись собаки. Около этого мѣста были найдены металическій ошейникъ и скелетъ собаки.

— Ну, вотъ еще, очень намъ нужно про собаку! Мимо! слышался ропотъ.

— Господа! Тутъ сохранились замѣчательныя изображенія на стѣнахъ...

— По части клубнички? Такія же, какъ мы видѣли давеча въ увеселительномъ домѣ? спросилъ Граблинъ.

— Нѣтъ, но все-таки...

— Тогда ну ихъ къ чорту! Выводи-же насъ изъ твоей Помпеи.

— Да ужъ и то проводникъ выводитъ. Thermopolium - продажа горячихъ напитковъ, таверна...

— Гдѣ? Гдѣ?

— Да вотъ, вотъ... Сохранилась вывѣска.

— Тьфу ты пропасть! Только одна вывѣска сохранилась. Чего-жъ ты кричишь-то передъ нами съ такой радостью! Я думалъ, что настоящая таверна, гдѣ можно выпить и закусить, сказалъ Граблинъ.

— Общественныя бани!

— Ну, ихъ къ лѣшему!

— Ахъ, господа, господа! Неужели вы древнія бани-то не посмотрите? удивлялся Перехватовъ.

— Ну, бани-то, пожалуй, можно, а ужъ послѣ бань и довольно... сказалъ Николай Ивановичъ.

Вошли въ стѣны бань. Перехватовъ разсказывалъ назначеніе отдѣленій и названіе ихъ.

— Apodyterium—раздѣвальная комната, гдѣ оставляли свою одежду пришедшіе въ баню. Сохранились въ стѣнахъ даже отверстія для шкаповъ, куда клалась для сохраненія одежда.

— Съ буфетомъ бани были или безъ буфета? поинтересовался Конуринъ.

— Съ буфетомъ, съ буфетомъ. Древніе по долгу бывали въ банѣ и любили выпить и закусить.

— Молодцы древніе!

— Изъ раздѣвальной входъ въ холодную баню—frigidarium. Вотъ и бассейнъ для купанья.

— Скажи на милость, какой бассейнъ-то! Даже больше, чѣмъ у насъ въ Питерѣ въ Целибѣевскихъ баняхъ.

— Изъ этой холодной бани входъ въ горячую—tepidarium... Здѣсь натирались душистыми маслами, и вообще всякими благовоніями.

— Ну?! Вотъ еще какой обычай. А ежели, къ примѣру, кто не благовоніями хотѣлъ натереться, а скипидаромъ, или дегтемъ, или бабковой мазью?—спрашивалъ Конуринъ.

— Не знаю, не знаю. Насчетъ дегтю и бабковой мази описанія не сохранилось.

— Позвольте, господа... Ну, а гдѣ-же каменка, на которую поддавали? Гдѣ полокъ, на которомъ вѣниками хлестались?

— Извѣстно, что древніе вѣниками не хлестались.

— Да что ты! Неужто и простой народъ не хлестался? Вздоръ.

— Четвертое отдѣленіе бани, для потѣнія—calidarium. Это ужъ самая жаркая баня.

— Неужто четыре отдѣленія?—удивлялся Конуринъ.—Ну, ужъ это, значитъ, были охотники до бани, царство имъ небесное, господамъ помпейцамъ!

— Даже пять отдѣленій, а не четыре. Вотъ оно пятое... Laconicum... Тутъ былъ умѣренный жаръ и го-

спода посѣтители окачивались вотъ подъ этимъ фонтаномъ. Вотъ остатки фонтана сохранились.

— Тсъ... Скажи на милость... Пять отдѣленій. Молодцы, молодцы помпейцы! Вотъ за это хвалю. Это ужъ значитъ до бани не охотники, а одно слово—ядь были. Пріѣду домой, непремѣнно женѣ надо будетъ про помпейскія бани разсказать. Она у меня до бани ой-ой-ой какъ лиха! Ни одной субботы не преминуетъ. Батюшки! Да сегодня у насъ никакъ суббота? Суббота и есть. Ну, такъ она навѣрное теперь въ банѣ и ужъ навѣрное ей икается, что мужъ ее вспоминаетъ. Каждую субботу объ эту пору передъ обѣдомъ въ баню ходитъ. Икни, матушка, икни. Пожалѣй своего мужа. Вишь его нелегкая куда занесла: въ помпейскія бани!

— Полноте, Иванъ Кондратьичъ... Что это вы за возгласы такіе дѣлаете! съ неудовольствіемъ сказала Глафира Семеновна.

— А что-же такое? Ужъ будто про жену и вспомнить нельзя? Жена вѣдь, а не полудѣвица изъ французской націи. Ну, вотъ она и икнула, потому что и мнѣ икнулось... Сердце сердцу вѣсть подаетъ. Ну, бани посмотрѣли, такъ и, въ самомъ дѣлѣ, можно на уходъ изъ этой Помпеи.

— Да вѣдь ужъ и уходимъ. Вотъ музей, мимо котораго мы проходили, вотъ и выходъ, сказалъ Перехватовъ.—На кладбище не пойдете?

— Нѣтъ, нѣтъ! Куда тутъ! Ну, его! Кладбищъ у насъ и своихъ въ Питерѣ довольно! послышались голоса.

— Древніе могилы и памятники...

— Древнихъ памятниковъ у насъ тоже много.

Походи-ка въ Питерѣ по Волковскому кладбищу— столько древнихъ памятниковъ, что страсть.

Перехватовъ поговорилъ съ проводникомъ и всѣ направились къ музею, находящемуся при выходѣ.

— Въ музей-то помпейскій ужъ все надо зайти, говорилъ Перехватовъ.

— Въ музей? Коврижками меня въ музей не заманишь! замахалъ руками Граблинъ.

— Ну, зайдемте, зайдемте... Только не надолго... На-скору руку. Только для того, чтобы потомъ сказать, что были въ Помпейскомъ музеѣ, сказала Глафира Семеновна и повела позѣвывающихъ мужчинъ за собой въ музей.

Граблинъ остался у входа.

LIV.

Въ музеѣ помпейскихъ древностей, однако, компанія не долго пробыла. Осмотръ испортила Глафира Семеновна. Въ первой комнатѣ, гдѣ находилась отрытая изъ подъ лавы домашняя утварь—вазы, горшки, лампы, замки, компанія еще осматривала съ нѣкоторымъ вниманіемъ выставленные предметы, хотя Конуринъ увѣрялъ, что весь этотъ хламъ и въ Петербургѣ, въ рынкѣ, на развалѣ можно видѣть, но когда вошли въ залъ, гдѣ въ витринахъ хранились человѣческіе скелеты и окаменѣлые трупы людей и животныхъ, Глафира Семеновна вздрогнула

отъ испуга и, закрывъ лицо руками, ни за что не хотѣла смотрѣть.

— Нѣтъ, нѣтъ... этого я не могу... Назадъ... Ни на какіе скелеты я не могу смотрѣть... заговорила она и повернула обратно.—Николай Иванычъ! Пойдемъ... звала она мужа.

— Позволь, матушка... Тутъ вотъ указываютъ на окаменѣлую мать съ ребенкомъ на груди, упирался было тотъ.

— Назадъ, назадъ... знаешь, вѣдь, что все это можетъ мнѣ по ночамъ сниться, стояла на своемъ Глафира Семеновна.—Скелеты... Бр... засохшіе люди съ оскаленными зубами...

— Да вѣдь, въ большинствѣ, это уже гипсовые снимки, подскочилъ къ ней Перехватовъ.—Вотъ, напримѣръ, трупъ женщины, на которой сохранились даже драгоцѣнныя украшенія: серьги, браслеты, ожерелье, кольцо обручальное.

— Да что вы ко мнѣ пристали! Не желаю я на мертвечину смотрѣть. Николай Иванычъ! Что-жъ ты?

— Да что я? Я ничего... Ты иди, а я немножко останусь. Подождешь меня у входа.

Глафира Семеновна схватила мужа за руку и потащила вонъ изъ музея.

— Глаша! Какъ тебѣ не стыдно! Словно дикая... Ты хоть сторожей-то постыдись, говорилъ тотъ, упираясь.

— Самъ ты дикій, а не я! Скажите на милость, образованную женщину и вдругъ смѣетъ въ дикости упрекать!

Пришлось удалиться изъ музея. Вышли вслѣдъ за Ивановыми и Конуринъ съ Перехватовымъ.

— Ну, что! встрѣтилъ ихъ у входа Граблинъ.—Не говорилъ я вамъ, что всѣ эти музеи одна канитель?

— Да оно ничего-бы, но я не знаю, зачѣмъ эти мертвые скелеты выставлять! отвѣчала Глафира Семеновна.—У меня и такъ нервы разстроены.

Перехватовъ разводилъ руками, пожималъ плечами и говорилъ:

— Ну, господа! Развитому человѣку съ вами путешествовать рѣшительно невозможно!

Граблинъ вспыхнулъ.

— Однако, путешестуешь-же, на чужой счетъ въ вагонахъ перваго класса ѣздишь, пьешь и ѣшь до отвалу и нигдѣ самъ за себя не платишь! крикнулъ онъ.—Скажите, какой развитой человѣкъ выискался! Подай сюда сейчасъ двадцать франковъ, которые я за тебя канканеркѣ вчера въ вертепѣ отдалъ. Развитой человѣкъ...

— Послушай... Это ужъ слишкомъ...

— Вовсе не слишкомъ. Даже еще мало по твоему зубоскальству дерзкому.

— Дикій, совсѣмъ дикій человѣкъ!

— Дикій, да вотъ не дикаго по всей Европѣ на свой счетъ вожу.

— Да вѣдь ты безъ меня погибъ-бы... Десять разъ въ полицейской префектурѣ насидѣлся-бы, если-бы я тебя не останавливалъ отъ твоихъ саврасистыхъ безобразій. Я за тобой какъ нянька...

— Какъ ты смѣешь меня саврасомъ называть! Ты кто такой? Мазилка, маляръ. А я представитель торговой фирмы.

— Господа! Господа! Полноте вамъ переруги-

ваться! Ну, охота вамъ спорить! вступилась Глафира Семеновна и, взявъ Граблина подъ руку, отвела его отъ Перехватова.—Пойдемте въ ресторанъ завтракать.

— Авекъ плезиръ, мадамъ. Этого ужъ мы давнымъ давно дожидаемся, отвѣчалъ Граблинъ.

Разсчитавшись съ проводникомъ, компанія вышла изъ воротъ помпейскихъ раскопокъ и направилась въ находящійся рядомъ ресторанъ. На подъѣздѣ ихъ встрѣтилъ тотъ-же гарсонъ, который еще передъ отправленіемъ ихъ на раскопки вручилъ имъ меню завтрака. Онъ засуетился, забормоталъ по итальянски съ примѣсью французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ словъ и усадилъ ихъ за столъ.

— Frutti di mare. Ostriche? предлагалъ онъ.

— Спрашиваетъ, устрицы будете-ли кушать, перевелъ Перехватовъ.

— Устрицы? А вотъ ему за устрицы!—и Граблинъ показалъ кулакъ.—Водка есть? Рюсъ водка?

Водки не оказалось.

— Черти итальянскіе, дьяволы! Мы небось ихъ итальянскій мараскинъ получаемъ, а они не могутъ водки изъ Россіи выписать для русскихъ путешественниковъ! выругался Граблинъ и потребовалъ коньяку.

Поданный завтракъ былъ обиленъ и очень недуренъ, хотя въ составъ его и вошли три сорта макаронъ. Компанія потребовала нѣсколько бутылокъ асти и стала «покрывать лакомъ» коньякъ.

Когда всѣ разгорячились и заговорили вдругъ, гарсонъ принесъ книгу въ толстомъ шагреневомъ пе-

реплетѣ, перо и чернильницу и, кланяясь, забормоталъ что-то по итальянски.

— Это еще что? воскликнули мужчины.

— Проситъ господъ путешественниковъ написать что-нибудь въ альбомъ ресторона о своихъ впечатлѣніяхъ на помпейскихъ раскопкахъ, перевелъ Перехватовъ.

— Вотъ это штука! проговорилъ Конуринъ.—Да вѣдь мы по итальянски, какъ и по свинячьи, ни въ зубъ...

— Можно и по русски... Въ крайнемъ случаѣ онъ проситъ просто хоть расписаться. Онъ говоритъ, что въ этомъ самомъ альбомѣ есть много автографовъ знаменитыхъ людей.

— Фу, ты пропасть! Стало быть и мы въ знаменитости попадемъ! Валяй! сказалъ Граблинъ и взялся за перо.—Только что писать? Рафаэль, сочини для меня.

— Да зачѣмъ-же сочинять? Пиши, что хочешь. Пиши, что тебѣ всего больше понравилось на раскопкахъ.

— Что? Само собой, увеселительный домъ.

— Ну, вотъ и пиши.

Граблинъ началъ писать и говорилъ:

— „1892 г., марта 8-го, я нижеподписавшійся осматривалъ оный помпейскій увеселительный домъ и нашелъ, что оная цивилизація куда чище теперешней, потому что были даже вывѣски у кокотокъ, а оное очень хорошо, потому что не ошибешься, стало быть и не залѣзешь...“ Постой... Какъ кокотку-то звали, что на вывѣскѣ обозначена? обратился онъ къ Перехватову.

— Аттика... Аттика... Мамзель Аттика... подхватилъ Конуринъ, смѣясь.—Неужто забылъ? Ахъ, ты! А еще специвалистомъ по мамзельному сословію считаешься.

Граблинъ продолжалъ:

— „Стало быть и не залѣзешь взамѣсто оной Аттики въ квартиру какой-нибудь вдовы надворнаго совѣтника и не попадетъ тебѣ по шеѣ. Григорій Аверьяновъ Граблинъ изъ С.-Петербурга". Хорошо?

— Чего еще лучше! Ну, давай теперь я напишу, сказалъ Конуринъ, взялъ перо и началъ:—„Самый антикъ лучшій бани и ежели одну мою знакомую супругу въ нихъ припустить, то она не токма что по субботамъ туда ходила, а даже по средамъ и по понедѣльникамъ, а то и во всѣ дни живота своего". Довольно?

— Конечно-же довольно, отвѣчалъ Перехватовъ.— Теперь фамилію свою подпишите.

— Можно. „Санктпетербургскій купецъ Иванъ Кондратьевъ Конуринъ руку приложилъ",—прочелъ онъ, написавъ, сдѣлалъ кляксу и воскликнулъ:—Ай! Печать по нечаянности приложилъ. Ну, да такъ вѣрнѣе будетъ.

Взяла перо Глафира Семеновна и написала:

„Очень хорошія вещи эти помпейскія раскопки для образованныхъ личностей, но я объ нихъ иначе воображала. Глафира Иванова, изъ Петербурга".

— А какъ-же ты воображала?—спросилъ Николай Ивановичъ, прочитавъ написанное.

— Молчи. Не твое дѣло... былъ отвѣтъ.—Посмотрю я вотъ, что ты напишешь!

— Да ужъ не знаю, что и написать. Просто распишусь.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты долженъ написать, что тебѣ понравилось.

— Да что понравилось? Храмы понравились.

Николай Ивановичъ написалъ:

Храмы хотя теперь и не въ своемъ видѣ, но цивилизація доказываетъ, что помпейскіе люди были хоть и языческаго вида, но леригіозный народъ. Николай Ивановъ.

— Глупо, сказала Глафира Семеновна, прочитавъ.

— Ты умнѣе, что-ли? огрызнулся Николай Ивановичъ.

Перо взялъ Перехватовъ и сталъ писать. Написавъ, онъ прочелъ:

«При посѣщеніи Помпеи умилялся на памятники древняго искусства на каждомъ шагу, преклонялся передъ зодчествомъ, ваяніемъ и живописью древнихъ художниковъ, но... Василій Перехватовъ».

— Все... сказалъ онъ, вздохнувъ.—А что «но» обозначаетъ, пусть ужъ останется въ глубинѣ моей души.

— Знаю, знаю я, что это «но» значитъ! воскликнулъ Граблинъ.—Насъ хотѣлъ дикими обругать.

— А знаешь, такъ тебѣ и книги въ руки... отвѣчалъ Перехватовъ и залпомъ выпилъ стаканъ вина.

Компанія еще долго бражничала въ ресторанѣ и только подъ вечеръ поѣхала домой, порѣшивъ на завтра утромъ отправиться на Везувій.

LV.

Былъ восьмой часъ утра, супруги Ивановы еще только поднялись съ постели, остальная ихъ компанія спала еще у себя въ номерахъ крѣпкимъ сномъ, а ужъ у подъѣзда гостинницы стоялъ большой шарабанъ, на десять мѣстъ, запряженный цугомъ шестеркой муловъ и предназначенный везти гостей на Везувій. Кромѣ русской компаніи на Везувій въ томъ же шарабанѣ отправлялась и компанія англичанъ, состоявшая изъ трехъ мужчинъ и одной дамы. Шарабанъ принадлежалъ гостинницѣ и за проѣздъ въ немъ на Везувій и обратно гостинница взяла по пяти франковъ съ персоны. Отъѣздъ былъ назначенъ въ восемь часовъ утра. Англичане въ бѣлыхъ шляпахъ съ двойными козырьками, съ зелеными вуалями на шляпахъ, въ синихъ шерстяныхъ чулкахъ до колѣнъ, въ полусапожкахъ съ необычайно толстыми подошвами, съ альпійскими палками съ острыми наконечниками въ рукахъ бродили уже около шарабана, перекидывались другъ съ другомъ фразами изъ двухъ-трехъ словъ и нетерпѣливо посматривали на часы. По недовольнымъ минамъ ихъ было замѣтно, что они разговаривали о неакуратности русскихъ спутниковъ, про которыхъ кельнеръ имъ доложилъ, что они еще не вставали съ постели. Но вотъ пробило и восемь часовъ. Англичане къ своимъ немногосложнымъ фразамъ прибавили уже пожи-

манія плечами и покачиванія головами и послали торопить русскихъ. Первыми вышли супруги Ивановы. Англичане приподняли шляпы и кивкомъ отдали поклоны. Поклонились имъ и супруги Ивановы, а Николай Ивановичъ даже отрекомендовался:

— Коммерсантъ Ивановъ де Петербургъ.

Англичане поспѣшили протянуть ему руку и тоже назвали свои фамиліи. Англичанинъ постарше что-то заговорилъ, обращаясь къ Николаю Ивановичу.

— Пардонъ... Не понимаю, отвѣчалъ тотъ.—Глаша, переведи.

— Да и я не понимаю. Онъ, кажется, по англійски говоритъ. Парле ву франсе, монсье? спросила Глафира Семеновна англичанина.

Англичанинъ утвердительно кивнулъ головой и опять заговорилъ.

— Рѣшительно ничего не понимаю! пожала плечами Глафира Семеновна.

Два другихъ анлгичанина показали Николаю Ивановичу свои часы.

— Должно быть про остальную нашу компанію спрашиваютъ, что-ли! пробормоталъ Николай Ивановичъ и прибавилъ:—Вуй, вуй... Опоздали, но они сейчасъ явятся.—Тринкенъ... Кафе тринкенъ... пояснилъ онъ и хлопнулъ себя по галстуху.—Глаша! Да говори же что-нибудь!

— Что-жъ я буду говорить, коли ни они меня не понимаютъ, ни я ихъ не понимаю.

Дама-англичанка въ это время сидѣла уже въ шарабанѣ. Одѣта она была въ соломенной шляпѣ грибомъ съ необычайно широкими полями, съ соломен-

нымъ жгутомъ вмѣсто лентъ и тоже держала въ рукѣ альпійскую палку съ острымъ наконечникомъ съ одного конца и съ крючкомъ съ другаго. Пожилой англичанинъ протянулъ Глафирѣ Семеновнѣ руку и предложилъ сѣсть въ шарабанъ.

— Ахъ, нѣтъ... Я сама...—уклонилась она и взобралась въ шарабанъ.

Англичанинъ поднялся на подножку и отрекомендовалъ даму-англичанку Глафирѣ Семеновнѣ. Англичанка протянула ей руку и что-то заговорила.

— Уй, уй...—кивнула ей въ отвѣтъ Глафира Семеновна и, обратясь къ мужу, сказала:—Говоритъ какъ будто-бы и по французски, но рѣшительно не понимаю, что говоритъ.

Англичане все чаще и чаще смотрѣли на часы и покачивали головами. Наконецъ молодой, бѣлокурый англичанинъ въ синемъ полосатомъ бѣльѣ возвысилъ голосъ и послалъ швейцара торопить остальныхъ путниковъ. Вскорѣ на подъѣздѣ послышался шумъ и возгласъ:

— Плевать мнѣ на англичанъ! Я за свои деньги ѣду! Захочу, такъ куплю, перекуплю и выкуплю всѣхъ этихъ англичанъ! Кофею даже, черти этакіе, не дали выпить.

Показался Граблинъ и на ходу застегивалъ жилетъ. Его тащилъ подъ руку Перехватовъ. Сзади шелъ Конуринъ. Онъ позѣвывалъ и бормоталъ:

— А что-то теперь моя супруга чувствуетъ! Чувствуетъ-ли она, что ея мужъ Иванъ Кондратьевъ сынъ Конуринъ на огненную гору ѣдетъ!

Три англичанина опять всѣ въ разъ приподняли

свои шляпы и сдѣлали по кивку. Въ отвѣтъ поклонился одинъ только Перехватовъ и сказалъ Граблину:

— Кланяются тебѣ. Чего-же ты шапки не ломаешь!

— А, ну ихъ! И не понимаю я, кто это выдумалъ, чтобъ вмѣстѣ съ англичанами ѣхать,—отвѣчалъ Граблинъ.—Не поѣду я съ ними. Бери отдѣльнаго извощика.

— Да не довезетъ тебя извощикъ на Везувій. Развѣ туда къ легкомъ экипажѣ можно? Влѣзай въ шарабанъ.

— Влѣзть влѣзу, но только вмѣстѣ съ кучеромъ сяду, чтобы не видѣть мнѣ этихъ англичанъ и сидѣть къ нимъ задомъ. Бутылку зельтерской для меня захватилъ?

— Да вѣдь ты сейчасъ пилъ зельтерскую.

— Не могу-же я одной бутылкой отъ вчерашняго угара отпиться! Кельнеръ! Бутылку зельсъ!

— Взяли, взяли мы съ собой зельтерской воды, отвѣчала изъ шарабана Глафира Семеновна.—Съ нами цѣлая корзина провіанту ѣдетъ: зельтерская вода, бутылка краснаго вина и бутерброды. Влѣзайте только скорѣй.

— Коньяку взяли?

— Взяли, взяли.

— Требьенъ... Только изъ-за этого и ѣду, а то, ей-ей, съ этими англійскими чертями не поѣхалъ-бы... Вѣдь это я знаю, чѣмъ пахнетъ. Какъ по дорогѣ въ какой-нибудь ресторанъ съ ними вмѣстѣ зайдешь—сейчасъ хозяева начнутъ насъ кормить бараньимъ сѣдломъ и бабковой мазью изъ помидоровъ.

Всѣ влѣзли въ шарабанъ. Мулы тронулись. Граб-

линъ помѣстился рядомъ съ кучеромъ. Конуринъ сѣлъ около пожилого англичанина, сдѣлалъ привѣтственный жестъ рукой и сказалъ:

— Бонжуръ.

Англичанинъ подалъ ему руку и назвалъ свою фамилію.

— Не понимаю, мусью, не понимаю, покачалъ головой Конуринъ.—По русски не парле?

— Ни на какомъ языкѣ даже не говорятъ, кромѣ своего собственнаго, сказалъ Николай Ивановичъ.

— Ну, и отлично. Коли что нужно, будемъ руками, по балетному разговаривать. Чего это они акробатами-то вырядились?

— Это не акробатами. Это велосипедный костюмъ.

— А дреколіе-то зачѣмъ захватили?

— Да кто-же ихъ знаетъ! Должно-быть опасаются, что по дорогѣ бандиты эти самые будутъ.

— Ну?! А мы-то какъ-же безъ палокъ?

— Револьверъ захватилъ съ собой, Николай Ивановичъ? спрашивала Глафира Семеновна.

— Забылъ.

— Ахъ, Боже мой! Зачѣмъ-же мы послѣ этого съ собой револьверъ возимъ? Ѣдемъ въ горы, въ самое бандитское гнѣздо, а ты безъ револьвера! Вернись назадъ, вернись... Мы подождемъ.

— Не надо. У него все равно курокъ сломанъ. Видишь, англичане только съ палками ѣдутъ. Палка и у меня есть и даже съ кинжаломъ внутри.

— Да вѣдь ты говорилъ, что свернулъ рукоятку и кинжалъ не вынимается ужъ изъ палки.

22*

— Забухъ онъ. Ну да понадобится, такъ мы какъ-нибудь камнемъ отобьемъ.

Конуринъ сидѣлъ и покачивалъ головой.

— Тсъ... Вотъ уха-то! Что-же ты мнѣ раньше не сказалъ про бандитовъ? говорилъ онъ Николаю Ивановичу.—Тогда-бы я хоть деньги свои изъ кармана въ сапогъ переложилъ. Теперь разуваться и перекладывать неловко.

— Конечно-же неловко. Ну, да вѣдь теперь день и насъ ѣдетъ большая компанія. Кромѣ того, кучеръ, кондукторъ.

— Ничего не значитъ, замѣтила Глафира Семеновна.—Я читала въ романахъ, что бандиты-то иногда кучерами и кондукторами переряживаются.

— Вы боитесь разбойниковъ по дорогѣ? вмѣшался въ разговоръ Перехватовъ.—Что вы помилуйте... Теперь на Везувій такая-же проѣзжая людная дорога, какъ и у насъ на водопадъ Иматру, напримѣръ. Разбойники вѣдь это въ старину были. Везувій теперь откупленъ англійской компаніей Кука. Кукъ провелъ туда шосейную дорогу, въ концѣ шосейной дороги имѣется рельсовая дорога, по которой на проволочныхъ канатахъ и втаскиваютъ на вершину горы путешественниковъ.

— Какъ втаскиваютъ путешественниковъ на канатахъ? За шиворотъ втаскиваютъ? испуганно спросилъ Конуринъ.

— Да нѣтъ-же, нѣтъ. Какъ можно за шиворотъ! Такіе маленькіе вагончики есть. Въ нихъ и втаскиваютъ путешественниковъ.

Экипажъ спускался къ морю. Тысячи парусныхъ

судовъ и пароходовъ стояли у берега. Одни суда разгружались, другіе нагружались. На берегу былъ цѣлый съѣстной рынокъ, обдающій запахомъ копченой рыбы, пригорѣлаго масла, дыма жаровень. Бродили толпы загорѣлыхъ, грязныхъ матросовъ. Не менѣе грязные торговки и торговцы кричали нараспѣвъ, предлагая съѣстной товаръ и зазывая покупателей.

LVI.

КАКЪ только шарабанъ съ путешественниками показался на съѣстномъ рынкѣ, отъ лавокъ, отъ котловъ съ варящимися макаронами и бобами отдѣлились десятки нищихъ, выпрашивавшихъ себѣ подаяніе, и побѣжали за шарабаномъ. Тутъ были и взрослые, и дѣти, были здоровые и увѣчные, старики и полные силъ юноши, женщины съ грудными ребятами на рукахъ. Лохмотья такъ и пестрѣли своимъ разнообразіемъ, на всѣ лады повторялось слово „монета". Они цѣплялись и буквально лѣзли въ шарабанъ. Нѣкоторые стояли уже на подножкахъ шарабана. Кучеръ разгонялъ ихъ бичемъ, кондукторъ спихивалъ съ подножекъ, но тщетно: согнанные съ одной стороны догоняли экипажъ и влѣзали съ другой стороны. Нѣкоторые мальчишки, дабы обратить на себя особенное вниманіе, катались колесомъ, забѣгали впередъ и становились на голову и на руки и выкрикивали слово „монета". Пожилой англичанинъ

кинулъ на дорогу нѣсколько мѣдяковъ. Нищіе бросились поднимать ихъ и началась свалка. Толпа на нѣкоторое время отстала отъ шарабана, но поднявъ монеты, догнала путешественниковъ вновь. Нѣкоторые были уже съ поцарапанными лицами. Это показалось путешественникамъ забавнымъ и монеты стали кидать всѣ. Кидалъ и Конуринъ, кидалъ и Граблинъ. Граблинъ забавлялся тѣмъ, что норовилъ попасть какому-нибудь мальчишкѣ монетой прямо въ лицо, что ему и удавалось. Свалки происходили уже поминутно. Въ нихъ участвовали и женщины съ грудными ребятами. Онѣ клали ребятъ на мостовую и бросались поднимать монеты. Два мальчика съ разбитыми въ кровь носами уже ревѣли, но все-таки кидались въ толпу бороться изъ-за мѣдяка. Такъ длилось версты двѣ, пока не кончился громадный съѣстной рынокъ, служащій столовой матросамъ, судорабочимъ и носильщикамъ, шнырявшимъ по берегу моря около судовъ. Наконецъ, нищіе стали отставать.

За рынкомъ начались макаронныя фабрики. Сырыя, только-что сдѣланныя макароны тутъ-же и просушивались на улицѣ, повѣшенныя на деревянныхъ жердяхъ. Около нихъ бродили и наблюдали за сушкой рабочіе, темные отъ загара, съ головами повязанными тряпицами, босые, съ засученными выше колѣнъ штанами, съ разстегнутыми воротами грязныхъ рубахъ, съ голыми до плечъ руками. Двое-трое изъ нихъ тоже подбѣжали къ шарабану и предлагали сдѣланныя изъ макароннаго тѣста буквы. Англичане купили у нихъ себѣ свои инициалы, купила и Глафира Семеновна себѣ буквы G. и I. Дорога пошла въ гору. Начался

пригородъ Неаполя. Показались виноградники, фруктовые сады. Цвѣлъ миндаль, цвѣли вишни, цвѣли лупины и конскіе бобы, посаженные между деревьями. Везувій сдѣлался уже яснѣе и темнѣлъ на голубомъ небѣ темнобурымъ пятномъ покрывающей его застывшей лавы. Дымъ, выходящій изъ его кратера и казавшійся въ Неаполѣ легкой струйкой, теперь уже превратился въ изрядное облако. Пахло сѣрой. На смѣну оборванныхъ нищихъ появились по правую и по лѣвую сторону дороги не менѣе оборванные музыканты съ гитарами и мандолинами. Они встрѣчали экипажъ съ музыкой и пѣніемъ и провожали его, идя около колесъ. Они пѣли неаполитанскія народныя пѣсни и пѣли очень согласно.

— Все вѣдь это Мазини и Николини разные, замѣтилъ Граблинъ. — Вонъ глазища-то какіе! По ложкѣ. Дурачье, что не ѣдутъ къ намъ въ Питеръ. Сейчасъ-бы наши наитальянившіяся психопатки и туфли бисеромъ шитыя имъ поднесли и полотенцы съ шитыми концами. Эво, у бородача голосище-то какой! Патти! Патти! закричалъ онъ, указывая пальцемъ.

Изъ-за угла каменнаго забора выскочила смуглая растрепанная красивая дѣвушка и, пощипывая гитару, запѣла и заплясала, кружась около колесъ.

— Какая-же это Патти! улыбнулась Глафира Семеновна.—Скорѣй Бріанца. Танцовщица она, а не пѣвица.

— Однако-же поетъ. Поетъ и пляшетъ. Эй, Травіата! Катай Травіату!

Дѣвушка кивнула, перестала плясать и запѣла изъ „Травіаты“.

— Фу ты пропасть! Чумазая, совсѣмъ чумазая, а Травіату знаетъ, удивился Николай Ивановичъ.

— Чумазая... Это-то и хорошо. Пріѣзжай она къ намъ въ Питеръ, какой-нибудь хлѣбникъ съ Калашниковской пристани, не жалѣя, тысячу кулей муки въ нее просадитъ, нужды нѣтъ, что у насъ неурожай, замѣтилъ Конуринъ. — Вѣдь въ ихней-то сестрѣ чумазость и цѣнится.

На подножки экипажа стали вскакивать и оборванцы безъ мандолинъ и гитаръ и предлагали свои услуги, какъ чичероне.

— Этимъ еще что надо? спросилъ Николай Ивановичъ.

— Предлагаютъ свои услуги какъ проводники на Везувій, отвѣчалъ Перехватовъ.

— Проводники? Не надо! Не надо! Ну, ихъ!

Проводникамъ махали руками, чтобы они отстали, но они не отставали и шли за экипажемъ. Чѣмъ дальше, толпа ихъ все увеличивалась и увеличивалась. Экипажъ взбирался по крутымъ террасамъ на гору почти шагомъ. Проводники рвали попадающіеся по дорогѣ цвѣты лупинъ, вѣтки цвѣтущихъ миндальныхъ деревьевъ, колокольчики, растущіе около каменныхъ заборовъ, дѣлали изъ нихъ букеты и, скаля бѣлые зубы, подавали и совали букеты дамамъ. Кучеръ и кондукторъ пробовали ихъ отгонять, но они затѣяли съ ними перебранку.

— Николай Иванычъ, ты все-таки постарайся отвернуть свой кинжалъ и вынуть изъ палки, замѣтила мужу Глафира Семеновна.

— Зачѣмъ?

— Да кто ихъ знаетъ! Можетъ быть эти черти бандиты. Видишь, они не отстаютъ отъ насъ, а мы скоро въѣдемъ въ пустынныя мѣста. Вынь кинжалъ.

— Ну, вотъ... насъ съ кучеромъ и кондукторомъ одиннадцать человѣкъ.

— А ихъ больше. Право, я боюсь.

— Господа! Да скоро-ли-же привалъ будетъ! Ѣдемъ, ѣдемъ и ни у какого ресторана не остановились! воскликнулъ Граблинъ.—Я ѣсть хочу.

— Да ни одного хорошаго ресторана еще не попалось, отвѣчалъ Перехватовъ.—Говорятъ, хорошій ресторанъ у станціи канатной желѣзной дороги. Вонъ она чуть-чуть на горѣ виднѣется.

— И до тѣхъ поръ все ждать? Не желаю я ждать.

— Хотите въ шарабанѣ закусить? предложила Глафира Семеновна. — Съ нами и коньякъ, и красное вино, и бутерброды.

— Само собой, хочу. Эти англійскіе мореплаватели не дали мнѣ давеча выпить даже чашку кофею.

Глафира Семеновна достала корзинку съ провіантомъ и начался въ шарабанѣ легкій завтракъ, передъ которымъ, однако, мужчины въ одинъ моментъ до половины выпили бутылку коньяку и окончили-бы ее до дна, но Глафира Семеновна сказала:

— Господа, да предложите вы англичанамъ-то выпить. Неучтиво не предложить... Ѣдемъ вмѣстѣ...

— Мусью! Вулеву тринкенъ? протянулъ Конуринъ пожилому англичанину серебряный стаканчикъ и бутылку.

Англичане не отказались, выпили и въ свою очередь достали корзинку съ провизіей, гдѣ у нихъ былъ

джинъ и портвейнъ, и предложили русской компаніи. Выпили и русскіе. Англичанка предлагала всѣмъ тартинки съ мясомъ, протянула тартинку и Граблину.

— Съ бараньимъ сѣдломъ, да пожалуй еще съ бабковой мазью? Нонъ... мерси... замахалъ руками Граблинъ, отшатнувшись отъ нея.—Вишь, съ чѣмъ подъѣхала! Тринкенъ — вуй, а баранье сѣдло — ахъ оставьте.

Завязался разговоръ между русской компаніей и англичанами. Хотя англичане говорили по англійски, а русскіе по русски, но съ прибавленіемъ пантомимъ кой-какъ понимали другъ друга. Пожилой англичанинъ съ любопытствомъ разсматривалъ серебряный стаканчикъ съ чернью и просилъ у Николая Ивановича продать ему этотъ стаканчикъ или промѣнять на дорожный карманный приборъ, состоящій изъ вилки, ножика, штопора и ложки. Англичанка подносила всѣмъ портвейнъ изъ хрустальной рюмки. Конуринъ взялъ отъ нея рюмку и, сбираясь проглотить ея содержимое, крикнулъ:

— Вивъ англичанъ!

— Зачѣмъ? Съ какой стати? Очень нужно! Ну, ихъ къ чорту! дернулъ его за рукавъ Граблинъ и пролилъ портвейнъ.—Англичане самое пронзительное сословіе, а вы за ихъ здоровье...

— Да вѣдь тутъ русское радушіе... началъ было Конуринъ, принимая отъ англичанки другую рюмку.

— Брось, плюнь... Вонъ она тебя еще чернымъ пудингомъ дошкуривать хочетъ. Что такое? Мнѣ предлагаетъ? Нѣтъ, мерси, мадамъ. Мнѣ этотъ черный пудингъ-то и въ гостинницѣ за три дня надоѣлъ! опять

замахалъ руками Граблинъ и прибавилъ:—Ѣшь, мадамъ, сама, коли такъ вкусно.

Вино разгорячило путешественниковъ. Въ шарабанѣ дѣлалось все шумнѣе и шумнѣе. Пригородъ Неаполя съ фруктовыми садами и виноградниками остался внизу, экипажъ взобрался уже на большую крутизну, съ которой открывался великолѣпный видъ на Неаполь, на его окрестности, на море и на острова Неаполитанскаго залива.

— Соренто... Капри... Искія... указывалъ кондукторъ на очертанія ихъ въ морѣ.

Ѣхали въ это время по совершенно безплодной мѣстности, покрытой бурой застывшей лавой. Ни куста, ни травы, ни птицы, ни даже какого-либо летающаго насѣкомаго не было видно вокругъ. Воздухъ, пропитанный сѣрой, сдѣлался удушливъ. Толпа проводниковъ, сопровождавшихъ экипажъ, исчезла и только двое изъ нихъ, особенно назойливыхъ, шли около колесъ, поднимали съ дороги куски лавы и совали ихъ путешественникамъ.

LVII.

Николай Ивановичъ взглянулъ на часы. Былъ двѣнадцатый часъ. Поднимались въ гору уже около трехъ часовъ, а все еще Везувій былъ далеко. Солнце такъ и пекло. Мулы, запряженные въ экипажъ, взмылились, потъ съ нихъ такъ и стекалъ, капая съ животовъ, и кучеръ просилъ остановиться и сдѣлать муламъ отдыхъ. На

одной изъ террасъ остановились. Англичане тотчасъ-же вынули свои бинокли и начали разсматривать виды на море и на Везувій. Конуринъ попросилъ у одного изъ англичанъ бинокля и тоже взглянулъ на Везувій.

— Ничего нѣтъ страшнаго, сказалъ онъ.—Ѣхалъ я сюда, такъ сердце-то у меня дрожало, какъ овечій хвостъ, а теперь я вижу, что все это зря. Признаюсь, эту самую огнедышащую гору я себѣ совсѣмъ иначе воображалъ, думалъ, что тутъ и не вѣдь какое пламя и дымъ и головешки летятъ, а это такъ себѣ, на манеръ пожара въ каменномъ домѣ: дымъ валитъ, а огня не видно.

— Погоди храбриться-то, вѣдь еще не подъѣхали къ самому-то пункту, отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

— И я совсѣмъ иначе воображалъ, прибавилъ Граблинъ.—Говорили, что теперь на Везувій проѣзжая дорога, на каждомъ шагу рестораны, а тутъ пустыня какая-то.

— А вонъ должно быть вдали ресторанъ стоитъ.

Дѣйствительно на буросѣромъ грунтѣ виднѣлось бѣлое каменное зданіе.

— Такъ что-жъ мы на пустынномъ-то мѣстѣ остановились! воскликнулъ Граблинъ.—Намъ-бы ужъ около него привалъ сдѣлать. Кучеръ! Коше! Ресторанъ... Вали въ ресторанъ... указывалъ онъ на зданіе.—Выпить смерть хочется, а мы и свои, и англійскіе запасы всѣ уничтожили.

— Вольно-же вамъ было съ одного на каменку поддавать, сказала Глафира Семеновна. —Сельтерской воды бутылочка, впрочемъ, есть. Хотите?

— Что-же мнѣ водой-то накачиваться! Я уже теперь на хмельную сырость перешелъ. Коше! Ресторанъ... Скорѣй ресторанъ. На чай получишь. Да переведи-же ему, Рафаэль, чтобъ онъ ѣхалъ!

— Видишь, животины измучились. Дай имъ вздохнуть. Хуже будетъ, какъ на дорогѣ упадутъ.

Сдѣлавъ отдыхъ, стали взбираться выше. Бѣлое зданіе становилось все ближе и ближе, вотъ уже экипажъ и около него.

— Стой, стой, кучеръ! кричалъ Граблинъ, хватая кучера за плечо.—Ребята! Выходите. Наконецъ-то пріѣхали къ живительному источнику.

— Погоди, постой радоваться. Это вовсе не ресторанъ, а обсерваторія, отвѣчалъ Перехватовъ.

— Какъ обсерваторія? Что ты врешь!

— Да вотъ надпись на домѣ. Читай.

— Какъ я могу читать, ежели не по нашему написано! Впрочемъ, obser.... Обсерваторія и есть. Да можетъ быть это такъ ресторанъ называется? Выйди изъ экипажа и спроси, нельзя-ли тутъ выпить коньячишку или хоть краснаго вина.

— Да нѣтъ-же, нѣтъ, это настоящая обсерваторія для наблюденія надъ небесными планетами и звѣздами.

— Тьфу ты пропасть! Подъѣзжалъ, радовался—и вотъ какое происшествіе! Да ты толкнись на обсерваторію-то... Можетъ быть и на обсерваторіи выпить дадутъ.

— Какая-же выпивка на обсерваторіи!

— Ничего не значитъ. Какая можетъ быть выпивка въ аптекѣ? Однако, помнишь, въ Парижѣ разъ ночью намъ настойку на спиртѣ въ лучшемъ видѣ приго-

товили въ аптекѣ, когда мы честь честью попросили и сказали, что для русь, для русскихъ.

— Въ аптекѣ спирты есть, а на обсерваторіи какіе же спирты! Господа! Можетъ быть хотите слѣзть здѣсь и посмотрѣть въ телескопъ на планеты, то тутъ даже приглашаютъ. Вотъ и надпись, что входъ свободный—предложилъ Перехватовъ.

— Чортъ съ ними съ планетами! Что намъ планеты! Намъ не планеты нужны, а стеклянный инструментъ съ хмельной сыростью.

Изъ дверей обсерваторіи выбѣжалъ сторожъ въ форменной кепи, подбѣжалъ къ экипажу и забормоталъ по-итальянски, приглашая жестами выйти путешественниковъ изъ экипажа.

— Одеви русь есть? Коньякъ есть? Венъ ружъ есть?—спрашивалъ его Граблинъ.

Сторожъ выпучилъ глаза и улыбнулся.

— Чего ты смѣешся, итальянская морда? Черти! Обсерваторію выстроили, а нѣтъ чтобы при ней ресторанчикъ завести. Кто-же тогда на ваши планеты будетъ смотрѣть, ежели у васъ никакой выпивки получить нельзя,—продолжалъ Граблинъ.

— Алле, коше, алле!—кричала Глафира Семеновна кучеру.—Я не понимаю, господа, что тутъ зря останавливаться! Судите сами: какой можетъ быть коньякъ на обсерваторіи!

— Позвольте... Въ аптекѣ-же пили.

Экипажъ сталъ взбираться дальше. Показалась застава съ караулкой. Вышелъ опять сторожъ, остановилъ экипажъ и сталъ спрашивать билеты на право проѣзда на Везувій. Англичане, запасшіеся билетами

еще въ гостинницѣ, предъявили свои билеты, у русскихъ не было билетовъ. Всѣ они недоумѣвали, какіе билеты. Перехватовъ вступилъ въ переговоры со сторожемъ. Пущена была въ ходъ смѣсь французскаго, нѣмецкаго и итальянскаго языковъ съ примѣсью русскихъ словъ. Оказалось, что за шлагбаумъ, на откупленную англійской компаніей Кука вершину Везувія, можно пріѣхать только взявъ билетъ, стоющій двадцать франковъ съ персоны. Билетъ этотъ даетъ право на проѣздъ по желѣзной дорогѣ къ вершинѣ Везувія и обратно, а также и на право восхожденія отъ вершины къ самому кратеру въ сопровожденіи рекомендованнаго компаніей Кука проводника. Перехватовъ перевелъ все это своимъ русскимъ спутникамъ.

— Двадцать франковъ съ носа! Фю-фю-фю! просвисталъ Конуринъ.—А насъ пятеро, стало быть выкладывай сто франковъ? Однако... Да вѣдь на эти деньги можно двадцать бутылокъ итальянской шипучки асти выпить. Господа! Да ужъ стоитъ-ли намъ и ѣхать?

— Иванъ Кондратьичъ! Да вы никакъ съума сошли! воскликнула Глафира Семеновна.—Нарочно мы для Везувія въ Неаполь стремились, взобрались до половины на гору, и когда Везувій у насъ уже подъ носомъ, вы хотите обратно?... Да вѣдь это срамъ! Что мы скажемъ въ Петербургѣ, ежели насъ спросятъ про Везувій наши знакомые!

— А то и скажемъ, что были, молъ, видѣли его во всемъ своемъ составѣ. Какъ про папу римскую будемъ говорить, что видѣли, такъ и про Везувій.

— Нѣтъ, нѣтъ! На это я не согласна. Вы можете оставаться здѣсь при караулкѣ у шлагбаума, а мы по-

ѣдемъ. Николай Иванычъ! Плати сейчасъ деньги. Покупай билеты!

— Изволь, изволь... Непремѣнно впередъ ѣхать надо. И я не согласенъ ѣхать обратно. Я уже сказалъ тебѣ, что пока не закурю папироски отъ этого самаго Везувія, до тѣхъ поръ не буду спокоенъ, отвѣчалъ Николай Ивановичъ и вынулъ два золотыхъ.— Покупай, Иванъ Кондратьичъ, билетъ. Полно тебѣ сквалыжничать.

— Да вѣдь почти полтора пуда сахару это удовольствіе-то стоитъ, ежели по нашей петербургской торговлѣ сравнить, отвѣчалъ Конуринъ, почесывая затылокъ.—Эхъ, гдѣ наше не пропадало! Мусью! Бери золотой... Давай билетъ.

— А мнѣ стало быть два золотыхъ выкладывать, за себя и за Рафаэля? вздохнулъ Граблинъ.—Два золотыхъ... на наши деньги по курсу шестнадцать рублей...—Сколько это пуху-то изъ нашей лавки продать надо, ежели на товаръ перевести?.. Ежели полупуху, то... Ну, да чего тутъ! Букашкамъ-таракашкамъ изъ мамзельнаго сословія по капернаумамъ разнымъ и больше отдавали. Вотъ, Рафаэлишка, и за тебя золотой плачу, а ты этого, подлецъ, не чувствуешь и какъ что—сейчасъ про меня: „дикій да дикій". А дикій-то за недикаго платитъ.

Билеты были взяты и экипажъ продолжалъ взбираться по террасамъ къ вершинѣ Везувіи. Ясно уже обозначилось вверху бѣловатое зданіе станціи желѣзной дороги, виднѣлся самый желѣзнодорожный путь, ведущій почти отвѣсно на самую крутизну, можно было уже видѣть и маленькій вагончикъ, который воро-

томъ втягивали наверхъ. Всѣ смотрѣли въ бинокли.

— Неужто и насъ также потянутъ на канатѣ? спрашивалъ Конуринъ.

— А то какъ-же? отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

— А вдругъ канатъ сорвется и вагонъ полетитъ кверху тормашками?

— Ну, ужъ тогда пиши письмо къ родителямъ, что, молъ, аминь. И костей не соберешь.

— Фу, ты пропасть! И это за свои-то кровныя деньги! Оказія... Ужъ письмо къ женѣ передъ поднятіемъ не написать-ли, что, молъ, такъ и такъ... Вексель-бы ей переслать. Вексель при мнѣ Петра Мохова на полторы тысячи есть.

— Ахъ, Иванъ Кондратьичъ, какъ вамъ не стыдно такъ бояться! Я женщина, да не боюсь, сказала Глафира Семеновна.

— Погоди храбриться-то очень, вѣдь еще не сѣла въ вагонъ, замѣтилъ ей мужъ.

— И сяду, и въ лучшемъ видѣ сяду и все-таки не буду бояться.

— Да вѣдь въ случаѣ чего, можно и на станціи остаться, вѣдь не принудятъ-же меня по этой проклятой желѣзной дорогѣ подниматься, ежели я не желаю? опять спросилъ Николая Ивановича Конуринъ.

— Само собой.

— Ну, такъ можетъ быть я только до желѣзной дороги доѣду, а ужъ насчетъ вагона-то—Богъ съ нимъ. Право, при мнѣ денегъ много и, кромѣ того, вексель, даже два.

— Да ужъ сверзишься внизъ, такъ что тебѣ!

— Чудакъ-человѣкъ, у меня жена дома, дѣти. Ты съ женой внизъ полетишь, такъ васъ два сапога—пара, такъ тому и быть, а я вдову дома оставлю. Уфъ, страшно! Смотри, какая крутизна. Песъ съ нимъ и съ Везувіемъ-то!

— Трусъ.

— Мазилкинъ! Рафаэль! Да что-жъ ты самаго главнаго-то не узналъ, началъ Граблинъ, обращаясь къ Перехватову.—Тамъ на станціи буфетъ есть?

— Есть, есть и даже можно завтракъ по картѣ получить.

— Ну, такъ теперь я ничего не боюсь. Дернуть по здоровѣе горькаго до слезъ, такъ я куда угодно. На всякую отчаянность готовъ.

— Ну, а я должно быть въ ресторанѣ и останусь. Нельзя мнѣ... Векселей при мнѣ на полторы тысячи рублей да еще деньги... Кабы векселей не было—туда сюда... порѣшилъ Конуринъ.

Наконецъ подъѣхали къ самой станціи. На дворѣ, ржали лошади, кричали ослы.

LVIII.

Станція канатной желѣзной дороги стояла примкнутой у почти отвѣсной скалы, покрытой темнобурой остывшей лавой, мѣстами вывѣтрившейся въ мелкій песокъ. По скалѣ, чуть не стоймя, были проложены на пространствѣ

приблизительно трехъ-четырехъ верстъ рельсы и по нимъ поднимался и спускался на проволочныхъ канатахъ, путемъ пара, открытый вагончикъ на десять-двѣнадцать мѣстъ. Путешественники тотчасъ-же бросились осматривать дорогу. Въ это время вагонъ спускался съ крутизны. Визжали блоки, кондукторъ трубилъ въ рожокъ. Глафира Семеновна закинула кверху голову и невольно вздрогнула.

— Фу, какъ страшно! проговорила она.—И не ѣдучи-то духъ захватываетъ.

Передернуло всего и Николая Ивановича.

— Не поѣдешь? спросилъ онъ.

— Да какъ-же не ѣхать-то? Вѣдь срамъ. Столько времени поднимались на лошадяхъ, взяли билеты, находимся уже на станціи и вдругъ не ѣхать! Вѣдь ѣздятъ-же люди. Вонъ спускаются.

— Оборвется канатъ, слетишь—бѣда. И костей не соберутъ, покачалъ головой Конуринъ.

— По моему, по такой дорогѣ только пьяному въ лоскъ и ѣхать. Пьяному море по колѣно, замѣтилъ Граблинъ.

— Только ужъ ты, Григорій Аверьянычъ, пожалуйста не очень нализывайся. Вывалишься изъ вагона пьяный, еще хуже будетъ, сказалъ Перехватовъ.

— А ты держи и не допускай меня вываливаться. На то ты и взятъ для компаніи.

— Нѣтъ, нѣтъ... Боже васъ избави. Ежели вы будете пьяны, я съ вами не поѣду, заговорила Глафира Семеновна.

— Позвольте... Нельзя-же для храбрости не хватить. Вѣдь это какая-то каторжная дорога.

23*

Въ это время спустился вагонъ съ семью пассажирами. Среди пассажировъ находилась и какая-то дама-нѣмка. Она была блѣдна, какъ полотно, и сидѣла съ полузакрытыми глазами. Помѣщавшійся рядомъ съ ней довольно толстый нѣмецъ съ щетинистыми усами давалъ ей нюхать спиртъ изъ флакона. Изъ вагона ее вывели подъ руки.

— Вотъ ужъ охота-то пуще неволи! покачалъ головой Николай Ивановичъ.—Ужъ ѣхать-ли намъ, Глаша? спросилъ онъ жену.—Видишь дама-то какъ... чуть не въ безчувствіи чувствъ.

— Да конечно, не поѣдемте, подхватилъ Конуринъ.—Ну ее къ чорту, эту дорогу!

— Нѣтъ, нѣтъ, я поѣду! Я зажмурюсь во время ѣзды, но все-таки поѣду, рѣшила Глафира Семеновна.—Помилуй, нахвастали всѣмъ въ Петербургѣ, что будемъ на Везувіи и вдругъ не быть!

— Да въ Петербургѣ-то мы станемъ разсказывать, что были на самой вершинѣ, что я даже папироску отъ кратера закурилъ. Ты думаешь, они насъ выдадутъ? кивнулъ Николай Ивановичъ на товарищей.— Нисколько не выдадутъ. Вѣдь и они-же не будутъ подниматься, ежели мы не поднимемся.

— Я поднимусь, сказалъ Перехватовъ.

— И я, и я съ вами, а вы, господа, какъ хотите, твердо сказала Глафира Семеновна.

Посмотрѣвъ дорогу, всѣ отправились въ ресторанъ при станціи. Жутко было всѣмъ, но каждый храбрился. Компанія англичанъ—спутниковъ сидѣла уже въ ресторанѣ за столомъ и завтракала. Кромѣ ихъ завтракали и еще англичане, пріѣхавшіе въ другой компаніи, также

причудливо одѣтые. Одинъ былъ въ шотландской шапкѣ, съ зелеными и красными клѣтками по бѣлому фону и въ такомъ-же пиджакѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы и увѣшанномъ черезъ плечо на ремняхъ фляжкой, кожаннымъ портсигаромъ, зрительной трубой, круглымъ барометромъ. Завтракъ былъ по картѣ. Англичанамъ подавали что-то мясное. Граблинъ подошелъ къ столу, заглянулъ въ блюдо и воскликнулъ:

— Ну, такъ я и зналъ! Баранье сѣдло съ бабковой мазью изъ помидоровъ. Фу, ты пропасть! Это вѣдь для нихъ, это вѣдь для англичанъ. Въ Неаполѣ только англичанамъ и потрафляютъ.

— Да вѣдь это оттого, что ихъ много путешествуетъ по Италіи, отвѣчалъ Перехватовъ.—А русскихъ-то сколько? Самые пустяки. Вѣдь вотъ сколько времени ѣздимъ, а только на одну русскую компанію и наткнулись.

— Плевать мнѣ на это!

Завтракъ прошелъ невесело и кончился скандаломъ. Всѣ остерегались пить, кромѣ Граблина, который, какъ говорится, такъ и поддавалъ на каменку, въ концѣ концовъ окончательно напился пьянъ и сталъ придираться къ англичанамъ. Перехватовъ останавливалъ, его, но тщетно. Граблинъ передразнивалъ ихъ говоръ, показывалъ имъ кулаки, ронялъ ихъ стаканы, проливая вино, англичанку въ шляпкѣ грибомъ, свою спутницу по шарабану, называлъ „мамзель-стриказель на курьихъ ножкахъ“. Англичане возмутились, загоготали на своемъ языкѣ и повскакали изъ-за стола, сбираясь пересаживаться за другой столъ. Глафира Семеновна бросилась къ Граблину, стала его уговаривать не

скандалить и съ помощью Перехватова увела въ другую комнату. Граблинъ еле стоялъ на ногахъ. Его усадили въ кресло. Ворча всякій вздоръ и увѣряя Глафиру Семеновну, что только для нея онъ не подрался съ сѣдымъ англичаниномъ, онъ спросилъ себѣ бутылку асти, выпилъ залпомъ стаканъ и сталъ дремать и клевать носомъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ спалъ.

— Пусть спитъ, а мы поѣдемъ на вершину Везувія одни, сказалъ Перехватовъ. — Къ нашему возвращенію онъ проспится. Нельзя его брать съ собой въ такомъ видѣ. Онъ изъ вагона вывалится. Да вѣдь и отъ вагона до кратера надо изрядно еще пѣшкомъ идти. Здѣсь ему отлично... Въ комнатѣ онъ одинъ. Слугѣ дадимъ хорошенько на чай, чтобы онъ его покараулилъ—вотъ и будетъ все по хорошему.

— Ужасный скандалистъ! покачала головой Глафира Семеновна.

— Совсѣмъ саврасъ безъ узды. Видите-ли, сколько я отъ него натерпѣлся въ дорогѣ! вздохнулъ Перехватовъ.—Вѣдь въ каждомъ городѣ у него скандалъ да не одинъ. Вѣдь только желаніе образовать себя путешествіемъ, поглядѣть въ Италіи на образцы искусства и заставило меня поѣхать съ нимъ, а то, кажется, ни за что-бы не согласился съ нимъ ѣздить.

Вошли Конуринъ и Николай Ивановичъ.

— Успокоился рабъ Божій Григорій? спросилъ Конуринъ.

— Спитъ. Да оно и лучше. Съ нимъ просто несносно было-бы въ вагонѣ. Ѣдемте скорѣй на вершину Везувія, торопилъ Перехватовъ.

Онъ вынулъ у спящаго Граблина часы, кошелекъ и бумажникъ, поручилъ наблюдать за нимъ слугѣ и всѣ отправились садиться въ вагонъ.

— Глаша, Глаша, я захватилъ для тебя бутылку содовой воды. Въ случаѣ чего, такъ чтобъ отпоить тебя, сказалъ Николай Ивановичъ.

— Смотри, не пришлось-бы тебя самого отпаивать водой, былъ отвѣтъ.

— Святители! Пронесите благополучно по этой каторжной дорогѣ! шепталъ Конуринъ.—И чего, спрашивается, мы лѣземъ? За свои деньги и прямо на рогатину лѣземъ.

— Такъ вернись и оставайся вмѣстѣ съ Граблинымъ, сказалъ Николай Ивановичъ.

Конуринъ колебался.

— Да ужъ и то лучше не остаться-ли? Вѣдь на тысячу восемьсотъ рублей у меня векселей въ карманѣ. Свержусь, такъ кто получитъ? сказалъ онъ, но тутъ-же махнулъ рукой и рѣшительно прибавилъ:—Впрочемъ, на людяхъ и смерть красна. Поѣду. Погибну, такъ ужъ въ компаніи.

— Да полноте вамъ тоску-то на всѣхъ наводить! замѣтила ему Глафира Семеновна.—Что это все—погибну, да погибну!—Гдѣ-бы бодриться, а вы эдакія слова... Отчего-же другіе-то не погибаютъ?

— А ужъ катастрофа одинъ разъ была, сказалъ Перехватовъ.—Вагонъ сорвался съ каната и всѣ, разумѣется, въ дребезги... Я читалъ въ газетахъ.

— Не говорите, не говорите пожалуйста... замахала руками Глафира Семеновна, блѣднѣя.—Развѣ мож-

но передъ самымъ отправленіемъ такія рѣчи?.. Какъ вамъ не стыдно!

Они уже стояли около вагона. Въ вагонѣ сидѣли ихъ спутники — три англичанина и англичанка и какой-то пожилой, худой и длинный человѣкъ неизвѣстной національности, облеченный въ свѣтлое клѣтчатое пальто-халатъ.

— Ежели, Глаша, хочешь, то вѣдь еще не поздно остаться. Чортъ съ ними и съ билетами! сказалъ женѣ Нннолай Ивановичъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я поѣду.

И Глафира Семеновна вскочила въ вагонъ. Николай Ивановичъ ринулся было за ней, но кондукторъ, находившійся въ вагонѣ, отстранилъ его, захлопнулъ перекладину и затрубилъ въ рогъ. Заскрипѣли блоки и вагонъ началъ подниматься.

— Стой! Стой, мерзавецъ! закричалъ Николай Ивановичъ кондуктору.—Это моя супруга! Се ма фамъ! и я долженъ съ ней!..

Но вагонъ, разумѣется, не остановился.

— Что-же это такое! вопіялъ Николай Ивановичъ.—Отчего онъ насъ не пустилъ? Вѣдь и мѣста въ вагонѣ свободныя были. Неужели ихъ скоты-англичане откупили? Господи, да какъ-же такъ одна Глаша-то тамъ будетъ! Ахъ, подлецы, подлецы! Пуркуа? Какое вы имѣете право не пускать мужа, ежели взяли его жену! кинулся онъ чуть не съ кулаками на желѣзнодорожнаго сторожа, оставшагося на платформѣ.

Тотъ забормоталъ что-то на ломаномъ французскомъ языкѣ.

— Что онъ говоритъ? Что онъ бормочетъ, анафема?—спрашивалъ Николай Ивановичъ Перехватова.

— А онъ говоритъ, что хоть въ вагонѣ и есть мѣста, но въ настоящее время дозволено поднимать въ вагонѣ только по шести пассажировъ и никакъ не больше. Прежде поднимали по десяти, но канатъ не выдержалъ и произошло крушеніе,—отвѣчалъ Перехватовъ.

— Боже милостивый, что-же это такое! Жена тамъ, а мужъ здѣсь! Тьфу ты пропасть!

— Мы поѣдемъ съ слѣдующимъ поѣздомъ, а она насъ тамъ наверху подождетъ.

Но Николай Ивановичъ былъ просто въ отчаяніи. Съ замираніемъ сердца смотрѣлъ онъ вверхъ, махалъ женѣ платкомъ и палкой и кричалъ:

— Глаша! осторожнѣе! Бога ради осторожнѣе! Зажмурься! зажмурься! Не гляди внизъ! А пріѣдешь наверхъ, такъ стой и ни съ мѣста!.. Насъ дожидайся! Съ англичанами не смѣть никуда ходить! Понимаешь, не смѣть!

Но съ верху ни отвѣта не было слышно, ни отвѣтнаго знака не было видно.

LIX.

ЖДАТЬ слѣдующаго поѣзда пришлось около получаса. Николай Ивановичъ нетерпѣливо кусалъ губы, пожималъ плечами и былъ вообще въ сильномъ безпокойствѣ. Онъ впери-

валъ взоръ наверхъ, старался разглядѣть жену и шепталъ:

— Ахъ, дура-баба! Ахъ, полосатая дура! Не подождать мужа, уѣхать одной... Ну, храни Богъ, что случится? Какъ тамъ она тогда одна?..

— Да ужъ ежели чему случиться, то что одна, что вмѣстѣ — никому не миновать смерти изъ находящихся въ вагонѣ, отвѣчалъ Перехватовъ.

— Позвольте... что вы говорите! При ней даже паспорта нѣтъ! горячился Николай Ивановичъ...— Паспортъ у насъ общій и находится при мнѣ.

— А зачѣмъ ей паспортъ?

— Ну, а какъ я тогда докажу, что она моя жена, ежели она будетъ убита? Нѣтъ, какъ хотите, это дерзость, это своевольство уѣхать одной. Вы не видите, поднялись они на вершину или еще не поднялись?

— Кажется, что еще не поднялись! Вагонъ двигается.

— Ни бинокля, ни трубы... Вѣдь у насъ есть бинокль, но дура-баба возитъ его только для театра, а вотъ здѣсь, когда его надо, она его оставила въ гостинницѣ. Бите... Пермете...—обратился Николай Ивановичъ къ англичанину въ шотландскомъ костюмѣ, тоже ожидающему поѣзда и смотрящему наверхъ въ большой морской бинокль, и чуть не силой вырвалъ у него бинокль.

— Кескесе?—пробормоталъ оторопѣвши англичанинъ, выпучивая удивленно глаза.

— Ма фамъ, ма фамъ... Дура ма фамъ,—наскоро отвѣчалъ Николай Ивановичъ, направляя бинокль на

поѣздъ, и воскликнулъ:—Ну, слава Богу, поднялись благополучно. Вагонъ стоитъ уже у станціи.

Отъ полноты чувствъ онъ даже перекрестился и передалъ англичанину обратно бинокль.

Не менѣе Николая Ивановича тревожился и Конуринъ, тревожился за себя и молчалъ, но наконецъ не вытерпѣлъ и проговорилъ:

— Не написать-ли мнѣ сейчасъ хоть карандашомъ женѣ письмо, что, молъ, такъ и такъ... прощай, родная, поднимаютъ? Почтовая карточка съ адресомъ есть и карандашъ есть.

— Да какая польза?—спросилъ Перехватовъ.

— Ну, все-таки найдутъ на трупѣ письмо и перешлютъ.

— Будетъ тебѣ говорить о трупахъ! крикнулъ на него Николай Ивановичъ.—Чего пугаешь зря. Видишь, люди благополучно поднялись.

Вагонъ, между тѣмъ, спустился внизъ съ пассажирами и долженъ былъ принять новыхъ пассажировъ, чтобъ поднять ихъ наверхъ. Изъ него выходилъ тщедушный человѣкъ въ шляпѣ котелкомъ, блѣдный, державшій около губъ носовой платокъ и покачивающійся на ногахъ. У него, очевидно, закружилась голова при спускѣ съ высоты и съ нимъ происходило нѣчто въ родѣ морской болѣзни. Присутствующіе посторонились. Конуринъ участливо взглянулъ на него и воскликнулъ.

— Господи Боже мой! За свои-то деньги и столько мученій!

Кондукторъ трубилъ въ рогъ и приглашалъ садиться въ вагонъ. Перехватовъ, Конуринъ и Николай

Ивановичъ влѣзли первые. Съ ними влѣзъ и англичанинъ въ шотландскомъ костюмѣ. Больше пассажировъ не оказалось. Кондукторъ протрубилъ второй разъ въ рожокъ, затѣмъ въ третій, и вагонъ началъ подниматься. Русскіе крестились. Англичанинъ тотчасъ-же положилъ себѣ въ ротъ какую-то лепешку, которую вынулъ изъ крошечной бомбоньерки, затѣмъ посмотрѣлъ на висѣвшій черезъ плечо круглый барометръ, на часы и, записавъ что-то въ записную книжку, началъ смотрѣть по сторонамъ въ бинокль. Поднимались на страшную крутизну. Видъ на Неаполь и на море постепенно скрывался въ туманѣ, заволакивался облаками. Николай Ивановичъ сидѣлъ прищурившись.

— Ничего не чувствуете? спрашивалъ его тихо Перехватовъ.

— Что-то чувствую, но и самъ не знаю что...

Конуринъ былъ ни живъ, ни мертвъ.

— Не запихать-ли мнѣ векселя-то въ сапогъ, за голенищу? Да и деньги тоже...—спрашивалъ онъ, ни къ кому особенно не обращаясь.

Отвѣта не послѣдовало... Англичанинъ досталъ маленькій флакончикъ, поднесъ его ко рту, сдѣлалъ хлебокъ, опять посмотрѣлъ на барометръ и опять записалъ что-то въ записную книжку.

— Прощай, жена... Прощай, супруга любезная... Поминай раба божьяго Ивана въ случаѣ чего...—бормоталъ Конуринъ. — Ахъ, голубушка, голубушка!.. Ты теперь сидишь, умница, у себя въ гнѣздышкѣ и чаекъ попиваешь, а я-то, дуракъ, гдѣ! По поднебесью болтаюсь. И не диво бы отъ долговъ на такую вышь

полѣзъ, а то изъ хорошей жизни, отъ своихъ собственныхъ капиталовъ. Тьфу ты!

Вдругъ Николай Ивановичъ вскрикнулъ и отшатнулся отъ англичанина.

— Погибаемъ?—заоралъ Конуринъ, хватаясь за перекладину вагона.—Господи! Что-же это такое!

Оказалось, что англичанинъ вынулъ изъ кармана ящичекъ и выпустилъ оттуда на скамейку большую лягушку, которая и прыгнула по направленію къ Николаю Ивановичу, но тотчасъ остановилась и стала пыжиться.

— Мусью! Такъ невозможно. Съ лягушками нешто шутить можно?.. Съ животной тварью въ вагоны не допущаютъ! закричалъ на англичанина пришедшій въ себя Николай Ивановичъ.

— Выбрось ее вонъ! Выбрось изъ вагона! поддержалъ его Конуринъ, тоже уже нѣсколько оправившійся.—Это еще что за музыка! Съ лягушками вздумалъ ѣздить.

— Господа, оставьте... Это должно быть естествоиспытатель. Онъ съ научною цѣлью... Онъ опыты дѣлаетъ, останавливалъ товарищей Перехватовъ.

— Испытатель! А хоть-бы распроиспытатель! Плевать мнѣ на него!

И Николай Ивановичъ сбросилъ лягушку со скамейки вагона палкой. Лягушка вылетѣла изъ вагона на желѣзнодорожное полотно. Англичанинъ возмутился и заговорилъ что-то по англійски, сверкая глазами и размахивая руками передъ Николаемъ Ивановичемъ.

— Ну, ну, ну! Будешь кричать, такъ и самого вы-

швырнемъ такъ-же, какъ лягушку! Молчи ужъ лучше. Насъ трое, а ты одинъ.

Началась перебранка. Англичанинъ ругался по англійски, Конуринъ и Николай Ивановичъ высыпали на него словарь русскихъ ругательныхъ словъ.

— А вотъ протоколъ составить, когда пріѣдемъ наверхъ, что, молъ, такая и такая рыжая англійская дубина ѣздитъ съ мелкопитающейся насѣкомой тварью и дѣлаетъ нарушеніе общественнаго безпокойствія, проговорилъ наконецъ Конуринъ.

— Господа! Довольно, довольно. Оставьте... Видите, мы уже пріѣхали, останавливалъ своихъ компаньоновъ Перехватовъ.

— Чего довольно! Счастливъ его Богъ, что Глаша впередъ уѣхала, а будь это при ней, такъ я ему-бы ужъ прописалъ ижицу, всѣ бока обломалъ-бы, потому Глаша змѣи и лягушекъ видѣть не можетъ и съ ней навѣрное случились-бы нервы, истерика... не унимался Николай Ивановичъ.

Вагонъ остановился у станціи.

— Ну, слава Богу, пронесли святители! проговорилъ Конуринъ, крестясь.—Каково только потомъ обратно будетъ спускаться.

Николай Ивановичъ искалъ глазами на станціи Глафиру Семеновну, но ея не было.

— Ма фамъ? У ма фамъ? испуганно обращался онъ къ желѣзнодорожной прислугѣ.—Глаша! Глафира Семеновна! Гдѣ ты? Что-же это, въ самомъ дѣлѣ!... Неужто она на самую верхушку Везувія одна удрала? Ахъ, глупая баба! Ахъ, мерзкая! Это ее англичане, которые

съ нами въ шарабанѣ ѣхали, увели! Ну, погодите-жъ вы, длиннозубые англійскіе черти!

Его окружили проводники въ форменныхъ фуражкахъ съ номерами на груди и проводники въ шляпахъ и безъ номеровъ и предлагали свои услуги. Всѣ они были съ альпійскими палками въ рукахъ. Проводники не въ форменныхъ фуражкахъ имѣли по двѣ и по три альпійскія палки и, кромѣ того, имѣли при себѣ грязные пледы, перекинутые черезъ плечо, и связки толстыхъ веревокъ у пояса.

— А ну васъ къ чорту! Прочь! У меня жена пропала! кричалъ на нихъ Николай Ивановичъ.

— Не пропала, а ушла должно быть съ рекомендованнымъ проводникомъ, отвѣчалъ Перехватовъ.—Мы имѣемъ право на рекомендованнаго горной компаніей Кука проводника по нашему билету. У насъ это въ правилахъ восхожденія на Везувій на билетахъ напечатано. Съ номерными бляхами и въ форменныхъ фуражкахъ—это рекомендованные проводники и есть.

Одинъ изъ такихъ проводниковъ манилъ уже Перехватова и Николая Ивановича за собой и что-то бормоталъ на ломанномъ французскомъ языкѣ.

— Да провались ты, окаянный! Мнѣ жену надо. Ма фамъ... У меня жена куда-то здѣсь задѣвалась! Отыщи мнѣ ее и получишь два франка на чай... сердился Николай Ивановичъ. — Шерше ма фамъ и будетъ де больше франкъ пуръ буаръ.

— Послушайте, Ивановъ, ваша супруга навѣрное отправилась на кратеръ съ проводникомъ и англичанами. Пойдемте скорѣе впередъ и мы нагонимъ ее или

найдемъ на верху у кратера. Видите, здѣсь ужъ никого нѣтъ изъ публики.

— Ну, попадетъ ей отъ меня на орѣхи! Ой-ой, какъ попадетъ!

Всѣ пошли за проводникомъ въ форменной фуражкѣ. Три проводника безъ форменныхъ фуражекъ слѣдовали сзади и предлагали альпійскія палки.

— Брысь!—крикнулъ на нихъ Конуринъ, но они не отставали.

LX.

Путь отъ желѣзнодорожной станціи лежалъ прямо къ кратеру. Взбираться пришлось по узенькой неутрамбованной, а только слегка протоптанной тропинкѣ, ведущей зигъ-загами на страшную крутизну. Ноги утопали въ разсыпавшейся въ песокъ лавѣ. Пропитанный сѣрными испареніями воздухъ былъ удушливъ. Шли гуськомъ. Вели проводники, рекомендованные компаніей Кука. Впереди шелъ англичанинъ въ шотландскомъ костюмѣ сзади своего проводника, затѣмъ опять проводникъ и за нимъ Николай Ивановичъ, опирающійся на свою палку съ скрытымъ внутри кинжаломъ, а за нимъ Перехватовъ и Конуринъ. Около нихъ, не по проложенной тропинкѣ, а карабкаясь по твердымъ, въ безпорядкѣ нагроможденнымъ глыбамъ лавы, бѣжали три вольные проводника въ калабрійскихъ рваныхъ шляпахъ и, размахивая веревками, подскакивали къ путе-

шественникамъ при трудныхъ переходахъ, подхватывали ихъ подъ руку, предлагали имъ свои альпійскія палки. Николай Ивановичъ все отмахивался отъ нихъ и отбивался.

— И чего они лѣзутъ, подлецы! говорилъ онъ, обливаясь потомъ.

— Ѣсть хотятъ, на макароны заработать стараются, отвѣчалъ Перехватовъ и взялъ отъ одного изъ проводниковъ палку съ острымъ наконечникомъ и крючкомъ.—Отдайте имъ ваше пальто понести—вотъ они и отстанутъ. Вамъ жарко въ пальто.

— А и то, отдать.

Николай Ивановичъ отдалъ пальто, но вольные проводники не унимались.

Видя, что ему трудно взбираться, они протягивали ему концы своихъ веревокъ и показывали жестами, чтобы онъ взялся за конецъ веревки, а они потянутъ его на верхъ и будутъ такимъ манеромъ втаскивать и облегчать восхожденіе. Опыты втаскиванія они для примѣра показывали другъ на другѣ. Николай Ивановичъ согласился на такой способъ восхожденія. Проводникъ быстро обвязалъ его по поясу однимъ концомъ веревки, а за другой конецъ потащилъ его на верхъ. Идти стало легче.

— Эй, ты! Черномазый! Тащи и меня! крикнулъ Конуринъ другому проводнику.

Тотъ бросился къ нему со всѣхъ ногъ и тоже обвязалъ его веревкой.

— Смотри только, не затащи меня въ какую-нибудь пропасть!.. продолжалъ Конуринъ, взбираясь уже откинувшись корпусомъ назадъ, и прибавилъ: — Взрос-

лые люди, даже съ сѣдиной въ бородахъ, а въ лошадки играемъ. Разсказать ежели объ этомъ въ Питерѣ роднѣ—плюнутъ и не повѣрятъ, какъ насъ поднимали на веревкахъ, ей-ей, не повѣрятъ. А зачѣмъ, спрашивается, мучаемъ себя и поднимаемся? На кой шутъ этотъ самый Везувій намъ понадобился?

— Духъ пытливости, Иванъ Кондратьичъ, духъ пытливости, желаніе видѣть чудеса природы, кряхтѣлъ Перехватовъ.

— Да вѣдь это барину хорошо, тому, кто почище, а купеческому-то сословію на что?

— Ну, насчетъ этого ты молчи! перебилъ его Николай Ивановичъ.—По современнымъ временамъ, у кого деньги есть, тотъ и баринъ, тотъ и почище. Господинъ Перехватовъ! Спросите пожалуйства у этихъ эфіоповъ, скоро-ли наконецъ мы къ самой точкѣ-то подойдемъ. Когда-же конецъ будетъ этому карабканью!

Перехватовъ сталъ спрашивать проводниковъ и отвѣчалъ:

— Черезъ десять минутъ. Черезъ десять минутъ мы будемъ у дѣйствующаго кратера. Теперь мы идемъ по старому, потухшему уже кратеру.

— Ай! Что это? Дымится! Господи, спаси насъ и помилуй! вдругъ воскликнулъ Конуринъ, останавливаясь въ испугѣ, и указалъ въ сторону отъ тропинки.

Шагахъ въ пяти отъ нихъ изъ расщелины земли выходилъ довольно большой струей удушливый сѣрный дымъ.

— А вотъ это потухшій-то кратеръ и есть, сказалъ Перехватовъ.—Проводникъ говоритъ, что еще въ на-

чалѣ пятидесятыхъ годовъ тутъ выбрасывался пепелъ и текла лава.

— Позвольте... Да какой-же онъ потухшій, ежели дымится! Николай Иванычъ, ужъ идти-ли намъ дальше-то? Право вѣдь, ни за грошъ пропадешь.

— Да какъ-же не идти-то, ежели тамъ Глаша! Дуракъ! раздраженно воскликнулъ Николай Ивановичъ, боязливо осматриваясь по сторонамъ.—Я теперь даже на вѣрную смерть готовъ идти.

— Да не бойтесь, господа, не бойтесь. Какъ-же другіе-то люди ходятъ и ничего съ ними не случается! ободрялъ ихъ Перехватовъ.

Трещины съ выходящимъ изъ нихъ сѣрнымъ дымомъ попадались все чаще и чаще. Приходилось ужъ выбирать мѣсто, гдѣ ступать. Грунтъ дѣлался горячимъ, что ощущалось даже сквозь сапоги.

— Господи! что-же это такое! Я чувствую даже, что горячо идти... Снизу подпаливаетъ... Словно по раскаленной плитѣ идемъ...—испуганно забормоталъ Конуринъ.—Вернемтесь, Бога ради, назадъ... Отпустите душу на покаяніе. За что-же христіанской душѣ безъ покаянія погибать! Ахъ, громъ! Вернемтесь, ради Христа!

Въ отдаленіи дѣйствительно слышались глухіе раскаты грома. Это давалъ себя знать дѣйствующій кратеръ. Проводники улыбнулись, забормотали что-то и стали одобрительно кивать по направленію, откуда слышались громовые раскаты.

— Ради самаго Господа, вернемтесь!—умолялъ Конуринъ, останавливаясь.

24*

— Дубина! Дреколіе! Чертова кочерыжка! Какъ вернуться, ежели жена тамъ!

— Да вѣдь твоя жена, а не моя, такъ мнѣ-то что-же! Нѣтъ, какъ хотите, а я дальше не пойду. У меня двѣ тысячи денегъ въ карманѣ и векселей на тысячу восемьсотъ рублей.

Перехватовъ сталъ уговаривать его.

— Господи! Чего вы боитесь, Иванъ Кондратьичъ. По сотнѣ человѣкъ въ день на Везувій поднимается и ни съ кѣмъ ничего не случается, а съ вами вдругъ случится что-то. Вѣдь ужъ дорога протоpенная, говорилъ онъ, подхватилъ Конурина подъ руку и пошелъ рядомъ съ нимъ.

А раскаты грома дѣлались все сильнѣе и сильнѣе. Везувій дѣйствовалъ. Въ воздухѣ носились облака пыли, выбрасываемой имъ. Шли дальше. Крутизна прекратилась и разстилалась обширная чернобурая площадь, съ черными какъ уголь или съ желтыми чистой сѣры прогалинами. Дымящіяся трещины были уже буквально на каждомъ шагу. Вся почва подъ ногами дымилась, выпускала изъ себя сѣрныя испаренія. Николай Ивановичъ блѣдный, облитый потомъ, шелъ и скрежаталъ зубами.

— О, Глашка, Глашка! О, мерзкая тварь! И куда тебя, чертовку, нелегкая запропаститься угораздила! восклицалъ онъ.

Англичанинъ въ шотландскомъ костюмѣ, шедшій впереди, остановился и дѣлалъ наблюденія надъ барометромъ, щупалъ свой пульсъ, наконецъ вынулъ изъ кармана коробочку и выбросилъ оттуда живую красную бабочку, стараясь, чтобъ она летѣла, но бабочка

сѣла на землю и сжала крылья. Николай Ивановичъ опередилъ его и съ раздраженіемъ плюнулъ въ его сторону.

— Вотъ, рыжій дуракъ, нашелъ мѣсто, гдѣ глупостями заниматься! пробормоталъ онъ.

— Уне монета... Уна монета... приставалъ къ Николаю Ивановичу проводникъ, показывая кусокъ лавы, въ которомъ была вдавлена мѣдная, покрывшаяся зеленой окисью монета.

— Чего тебѣ, дьяволъ? Что ты къ моей душѣ пристаешь?

— Дайте ему мѣдную монету и онъ сейчасъ-же запечетъ ее при васъ въ горячей лавѣ. Это на память о Везувіѣ. Вотъ мой проводникъ сдѣлалъ ужъ мнѣ такую запеканку. Смотрите, какъ горячо. Еле въ рукѣ держать можно,—говорилъ Перехватовъ.

— А ну его къ чорту и ко всѣмъ дьяволамъ съ этой запеканкой! У меня жена пропала, а онъ съ запеканкой лѣзетъ! О, Глафирушка, Глафирушка! Ну, погоди-жъ ты у меня!

А раскаты грома дѣлались все сильнѣе и сильнѣе. Гулъ отъ грома стоялъ уже безостановочно.

— Прощай, жена! Прощай, матушка! Конецъ твоему Ивану Кондратьевичу наступаетъ! — шепталъ Конуринъ, еле передвигая ноги.

— И чего это ты все про свою жену ноешь! Хуже горькой рѣдьки надоѣлъ! — накинулся на него Николай Ивановичъ.

— А ты чего про свою жену ноешь?

— Я дѣло другое... У меня жена невѣдь гдѣ, на огне-

дышащей горѣ пропала, а твоя дома за чаемъ пузырится.

— Вонъ ваша супруга! Вонъ Глафира Семеновна! — указалъ Перехватовъ, протягивая руку впередъ.

— Гдѣ? Гдѣ? — воскликнулъ Николай Ивановичъ, оживляясь.

— А вонъ она на камнѣ сидитъ и около нея стоятъ англичане. Вонъ молодой англичанинъ поитъ ее чѣмъ-то.

Николай Ивановичъ со всѣхъ ногъ ринулся было къ женѣ, но проводникъ въ калабрійской шляпѣ удержалъ его на веревкѣ, а проводникъ въ форменной фуражкѣ схватилъ подъ руку и, крѣпко держа его, грозилъ ему пальцемъ. Началась борьба. Николай Ивановичъ вырывался. Къ нему подскочилъ Перехватовъ и заговорилъ:

— Что вы задумали! Здѣсь нельзя не по проложенной тропинкѣ ходить... Того и гляди, провалитесь. Мой проводникъ говоритъ, что еще недавно одинъ какой-то богатый бразильскій купецъ провалился въ преисподнюю, вмѣстѣ съ проводникомъ провалился.

Николай Ивановичъ укротился.

— Да вѣдь я къ женѣ... Ма фамъ, ма фамъ...—указывалъ онъ на виднѣющуюся вдали группу англичанъ.

Проводникъ въ форменной фуражкѣ взялъ его подъ руку и повелъ по проложенной тропинкѣ. Конуринъ и Перехватовъ шли сзади. Конуринъ шепталъ:

— Святители! Пронесите! Спущусь внизъ благополучно—пудовую свѣчку дома поставлю.

LXI.

Наконецъ Николай Ивановичъ, Конуринъ и Перехватовъ достигли группы англичанъ. Николай Ивановичъ рванулся отъ проводниковъ, растолкалъ англичанъ и чуть не съ кулаками ринулся на Глафиру Семеновну.

— Глашка! Тварь! Вѣдь это-же наконецъ подло, вѣдь это безсовѣстно! Какое ты имѣла право, спрашивается?..—воскликнулъ онъ, но тутъ голосъ его осѣкся.

Глафира Семеновна сидѣла на камнѣ, блѣдная, съ полузакрытыми глазами, безъ шляпки, съ разстегнутымъ корсажемъ. Молодой англичанинъ поддерживалъ ее за плечи, около нея суетилась англичанка и давала ей нюхать спиртъ изъ флакона, пожилой англичанинъ совалъ ей въ ротъ какую-то лепешечку, третій англичанинъ держалъ ея шляпку. Съ Глафирой Семеновной было дурно.

— Глаша! Голубушка! что съ тобой? испуганно пробормоталъ Николай Ивановичъ, перемѣняя тонъ.

Глафира Семеновна не отвѣчала. Англичанинъ, державшій въ рукѣ шляпку Глафиры Семеновны, обернулся къ Николаю Ивановичу и, жестикулируя, заговорилъ что-то по англійски.

— Прочь! Ничего не понимаю, что ты бормочешь на своемъ обезъяньемъ языкѣ. Глафира Семеновна, матушка, да что съ тобой приключилось?

— Охъ, домой, домой! Скорѣй домой... Внизъ...— прошептала она наконецъ.

— Была ты на кратерѣ, что-ли? Опалило тебя, что-ли? допытывался Николай Ивановичъ.

— Была, была... Ужасъ что такое! Скорѣй внизъ...

— Да приди ты сначала въ себя... Какъ-же внизъ-то въ такомъ видѣ!.. Вѣдь до низу-то далеко...

— Я теперь ничего... Я теперь могу... отвѣчала Глафира Семеновна, отстраняя отъ себя флаконъ англичанки и пробуя застегнуть корсажъ.

— Все-таки нужно посидѣть еще немного и отдохнуть. Но ты мнѣ все-таки скажи: опалило тебя?

— Нѣтъ, нѣтъ. Огонь до меня не хваталъ.

— Но что-же съ тобой случилось?

— И сама не знаю... Взглянула, увидала полымя и вдругъ все помутилось... Страшно...

— Ахъ, даже полымя? произнесъ Конуринъ и почесалъ затылокъ.—Господа, ужъ идти-ли намъ дальше?

— Да вѣдь ужъ пришли, такъ чего-жъ тутъ?.. Вонъ кратеръ, вонъ гдѣ клѣтчатый англичанинъ съ проводникомъ стоитъ. Въ двадцати шагахъ отъ насъ, указывалъ Перехватовъ.

— А какъ-же жена-то? спросилъ Николай Ивановичъ.

— Боже мой, да вѣдь это минутное дѣло. Заглянуть и назадъ. А около супруги вашей господа англичане побудутъ. А то подошли къ самому кратеру и вдругъ назадъ.

— Глаша! Тебѣ ничего теперь? Можно мнѣ на минутку до кратера добѣжать?

— Иди, но только Бога ради скорѣй назадъ.

— Въ моментъ. Вотъ тебѣ бутылка зельтерской воды. Отпейся. Видишь, мужъ-то у тебя какой заботливый, воды тебѣ захватилъ, а ты отъ него убѣжала.

— Да никуда я не убѣгала. Я вскочила въ вагонъ, а кондукторъ меня силой увезъ.

Пожилой англичанинъ, принявъ отъ Николая Ивановича бутылку зельтерской воды, принялся откупоривать ее карманнымъ штопоромъ.

— Такъ я сейчасъ... еще разъ сказалъ женѣ Николай Ивановичъ и крикнулъ Конурину:—Иванъ Кондратьичъ! Бѣжимъ...

— Нѣтъ, нѣтъ. Мнѣ, братъ жизнь-то еще не надоѣла! махнулъ рукой Конуринъ.—Люди въ обмороки падаютъ отъ этого удовольствія, а я вдругъ пойду? Ни за что. Храни Богъ, помутится и у меня въ глазахъ. Помутится, полечу въ огонь, а при мнѣ векселей и денегъ почти на четыре тысячи. Я при твоей женѣ останусь.

— Идете вы наконецъ или не идете? кричалъ Перехватовъ, тронувшійся уже въ путь.

— Иду, иду. Нельзя не идти. Я ужъ далъ себѣ слово во что-бы то ни стало папироску отъ здѣшняго огня закурить, отвѣчалъ Николай Ивановичъ и ринулся за Перехватовымъ, но проводникъ потянулъ къ себѣ веревку, которой Николай Ивановичъ былъ обвязанъ по животу и, удержавъ его порывъ, погрозилъ ему пальцемъ и заговорилъ что-то по-итальянски.

— О, чертъ тебя возьми! Чего ты меня держишь на привязи-то, итальянская морда!

Но проводникъ подхватилъ его уже подъ руку.

— Будьте осторожнѣе, господинъ Ивановъ! Провод-

никъ разсказываетъ, что въ тридцати шагахъ отъ этого мѣста какой-то американецъ въ прошломъ году оборвался и вмѣстѣ съ землей въ кратеръ провалился! крикнулъ Перехватовъ.

Николай Ивановичъ поблѣднѣлъ.

— Свять, свять, свять... Наше мѣсто свято... прошепталъ онъ и покорился проводнику.

Проводникъ подвелъ Николая Ивановича къ обрыву, указалъ пальцемъ внизъ въ пропасть, опять забормоталъ что-то по итальянски, отскочилъ отъ него на нѣсколько шаговъ и натянулъ веревку, которой былъ обвязанъ Николай Ивановичъ. Николай Ивановичъ заглянулъ въ пропасть и остолбенѣлъ. На днѣ пропасти съ глухими раскатами грома вылеталъ громадный снопъ огня съ дымомъ и съ чѣмъ-то раскаленнымъ до красна. Удушливый сѣрный запахъ билъ въ носъ и затруднялъ дыханіе. У Николая Ивановича закружилась голова и онъ еле могъ закричать проводнику:

— Веди назадъ! Веди назадъ!

Тотъ потянулъ веревку и, схвативъ его подъ руку, снова забормоталъ что- то.

— Фу-у-у! протянулъ Николай Ивановичъ, не слушая проводника.—Вотъ такъ штука!

Передъ нимъ стоялъ Перехватовъ, блѣдный и не менѣе его пораженный.

— Величественное зрѣлище... шепталъ онъ и, улыбнувшись, спросилъ:—Что-жъ вы папироску-то отъ кратера не закурили? Хвалились вѣдь.

— Куда тутъ! Я воображалъ совсѣмъ иначе...

И Николай Ивановичъ махнулъ рукой.

— Да... Тутъ и мужчина не робкаго десятка можетъ обробѣть, а не только что женщина, продолжалъ онъ.—Ничего нѣтъ удивительнаго, что съ женой сдѣлалось дурно!

— Однако-же съ англичанкой ничего не сдѣлалось, замѣтилъ Перехватовъ.

— Что англичанка! Англичанки какія-то двухжильныя.

Минуты черезъ двѣ они были около Глафиры Семеновны. Она уже оправилась. Конуринъ накидывалъ ей на плечи ватерпруфъ. Пришелъ въ себя отъ потрясающаго зрѣлища и Николай Ивановичъ.

— Трусъ! проговорилъ онъ, хлопнувъ по плечу Конурина.—Былъ на Везувіи и побоялся къ кратеру подойти. Вѣдь это-же срамъ.

— Ну, трусъ, такъ трусъ. Ну, срамъ, такъ срамъ. Подальше отъ него, такъ лучше. Что мнѣ этотъ кратеръ? Чихать я на него хочу. Да вовсе этотъ кратеръ и не для нашего брата-купца, отвѣчалъ Конуринъ.

— Видѣлъ? обратилась къ мужу Глафира Семеновна.—Вѣдь это ужасъ что такое! Я какъ взглянула, такъ у меня подъ колѣнками всѣ поджилки и задрожали.

— Катастрофа обширная! отвѣчалъ тотъ.—Не то взрывъ гигантскаго кораблекрушенія, не то...

—Ну, довольно, довольно... Давай спускаться теперь внизъ.—Гдѣ мой проводникъ?

— Какъ внизъ? А на теченіе лавы не пойдете развѣ смотрѣть? удивился Перехватовъ.—Наши проводники обязаны насъ сводить еще на ручей лавы, вытекающій изъ кратера Везувія. Это съ другой стороны кратера.

— Нѣтъ, нѣтъ, довольно! Благодарю покорно! Будетъ съ меня и этого! воскликнула Глафира Семеновна.

— Да вѣдь это, проводникъ говоритъ, всего въ получасѣ ходьбы отсюда.

— Да что вы, мосье Перехватовъ! Я и отъ кратера-то еле пришла въ себя, а вы е ще на лаву какую-то зовете! Не умирать-же мнѣ здѣсь. Внизъ, внизъ, Николай Иванычъ.

— Да, да, матушка. Достаточно намъ и этого происшествія. И про здѣшнее-то мѣсто будемъ разсказывать въ Питерѣ, такъ намъ никто не повѣритъ, что мы были.

— Да, ужъ и я скажу, что занесла насъ нелегкая къ чорту на кулички! подхватилъ Конуринъ.—Вотъ гдѣ настоящія-то чортовы кулички. Бѣжимъ, Николай Ивановъ, изъ поднебесья.

— Ну, а я на лаву. Долженъ-же я ручей изъ лавы видѣть, отвѣчалъ Перехватовъ. — Англичане туда отправляются и я съ ними.

— Скатертью дорога.

— Вамъ все равно придется ждать англичанъ внизу на станціи, потому шарабанъ у насъ общій, а ужъ меня извините, что я отстаю отъ вашей компаніи. Я пріѣхалъ сюда для самообразованія. Что я въ дорогѣ отъ моего савраса безъ узды черезъ это нравственныхъ страданій вынесъ!

— Не извиняйтесь, не извиняйтесь. Съ Богомъ... Мы васъ подождемъ внизу. Намъ еще съ вашимъ саврасомъ придется повозиться: разбудить его, отпоить и вытрезвить, отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

Перехватовъ примкнулъ къ англичанамъ. Николай Ивановичъ, Глафира Семеновна и Конуринъ, сопровождаемые проводниками, отправились въ обратный путь.

— А какъ мы теперь по желѣзной-то дорогѣ спускаться будемъ? Спускаться-то страшнѣе, чѣмъ подниматься. Бр... говорила Глафира Семеновна и, вздрогнувъ, нервно пожала плечами.—Даже и подумать-то, такъ морозъ по кожѣ...

— Пронесите святители до нижней станціи! прошепталъ Конуринъ.

Они чуть не бѣжали. Проводники шли впередъ и поминутно сдерживали ихъ, простирая передъ ними свои палки.

LXII.

Внизъ по канатной желѣзной дорогѣ Ивановы и Конуринъ спустились безъ особенныхъ приключеній, хотя спускъ вообще хуже дѣйствуетъ на нервы, чѣмъ подъемъ. Въ вагонѣ Глафира Семеновна сидѣла зажмурившись и шептала молитвы. Николай Ивановичъ сидѣлъ напротивъ ея и бормоталъ:

— Закрѣпи духъ, закрѣпи духъ, душечка, и вообрази, что ты на Крестовскомъ съ горъ катаешься. Вѣдь точь въ точь, какъ съ ледяной горы...

Онъ нѣсколько разъ порывался взять ее за руку, но

она всякій разъ вырывала свою руку и ударяла его по рукамъ.

Когда вагонъ спустился и всѣ вышли на платформу, Конуринъ даже подпрыгнулъ отъ радости и воскликнулъ:

— Живъ, живъ, курилка! Теперь ужъ въ полной безопасности! Ура!

— Чего вы орете-то! набросилась на него Глафира Семеновна.—Словно полоумный.

— Да какъ же, матушка, не радоваться-то! Изъ хорошей жизни, отъ своихъ собственныхъ капиталовъ дуракъ-купецъ взбирался въ поднебесье къ огненному жупелу и живъ остался, ни одного сустава не поломалъ. Эхъ, кабы теперь хорошенько супругѣ моей икнулось! Мадамъ Конурина! Чувствуешь-ли ты тамъ въ городѣ Санктъ-Петербургѣ, что твой Иванъ Кондратьичъ Забалканское пространство благополучно миновалъ!

— Апенинскія тутъ горы, а не Забалканскія. Какой еще такой Забалканъ въ Италіи выдумали!

— Ну, Опьянинскія, такъ Опьянинскія, мнѣ все равно.

Отъ радости онъ бормоталъ безъ умолка.

— Въ память онаго происшествія при благополучномъ спусканіи съ этихъ самыхъ Опьянинскихъ горъ, надо будетъ непремѣнно женѣ какой-нибудь подарокъ купить. Чѣмъ здѣшнее мѣсто славится? обратился онъ къ Глафирѣ Семеновнѣ.

— Кораллами, черепаховыми издѣліями, камеями. Всего этого и мнѣ себѣ надо купить.

— Все это дрянь. Ну, что такое черепаховая че-

салка! У меня по случаю спасенія отъ Везувія на подарокъ женѣ сто франковъ ассигновка съ текущаго счета изъ-за голенища.

Конуринъ хлопнулъ себя по сапогу.

— Хорошую камею даже и за сто франковъ въ золотой оправѣ не купите, отвѣчала Глафира Семеновна.

— А что это за камея такая?

— Медальонъ съ головкой, вырѣзанный изъ перламутра. Ихъ въ брошкахъ и въ браслетахъ носятъ. Марья Дементьевна Палубова... знаете, хлѣбники такіе на Калашниковской пристани есть? Такъ вотъ эта самая Марья Дементьевна была въ прошломъ году съ мужемъ въ Италіи и роскошнѣйшую брошку съ камеей за полтораста франковъ себѣ купила. Преизящная вещица.

— Полтораста франковъ съ текущаго счета жертвую!

И Конуринъ опять поднялъ ногу и хлопнулъ рукой по голенищу.

— Да развѣ ты деньги-то за голенищу перепряталъ? спросилъ Николай Ивановичъ.

— Перепряталъ! подмигнулъ Конуринъ.—Пока ты около жены наверху возился, я сейчасъ присѣлъ на камушекъ, сапогъ долой и деньги и векселя туда. Думаю, случится родимчикъ отъ сѣрнаго духа, такъ все-таки эти самые наши черномазые архаровцы не такъ скоро доберутся до голенища. Вѣдь какой духъ-то тамъ на верху былъ! Страсть! Словно кто-тысячу коробокъ сѣрныхъ спичекъ спалилъ! У меня ужъ и то отъ этого духу мальчики въ глазахъ начали показываться. То мальчики, то травки, то вавилоны. Долго-

ли до грѣха! Ну, а ужъ теперь аминь, теперь спасены! Ура, Глафира Семеновна!

И Конуринъ въ восторгѣ даже схватилъ ее за талію.

— Чего вы хватаетесь-то? отмахнулась та.

— Отъ радости, родная, отъ радости. Своей жены нѣтъ, такъ ужъ я за чужую. Пардонъ. Сейчасъ въ буфетѣ бутылочку асти спросимъ, чтобы за общее наше здоровье выпить.

Въ станціонномъ буфетѣ Ивановы и Конуринъ застали цѣлый переполохъ. Пьяный Граблинъ проснулся, хватился своего бумажника и кошелька, которые отъ него взялъ на храненіе Перехватовъ, и кричалъ, что его обокрали. Онъ сидѣлъ безъ сапогъ съ вывороченными карманами брюкъ и пиджака, окруженный слугами ресторана, и неистовствовалъ, требуя полицію и составленія протокола. Слуга, которому Граблинъ былъ порученъ Перехватовымъ, разъ десять старался объяснить на ломаномъ французскомъ языкѣ съ примѣсью итальянскихъ словъ, что деньги Граблина цѣлы и находятся у русскихъ, но Граблинъ не понималъ и, потрясая передъ нимъ сапогами, оралъ:

— Полисъ! Зови сюда квартальнаго или пристава, арабская образина! Съ мѣста не тронусь, пока протокола не будетъ составлено! Грабители! Разбойники! Бандиты проклятые! Вишь, какое воровское гнѣздо у себя въ буфетѣ устроили!

Очевидно, Граблинъ давно уже неистовствовалъ. Два стекла въ окнѣ были вышиблены, на полу около стола и дивана валялись разбитыя бутылки и посуда. Самъ онъ былъ съ всклокоченной прической, съ перекосившимся лицомъ.

— Что вы, что съ вами? подскочилъ къ нему въ испугѣ Николай Ивановичъ.

— Ограбили... До нитки ограбили... Ни часовъ, ни бумажника, ни кошелька — все слимонили, отвѣчалъ Граблинъ.—Да и вы, черти, дьяволы, оставляете своего компаньона одного на жертву бандитовъ. Хороши товарищи, хороши земляки, туристы проклятые! Гдѣ Рафаэлька? Я изъ него дровъ и лучинъ нащеплю, изъ физіономіи перечницу и уксусницу сдѣлаю!

— Успокойтесь, Григорій Аверьянычъ. Что это вы какой скандалъ затѣяли! Ваши деньги у мосье Перехватова. Все цѣло, все въ сохранности, кричала Граблину Глафира Семеновна.

— У Перехватова?—понизилъ голосъ Граблинъ.— Ахъ, онъ мерзавецъ! Отчего-же онъ записку не оставилъ у меня въ карманѣ, что взялъ мои деньги и вещи?

— Да вѣдь мы поручили васъ здѣшнему слугѣ и велѣли вамъ передать, чтобы вы о вещахъ не безпокоились, когда проснетесь, что вещи и деньги у вашего товарища. Вотъ слуга увѣряетъ, что онъ нѣсколько разъ заявлялъ вамъ объ этомъ, что вещи ваши у товарища.

— Можетъ быть и заявлялъ, но какъ я могу понимать, ежели я по ихнему ни въ зубъ! Онъ мнѣ показывалъ что-то на свой карманъ, хлопалъ себя по брюху, но развѣ разберешь!

— Ахъ, ты скандалистъ, скандалистъ! — покачалъ головой Конуринъ.

— Скандалистъ...—Сами вы скандалисты! Бросить человѣка въ разбойничьемъ вертепѣ!

— Да какой-же тутъ вертепъ, позвольте васъ спро-

сить? И какъ васъ можно было вести на Везувій, ежели вы были на манеръ разварнаго судака,—пробовала вразумить Граблина Глафира Семеновна.

— Ахъ, оставьте пожалуйста, мадамъ... Я и отъ дамъ дерзостей не терплю. Какой я судакъ?

— Конечно-же былъ на манеръ судака, соусъ провансаль. Въ безчувствіи чувствъ находился,—прибавилъ Николай Ивановичъ.

— Довольно! Молчать!

— Пожалуйста, и вы не кричите! Что это за скандалистъ такой!

— Гдѣ Рафаэлька?

Граблину объяснили.

— Ну, пусть вернется, чортова кукла! Я съ нимъ расправлюсь,—проговорилъ онъ и началъ надѣвать сапоги, бормоча:—По карманамъ шарю—нѣтъ денегъ, сапоги снялъ—нѣтъ денегъ.

— Ахъ, ты, скандалистъ, скандалистъ! Смотрите, сколько онъ набуйствовалъ,—сказалъ Конуринъ, оглядывая комнату.—Посуду перебилъ, стулъ сломалъ, окно высадилъ.

— Плевать... Заплатимъ... И не такія кораблекрушенія дѣлали, да платили.

— Да ты-бы ужъ хоть насъ-то подождалъ, чтобы справиться о деньгахъ, саврасъ ты эдакій.

— Не смѣть меня называть саврасомъ! Самъ ты сѣрое невѣжество изъ купеческаго быта.

Перебранка еще долго-бы продолжалась, но Конуринъ, чтобы утишить ее, потребовалъ бутылку асти и, поднеся стаканъ вина Граблину, сказалъ:

— На-ка вотъ, поправься лучше съ похмелья.

Иногда, когда клинъ клиномъ вышибаютъ, то хорошо дѣйствуетъ.

Граблинъ улыбнулся и пересталъ неистовствовать. Въ ожиданіи своихъ спутниковъ по шарабану—Перехватова и англичанъ, мужчины стали пить вино, но Глафира Семеновна не сидѣла съ ними. Она въ другой комнатѣ разсматривала книгу съ фамиліями путешественниковъ, побывавшихъ на Везувіи и собственноручно расписавшихся въ ней.

LXIII.

ПРОСМОТРѢВЪ книгу посѣтителей, побывавшихъ на Везувіи, и найдя въ ней всего только одну русскую фамилію, какого-то Петрова съ супругой «de Moscou», Глафира Семеновна взяла перо и сама росписалась въ книгѣ: «Г. С. Иванова съ мужемъ изъ Петербурга».

Въ это самое время къ ней подошелъ слуга изъ ресторана и сталъ предлагать почтовыя карточки для написанія открытыхъ писемъ съ Везувія. На карточкѣ, съ той стороны, гдѣ пишется адресъ, была на уголкѣ виньетка съ изображеніемъ дымящагося Везувія и надпись по французски и итальянски «станція Везувій». Это ей понравилось.

— Николай Иванычъ, Иванъ Кондратьичъ! Полно вамъ виномъ-то накачиваться! Идите сюда, позвала она мужа и Конурина.—Вотъ тутъ есть почтовыя кар-

точки съ Везувіемъ и можно прямо отсюда написать письма знакомымъ.

— Да, да... Я давно воображалъ написать женѣ чувствительное письмо... вскочилъ Конуринъ.

— Николай Иванычъ! Напиши и ты кому-нибудь. Надо-же похвастаться въ Петербургѣ, что мы были на самой верхушкѣ Везувія. Это такъ эффектно. Помнишь, какой переполохъ произвели мы въ Петербургѣ во время Парижской выставки, когда написали нашимъ знакомымъ письма съ Эйфелевой башни. Многія наши купеческія дамы даже въ кровь расцарапались отъ зависти, что вотъ мы были въ Парижѣ и взбирались на верхушку Эйфелевой башни, а онѣ въ это время сидѣли у себя дома съ курами въ коробу. Гликерія Васильевна даже полгода не разговаривала со мной и не кланялась.

— А ну ихъ, эти карточки! Что за бахвальство такое! отвѣчалъ Граблинъ, который, выпивъ вина, въ самомъ дѣлѣ какъ-то поправился и пришелъ въ себя.

— Ахъ, оставьте, пожалуйста... Вы не были на Везувіи, такъ вамъ и не интересно. А мы поднимались къ самому кратеру, рисковали жизнью, стало быть, какъ хотите, тутъ храбрость. Со мной вонъ два раза дурно дѣлалось, отвѣчала Глафира Семеновна.

— Надо, надо написать письмо. Непремѣнно надо, подхватилъ Николай Ивановичъ.—Гдѣ карточки? Давай сюда.

Началось писаніе писемъ. Конуринъ и Николай Ивановичъ заглядывали въ карточку Глафиры Семеновны. Та не показывала имъ и отодвигалась отъ нихъ.

— Я только хочу узнать, Глаша, кому ты пишешь, сказалъ Николай Ивановичъ.

— Да той-же Гликеріи Васильевнѣ. Пусть еще полгода не кланяется.

— Ну, а я перво на перво напишу нашему старшему прикащику Панкрату Давыдову.

— Ну, что Панкратъ Давыдовъ! Какой это имѣетъ смыслъ Панкрату Давыдову! Получитъ письмо и повѣситъ въ конторѣ на шпильку. Надо такимъ людямъ писать, чтобъ бѣгали по Петербургу и знакомымъ показывали и чтобъ разговоръ былъ.

— Я въ особомъ тонѣ напишу, въ такомъ тонѣ, чтобъ всѣхъ пронзить.

Николай Ивановичъ долго грызъ перо, соображая, что писать, и наконецъ началъ. Написалъ онъ слѣдующее:

«Панкратъ Давыдовичъ! По полученіи сего письма, прочти оное всѣмъ моимъ служащимъ въ конторѣ, складахъ и домахъ моихъ, что я вкупѣ съ супругой моей Глафирой Семеновной сего 4—16 марта съ опасностью жизни поднимался на огнедышащую гору Везувій, былъ въ самомъ пеклѣ, среди пламя и дыма на высотѣ семисотъ тысячъ футовъ отъ земли и благополучно спустился внизъ здравъ и невредимъ. Можете отслужить благодарственный молебенъ о благоденствіи. Николай Ивановъ».

Прочтя въ слухъ это письмо, Николай Ивановичъ торжественно взглянулъ на жену и спросилъ:

— Ну, что? Хорошо? Прочтетъ онъ въ складахъ и такого говора надѣлаетъ, что страсть!

— Хорошо-то, хорошо, но я-бы совѣтовала тебѣ

кому-нибудь изъ знакомыхъ шпильку подставить, что вотъ, молъ, вы у себя на Разъѣзжей улицѣ въ Петербургѣ коптитесь, а мы въ поднебесьи около изверженія вулкана стояли, отвѣчала Глафира Семеновна.

— Это само собой. Я знаю, на кого ты намекаешь, про Разъѣзжую-то поминая. На Петра Гаврилыча? Тому я еще больше чорта въ стулѣ нагорожу сейчасъ.

— Позволь... остановилъ его Конуринъ.—Да неужто мы были на высотѣ семисотъ тысячъ футовъ?.. Вѣдь это значитъ сто тысячъ саженъ и ежели въ версты перевести...

— Плевать. Пускай тамъ провѣряютъ.

И Николай Ивановичъ снова принялся писать, а минутъ черезъ пять воскликнулъ:

— Готово! Вотъ что я Петру Гаврилычу написалъ: „Многоуважаемый" и тамъ прочее... „Шлю тебѣ поклонъ съ высоты страшнаго огнедышащаго вулкана Везувія. Вокругъ насъ смрадъ, сѣрный дымъ и огнь палящій. Происходитъ изверженіе, но насъ Богъ милуетъ. Закурилъ прямо отъ Везувія папироску и пишу это письмо на горячемъ камнѣ, который только что вылетѣлъ изъ кратера. Головешки вылетаютъ больше чѣмъ въ три сажени величины, гремитъ такой страшный громъ, что даже ничего не слышно. До того палитъ жаромъ, что жарче чѣмъ въ четвергъ въ банѣ на полкѣ, когда татары парятся. Здѣсь на вершинѣ никакая живность не живетъ и даже блоха погибаетъ, ежели на комъ-нибудь сюда попадетъ. Кончаю письмо. Жена тоже не выдерживаетъ жару и просится внизъ, ибо съ ней дурно. Самъ я опалилъ бороду. Сейчасъ спускаемся внизъ на проволочныхъ канатахъ. По-

клонъ супругѣ твоей Маврѣ Алексѣевнѣ отъ меня и отъ жены".

— Однако, господа, это ужъ слишкомъ! Развѣ можно такъ врать! воскликнулъ Граблинъ, перенесшій сюда бутылку вина и сидѣвшій тутъ-же.

— Какъ вы можете говорить, что мы времъ! Вѣдь вы не были у кратера и пока мы подвергали себя опасности жизни—вы спали на станціи. Тамъ наверху ужасъ что было, съ Глафирой Семеновной нѣсколько разъ дурно дѣлалось, она въ безчувствіи чувствъ была.

— Однако, зачѣмъ-же говорить, что письмо пишете на камнѣ изъ Везувія, тогда какъ вы его пишете на станціи, за столомъ? И наконецъ, иро опаленную бороду...

— А ужъ это наше дѣло.

— А ежели я Петру Гавриловичу Бутереву, по пріѣздѣ въ Петербургъ, скажу, что все это вздоръ, что письмо было писано не на камнѣ? Я Петра Гавриловича тоже очень чудесно знаю.

— Зачѣмъ-же это дѣлать? Глупо, неприлично и не по товарищески. Вѣдь все, что я пишу Бутереву, дѣйствительно было, но нельзя-же письмо писать безъ прикрасъ!

— Было, было, подтвердила Глафира Семеновна.

— Я про камень...

— Дался вамъ этотъ камень! Ну, что такое камень? Это для красоты слога. Садитесь сами къ столу и пишите кому-нибудь изъ вашихъ знакомыхъ письмо, что вы тоже были у кратера и сидѣли на горячемъ камнѣ.

— Ну, хорошо. Въ томъ-то и дѣло, что мнѣ тоже хочется написать письмечишко съ Везувія одному пріятелю, сказалъ Граблинъ и спросилъ:—А не выдадите меня, что я не былъ на Везувіи?

— Очень нужно! Мы даже и вашихъ пріятелей-то не знаемъ.

Граблинъ взялъ перо и попробовалъ писать на карточкѣ, но тотчасъ-же бросилъ перо и сказалъ:

— Нѣтъ, пьянъ... Не могу писать. И ля мянъ дроже и мальчики въ глазахъ.

— Такъ возьмите съ собой карточку домой и завтра въ Неаполѣ напишете, проговорила Глафира Семеновна.

— Вотъ это такъ. Я даже три возьму. Только, господа, не выдавать!

— Очень нужно!

— Вотъ что я женѣ написалъ! воскликнулъ Конуринъ.—«Милая супруга наша, Татьяна Григорьевна» и такъ далѣе. «Ахъ, если-бы ты знала, супруга любезная, на какую огнедышащую гору меня по глупости моей занесло! Называется она Везувій и земля около нея такая, что снизу внутри топится, изъ-подъ ногъ дымъ идетъ и ступать горячо, а изъ самаго пекла огонь пышетъ и головешки летятъ. Но что удивительно, поднялся я на эту гору трезвый, а не пьяный, а зачѣмъ—и самъ не знаю, хотя и ругалъ себя, что семейный и обстоятельный человѣкъ на такое дѣло пошелъ. Главная статья, что товарищи затащили. Во время опасности изверженія вспоминалъ о тебѣ поминутно, но теперь благополучно съ оной горы спустился, чего и тебѣ желаю».

— Зачѣмъ-же вы на товарищей-то клепаете? Вовсе васъ никто не тащилъ на Везувій силой, замѣтила Глафира Семеновна.

— Ну, да ужъ что тутъ! развелъ руками Конуринъ.—Одинъ само собой я-бы и за границу-то не потащился, а не токмо что на Везувій. Ахъ, женушка, женушка, голубушка! Что-то она теперь дома дѣлаетъ? По часамъ ежели, то должно быть послѣ обѣда чай пьетъ, вздохнулъ онъ.

— Ну, а ты, Глаша, что написала? спросилъ жену Николай Ивановичъ.

— Ничего. Не ваше дѣло. Написала ужъ такую загвоздку, что Гликерія Васильевна отъ зависти въ кровь расцарапается, улыбнулась Глафира Семеновна. — Вонъ кружка на стѣнѣ, опускайте ваши письма въ почтовую кружку, прибавила она и, вставъ съ мѣста, опустила свое письмо.

Вскорѣ вернулись съ верхушки Везувія англичане и Перехватовъ, ходившіе смотрѣть на потокъ лавы. Перехватовъ былъ въ восторгѣ и говорилъ:

— Ну, господа, что мы видѣли, превосходитъ всякія описанія! Какъ жаль, что вы не пошли посмотрѣть на текущую лаву!

Но Перехватова перебилъ Граблинъ. Онъ набросился на него и съ бранью сталъ осыпать попреками, за то, что тотъ не разбудилъ его, чтобы подниматься на Везувій.

LXIV.

Перебранка между Граблинымъ и Перехватовымъ продолжалась и во время обратной поѣздки въ шарабанѣ отъ желѣзнодорожной станціи до Неаполя. Граблинъ не унимался и всю дорогу попрекалъ Перехватова тѣмъ, что Перехватовъ ѣздитъ на его, Граблина, счетъ. Высчитывались бутылки вина, порціи кушаній, стоимость дороги, всѣ издержки, употребленныя Граблинымъ на Перехватова. Наконецъ, Граблинъ воскликнулъ:

— Чье на тебѣ пальто? Ты даже въ моемъ пальто ходишь.

— Врешь. Теперь въ своемъ, ибо я его заслужилъ, заслужилъ своимъ компаньонствомъ, прямо пòтомъ и кровью заслужилъ. Мало развѣ я крови себѣ испортилъ, возя тебя, дикаго человѣка, по всей Европѣ, отвѣчалъ Перехватовъ.

— Ты меня возишь, ты? Ахъ, ты прощалыга! Да на какія шиши ты можешь меня возить?

— Я не про деньги говорю, а про языкъ. Вѣдь безъ моего языка ты не могъ-бы и до Берлина доѣхать. А все затраченное на меня я опять-таки заслужилъ и пользуюсь имъ по праву, въ силу моего компаньонства и переводчества. Ты нанялъ меня, это моя заработанная плата.

— Хорошъ наемникъ, который бросаетъ своего хозяина на станціи, а самъ отправляется шляться по

Везувіямъ! Нѣтъ, ужъ ежели ты наемникъ, то будь около своего хозяина.

Англичане хоть и не понимали языка, но изъ жестовъ и тона Граблина и Перехватова видѣли, что происходила перебранка, и пожимали плечами, перекидываясь другъ съ другомъ краткими фразами. Ивановы и Конуринъ пробовали уговаривать Граблина прекратить этотъ разговоръ, но онъ, поддерживая въ себѣ хмель захваченнымъ въ дорогу изъ ресторана виномъ, не унимался. Наконецъ Глафира Семеновна потеряла терпѣніе и сказала:

— Никуда больше съ вами въ компаніи не поѣду, рѣшительно никуда. Это просто несносно съ вами путешествовать.

— Да я и самъ не поѣду, отвѣчалъ Граблинъ.—Я завтра-же въ Парижъ. Ты, Рафаэлька, сбирайся... Нечего здѣсь дѣлать. Поѣхали заграницу для полировки, а какая тутъ въ Неаполѣ полировка! То развалины, то горы. Нешто этимъ отполируешься!

— Ты нигдѣ не отполируешься, потому что ты такъ сѣръ, что тебя хоть въ семи щелокахъ стирай, такъ ничего не подѣлаешь.

— Но, но, но... За эти слова знаешь?..

И Граблинъ полѣзъ на Перехватова съ кулаками. Мужчины насилу остановили его.

— Каково положеніе! воскликнула Глафира Семеновна.—Даже уйти отъ безобразника невозможно. Связала насъ судьба шарабаномъ со скандалистомъ. Ни извощика, ни другаго экипажа, чтобы уѣхать отъ васъ! И дернуло насъ ѣхать вмѣстѣ съ вами!

— А вотъ спустимся съ горы, попадется извощикъ, такъ и самъ уйду.

И въ самомъ дѣлѣ, когда спустились съ горы и выѣхали въ предмѣстье Неаполя, Граблинъ, не простясь ни съ кѣмъ, выскочилъ изъ экипажа, вскочилъ въ извощичью коляску, стоявшую около винной лавки, и сталъ звать съ собой Перехватова. Перехватовъ пожалъ плечами и, извиняясь передъ спутниками, послѣдовалъ за Граблинымъ.

— Дѣлать нечего... Надо съ нимъ ѣхать... Нельзя-же его бросить пьянаго. Пропадетъ ни за копѣйку. По человѣчеству жалко. И это онъ считаетъ, что я даромъ путешествую! вздохнулъ онъ. — О, Боже мой, Боже мой!

— Въ Эльдораду... приказывалъ Граблинъ извощику.—Или нѣтъ, не въ Эльдораду... Какъ его этотъ вертепъ-то? Въ Казино... Нѣтъ, не въ Казино... Рафаэлька! Да скажи-же, песъ ты эдакій, извощику, куда ѣхать. Туда, гдѣ третьяго дня были... Гдѣ эта самая испанистая итальянка...

— Слышите? Въ вертепъ ѣдетъ. Нахлещется онъ сегодня тамъ до зеленаго змія и бѣлыхъ слоновъ, покрутилъ головой Конуринъ и прибавилъ. — Ну, мальчикъ!

А въ догонку за ихъ шарабаномъ во всю прыть несся извощичій мулъ, извощикъ щелкалъ бичемъ и раздавался пьяный голосъ Граблина:

— Дуй бѣлку въ хвостъ и въ гриву!

Стемнѣло уже, когда шарабанъ подъѣзжалъ къ гостинницѣ. Конуринъ вздыхалъ и говорилъ:

— Ну, слава Богу, покончили мы съ Неаполемъ. Когда къ своимъ питерскимъ палестинамъ?

— Какъ покончили? Мы еще города не видѣли, мы еще на Капри не были, проговорила Глафира Семеновна.

— О, Господи! Еще? А что это за Капри такой?

— Островъ... Прелестнѣйшій островъ... и тамъ голубой гротъ... Туда надо на нароходѣ по морю... Въ прошломъ году съ нами по сосѣдству на дачѣ жила полковница Лутягина, такъ просто чудеса разсказывала объ этомъ гротѣ. Кромѣ того, прелестнѣйшая поѣздка по морю.

— Это значитъ вы хотите, чтобъ и по горамъ и по морямъ?..

— Само собой... А тамъ на Капри опять поѣздка на ослахъ...

— Фу! и на ослахъ! Вотъ путешественница-то!

— Послушай, душечка, обратился къ женѣ Николай Ивановичъ.—Вѣдь море не горы... Я боюсь, выдержишь-ли ты это путешествіе. А вдругъ качка?

— Я все выдержу. Пожалуйста обо мнѣ не сомнѣвайтесь. На Капри мы завтра-же поѣдемъ.

Конуринъ сидѣлъ и бормоталъ:

— Горы... море... По блоку насъ тащили, на веревкахъ на вершину подтаскивали... Теперь на мулахъ ѣдемъ, завтра на ослахъ поѣдемъ. Только козловъ да воловъ не хватаетъ.

— Въ Парижѣ въ Зоологическомъ саду я ѣздила же на козлахъ.

— Ахъ, да, да... Оказія, куда простой русскій купецъ Иванъ Конуринъ заѣхалъ! Сегодня въ огнѣ

былъ, а завтра въ море попадетъ. Прямо изъ огня да въ воду... Оказія!

Конурину сильно хотѣлось поскорѣй домой въ Петербургъ. Морской поѣздки на Капри онъ не ожидалъ и призадумался. Николай Ивановичъ ободрительно хлопнулъ его по плечу и сказалъ:

— Ау, братъ... Ничего не подѣлаешь... Назвался груздемъ, такъ ужъ полѣзай въ кузовъ.

— Домой пора. Охъ, домой пора! Замотался я съ вами! продолжалъ вздыхать Конуринъ.

Глафира Семеновна хоть и собиралась на утро ѣхать на островъ Капри, но поѣздка на Везувій до того утомила ее, что она проспала пароходъ и Капри пришлось отложить до слѣдующаго дня. Граблинъ сдержалъ свое слово и уѣхалъ вмѣстѣ съ Перехватовымъ въ Парижъ.

Часу въ двѣнадцатомъ дня Ивановы пили у себя въ номерѣ утренній кофе, какъ вдругъ услыхали въ корридорѣ голосъ проснувшагося Граблина. Онъ расчитывался съ прислугой за гостиницу и ругался самымъ неистовымъ образомъ.

— Грабители! Разбойники! Бандиты проклятые! Шарманщики! Апельсинники! Макаронники! раздавался его голосъ.—При наймѣ говорите одну цѣну, а при разсчетѣ пишете другую. Чтобы ни дна, ни покрышки вашей паршивой Италіи! За что, спрашивается, черти окаянные, за четыре обѣда приписали, когда мы ни вчера, ни третьяго дня и не обѣдали! раздавался его хриплый съ перепоя голосъ.—Рафаэлька! Мерзавецъ! Да что-же ты имъ не переводишь моихъ словъ! Что такое? Пансіонъ я въ гостинницѣ

взялъ? Я десять разъ говорилъ, что не желаю я ихъ анафемскаго пансіона! Не могу я жрать баранье сѣдло съ бабковой мазью! Прочь! Никому на чай, ни одна ракалія ничего ве получитъ. Обругай-же ихъ наконецъ по итальянски или скажи мнѣ нѣсколько итальянскихъ ругательныхъ словъ и я ихъ по итальянски обругаю, а то они все равно ничего не понимаютъ. Какъ свиньи по итальянски? Говори сейчасъ.

Передъ самымъ отъѣздомъ Перехватовъ забѣжалъ къ Ивановымъ проститься.

— Остаетесь въ Неаполѣ! Увидите Капри съ его лазуревой водой! воскликнулъ онъ.—Счастливцы! А я-то, несчастный, долженъ ѣхать съ моимъ безобразникомъ въ Парижъ. Прощайте памятники классическаго искусства! Прощайте древнія развалины! Прощай итальянская природа! Прощайте, Николай Ивановичъ, прощайте, Глафира Семеновна, и пожалѣйте обо мнѣ, несчастномъ, волею судебъ находящемся въ когтяхъ глупаго самодура.

Перехватовъ расцѣловался съ Николаемъ Ивановичемъ и поцѣловалъ руку у Глафиры Семеновны.

— Пьянъ? спросилъ Николай Ивановичъ про Граблина.

— Опять пьянъ... махнулъ рукой Перехватовъ.— Проснулся, потребовалъ коньяку къ кофею—и нализался на старыя дрожжи. А что ужъ онъ вчера въ кафешантанахъ-то пьяный выдѣлывалъ, такъ и описанію не поддается. Насилу, насилу въ три часа ночи притащилъ я его домой.

Вошелъ въ номеръ Ивановыхъ, покачиваясь, и Граблинъ.

— Прощайте, господа... пробормоталъ онъ. — Въ Парижъ отъ здѣшнихъ подлецовъ ѣду... Фю-ю! махнулъ онъ рукой и чуть удержался на ногахъ...— Простите раба божьяго Григорія... Не могу... Характеръ у меня такой... Не терплю подлости. Прощайте, мадамъ... и пардонъ...

Онъ протянулъ руку Глафирѣ Семеновнѣ, глупо улыбнулся, повернулся на каблукахъ, опять чуть не упалъ, ухватился за Перехватова и со словами „веди меня“ вышелъ вмѣстѣ съ нимъ изъ номера супруговъ Ивановыхъ.

LXV.

Пароходъ, отправляющійся въ Соренто и на Капри, стоялъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ пристани и разводилъ пары, когда въ девятомъ часу утра Ивановы и Конуринъ подъѣхали въ извощичьей коляскѣ къ набережной. Утро было прелестнѣйшее. Голубое море было гладко, какъ стекло, на небѣ—ни облачка. Вдали на горизонтѣ виднѣлись скалистыя очертанія Капри и Исхіи. Влѣво легонькой струйкой дымился Везувій. Картина голубаго морскаго вида была восхитительная. Ивановы невольно остановились и любовались видомъ. Конуринъ взглянулъ на Везувій, улыбнулся, лукаво подмигнулъ глазомъ и сказалъ:

— Дымишься, голубчикъ? Дыми, дыми, а ужъ насъ теперь на тебя и калачомъ не заманишь.

— Ну, чего ты опасался ѣхать на Капри? Посмотри какая тишина на морѣ. Ничто не шелохнетъ, обратилась Глафира Семеновна къ мужу.

— Я не за себя, а за тебя. Самъ я разъ ѣхалъ изъ Петербурга въ Сермаксы по Ладожскому озеру, такъ такую бурю выдержалъ на пароходѣ, что страсть— и ничего, ни въ одномъ глазѣ... А съ дамскимъ поломъ, почти съ каждой было происшествіе. И визжали-то онѣ, и стонали, и капитана ругали.

Лодка съ двумя гребцами доставила ихъ отъ пристани на пароходъ. Пароходъ былъ грязненькій, старой конструкціи, колесный. Пассажировъ въ первомъ классѣ было не много и опять рѣзко бросались въ глаза англичане и англичанки въ своихъ курьезныхъ костюмахъ. Подымавшійся вмѣстѣ съ ними на Везувій англичанинъ въ клѣтчатомъ шотландскомъ пиджакѣ и шапочкѣ съ лентами на затылкѣ былъ тутъ-же. Онъ попрежнему былъ увѣшанъ баулами, перекинутыми на ремняхъ черезъ плечо, барометромъ, биноклемъ, фляжкой и уже записывалъ что-то въ записную книжку. Англичанки были съ путеводителемъ Бедекера въ красныхъ переплетахъ и внимательно просматривали ихъ. Одинъ изъ англичанъ съ длинными бѣлокурыми бакенбардами чуть не до пояса ѣлъ уже кровавый бифштексъ съ англійскими пикулями въ горчичномъ соусѣ и запивалъ все это портвейномъ. Около него на блюдѣ лежала цѣлая груда опорожненныхъ устричныхъ раковинъ и выжатые лимоны.

— Вотъ запасливый-то человѣкъ. Нѣтъ еще и девяти часовъ утра, а онъ уже завтракаетъ, кивнулъ на него Конуринъ

Прислуживающій въ буфетѣ мальчишка-итальянецъ, черномазый, курчавый и юркій, заслыша русскую рѣчь Ивановыхъ и Конурина, тотчасъ-же подскочилъ къ нимъ съ бутылкой и двумя рюмками и, скаля зубы, предложилъ:

— Рюссъ... Коньякъ?

— Ну, тя въ болото! Рано еще... махнулъ ему рукой Конуринъ и, обратясь къ Николаю Ивановичу, прибавилъ: — Смотри-ка, какъ узнали, что русскіе идутъ—сейчасъ и съ коньякомъ лѣзутъ. Вѣдь вонъ англичанамъ коньякъ не предлагаютъ.

— Очень ужъ себя прославили русскіе заграницей коньяковымъ манерамъ, отвѣчала Глафира Семеновна.

— Въ морскомъ путешествіи это очень хорошо... Даже, можно сказать, необходимо... началъ было Николай Ивановичъ.

— Пожалуйста, пожалуйста не подговаривайтесь! Что это въ самомъ дѣлѣ! Отъ одного пьяницы только что вчера освободились, а ужъ другой появляется. Гдѣ это видано, чтобъ съ позаранку коньякъ пить! Пойдемте лучше на верхъ на палубу. Нечего здѣсь сидѣть въ каютѣ. Нужно видами любоваться. Сейчасъ будетъ третій звонокъ и пароходъ тронется въ путь.

Глафира Семеновна потащила мужчинъ на палубу. На палубѣ перваго класса шла торговля разными мѣстными бездѣлушками, были устроены цѣлыя лавки. Стояли витрины съ черепаховыми издѣліями въ видѣ гребенокъ, портсигаровъ, ножей для разрѣзанія книгъ, была витрина съ кораловыми издѣліями и раковинами, витрина съ мелкими подѣлками изъ пальмоваго дерева съ надписями «Sorento». Около витринъ

вертѣлись продавцы и назойливо навязывали пассажирамъ товаръ.

— Батюшки! Да тутъ совсѣмъ гостиный дворъ!... воскликнула Глафира Семеновна.—И какія все прелестныя вещички!

— Mezzo lira... Mezzo lira, madame... подскочилъ къ ней продавецъ и протянулъ нитку мелкихъ рогатыхъ коралловъ.

— Полъ-франка нитка! Боже мой! А мы вчера въ магазинѣ такіе-же кораллы по франку купили. Николай Иванычъ, мнѣ всего этого надо. Я куплю. Вотъ и ящики съ рѣзьбой. Сколько? Уна лира? Боже мой! А въ магазинѣ съ меня три франка просили.

Раздался третій звонокъ. Пароходъ зашипѣлъ, колеса завертѣлись и мѣрно ударяли объ воду. Стали отходить отъ пристани. Николай Ивановичъ, Глафира Семеновна и Конуринъ перекрестились. По палубѣ шнырялъ контролеръ и визировалъ у пассажировъ билеты. Увидавъ, что Ивановы и Конуринъ крестятся, онъ подскочилъ къ нимъ и чистымъ, русскимъ языкомъ сказалъ:

— Прошу ваши билеты, господа...

— Боже мой! что я слышу! Вы русскій? воскликнула Глафира Семеновна.

— Русскій, сударыня, хотя и родился въ Неаполѣ, отвѣчалъ контролеръ.

— И служите здѣсь на пароходѣ?

— Надо чѣмъ-нибудь зарабатывать хлѣбъ.

— Ахъ, какъ это пріятно, что такая встрѣча съ русскимъ! А мы вотъ по итальянски ни въ зубъ, да и по французски-то плохо—и никто насъ не понима-

26*

етъ. Особенно вотъ трудно съ торговцами. Совсѣмъ по французски не говорятъ.

— А вы хотите купить что-нибудь на память о Неаполѣ? Черепаховыя вещи въ Неаполѣ дѣйствительно отличныя и очень дешевы. Въ Россіи вамъ въ десять разъ дороже за все это придется заплатить. Но что здѣсь дешево—это камеи. Вы камею себѣ пріобрѣли?

— Нѣтъ еще, но я очень, очень хочу купить. Вотъ и нашъ спутникъ хочетъ для своей жены купить, указала Глафира Семеновна на Конурина.

— Иванъ Кондратьевъ Конуринъ, купецъ, отрекомендовалса тотъ, протягивая контролеру руку. — Я Русакъ безъ подмѣса, изъ Ярославской губерніи.

— Николай Ивановъ Ивановъ, назвалъ себя Николай Ивановичъ.—Очень пріятно съ русскимъ человѣкомъ среди итальянской націи встрѣтиться.

Контролеръ назвалъ свою фамилію и прибавилъ, обратясь къ Глафирѣ Семеновнѣ:

— Сейчасъ я обревизую билеты и буду къ вашимъ услугамъ. Вы желаете купить камеи, и я могу вамъ предложить великолѣпныя камеи за баснословно дешевую цѣну.

— Пожалуйста, пожалуйста... Да помогите купить подешевле вотъ и этой мелочи... кивнула Глафира Семеновна на витрины съ кораллами.

— Все, все сдѣлаемъ.

На палубѣ опять вертѣлся черномазый мальчишка съ бутылкой коньяку и скалилъ зубы. Онъ снова подскочилъ къ Конурину и Ивановымъ и снова произнесъ:

— Рюссъ... Коньякъ?

И прищелкнулъ языкомъ.

— Давай, давай сюда коньяку, чумазый... хлопнулъ его по плечу Конуринъ.—Надо выпить для перваго знакомства съ русскимъ морскимъ человѣкомъ на итальянскомъ морѣ. Господинъ пароходщикъ! Долбанемъ по одной коньяковой собачкѣ... сказалъ онъ контролеру.

— Послѣ, послѣ... Дайте мнѣ только всѣхъ пассажировъ обойти, отвѣчалъ контролеръ и бросился съ своими контрольными щипцами къ группѣ англичанъ, любующихся въ бинокли на морскіе виды.

LXVI.

Пароходъ, оставляя за собой въ гавани суда разной конструкціи и величины, выходилъ въ открытое море. Открылся великолѣпный видъ на Неаполь, расположенный на крутомъ берегу террасами. Къ Глафирѣ Семеновнѣ подскочилъ контролеръ.

— Осмотрѣлъ у всѣхъ билеты и теперь къ вашимъ услугамъ... сказалъ онъ, кланяясь.—Вы желали пріобрѣсть камеи. Вотъ-съ... Такихъ камей вы ни въ одномъ изъ магазиновъ не найдете, а ежели и найдете, то заплатите въ три-дорога. Въ магазинахъ здѣсь дерутъ страшныя цѣны, въ особенности съ иностранцевъ и въ особенности съ русскихъ. Я-же получаю эти камеи отъ мастеровъ на коммисію, за магазинъ не плачу и всегда могу услужить моимъ землякамъ, про-

давая дешевле. Эта камея стоитъ шестьдесятъ франковъ, эта семьдесятъ пять.

Онъ досталъ изъ одного кармана пиджака футляръ съ камеей, потомъ изъ другаго и продолжалъ:

— Каковы вещицы-то! Эти камеи у меня въ оправѣ, въ видѣ брошекъ, но есть и безъ оправы. По пріѣздѣ въ Россію можете оправить ихъ въ брошку или браслетъ. Эти ужъ будутъ верхъ художественности. Вотъ камея въ восемьдесятъ франковъ, вотъ въ сто, а вотъ въ сто двадцать пять.

Говоря это, онъ вынималъ камеи изъ жилетныхъ кармановъ.

— Но за что-же такъ дорого? говорила Глафира Семеновна.

— За художественность, за чистоту отдѣлки, за мелкую работу. Вѣдь надъ этой мелкой работой слѣпъ художникъ. А что до дороговизны, то это очень не дорого. Я беру себѣ, сударыня, только десять процентовъ коммисіи. Хотите вы черепаховыя издѣлія—есть у меня и черепаховыя издѣлія,—прибавилъ контролеръ и вытащилъ изъ боковаго кармана пиджака пачку гребенокъ, ножей для разрѣзанія бумаги, гребенокъ для женскихъ косъ.—Выбирайте, выбирайте. Нигдѣ дешевле меня не купите.

— А почемъ эти вещи? — спросила Глафира Семеновна и начала торговаться.

— Пожалуйста не торгуйтесь. Съ моихъ соотечественниковъ я беру самыя дешевыя цѣны,—отвѣчалъ контролеръ и все-таки спустилъ съ запрошенныхъ цѣнъ изрядную толику.

— Иванъ Кондратьичъ, покупайте-же вашей женѣ

камею. Вы вѣдь хотѣли купить—обратилась Глафира Семеновна къ Конурину.

— Виду нѣтъ. Ну, что это за подарокъ! Я думалъ, камея совсѣмъ другое. А это такъ себѣ фитюлька изъ раковины. Жена въ четвертакъ оцѣнитъ. Вотъ развѣ гребенку черепаховую высокую ей въ косу купить?

— Вотъ гребенка въ пятьдесятъ франковъ, предложилъ контролеръ.

— Что? Ахъ, ты! А еще русскій человѣкъ!

— Но вы посмотрите, какая это тонкая, художественная работа. Все въ работѣ. Я вамъ такой-же величины гребенку могу продать и за пятнадцать франковъ, но будетъ не та рѣзьба, не та работа. Вотъ, напримѣръ... Даже за четырнадцать франковъ отдамъ.

— Десять.

— Не могу. Къ этой гребенкѣ за четырнадцать франковъ я, впрочемъ, могу прибавить гребенку для васъ, маленькую карманную гребенку.

— Ну, съ карманной гребенкой одиннадцать и коньяку выпьемъ на мой счетъ. Гарсонъ! Или какъ тебя! Чумазый! Гдѣ ты?

— За коньякъ мерси, но за одиннадцать уступить не могу. Желаете тринадцать?

— Двѣнадцать и коньяковое угощеніе. Коньяковое угощеніе будетъ хорошее.

— Давайте деньги. Только ужъ изъ-за того, что землякъ, махнулъ рукой контролеръ.

Накупила и Глафира Семеновна разныхъ мелочей франковъ на полтораста и въ томъ числѣ двѣ камеи. Контролеръ хоть и просилъ не торговаться съ нимъ, но спустилъ добрую треть противъ объявленной цѣны.

Были куплены съ помощью контролера и кораллы, и деревянныя издѣлія у другихъ торговцевъ. Начались спрыски покупокъ коньякомъ.

— Какъ пріѣдете на островъ Капри, будете завтракать. На берегу васъ обступятъ всевозможные коммисіонеры и будутъ тащить васъ въ свои рестораны, такъ никуда не ходите, кромѣ гостинницы Голубаго Грота. Вотъ карточка гостинницы, говорилъ контролеръ, суя Иванову и Конурину карточку гостинницы.—Тамъ васъ накормятъ и дешево и сытно. До отвалу накормятъ. Тамъ и я буду завтракать.

— Вотъ и отлично. Стало быть вмѣстѣ позавтракаемъ и будете вы намъ переводчикомъ.

— Готовъ служить. Тамъ такія вамъ отборныя устрицы подадутъ, что языкъ проглотите.

— Тьфу, тьфу! плюнулъ Конуринъ.

— Что съ вами?

— Да я не только ихъ ѣсть, а и смотрѣть-то на нихъ не могу.

— Неужели? А на сколько я успѣлъ замѣтить, всѣ русскіе съ такой жадностью набрасываются здѣсь на устрицы.

— Да не купцы, не изъ купеческаго быта, а купцы даже за грѣхъ считаютъ такую нечисть ѣсть.

— Врешь. Это только не полированные купцы. А ежели понатужиться, то съ горчицей я въ лучшемъ видѣ могу пару устрицъ съѣсть. Духъ запру и съѣмъ, сказалъ Николай Ивановичъ.

— А все-таки не любите ихъ? Ну, рыбы великолѣпной намъ подадутъ.

— Рыбы у меня жена не ѣстъ. Боится, что изъ какой-нибудь змѣиной породы рыбу подадутъ.

— Позвольте, что-же вы будете ѣсть на островѣ Капри? Островъ только устрицами и рыбой славится.

— Поѣдимъ что-нибудь такое, чѣмъ онъ не славится.

— Ну, барашка съ макаронами.

— Ой! Какъ только въ макаронное царство въѣхали, только баранину съ макаронами и ѣдимъ, проговорилъ Конуринъ.—До смерти надоѣла!

— Креветки, крабы...

— Тьфу, тьфу! Это тоже не купеческая ѣда. А вы вотъ что: нельзя-ли русскую селяночку изъ ветчины на сковородкѣ приказать изобразить, да дутые пироги? Можетъ быть вамъ по знакомству и сдѣлаютъ.

— Нѣтъ, этихъ блюдъ вамъ во всей Италіи не сдѣлаютъ. Глаза вытаращутъ отъ удивленія, если скажешь про пироги или про селянку.

— Ну, бифштексы. Бифштексы можно?

— Можно. Это англичане ѣдятъ.

— Что англичане ѣдятъ, то можно, а что русскіе, того нельзя. Что за счастье такое англичанамъ?

— Да вѣдь русскіе очень мало посѣщаютъ Италію, а англичане толпами осаждаютъ Неаполь и островъ Капри. Смотрите, сколько ихъ сегодня ѣдетъ.

— Голубая вода! Голубая вода! закричала Глафира Семеновна, смотря за бортъ парохода.—Николай Иванычъ, смотри, какая бирюзовая вода.

Николай Ивановичъ и Конуринъ подскочили къ борту. Пароходъ проходилъ мимо высокой отвѣсной скалы, какъ-бы выростающей прямо изъ моря.

— Фу, ты пропасть! Дѣйствительно, голубая вода и

даже въ прозелень... сказалъ Конуринъ.—Подсинивають ее чѣмъ, что-ли? спросилъ онъ контролера.

— Что вы! Да развѣ это можно? улыбнулся тотъ.

— Э, батюшка, иностранецъ хитеръ. Это не нашъ братъ русскій вахлакъ. Иностранецъ и подсинитъ, чтобы подиковиннѣе казалось и на эту диковинку изъ чужихъ краевъ ротозѣевъ къ себѣ заманить.

— Да нѣтъ-же, нѣтъ. Никто здѣшнюю воду не краситъ. Эта вода ужъ такого свойства. Тутъ отсвѣтъ скалъ и голубаго неба играетъ роль. Погодите, черезъ полчаса будетъ такъ называемый голубой гротъ и тамъ вы еще болѣе синюю воду увидите.

— Ахъ, да, да... Непремѣнно надо посмотрѣть этотъ голубой гротъ... заговорила Глафира Семеновна.

— А вотъ мы около него остановимся, я васъ усажу въ лодку съ надежнымъ гребцомъ и вы отправитесь въ него, сказалъ контролеръ.—Это потрясающее зрѣлище. Нигдѣ въ цѣломъ мірѣ нѣтъ ничего подобнаго.

— А не опасно? спросилъ Конуринъ.

— Что-же тутъ можетъ быть опаснаго! отвѣчалъ контролеръ.—Смотрите, море какъ паркетъ. Тишина...

— Впрочемъ, и то сказать. На огненную гору Везувій третьяго дня лазали, такъ ужъ чего тутъ!..

— Надо только поспѣшить во время морскаго отлива въѣхать въ этотъ гротъ и во время отлива выѣхать, а то при приливѣ можно тамъ на долго остаться.

— Ой! Какъ-же это такъ? Тогда Богъ съ нимъ и съ гротомъ, проговорилъ Николай Ивановичъ.

— Не безпокойтесь, не безпокойтесь. Пароходъ подойдетъ къ гроту именно во время отлива и гребецъ и ввезетъ и вывезетъ васъ безъ задержки.

— Послушайте... Поѣдемте и вы съ нами. Съ вами все-таки не такъ страшно... упрашивала контролера Глафира Семеновна.

— Съ удовольствіемъ-бы, сударыня, но я по обязанностямъ службы долженъ быть на пароходѣ.

— Боюсь, право боюсь ѣхать. А ежели мы не успѣемъ выѣхать изъ грота и наступитъ приливъ?

— Успѣете. Времени много. Лодочникъ опытный. Каждый день на этомъ дѣлѣ.

— Ну, а ежели-бы не успѣли?

— Тогда придется остаться въ гротѣ до отлива на нѣсколько часовъ.

— Въ потемкахъ? Бр... Фу! Страшно!

— А вотъ увидите, какой въ этомъ гротѣ особенный фосфорическій свѣтъ.

— Да вѣдь задохнуться можно.

— Не бойтесь пожалуйста. Голубой гротъ—это все равно что большой залъ съ куполомъ. Зрѣлище потрясающее.

— Николай Иванычъ, ужъ ѣхать-ли намъ въ гротъ-то?

— Непремѣнно надо. Чего ты боишь! Ты за меня держись.

Конуринъ покрутилъ головой.

— Надо все-таки для храбрости еще коньяку выпить. Господинъ землякъ! Скомандуй-ка! обратился онъ къ контролеру.

— Нѣтъ, нѣтъ. Съ пьяными я ни за что не поѣду! воскликнула Глафира Семеновна.

Пароходъ убавлялъ ходъ и давалъ свистки.

— Голубой гротъ... Подъѣхали. Идите скорѣй къ

трапу и я рекомендую вамъ опытнаго лодочника, проговорилъ контролеръ и бросился съ верхней палубы внизъ.

Ивановы и Конуринъ тихо послѣдовали за нимъ. Глафира Семеновна была блѣдна и крестилась.

LXVII.

ОКОЛО пароходнаго трапа вверху толпились пассажиры всѣхъ національностей и по одиночкѣ сходили по лѣстницѣ, чтобы помѣститься въ цѣпляющіяся за пароходъ маленькія лодочки, дабы ѣхать осматривать Голубой гротъ. Гребцы, переругиваясь между собой, принимали пассажировъ и отчаливали отъ парохода. На палубѣ парохода была страшная суматоха. Всѣ старались какъ можно скорѣе попасть въ лодку, дабы подольше пробыть въ гротѣ до морскаго прилива. Слышались итальянская, французская, нѣмецкая и всего больше англійская рѣчь. Даже всегда медленные въ своихъ движеніяхъ и флегматичные англичане—и тѣ суетились, проталкиваясь къ лодкамъ. Англичанинъ въ клѣтчатомъ шотландскомъ костюмѣ и шапочкѣ, кромѣ бинокля, барометра, фляжки и баула, перекинутыхъ черезъ плечо на ремняхъ, имѣлъ при себѣ еще плетеную корзинку съ ручкой. Въ корзинкѣ лежала масса маленькихъ коробочекъ съ надписями на нихъ краснымъ карандашомъ.

— Спускайтесь, спускайтесь скорѣй и садитесь въ

лодку вотъ съ этимъ старымъ гребцомъ. У него хоть одинъ глазъ, но онъ опытнѣе другаго двухглазаго и маракуетъ немножко по французски, сказалъ Ивановымъ и Конурину контролеръ, проталкивая ихъ на лѣстницу.

Лодка внизу у лѣстницы такъ и прыгала по морской зыби. Кривой старый гребецъ принялъ Николая Ивановича и Конурина, спрыгнувшихъ въ лодку, а Глафиру Семеновну просто схватилъ въ охапку и перетащилъ на скамейку въ лодкѣ.

— Легче, легче! Черепаховыя гребенки сломаешь! У меня черепаховыя гребенки въ карманѣ! кричала она, но лодка уже отвалила отъ парохода.

Кривой гребецъ взялся за весла. Онъ былъ почти полуголый. Штаны и рукава грязной рубахи были засучены до-нельзя, дальше чего уже ихъ засучивать нельзя. Въ разстегнутый воротъ виднѣлась волосатая коричневая грудь. Лицо было также коричневое, обрамленное сѣдой вплотную подстриженной бородой, и смотрѣлъ только одинъ глазъ. Голова была вмѣсто шляпы обвязана какой-то цвѣтной тряпицей. Лодка подъѣзжала къ громадной отвѣсной скалѣ, на вершинѣ которой карабкались козы, казавшіяся величиной съ цыпленка. Внизу подъ скалой бродили по колѣно въ водѣ два голыхъ субъекта, нагота которыхъ прикрывалась только короткими штанами. Они размахивали руками, что-то кричали и манили къ себѣ приближающіяся лодки.

— Смотрите, смотрите, въ какихъ костюмахъ... указывалъ на голыхъ Конуринъ. — Неужто на этомъ

островѣ всѣ жители въ такой одеждѣ щеголяютъ? Вѣдь это Адамова одежда-то.

— Не можетъ быть. Это навѣрно купающіеся, отвѣчалъ Николай Ивановичъ.—Глаша, смотри.

— Вотъ еще... Очень нужно на голыхъ смотрѣть, отвѣтила Глафира Семеповна.

— Позвольте... А можетъ быть этотъ островъ съ дикимъ сословіемъ... Дикое сословіе здѣсь живетъ. Вѣдь есть-же такіе острова, гдѣ дикіе, опять началъ Конуринъ.—Какъ-же тогда-то?.. За неволю придется на нихъ смотрѣть, глаза себѣ не выколешь.

— Полноте врать-то, Иванъ Кондратьичъ. Дикіе въ Африкѣ, а здѣсь Италія.

— А почемъ вы знаете, что Италія? Можетъ быть ужъ насъ въ Африку привезли.

— Въ Африкѣ арапы, а здѣсь неужто не видишь, это бѣлый народъ, вставилъ свое слово Николай Ивановичъ.

— Да ты посмотри. Какой-же это бѣлый. Полубѣлый—вотъ я согласенъ. Совсѣмъ коричневыя морды.

Къ голымъ субъектамъ, однако, подъѣхали двѣ лодки. Голые субъекты тотчасъ-же бросились въ воду, нырнули и по прошествіи нѣкотораго времени вынырнули, высоко держа что-то въ рукахъ надъ головами.

— Что-то показываютъ... сказалъ Николай Ивановичъ.—Должно-быть представленіе какое-то. Глаша! Не подъѣхать-ли намъ посмотрѣть? спросилъ онъ жену.

— Выдумай еще что-нибудь! огрызнулась Глафира Семеновна и, обратясь къ лодочнику, стала спрашивать:—У е гротъ бле? Далеко гротъ бле? Луанъ?

Лодочникъ обернулся, пробормоталъ что-то непо-

нятное и указалъ на небольшое отверстіе въ скалѣ, приходящееся надъ самой водой. Передовыя лодки, подъѣзжая къ нему, мгновенно исчезали. Около отверстія, на камняхъ стоялъ шалашъ и у шалаша виднѣлись два солдата въ кепи съ свѣтлозеленными околышками.

— Солдаты какіе-то стоятъ, указала Глафира Семеновна.—Должно-быть для порядку поставлены.

Лодочникъ подвезъ къ шалашу. Солдаты протягивали руки съ маленькими цвѣтными билетами и кричали что-то, изъ чего Глафира Семеновна могла понять только слово—„антрэ".

— Де лира перъ персонъ,—кивнулъ лодочникъ на солдатъ.

— За входъ берутъ двѣ лиры съ персоны. Припасай, Николай Ивановичъ, скорѣй шесть лиръ, сказала Глафира Семеновна.—Батюшки! Какое маленькое отверстіе въ гротѣ! Какъ мы проѣдемъ и выѣдемъ? Господи! пронеси!

Николай Ивановичъ купилъ въѣздные билеты. Конуринъ сидѣлъ блѣдный и говорилъ:

— За свои деньги и не вѣдь въ какую морскую дыру лѣзть! Вотъ не было-то печали!..

— Надо нагнуться. Вонъ даже ложатся на дно лодки... А то не проѣдешь... указывала Глафира Семеновна и первая встала на колѣни на дно лодки.

Лодка стояла у самаго отверстія въ гротъ. Изъ грота слышался глухой всплескъ воды. Лодочникъ, упираясь весломъ въ скалу, кричалъ что-то Николаю Ивановичу и Конурину, но тѣ не понимали, что имъ говорятъ. Онъ подскочилъ къ нимъ, обхватилъ ихъ за

шею руками и сталъ пригибать къ дну лодки. Конуринъ началъ бороться съ лодочникомъ.

— Что ты, арапская морда! Съума сошелъ, что-ли, закричалъ онъ и, въ свою очередь, схватилъ лодочника за горло.

— Пригнитесь, пригнитесь... Лягте въ лодку.— Иначе не проѣдете въ гротъ, говорила Глафира Семеновна, но сильный лодочникъ повалился уже вмѣстѣ съ Николаемъ Ивановичемъ и Конуринымъ на дно лодки и лодка проскочила въ гротъ.

— Анаѳема треклятая! Да какъ ты смѣешь!.. заоралъ на лодочника Конуринъ, поднимаясь съ дна лодки, но тотчасъ-же умолкъ, будучи пораженъ величественнымъ зрѣлищемъ. Громадный гротъ, вышиною въ нѣсколько саженъ, свѣтился весь голубымъ фосфорическимъ блескомъ. Вода, стѣны, куполъ—все было голубое и искрилось. Со стѣнъ и съ купола грота свѣшивались лазуревые сталактиты. Вода была до того прозрачна, что при нѣсколькихъ саженяхъ глубины было видно дно.

— Ахъ, какая прелесть! Да это просто волшебное царство! вырвалось восклицанiе у Глафиры Семеновны.

— Ловко размалевано! пробормоталъ Конуринъ.

— Что вы, что вы! Да это все натуральное, это природа.

— Неужто природа? А мнѣ кажется, что нѣмецъ подсинилъ.

— Изъ-за того-то и ѣздятъ сюда смотрѣть, что все это природное.

— Позвольте... Но какъ сосульки-то съ потолка? Сосульки совсѣмъ какъ въ зимнемъ саду „Аркадіи“.

— И сосульки отъ природы, отвѣчалъ Николай Ивановичъ и прибавилъ:—Однако, какъ-бы такая сосулька не оборвалась да по башкѣ...

— Гдѣ у нихъ тутъ лампы съ голубыми колпаками понавѣшаны—вотъ что я разобрать не могу, разглядывалъ гротъ Конуринъ.

— Да что вы, Иванъ Кондратьичъ, это натуральное освѣщеніе, отвѣчала Глафира Семеновна.

— Не можетъ-быть. Вотъ ужъ въ этомъ не разувѣрите. Гротъ безъ окошекъ, тутъ должны быть потемки, коли ежели безъ освѣщенія, а между тѣмъ свѣтло и только синевой отдаетъ.

— Понимаете вы это, электрическій свѣтъ, электричество...

— Вотъ это такъ, вотъ это пожалуй, но гдѣ-же эти. самые электрическіе фонари-то?

— Ахъ Боже мой! Да это натуральное электричество.

— То-есть какъ это? Безъ фонарей?

— Конечно-же безъ фонарей. Отъ природы...

— Что вы, барынька, невозможно этому быть. Николай Иванычъ, слышишь?

— Слышу, слышу, тревожно откликнулся Николай Ивановичъ, все еще смотрящій на свѣсившіяся сосульки.—Коли она говоритъ, то это вѣрно. Она читала... Она по книжкѣ... Электричество всякое есть: есть натуральное, есть и не натуральное. А то есть магнетизмъ... А все-таки я думаю, Глаша, что это не электричество, а магнетизмь. Животный магнетизмъ... И

магнетизмовъ два: животный и не животный. Какъ ты думаешь, Глаша?

— Ну, магнетизмъ, такъ магнетизмъ, а только натуральный.

— Около нихъ въ другой лодкѣ сидѣлъ англичанинъ въ клѣтчатомъ костюмѣ. Онъ вынулъ изъ корзинки коробочку, изъ коробочки досталъ живую бабочку и подбрасывалъ ее кверху, стараясь, чтобы она летѣла, но бабочка падала на дно лодки.

— Чудакъ-то этотъ и на Везувіи и здѣсь съ мелкопитающимися тварями возится, замѣтилъ Конуринъ про англичанина.

— Блажной должно-быть, отвѣчалъ Николай Ивановичъ и прибавилъ:—Боюсь я, какъ-бы эти сосульки съ потолка не оборвались да не съѣздили по головѣ. Глаша, не пора-ли на пароходъ?

— Ахъ, Боже мой! Да дай полюбоваться-то.

— А вдругъ приливъ морской? Тогда и не выѣдемъ изъ грота. Слышала, что землякъ-то на пароходѣ разсказывалъ?

— Да вѣдь никто еще не уѣзжаетъ.

Англичанинъ выпустилъ воробья изъ другой коробочки. Воробей взвился, полетѣлъ и сѣлъ на сталактитовый выступъ на стѣнѣ. Англичанинъ схватился за записную книжку и сталъ въ нее что-то записывать.

— Шалый, совсѣмъ шалый... Съ бабочками да съ воробьями ѣздитъ, покачалъ головой Конуринъ.

— Ахъ, Боже мой! Да и здѣсь голые! воскликнула Глафира Семеновна.

— Гдѣ? гдѣ? спрашивали мужчины.

— Да вотъ на выступѣ стоятъ.

— Положительно мы въ дикомъ царствѣ, на дикихъ островахъ, съ дикими сословіями, сказалъ Конуринъ.

Лодочникъ, державшійся на серединѣ грота, всплеснулъ веслами и лодка поплыла къ выступу, гдѣ стояли голые люди.

LXVIII.

Голые субъекты, къ которымъ лодочникъ быстро подвезъ Ивановыхъ и Конурина, были искусные пловцы изъ мѣстныхъ жителей и дежурили въ гротѣ въ ожиданіи туристовъ, дабы показать имъ свое умѣнье въ ныряньѣ. Они выпрашивали у туристовъ, чтобы тѣ кинули въ воду серебряную лиру, ныряли на дно и доставали эту лиру, разумѣется уже присвоивая ее себѣ. Два-три туриста кинули по серебряной монетѣ на дно, пловцы достали ихъ, подплыли къ лодкѣ Ивановыхъ и Конурина и, стуча отъ холода зубами, просили и ихъ кинуть въ воду «уна монета».

— Отчаливай, отчаливай отъ насъ, ребята. Лучше мы эти деньги пропьемъ на пароходѣ на коньякѣ, махалъ имъ руками Конуринъ.

Глафира Семеновна, прикрывая лицо носовымъ платкомъ, кричала лодочнику:

— Синьоръ! Алле! Алле вонъ! Ассе для насъ. Довольно, довольно пуръ ну.

— А ля мезонъ! въ свою очередь крикнулъ ему, об-

27*

радовавшись, Николай Ивановичъ.—Греби на пароходъ, кривая камбала.

— Бато а ваперъ... прибавила Глафира Семеновна.

Лодочникъ заработалъ веслами. Когда лодка подъѣхала къ выходу изъ грота, морской приливъ уже начался, вода прибыла и отверстіе, сквозь которое надо было проѣзжать, сдѣлалось уже.

— Вались въ растяжку! скомандовалъ Николай Ивановичъ и первый легъ на дно лодки.—Глаша! Ложись мнѣ на спину да береги въ потьмахъ браслетку.

— Ну-ка, и я около васъ! Мала куча! воскликнулъ Конуринъ и повалился около Глафиры Семеновны.

— Ай, ай! Я щекотки до смерти боюсь! визжала та.—Говорятъ вамъ, Иванъ Кондратьичъ, что боюсь!

— Пардонъ, матушка, пардонъ! Долженъ-же я за что-нибудь держаться, отвѣчалъ Конуринъ.

Но лодка выскочила уже изъ грота. Сіяло голубое небо, на голубой водяной ряби играло золотое солнце. Всѣ поднялись со дна лодки и стали садиться на скамейки.

— Слава Богу! Выбрались на свѣтъ Божій, сказалъ Николай Ивановичъ.—А я, признаться сказать, ужасно боялся, какъ-бы эти голубыя сосульки не сорвались съ потолка, да не сдѣлали-бы намъ награжденіе по затылку. Да какое по затылку! Сосульки въ двѣ-три сажени. И лодку-то бы перевернуло да и изъ насъ-то-бы отбивныя котлеты вышли.

— И тогда прощай Иванъ Кондратьичъ. А мадамъ Конурина была-бы вдова съ малолѣтними сиротами! вздохнулъ Конуринъ и прибавилъ:—А что-то она, голубушка, теперь въ Питерѣ дѣлаетъ?

— Знаемъ, знаемъ. Не досказывайте. Чай пьетъ, перебила его Глафира Семеновна.

Лодка причалила къ пароходу. Контролеръ уже ждалъ Ивановыхъ и Конурина и кричалъ имъ съ палубы:

— Лодочнику два франка и что-нибудь на макароны

— На, подавись, чумазый, сказалъ Конуринъ, разсчитываясь съ лодочникомъ.—Вотъ тебѣ на макароны, вотъ тебѣ и на баню, чтобы вымыть физіономію личности.

Лодки съ пассажирами все прибывали и прибывали къ пароходу. Самою послѣднею приплыла лодка съ англичаниномъ въ клѣтчатомъ шотландскомъ пиджакѣ. Онъ сидѣлъ въ лодкѣ и записывалъ что-то въ записную книжку. Въ плетеной корзинкѣ вмѣстѣ съ коробками лежали привезенные имъ изъ грота камушки, нѣсколько мокрыхъ раковинъ, билась еще живая маленькая рыбка и ползала маленькая черепаха.

И чего это онъ съ мелкопитающимися животными насѣкомыми возится! дивился Конуринъ, пожимая плечами.

Пароходъ началъ давать свистки, вызывая изъ грота туристовъ, подождалъ еще немного и, захлопавъ колесами, тронулся дальше, огибая отвѣсную скалу. Пошли скалы отлогія, на скалахъ виднѣлись деревушки съ небольшими бѣленькими домиками и наконецъ показался городъ, расположенный на скалахъ террасами.

— Вонъ направо на самомъ берегу голубой домикъ виднѣется. Это-то и есть гостинница Голубаго Грота... указывалъ контролеръ.—Какъ остановимся, пе-

реѣдете на берегъ на лодкѣ, въ эту гостинницу и идите.

— Капри это? спрашивала Глафира Семеновна.

— Капри, Капри. Въ гостинницѣ спрашивайте и вино Капри. Прелестное вино.

Отъ берега, между тѣмъ, подъѣзжали уже на встрѣчу пароходу лодки. Въ лодкахъ опять сидѣли полуголые гребцы. Кромѣ гребцовъ въ нѣкоторыхъ лодкахъ были и маленькіе мальчишки. Пароходъ остановился. Гребцы, стараясь наперерывъ причалить свои лодки къ пароходу, ругались другъ съ другомъ самымъ усерднымъ образомъ. Мальчишки тоже кричали, поднимая надъ головами корзинки съ устрицами, съ цвѣтными раковинами, съ копошащимися маленькими черепахами и предлагали купить ихъ.

— Садитесь, садитесь скорѣй въ лодку, торопилъ Ивановыхъ и Конурина контролеръ.

— А вы пріѣдете туда?

— Вслѣдъ за вами. Только всѣхъ пассажировъ съ парохода спущу.

Лодка перевезла Ивановыхъ и Конурина на берегъ. Здѣсь опять осадили ихъ босые, грязные мальчишки. Они предлагали имъ устрицы, кораллы, апельсины на вѣткахъ. Одну изъ такихъ вѣтокъ почти съ десяткомъ апельсиновъ на ней Глафира Семеновна купила себѣ и понесла ее, перекинувъ черезъ плечо.

— Непремѣнно постараюсь эту вѣтку цѣликомъ до Петербурга довезти въ доказательство того, что мы были въ самомъ Апельсинномъ Царствѣ, — говорила она.

Направляясь къ голубому дому, гдѣ помѣщалась

гостинница Голубой Гротъ, они шли мимо другихъ гостинницъ. Изъ гостинницъ этихъ выбѣгали лакеи съ салфетками, перекинутыми черезъ плечо, и зазывали ихъ завтракать. Одинъ изъ лакеевъ схватилъ даже Конурина за руку и, твердя на разные лады слово «ostriche», тащилъ его прямо къ входной двери своей гостинницы. Конуринъ отбился и сказалъ:

— Вотъ черти-то! Словно у насъ въ Александровскомъ рынкѣ прикащики. И зазываютъ покупателя и за руки тащутъ. Подлецъ чуть рукавъ у меня съ корнемъ не вырвалъ.

Вотъ и гостинница Голубой Гротъ. Голубой домикъ стоялъ въ саду, расположенномъ на скалистой террасѣ. Въ саду подъ апельсинными и лимонными деревьями помѣщались столики, покрытые бѣлыми скатертями.

— Смотри, смотри, Николай Иванычъ, апельсины на деревьяхъ висятъ!—восхищалась Глафира Семеновна.—Вотъ гдѣ настоящая-то Италія! Вѣдь до сихъ поръ еще ни разу не приходилось намъ сидѣть подъ апельсинами.

Она протянула руку къ дереву и спросила лакея:

— Гарсонъ! Ботега! Можно сорвать уно оранчіо, портогало?

— Si, signora...—отвѣчалъ тотъ, понявъ въ чемъ дѣло, и даже пригнулъ къ ней вѣтку съ апельсинами.

— Первый разъ въ жизни срываю съ дерева апельсинъ! — торжественно воскликнула Глафира Семеновна.

Конуринъ сѣлъ за столъ и хлопнулъ ладонью по столу.

— Сегодня-же напишу супругѣ письмо, что подъ апельсинами бражничалъ.—Гарсонъ! Тащи сюда первымъ дѣломъ Капри бутылку, а вторымъ коньякъ.

— Ostriche, monsieur? спрашивалъ лакей, скаля зубы и фамильярно опираясь ладонями на столъ.

— Устрицы? И этотъ съ устрицами! Ну, тя въ болото съ этой снѣдью! Самъ жри ихъ. А намъ бифштексъ. Три бифштексъ! Три...

Конуринъ показалъ три пальца.

— Si, monsieur. Minestra?.. Zuppa? спрашивалъ лакей.

— Вали, вали и супу. Горяченькаго хлебова поѣсть не мѣшаетъ, отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

— Macaroni al burro? продолжалъ предлагать лакей.

— Только ужъ развѣ, чтобъ васъ потѣшить, макаронники. Ну, си, си. Вали и макаронъ три порціи. Три...

Николай Ивановичъ въ свою очередь показалъ три пальца и прибавилъ, обратясь къ женѣ:

— Скажи на милость, какъ мы отлично по-итальянски насобачились! И мы все понимаемъ, и насъ понимаютъ. По ихнему устрицы—и по нашему устрицы, по ихнему баня—и по нашему баня.

— Да вѣдь ихъ языкъ совсѣмъ не трудный, отвѣчала Глафира Семеновна и крикнула вслѣдъ удаляющемуся лакею:—Желято, желято! Мороженаго порцію захвати. Уна порція.

— Si, signora... на бѣгу откликнулся лакей.

Показался контролеръ и говорилъ:

— Неправда-ли, какая хорошая гостинница? Садъ... На скалѣ... Одинъ видъ на море чего стоитъ!

LXIX.

Въ саду гостинницы „Голубой Гротъ“ мало по малу стали скопляться пассажиры съ парохода. Пріѣхалъ на пароходной шлюпкѣ и капитанъ парохода, пожилой итальянецъ въ синей двухбортной курткѣ-пиджакѣ, застегнутой на всѣ пуговицы, и въ синей фуражкѣ съ золотымъ позументомъ. Онъ присѣлъ къ столу и тотчасъ-же принялся за устрицы, которыхъ ему подали цѣлую груду на блюдѣ. Контролеръ завтракалъ съ своими русскими земляками. За завтракомъ онъ успѣлъ сбыть Глафирѣ Семеновнѣ еще двѣ камеи, черепаховый портсигаръ и три гребенки. Завтракъ отличался обильными возліяніями. Бутылки съ густымъ краснымъ капрійскимъ виномъ и съ шипучимъ асти не сходили со стола. Погода во время завтрака стояла прелестнѣйшая. Солнце ярко свѣтило съ голубаго неба. Завтракъ происходилъ при звукахъ неумолкаемой музыки. Три рослыхъ, бородатыхъ, плечистыхъ, странствующихъ мандолиниста наигрывали веселые мотивы изъ оперетокъ и итальянскихъ пѣсенъ и пѣли, составляя изъ себя тріо. Подвыпившіе туристы щедро сыпали имъ въ шляпы серебряныя и мѣдныя монеты. Внизу подъ обрывомъ скалы столпились три четыре извощика и погонщика ословъ, рѣзкими выкриками предлагавшіе туристамъ ѣхать обозрѣвать островъ. Тутъ-же подпрыгивали босые, оборванные ре-

бятишки, крикливыми голосами выпрашивающіе у туристовъ на макароны. Туристы кидали имъ внизъ со скалы деньги на драку и потѣшались свалкой. Какой-то жирный туристъ, нѣмецъ въ свѣтлой пиджачной парѣ и съ густымъ пучкомъ волосъ надъ верхней губой, забавлялся тѣмъ, что старался попадать мальчишкамъ десятисантимными мѣдными монетами прямо въ лица, и достигъ того, что двоихъ искровенилъ.

— Надо на ослахъ-то проѣхаться, сказала Глафира Семеновна.—А то уѣдемъ съ Капри, не покатавшись на ослахъ.

— Поѣзжайте, поѣзжайте, сказалъ контролеръ.— Сейчасъ я вамъ рекомендую самаго лучшаго осла и самаго лучшаго погонщика. А мы здѣсь посидимъ. Въ полчаса вы объѣдете весь городъ.

— Нѣтъ, нѣтъ. Я одна не поѣду. Ужъ ежели ѣхать, то всѣмъ ѣхать.

— Не хочется мнѣ, Глаша, ѣхать. Ну, что такое ослы? Ну ихъ къ лѣшему! проговорилъ Николай Ивановичъ.

— А развѣ лучше къ бутылкамъ прилипнувши сидѣть?

— Ѣдемте, барынька. Я съ вами вмѣстѣ поѣду, вызвался Конуринъ.—А только ужъ что насчетъ бутылки, то вы извините, я бутылочку съ собой въ дорогу возьму, а то безъ поддержанія силъ можно на ослѣ и ослабнуть.

— Полноте, полноте... Вы ужъ и такъ выпивши.

— Я? Ни въ одномъ глазѣ. Развѣ можно въ такой природѣ быть выпивши? Тутъ насквозь вѣтромъ продуваетъ. Ѣдемте, ѣдемте, сударушка.

Конуринъ всталъ изъ-за стола и покачнулся. Глафира Семеновна это замѣтила.

— Ахъ, Иванъ Кондратьичъ, вы качаетесь, сказала она.

— Дѣйствительно немножко споткнулся, а вѣдь на ослѣ-то я сидѣть буду. Сидя я твердъ. Только-бы оселъ не споткнулся. Коммензи, мадамъ, протянулъ ей Конуринъ руку.

— Нѣтъ, нѣтъ. Я одна пойду. А вы ужъ идите подъ руку съ бутылкой.

Они спустились со скалистой террасы внизъ къ осламъ и погонщикамъ. Ихъ сопровождалъ контролеръ. Николай Ивановичъ остался на верху и смотрѣлъ внизъ. Выбранный контролеромъ погонщикъ подставилъ Глафирѣ Семеновнѣ пригоршни рукъ и бормоталъ что-то по-итальянски, скаля зубы. Та недоумѣвала.

— Ступайте ему ногой на руки, ступайте. Онъ васъ подниметъ на осла, говорилъ контролеръ.

– Ахъ, ступать? Скажите только, чтобы онъ не хваталъ меня за ноги. Я щекотки до смерти боюсь.

— Осторожнѣе, Глаша, осторожнѣе! кричалъ Николай Ивановичъ сверху, изъ сада.

— Ай, ай, ай! взвизгнула Глафира Семеновна, но поднятая погонщикомъ, была уже на сѣдлѣ.

Конурина поднимали извощики и погонщики и тоже посадили на осла. Онъ возился съ бутылкой вина и не зналъ куда ее дѣть.

— Да передайте вы вино погонщику. Онъ понесетъ его за вами, говорилъ ему контролеръ.

— А вылакаетъ по дорогѣ? Смотри, не выпей, итальянская морда. Голову оторву.

Бутылка передана. Погонщикъ гикнулъ. Ослы побѣжали легкой трусцой.

— Тише, тише! визжала Глафира Семеновна.

Конуринъ восклицалъ:

— Чувствуетъ-ли въ Питерѣ супруга моя, что ея мужъ Иванъ Кондратьичъ на ослѣ ѣдетъ!

Черезъ четверть часа, однако, они вернулись. Глафира Семеновна вбѣжала на террасу разсерженная, съ распотѣвшимъ, краснымъ лицомъ.

— Невозможно было кататься. Конуринъ пьянъ и три раза съ осла свалился, заговорила она.

Конуринъ шелъ сзади. Шея его была вся увѣшана нитками коралловъ, которыя онъ купилъ по дорогѣ.

— Ужъ и пьянъ, ужъ и три раза свалился! бормоталъ онъ, покачиваясь.—И всего только одинъ разъ растянулся, да одинъ разъ сковырнулся, но это не отъ меня, а отъ осла.

Пароходъ долженъ былъ отвалить отъ острова въ три съ половиной часа и до отхода его времени оставалось еще слишкомъ часъ. Капитанъ, сытно позавтракавшій, пилъ кофе съ коньякомъ и подозрительно взглядывалъ на высящійся вдали Везувій. Надъ Везувіемъ виднѣлось изрядное облачко, которое постепенно росло. Онъ подозвалъ къ себѣ контролера, указалъ ему на облако и что-то сказалъ. Контролеръ поклонился, приподнявъ фуражку, подбѣжалъ къ Ивановымъ и проговорилъ:

— Простите, но я долженъ удалиться на пароходъ. Капитанъ опасается, какъ-бы на обратномъ пути на

насъ не налетѣлъ шквалъ, и посылаетъ меня сдѣлать кой-какія распоряженія на пароходѣ.

— Шквалъ? Что-же это значитъ?—задала вопросъ Глафира Семеновна.

— Да не задулъ бы вѣтеръ и не разыгралась-бы качка. Видите это облако надъ Везувіемъ? Оно очень подозрительно.

Глафира Семеновна слегка поблѣднѣла.

— Неужели будетъ буря?—быстро спросила она.

— Буря не буря, а покачать можетъ. Да вы не пугайтесь. Что вы! Можетъ быть и такъ обойдется.

Контролеръ пожалъ всѣмъ руки и побѣжалъ садиться въ лодку.

А облако надъ Везувіемъ все увеличивалось и увеличивалось. Оно уже закрыло солнце. Голубая вода посѣрѣла. На тихомъ до сего времени морѣ показалась зыбь. Капитанъ быстро исчезъ отъ своего стола. Задулъ вѣтеръ.

— Николай Иванычъ, ужъ не остаться-ли намъ здѣсь на Капри ночевать въ гостинницѣ?—обратилась къ мужу Глафира Семеновна.

— Ну, вотъ еще! Да здѣсь на Капри съ тоски помрешь. Кромѣ того, у насъ взяты на сегодняшній вечеръ билеты въ театръ Санъ-Карло. Нѣтъ, нѣтъ, поѣдемъ въ Неаполь.

— А вдругъ буря? Я бури боюсь.

— Вотъ видишь, видишь. Говорилъ я тебѣ, что не слѣдовало на этотъ Капри ѣздить. Да и ничего на немъ нѣтъ особеннаго. Голубой гротъ—вотъ и все.

— А мало вамъ этого? Мало? Эдакая прелесть Голубой гротъ! Кромѣ того, на пароходѣ я себѣ очень

дешево камей накупила, черепаховыхъ гребенокъ. А вѣтка съ апельсинами?

— На ослахъ помотались... проговорилъ заплетающимся языкомъ Конуринъ.

— Ну, насчетъ ословъ-то вы ужъ молчите. Все удовольствіе мнѣ испортили, огрызнулась на него Глафира Семеновна.

— Не я это, милая барынька! не я, а ослы.

А надъ островомъ Капри растянулась уже туча. Накрапывалъ рѣдкій дождь. Ивановы и Конуринъ начали разсчитываться за завтракъ и спѣшили на пароходъ.

— Господи! Пронеси! Ужасно я боюсь бури... шептала Глафира Семеновна.

Они сошли на пристань. Пароходъ давалъ свистки. Столпившіеся пассажиры поспѣшно садились въ лодки и направлялись на пароходъ. На пристани Конуринъ купилъ нѣсколько апельсинныхъ вѣтвей съ плодами и сидѣлъ въ лодкѣ какъ-бы въ апельсинномъ лѣсу. Нитки съ кораллами, купленныя у ребятишекъ на пристани, висѣли у него уже не только на шеѣ, а на плечахъ, на пуговицахъ пиджака. Кораллами была обмотана и шляпа.

— Чего вы дурака-то изъ себя ломаете! Чего вы кораллами обвѣсились! Что это за маскарадъ такой! Снимите ихъ! кричала на него Глафира Семеновна.

— Мѣстные продукты. Своимъ поросятамъ въ Питеръ въ подарокъ свезу,—отвѣчалъ онъ.

Лодку уже изрядно покачивало. Николай Ивановичъ сидѣлъ и кусалъ губы.

— Не слѣдовало на Капри ѣздить, не слѣдовало, кто боится воды,—говорилъ онъ.

Рѣдкій дождь усиливался и у самаго парохода перешелъ въ ливень. Вѣтеръ крѣпчалъ. На пароходъ Глафира Семеновна взбиралась совсѣмъ блѣдная, съ трясущимися губами, и продолжала шептать:

— Господи Боже мой! Да что-же это будетъ, ежели вдругъ буря начнется!

На пароходѣ стоялъ англичанинъ въ шотландскомъ клѣтчатомъ пиджакѣ, показывалъ всѣмъ свой барометръ и таинственно покачивалъ головой.

LXX.

Пароходъ снялся съ якоря и направился къ Соренто, куда нужно было высадить нѣсколько пассажировъ. Вѣтеръ и дождь не унимались. Пароходъ качало. Пассажиры забрались въ каюту и сидѣли, уныло посматривая другъ на друга. Очень немногіе бодрились и переходили съ мѣста на мѣсто, придерживаясь за скамейки, столы и стѣны. Дамы сидѣли блѣдныя. Нѣкоторыя сосали лимонъ. Буфетная прислуга бѣгала съ кофейниками и бутылками и предлагала кофе и коньякъ. Англичане сосали коньякъ черезъ соломенку или макали въ него сахаръ. Черномазый буфетный мальчишка опять подскочилъ къ Николаю Ивановичу и Конурину и воскликнулъ:

— Рюссъ... Коньякъ? Вкуснэ...

— Ахъ, чертенокъ! По русски выучился говорить... проговорилъ Конуринъ.—Кто это тебя выучилъ? Контролеръ, что-ли? Ну, давай сюда намъ коньяку двѣ рюмки.

— Не пейте, не пейте. Вы ужъ и такъ пьяны, пробормотала Глафира Семеновна.

Блѣдная, какъ полотно, она помѣщалась въ уголкѣ каюты и держала у губъ очищенный апельсинъ, высасывая его по капелькѣ.

— Матушка, мы отъ бури... Въ бурю, говорятъ, коньякъ отлично помогаетъ, отвѣчалъ ей Конуринъ.—Вонъ господа англичане всѣ пьютъ, а они ужъ знаютъ, они торговые мореплаватели.

— Англичане трезвые, англичане другое дѣло.

— Выпей, Глаша, хоть кофейку-то, — предложилъ ей Николай Ивановичъ.

— Отстань. Меня и такъ мутитъ.

— Да вѣдь кофей отъ тошноты помогаетъ.

— Ахъ, не говори ты со мной пожалуйста, не раздражай меня! Просила на Капри остаться до завтра, такъ нѣтъ, понесла тебя нелегкая въ бурю. Подлецъ.

— Да какая-же это буря, голубушка! Вотъ когда я ѣхалъ по Ладожскому озеру въ Сермаксы...

— Молчи. А то я въ тебя швырну апельсиномъ.

— При англійской-то націи да такая бомбардировка? Мерси...

— Прилягте, матушка, голубушка, прилягте на диванчикъ. Можетъ быть легче будетъ, подскочилъ къ ней Конуринъ.

— Прочь! Видѣть я васъ не могу въ этихъ корал-

лахъ. Что это за дурацкій маскарадъ! Какъ клоунъ какой обвѣсились нитками коралловъ. Посторонних-то постыдились-бы...

Она даже замахнулась на Конурина. Конуринъ отскочилъ отъ нея и пробормоталъ:

— Чего мнѣ стыдиться! Я за свои деньги.

Николай Ивановичъ дернулъ его за рукавъ и сказалъ:

— Оставь... Теперь ужъ не уймешь... Расходилась и закусила удила. Нервы...

Глафира Семеновна стонала:

— Охъ, охъ... И капитанъ-то живодеръ. Не могъ у Капри остаться и переждать бурю.

У Соренто остановились. Вѣтеръ до того окрѣпъ, что пассажировъ еле могли спустить съ парохода на лодки. Лодки такъ и подбрасывало на волнахъ.

Отъ Соренто путь прямо въ Неаполь. Начали пересѣкать заливъ. Качка усилилась. Съ двумя дамами сдѣлалась морская болѣзнь. Пароходная прислуга забѣгала съ чашками и съ веревочными швабрами. Глафира Семеновна стонала. Изрѣдка у нея вырывались фразы въ родѣ слѣдующихъ:

— Погоди, я покажу тебѣ, какъ не слушаться жену.

Конуринъ стоялъ посреди каюты, обхвативъ обѣими руками колонну, и шепталъ:

— Однако... Угощаютъ качелями... Ловко угощаютъ! Господи! Да что-же это будетъ! Неужто безъ покаянія погибать? Гдѣ этотъ арапскій мальчишка-то запропастился? Хоть коньяку еще выпить, что-ли? Эй, коньякъ!

Обвѣшанный весь красными кораллами и нитками съ мелкими раковинами, онъ былъ очень комиченъ, но

28

никому уже было не до смѣха. Качка давала себя знать.

— Коньякъ! Гдѣ ты, арапская образина! крикнулъ онъ опять, отошелъ отъ столба, но не устоялъ на ногахъ и растянулся на полу. Николай Ивановичъ бросился его поднимать, но и самъ упалъ на него. Пароходъ два раза такъ качнуло, что онъ даже скрипнулъ. У Глафиры Семеновны слышался стонъ:

— И тотъ мерзавецъ, кто эти проклятые пароходы выдумалъ. Охъ, не могу, не могу! воскликнула она и пластомъ повалилась на диванъ.

Поднявшійся съ пола Николай Ивановичъ бросился было къ ней, но она сбила съ него шляпу. Въ каютѣ появился контролеръ.

— Буря-то какая! обратился къ нему Николай Ивановичъ.—Что, не опасно?

— Пустяки... Какая-же можетъ быть опасность! Качка и больше ничего.

— А вотъ за эти-то пустяки я и вамъ и вашему капитану, живодеру, глаза выцарапаю... Извергъ... Не могъ остаться у Капри переждать бурю! стонала Глафира Семеновна.

— Сударыня, у насъ срочное пароходство. И наконецъ это не буря. Какая-же это буря!

— А вы должно быть хотите, чтобы пароходъ кверху дномъ опрокинуло? Срамникъ, безстыдникъ... Смѣетъ такія слова говорить... А еще русскій... Православный христіанинъ. Жидъ вы, должно быть, бѣглый жидъ, оттого и мотаетесь здѣсь въ Италіи. Охъ, не могу, не могу! Смерть моя...

— Не лежите вы, сударыня... Встаньте... Бодритесь... Лежать хуже... говорилъ контролеръ.

Но съ Глафирой Семеновной сдѣлалась уже морская болѣзнь. Два англичанина, одинъ сѣдой, а другой бѣлокурый, держа у ртовъ носовые платки, побѣжали вонъ изъ каюты и стали поспѣшно взбираться по лѣстницѣ.

— Мужчинъ ужъ пробирать начало, шепталъ Конуринъ.—Что-же это будетъ! Увижу-ли ужъ я свою супругу, доберусь-ли до Питера! Слушай, землякъ... Есть у васъ пузыри? Я пузыри-бы себѣ привязалъ подъ мышки на всякій случай, обратился онъ къ контролеру.

— Зачѣмъ?

— А вдругъ сковырнемся и пароходъ кверху тормашками? Я плавать не умѣю.

— Успокойтесь... Все обойдется благополучно. Ничего не будетъ.

— Не будетъ! Чортова кукла... Какое не будетъ коли ужъ теперь есть!.. Тебѣ хорошо разсуждать, коли на тебѣ всего капиталу, что три черепаховыя гребенки да разныя камейскія морды изъ раковинъ, а при мнѣ, съ векселями-то ежели считать, на четыре тысячи капиталу. Дай пузыри!

— Пузырей нѣтъ. Буекъ, спасательный кругъ есть... Возьмите... Только это ни къ чему. Выходите вы на палубу, на свѣжій воздухъ. Такъ будетъ лучше. Тамъ хоть вѣтеръ, дождь, но подъ навѣсомъ пріютиться можно.

Николай Ивановичъ попробовалъ идти, но его такъ качнуло, что онъ полетѣлъ въ сторону, налетѣлъ на лежавшую на диванѣ даму и уперся въ нее руками.

Контролеръ подхватилъ его подъ руку и потащилъ на верхъ, на палубу.

— Изверги... Живодеры... Кровопійцы... Разбойники... Не могли переждать бури и поѣхали въ такую погоду на пароходѣ... стонала Глафира Семеновна. Держась за каютную мебель, стѣны и перила, выкарабкался кой-какъ на палубу и Конуринъ. Увидавъ спасательный кругъ, висѣвшій на палубѣ, онъ тотчасъже снялъ его и привязалъ себѣ на животъ.

— Ахъ, жена, жена! Ахъ, Танюша! Чувствуешь-ли ты, голубушка, въ Питерѣ, въ какой я здѣсь переплетъ попалъ! вздыхалъ онъ и, обратясь къ контролеру, спросилъ:—Телеграмму къ женѣ сейчасъ я могу послать?

— Да откуда-же на пароходѣ телеграфъ можетъ взяться!

— Ахъ, и то... Боже милостивый! Даже жену нельзя увѣдомить, что погибаемъ. Ну, телеграфа нѣтъ, такъ давай коньяку.

— Это можно.

Контролеръ скомандовалъ и явился коньякъ. Николай Ивановичъ съ безпокойствомъ кусалъ губы и тоже подвязывалъ себѣ на животъ спасательный кругъ.

— Послушайте... Зачѣмъ вы это? Никакой опасности нѣтъ, удерживалъ его контролеръ.

— Ничего... Такъ вѣрнѣе будетъ. Береженнаго и Богъ бережетъ. Я и женѣ сейчасъ спасательный кругъ снесу.

Появленіе его въ каютѣ съ спасательнымъ кругомъ на животѣ и съ другимъ кругомъ въ рукахъ произвело цѣлый переполохъ. Англичане въ безпокойствѣ взглянули другъ на друга и быстро заговорили.

— Что? Погибаемъ? Господи! Прости насъ и помилуй, завопила Глафира Семеновна, увидавъ мужа приподнялась съ дивана и рухнулась на полъ.

Вопили и другія дамы, страдавшія морской болѣзнью, пробовали приподняться съ дивановъ, но тутъ же падали. Кто былъ въ силахъ, бѣжали изъ каюты на верхъ, задѣвая за палки, зонтики, баулы. Сдѣлалась паника. Пароходная прислуга, ухаживавшая за больными, недоумѣвала и не знала, что ей дѣлать. Николай Ивановичъ поднималъ жену. Рядомъ съ ней какая-то дама въ черномъ платьѣ нервно билась въ истерикѣ, плакала и смѣялась.

LXXI.

О переполохѣ въ каютѣ доложили капитану, стоявшему у руля. Сбѣжавъ въ каюту въ своемъ резиновомъ пальто весь мокрый, онъ насилу могъ успокоить пассажировъ. Съ Николая Ивановича и Конурина были силой сняты спасательные круги. Капитанъ что-то долго говорилъ имъ по итальянски, грозилъ пальцемъ, указывалъ на небо, но они, разумѣется, ничего не поняли. Глафира Семеновна во время рѣчи капитана кричала ему по русски:

— Извергъ, злодѣй, душегубъ! Вѣшать надо такихъ капитановъ, которые тащутъ пассажировъ на вѣрную смерть!

Капитанъ тоже, разумѣется, не понялъ ее, указалъ еще разъ на небо и торжественно удалился изъ каюты.

Контролеръ съ пароходной прислугой приводили въ чувство впавшую въ истерику даму въ черномъ платьѣ. Онъ давалъ ей нюхать нашатырный спиртъ, поилъ ее сельтерской водой съ коньякомъ. Около дамы въ черномъ платьѣ, оказавшейся нѣмкой, суетился и англичанинъ въ шотландскомъ клѣтчатомъ пиджакѣ и на ломанномъ ужасномъ нѣмецкомъ языкѣ доказывалъ ей, что она должна не разстегивать свой корсажъ, а напротивъ, застегнуться и даже перетянуть ремнемъ свой желудокъ, ежели хочетъ не страдать морской болѣзнью. Онъ даже началъ демонстрировать, какъ это сдѣлать, отстегнулъ отъ бинокля ремень, сильно перетянулъ имъ себя поверхъ жилета, но вдругъ остановился, выпучивъ глаза, приложилъ ко рту носовой платокъ и, шатаясь, поплелся къ лѣстницѣ, дабы выбраться изъ каюты. Съ нимъ сдѣлалась морская болѣзнь.

Николай Ивановичъ былъ около жены. Морская болѣзнь не брала его. Онъ все еще крѣпился и умоляющимъ голосомъ упрашивалъ стонущую жену:

— Глаша, голубушка, потерпи еще немножко. Вѣдь ужъ скоро пріѣдемъ въ Неаполь. Землякъ! Скоро мы будемъ въ Неаполѣ?—обратился онъ къ контролеру.

— Судя по времени, должны придти черезъ три четверти часа въ Неаполь, но вѣтеръ дуетъ прямо на насъ. Часъ времени во всякомъ случаѣ пройдетъ.

— Еще часъ, еще часъ мученій! продолжала стонать Глафира Семеновна.—Ахъ, живодеры, живодеры! Бандиты! Разбойники!

— Сударыня, да попробуйте вы какъ-нибудь выйти на палубу. Я увѣренъ, что свѣжій вѣтеръ и брызги воды освѣжатъ васъ, подскочилъ къ ней контролеръ, оставляя даму въ черномъ платьѣ.—Дайте вашу руку, обопритесь на меня и я проведу васъ.

— Не подходи, не подходи душегубъ! взвизгнула лежавшая на диванѣ Глафира Семеновна и пихнула контролера ногой.

А вѣтеръ, между тѣмъ, все крѣпчалъ и крѣпчалъ. Качка усиливалась.

Черезъ полчаса въ каюту спустился Конуринъ. Голова его была повязана носовымъ платкомъ.

— Берегъ! Берегъ! радостно восклицалъ онъ.—Виденъ Неаполь!

Но его такъ шатнуло, что онъ повалился на полъ и всталъ на колѣни передъ сидящимъ, разставя ноги, сѣдымъ англичаниномъ, сосущимъ лимонъ.

— Господи Боже мой! Эдакая качка, а онъ чудитъ, пожалъ плечами Николай Ивановичъ, взглянувъ на голову Конурина.—Что это ты платокъ-то надѣлъ?

— Шляпу сдунуло вѣтромъ. Выглянулъ за бортъ, а она—фють! Теперь акула какая-нибудь въ моей шляпѣ щеголяетъ. Успокойтесь, матушка, голубушка... Придите въ себя... Сейчасъ берегъ, сейчасъ мы остановимся, обратился Конуринъ къ Глафирѣ Семеновнѣ.

Англичанинъ въ шотландскомъ пиджакѣ вернулся въ каюту блѣдный, съ помертвѣлыми синими губами, съ посоловѣлыми слезящимися глазами. Онъ сѣлъ и сталъ щупать пульсъ у себя на рукѣ, потомъ разстегнулъ жилетъ и сорочку, засунулъ себѣ подъ мышку градусникъ для измѣренія температуры тѣла, черезъ

нѣсколько времени вынулъ этотъ градусникъ и, посмотрѣвъ на него, сталъ записывать что-то въ записную книжку.

Прошло полчаса и пароходъ началъ убавлять пары. Колеса хлопали по водѣ медленнѣе и наконецъ совсѣмъ остановились, хотя качка и не уменьшалась. Среди завыванія вѣтра и шума волнъ вверху на палубѣ слышна была команда капитана и крики пароходной прислуги, бѣгавшей по палубѣ. Вскорѣ раздался лязгъ желѣзныхъ цѣпей, что-то стукнуло и потрясло пароходъ. Кинули якорь. Пароходъ остановился въ гавани, но его продолжало качать.

Конуринъ, бѣгавшій на верхъ, снова сбѣжалъ въ каюту и сообщилъ:

— Пріѣхали... Остановились... Сейчасъ на лодки спускать насъ будутъ.

— Ну, слава Богу! простонала Глафира Семеновна и, собравъ всѣ свои силы, поднялась съ дивана и стала приводить свой костюмъ въ порядокъ.

Встрепенулись и англичане, развязывая свои пледы, чтобы закутаться ими отъ лившаго на воздухѣ дождя. Два-три пассажира бросились на верхъ, но тотчасъ-же вернулись назадъ и, размахивая руками, съ жаромъ разсказывали что-то по итальянски другимъ пассажирамъ. Прислушивавшійся къ ихъ разговору англичанинъ въ шотландскомъ пиджакѣ посмотрѣлъ на свой барометръ, покачалъ головой и процѣдилъ какія-то англійскія слова сквозь зубы. Николай Ивановичъ и Конуринъ, поддерживая съ двухъ сторонъ Глафиру Семеновну, вели ее къ выходу. Съ лѣстницы сбѣжалъ контролеръ и остановилъ ихъ.

— Нельзя, господа, сойти съ парохода... Вернитесь... сказалъ онъ.

— Что такое? Почему? Отчего? засыпали его вопросами Ивановы и Конуринъ.

— Вѣтеръ очень силенъ, никакая лодка не можетъ пристать къ пароходу, чтобы везти васъ на берегъ. Да ежели-бы и пристала, то опасно ѣхать въ ней, опрокинуться можно. И въ гавани страшныя волны.

— Господи! Что-же это такое! взвизгнула Глафира Семеновна. — У берега, совсѣмъ у берега и сойти нельзя.

— Надо подождать, пока вѣтеръ утихнетъ. Небо какъ-будто-бы разъясняется, на востокѣ ужъ показалась синяя полоска. Присядьте, сударыня, придите немного въ себя, теперь ужъ не такъ качаетъ. Мы стоимъ на якорѣ, обратился онъ къ Глафирѣ Семеновнѣ, балансируя на ногахъ, чтобъ не упасть.

— Что вы врете-то, что вы врете, безстыдникъ! Еще хуже качаетъ, отвѣчала она, падая на диванъ.

— Ну, Капри, чтобы тебѣ ни дна, ни покрышки! разводилъ руками Конуринъ и спросилъ:—Когда-же наконецъ, чортъ ты эдакій, мы можемъ попасть на берегъ?

— Да что вы сердитесь, господа! Вѣдь это-же не отъ насъ, не мы виноваты, а погода, стихія, вѣтеръ, море... Стихнетъ немножко вѣтеръ черезъ четверть часа и мы васъ спустимъ съ парохода черезъ четверть часа. Полъ-часа, я думаю, во всякомъ случаѣ еще придется подождать на пароходѣ.

— Полъ-часа? Еще полъ-часа! Изверги! Людоѣды! Палачи! кричала Глафира Семеновна.

Но качка дѣйствительно уже была слабѣе. Завыванія вѣтра становились все тише и тише. Глафира Семеновна могла уже сидѣть. Конуринъ собиралъ свои вѣтви съ апельсинами. Николай Ивановичъ оторвалъ одинъ апельсинъ и подалъ его женѣ. Она сорвала съ него кусокъ кожи и принялась сосать его. На верху пароходъ давалъ усиленные свистки. Прошло съ часъ. Стемнѣло. На пароходѣ зажгли огни. Качка была уже совсѣмъ ничтожная. Наконецъ въ каюту прибѣжалъ контролеръ, выкрикнулъ что-то по итальянски и обратясь къ Конурину и Ивановымъ сказалъ:

— Пожалуйте на берегъ. Капитанъ вытребовалъ свистками паровой катеръ и на немъ можно переѣхать съ парохода на берегъ въ безопасности.

Глафира Семеновна отъ радости даже перекрестилась.

— Ну, слава Богу! произнесла она.

Всѣ засуетились и бросились бѣжать изъ каютъ на верхъ. Николай Ивановичъ велъ жену. Конуринъ шелъ въ платкѣ на головѣ, съ кораллами на шеѣ и держалъ въ объятіяхъ цѣлый лѣсъ апельсинныхъ вѣтвей съ плодами.

Когда паровой катеръ съ пассажирами, снятыми имъ съ парохода, присталъ къ пристани, Глафира Семеновна сказала мужу:

— Довольно съ этимъ противнымъ Неаполемъ... Завтра-же ѣдемъ въ Венецію.

— А ты говорила, Глаша, что здѣсь есть еще какая-то собачья пещера замѣчательная, возразилъ было Николай Ивановичъ.

— Довольно, вамъ говорятъ! Не желаю я здѣсь

больше оставаться! Сегодня отлежусь и завтра вонъ изъ Неаполя! строго повторила она.

— Ахъ, кабы въ Питеръ къ женѣ поскорѣе, сударушка! Богъ съ ней и съ Венеціей! вздыхалъ Конуринъ.

LXXII.

УЖЕ вторыя сутки Ивановы и Конуринъ сидѣли въ поѣздѣ, мчащемся изъ Неаполя на сѣверъ и везущемъ пассажировъ въ Венецію. Изъ Неаполя они выѣхали на слѣдующее-же утро послѣ злополучной поѣздки на островъ Капри Морская болѣзнь дала себя знать и Глафира Семеновна сѣла въ поѣздъ совсѣмъ больная. Николай Ивановичъ предлагалъ ей остаться еще на денекъ въ Неаполѣ, дабы придти въ себя послѣ морской качки, но она и слышать не хотѣла, до того ей опротивѣлъ Неаполь съ его моремъ, такъ недружелюбно поступившимъ съ ней во время путешествія на пароходѣ. Проснувшись на утро въ гостинницѣ Бристоль, выглянувъ въ окошко изъ своей комнаты и увидавъ въ дали тихое и голубое море, она даже плюнула по направленію его—вотъ до чего оно солоно ей пришлось послѣ прогулки на Капри. Конуринъ, разумѣется, поддерживалъ ее въ дѣлѣ немедленнаго отъѣзда изъ Неаполя. Онъ торжествовалъ, что его везутъ наконецъ обратно въ Россію, что по дорогѣ придется теперь посѣтить только одинъ итальянскій го-

родъ—Венецію, на пребываніе въ которой Глафира Семеновна клала только двое сутокъ, и высчитывалъ тотъ день, когда онъ, послѣ долгихъ скитаній заграницей, встрѣтится въ Петербургѣ съ своей супругой. При отъѣздѣ изъ гостинницы имъ предъявили просто грабительскій счетъ и за то, что они только одинъ разъ пользовались табльдотомъ въ гостинницѣ, взяли съ нихъ за комнаты полуторную противъ объявленной цѣны. Николай Ивановичъ было возопіялъ на это, принялся ругаться съ завѣдующими гостинницей, но Конуринъ сталъ его останавливать и говорилъ:

— Плюнь... Брось... Пренебреги... Пусть подавятся... Только-бы выбраться поскорѣй изъ этой Италіи. Немного ужъ имъ, шарманщикамъ, осталось издѣвательства надъ нами дѣлать, всего только одна Венеція впереди. Вѣдь только одна Венеція, барынька, намъ осталась, а тамъ ужъ и домой, въ Русь православную? отнесся онъ къ Глафирѣ Семеновнѣ.

— Домой, домой... отвѣчала та.

— Слава тебѣ, Господи!

И Конуринъ даже перекрестился большимъ крестомъ.

Поѣздъ, везшій Ивановыхъ и Конурина въ Венецію, дѣлалъ большія остановки въ Римѣ, во Флоренціи и другихъ городахъ, но Конуринъ почти не выходилъ даже въ станціонные буфеты, питался сухоѣденіемъ въ видѣ булокъ съ колбасой. сыромъ, бараниной и запивалъ все это виномъ чіанти, покупая его у итальянокъ разносчицъ на станціонныхъ платформахъ. Даже умыться на другой день пути не могла заставить его Глафира Семеновна. По дорогѣ попа-

далось много интереснаго, Ивановы то и дѣло обращали его вниманіе на что-нибудь на станціяхъ, но онъ былъ ко всему апатиченъ и отвѣчалъ:

— А! что тутъ! Ни на что и смотрѣть не хочется! Только-бы поскорѣй домой.

Онъ высчитывалъ не только дни, когда пріѣдетъ въ Петербургъ, но даже часы. То и дѣло шевелилъ онъ пальцами и говорилъ:

— Сегодня у насъ пятница, завтра суббота... Завтра утромъ, вы говорите, мы будемъ въ Венеціи? спрашивалъ онъ.

— Да, да... отвѣчала Глафира Семеновна.

— Въ которомъ часу?

— Да, говорятъ, рано утромъ, въ шесть часовъ.

— Въ шесть часовъ въ субботу въ Венеціи. Субботу и воскресенье на осмотръ... Въ воскресенье вечеромъ стало быть изъ Венеціи выѣдемъ въ Питеръ?

— Ахъ, Иванъ Кондратьичъ, да развѣ это можно такъ навѣрное сказать... Какъ понравится Венеція.

— Позвольте... Да что въ ней нравиться можетъ? Городъ, какъ городъ. Тѣ-же макаронники, я думаю, тѣ-же шарманщики, тѣ-же апельсинники.

— Вотъ ужъ это совсѣмъ напротивъ. Венеція совсѣмъ особенный городъ, нисколько не похожій на другіе города.

— Да вѣдь вы, матушка, не видѣли его.

— Не видѣла, но знаю по картинкамъ, знаю по описаніямъ. Другаго подобнаго Венеціи города нѣтъ въ цѣломъ мірѣ. Прежде всего онъ весь на водѣ.

— На водѣ? Гмъ... Да нешто мало вамъ эта самая вода-то надоѣла? Кажется, ужъ оттрепала такъ, когда

мы съ Капри ѣхали, что до новыхъ вѣниковъ не забудете.

— Ахъ, Венеція совсѣмъ другое дѣло. Венеція стоитъ на каналахъ и тамъ никакой качки не можетъ быть. На такихъ каналахъ вотъ какъ наши петербургскіе Крюковъ каналъ, Екатерининскій каналъ, Мойка, только въ Венеціи ихъ тысячи.

— Тысячи? Ну, ужъ это вы...

— Да, тысячи. Вы знаете, въ Венеціи совсѣмъ извощиковъ нѣтъ. Одни лодочники.

— Какъ извощиковъ нѣтъ? Ну, ужъ это не можетъ быть.

— Увѣряю васъ, что извощиковъ нѣтъ. Тамъ все на лодкахъ... На гондолахъ.. Выходишь изъ подъѣзда дома и сейчасъ каналъ... Даже набережныхъ нѣтъ. Прямо съ подъѣзда садишься въ лодку и ѣдешь, куда тебѣ требуется.

— А ежели мнѣ требуется въ театръ или въ трактиръ... или въ церковь...

— Въ театръ и въ трактиръ прямо къ подъѣздамъ на гондолѣ и подвезутъ. Въ церковь надо—къ паперти подвезутъ. Церковныя паперти на воду выходятъ.

Конуринъ улыбнулся и сказалъ:

— Зубы заговариваете, барынька.

— А вотъ увидите. Тамъ нѣтъ земли.

— Позвольте... На чемъ-же дома-то стоятъ?

— На водѣ... Такъ прямо изъ воды и выходятъ. Что вы смѣетесь? Вѣдь я-же видѣла на картинкахъ. Удивляюсь, какъ вы-то не видали. Картинъ Венеціи множество въ Петербургѣ. И масляными красками есть писанныя, и такъ въ журналахъ, въ книгахъ.

— Гдѣ-же видѣть-то? Наше дѣло торговое. День деньской въ лавкахъ... Книгъ совсѣмъ не читаемъ.

— А я видѣлъ Венецію на картинкахъ, много разъ видѣлъ,—похвастался Николай Ивановичъ.—Ты, Конуринъ, съ женой не спорь. Она правильно... Въ Венеціи земли совсѣмъ нѣтъ, а только одна вода.

— Городъ безъ земли?.. Охъ, трудно повѣрить!—покрутилъ головой Конуринъ.—А гдѣ-же покойниковъ-то у нихъ хоронятъ, ежели земли нѣтъ?

— Покойниковъ-то? спросилъ Николай Ивановичъ и замялся.—Глаша! Гдѣ у нихъ, въ самомъ дѣлѣ, покойниковъ хоронятъ?—отнесся онъ къ женѣ.

— Да ужъ должно быть на лодкахъ въ какой-нибудь другой городъ хоронить увозятъ,—дала отвѣтъ Глафира Семеновна и прибавила:—Венеція изъ-за этихъ каналовъ самый интересный городъ. Вода, вода и вода вмѣсто улицъ.

— И травки нѣтъ, и садовъ нѣтъ?—допытывался Конуринъ.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ.

— Тьфу ты, пропасть! Надо будетъ женѣ письмо написать, что вотъ пріѣхали въ городъ безъ земли. Впрочемъ, что-жъ писать-то! Вѣдь ужъ скоро увижусь съ ней. Въ субботу и въ воскресенье въ Венеціи этой самой...—началъ разсчитывать Конуринъ.—Въ воскресенье выѣдемъ изъ нея... Во сколько дней изъ Венеціи до Питера можно доѣхать?—спросилъ онъ Глафиру Семеновну.

— Да дня въ четыре. Только мы должны хоть день въ Вѣнѣ отдохнуть.

— Матушка, голубушка! Поѣдемте домой безъ

отдыха?—взмолился Конуринъ.—Какой тутъ отдыхъ. Въ вагонахъ отдохнемъ! Въ вагонахъ даже лучше... Обсидишься—прелесть...

— Надо, надо тебѣ Вѣну показать,—перебилъ его Николай Ивановичъ.—Мы-то Вѣну видѣли въ нашу прежнюю поѣздку заграницу, а тебѣ надо.

— Ничего мнѣ не надо, ничего... Ну, ее, эту Вѣну къ чорту! Помилуйте, при мнѣ векселя... Мнѣ на будущей недѣлѣ по векселямъ получать, на будущей недѣлѣ сроки... Нѣтъ, нѣтъ. Слышишь, ежели вы въ Вѣнѣ останетесь, сажай меня въ вагонъ до русской границы, и я одинъ поѣду. Перстами буду въ дорогѣ разговаривать, ногами, глазами, а ужъ доѣду какъ-нибудь. Что мнѣ Вѣна! Да провались она! Къ женѣ, къ женѣ! Въ Питеръ! Охъ, что-то она, голубушка, тамъ дѣлаетъ!

— Да что дѣлать... Чай пьетъ,—перебила его, улыбаясь, Глафира Семеновна.

— А вы почемъ знаете?—спросилъ Конуринъ и, посмотрѣвъ на часы, прибавилъ:—Да, пожалуй что теперь чай пьетъ. Отъ Венеціи до Питера, вы говорите, четыре дня... Понедѣльникъ, вторникъ, середа, четвергъ...—разсчитывалъ онъ по пальцамъ и вдругъ воскликнулъ:—Въ четвергъ дома съ женой за самоваромъ буду сидѣть! Ура! Черезъ шесть дней дома!

— Чего вы кричите-то! Только срамитесь. Вѣдь вы не одни въ купэ...—остановила его Глафира Семеновна.—Смотрите, вонъ итальянку-сосѣдку даже шарахнуло отъ васъ въ сторону.

— Плевать! что мнѣ макаронница? Мало они у насъ во время скитанія по Италіямъ жилъ-то вымотали! Матушка, голубушка, шарманщица моя милая!

Черезъ шесть дней у жены буду!—подвинулся Конуринъ къ сосѣдкѣ-итальянкѣ и даже передъ самымъ ея носомъ ударилъ отъ радости въ ладоши, такъ что та, въ полномъ недоумѣніи, смотря на него, забилась въ самый уголъ купэ.

LXXIII.

Проснувшись на другой день рано утромъ въ вагонѣ, Глафира Семеновна выглянула изъ окошка и въ удивленіи увидала, что поѣздъ идетъ совсѣмъ по водѣ. Она бросилась къ окну на противоположную сторону вагона — и съ той стороны передъ ней открылась необозримая даль воды. Только узенькой полоской шла по водѣ земляная насыпь, на ней были положены рельсы и по рельсамъ бѣжалъ поѣздъ.

— Боже мой! Да вѣдь ужъ это Венеція! воскликнула она и стала будить мужа и Конурина, спавшихъ крѣпкимъ сномъ:—Вставайте... Чего спите! Въ Венецію ужъ пріѣхали, говорила она.—По водѣ ѣдемъ.

Николай Ивановичъ и Конуринъ встрепенулись, протерли глаза и тоже бросились къ окнамъ.

— Батюшки! Вода и есть. О, чтобъ ее эту Венецію!.. дивился Конуринъ и заговорилъ на распѣвъ: — Конченъ, конченъ дальній путь. Вижу край родимый...

— Ну, братъ, до родимаго-то края еще далеко... отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

— Все-таки ужъ это будетъ послѣдняя остановка

въ Италіи. Голубушка, Глафира Семеновна, не засиживайтесь вы, Бога ради, долго въ этой Венеціи, упрашивалъ Конуринъ.

— Нѣтъ, нѣтъ. Только осмотримъ городъ и его достопримѣчательности и вонъ изъ него. Можете ужъ быть увѣрены, что послѣ Капри на пароходѣ по морю никуда не поѣду. Довольно съ меня моря. Только по каналамъ будемъ ѣздить.

— Ну, вотъ и отлично... Ну, вотъ и прекрасно... Вода направо, вода налѣво... дивился Конуринъ, посматривая въ окна, и прибавилъ:—Тьфу ты пропасть! Да гдѣ-же люди-то живутъ?

— А вотъ сейчасъ пріѣдемъ на какой-нибудь островъ, такъ и людей увидимъ.

— Сторожевыхъ будокъ даже по дорогѣ нѣтъ. Гдѣже желѣзнодорожные-то сторожа?

— А лодочки-то съ флагами попадались? На нихъ должно быть желѣзнодорожные сторожа и есть. Гондольеръ! Гондольеръ! Вонъ гондольеръ на гондолѣ ѣдетъ! воскликнула Глафира Семеновна, указывая на воду.—Я его по картинкѣ узнала. Точь въ точь такъ на картинкѣ.

Дѣйствительно, не въ далекѣ отъ поѣзда показалась типическая венеціанская черная гондола съ желѣзной алебардой на носу и съ гондольеромъ, стоящимъ на кормѣ и управлявшимъ лодкою однимъ весломъ.

— Какъ называется? спросилъ Конуринъ.

— Гондольеръ... Гондола... Вотъ это венеціанскіе-то извощики и есть. Они публику по каналамъ и возятъ.

— Зачѣмъ-же онъ на дыбахъ стоитъ и объ одномъ веслѣ?

— Такой ужъ здѣсь порядокъ. Никто на двухъ веслахъ не ѣздитъ. Гондольеръ всегда объ одномъ веслѣ и всегда на дыбахъ.

— Оказія! Что городъ, то норовъ, что деревня, то обычай.

Локомотивъ свистѣлъ. Поѣздъ подъѣзжалъ къ станціи. Вотъ онъ убавилъ пары и тихо вошелъ на широкій, крытый желѣзомъ и стекломъ желѣзнодорожный дворъ. На платформахъ толпилась публика, носильщики въ синихъ блузахъ, виднѣлись жандармы. Глафира Семеновна высунулась изъ окна и стала звать носильщика.

— Факино! Факино! Иси! кричала она.

— Земли-то у нихъ все-таки хоть сколько-нибудь есть, говорилъ Николай Ивановичъ.—Вѣдь станція-то на землѣ стоитъ. А я ужъ думалъ, что вовсе безъ земли, что такъ прямо изъ вагона на лодки и садятся.

Поѣздъ остановился. Въ вагонъ вбѣжалъ носильщикъ.

— Въ гостинницу. То бишь, въ альберго... говорила ему Глафира Семеновна.—Уе гондольеръ?

— Gasthaus? O, ja, madame. Kommen Sie mit... отвѣчалъ на ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ носильщикъ и захвативъ вещи, повелъ ихъ за собой...

— Что это? По нѣмецки ужъ говоритъ? Нѣмецкимъ духомъ запахло? спросилъ Николай Ивановичъ жену.

— Да, да... Это должно быть оттого, что ужъ къ нѣметчинѣ подъѣзжаемъ. Вѣдь я вчера смотрѣла по картѣ... Тутъ послѣ Венеціи сейчасъ и Австрія.

29*

Носильщикъ вывелъ ихъ на подъѣздъ станціи. Сейчасъ у подъѣзда плескалась вода, была пристань и стояли гондолы. Были гондолы открытыя, были и гондолы кареты. Гондольеры въ башмакахъ на босую ногу, въ узкихъ грязныхъ панталонахъ, безъ сюртуковъ и жилетовъ, въ шляпахъ съ порванными широкими полями, кричали и размахивали руками, наперерывъ приглашая къ себѣ сѣдоковъ, и даже хватали ихъ за руки и втаскивали въ свои гондолы.

Ивановы и Конуринъ сѣли въ первую попавшуюся гондолу и поплыли по Canal grande, велѣвъ себя везти въ гостинницу. Вода въ каналѣ была мутная, вонючая, на водѣ плавали древесныя стружки, щепки, солома, сѣно. На-право и на-лѣво возвышались старинной архитектуры дома, съ облупившейся штукатуркой, съ полуразрушившимся цоколемъ, съ отбитыми ступенями мраморныхъ подъѣздовъ, спускающихся прямо въ воду. У подъѣздовъ стояли покосившіеся столбы съ привязанными къ нимъ домашними гондолами. Городъ еще только просыпался. Кое-гдѣ заспанные швейцары мели подъѣзды, сметая соръ и отбросы прямо въ воду, въ отворенныя окна виднѣлась женская прислуга, стряхивающая за окна юбки, одѣяла. Гондола, въ которой сидѣли Ивановы и Конуринъ, то и дѣло обгоняла большія гондолы, нагруженныя мясомъ, овощами, молокомъ въ жестяныхъ кувшинахъ и тянущіяся на рынокъ. Вотъ и рынокъ, расположившійся подъ желѣзными навѣсами, поставленными на отмеляхъ съ десятками причалившихъ къ нему гондолъ. Виднѣлись кухарки съ корзинами и красными зонтиками, пріѣхавшія за провизіей, виднѣлись размахивающія ру-

ками и галдящія на весь каналъ грязныя торговки. Около рынка плавающихъ отбросовъ было еще больше, воняло еще сильнѣе. Глафира Семеновна невольно зажала себѣ носъ и проговорила:

— Фу, какъ воняетъ! Признаюсь, я себѣ Венецію иначе воображала!

— А мнѣ такъ и въ Петербургѣ говорили про Венецію: живописный городъ, но ужъ очень вонючъ, отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

— А я такъ даже живописнаго ничего не нахожу, вставилъ свое слово Конуринъ, морщась.—Помилуйте, какая тутъ живопись! Дома — разрушеніе какое-то... Развѣ можно въ такомъ видѣ дома держать? Двадцать пять лѣтъ они ремонта не видали. Посмотрите вотъ на этотъ балконъ... Всѣ перила обвалились. А вонъ этотъ карнизъ... Вѣдь онъ чуть чуть держится и навѣрное не сегодня, такъ завтра обвалится и кого-нибудь изъ проходящихъ по башкѣ съѣздитъ.

— Позвольте... Какъ здѣсь можетъ карнизъ кого-нибудь изъ проходящихъ по башкѣ съѣздить, если мимо домовъ даже никто и не ходитъ, перебила Конурина Глафира Семеновна.—Видите, прохода нѣтъ. Ни тротуаровъ, ничего... Вода и вода...

А гондольеръ, стоя сзади ихъ на кормѣ и мѣрно всплескивая по водѣ весломъ, указывалъ на зданія, мимо которыхъ проѣзжала гондола, и разсказывалъ, чьи они и какъ называются.

— Maria della Salute... Palazo Giustinian-Lolin... Palazo Foscari... раздавался его голосъ, но Ивановы и Конуринъ совсѣмъ не слушали его.

LXXIV.

Плыли въ гондолѣ уже добрыхъ полчаса. Canal Grande кончался. Виднѣлось вдали море. Вдругъ Глафира Семеновна встрепенулась и воскликнула:

— Дворецъ Дожей... Дворецъ Дожей... Вотъ онъ, знаменитый-то дворецъ Дожей!..

— А ты почемъ знаешь?—спросилъ ее мужъ.

— Помилуй, я его сейчасъ-же по картинкѣ узнала Точь-точь, какъ на картинкѣ. Развѣ ты не видалъ его у дяденьки на картинѣ, что въ столовой виситъ?

— Ахъ, да... Дѣйствительно... Теперь я и самъ вижу, что это то самое, что у дяденьки въ столовой, но я не зналъ, что это дворецъ Дожей... Эти Дожи-то что-же такое?

— Ахъ, я про нихъ очень много въ романахъ читала... И про дворецъ читала. Тутъ недалеко долженъ быть мостъ Вздоховъ, откуда тюремщики узниковъ въ воду сбрасывали.

— Вздоховъ? Это что-же обозначаетъ?—задалъ вопросъ Конуринъ.

— Ахъ, многое, очень многое! Тутъ всякія тайны инквизиціи происходили. Кто черезъ этотъ мостъ переходилъ, тотъ дѣлалъ на немъ послѣдній вздохъ и ужъ обратно живой не возвращался. Да неужели ты, Николай Иванычъ, не упомнишь про это? Я вѣдь тебѣ давала читать этотъ романъ. Ахъ, какъ онъ на-

зывается? Тутъ еще Франческа выведена... Дочь гондольера... Потомъ Катерина ди-Медичи... Или нѣтъ, не Катерина ди-Медичи... Еще ей, этой самой Франческѣ отравленное яблоко дали.

— Читалъ, читалъ, но гдѣ-же все помнить!

— Тутъ еще совѣтъ трехъ... И люди въ полумаскахъ... Узники... Тюремщикъ... Ужасно страшно и интересно. Я не понимаю, какъ можно забыть о мостѣ Вздоховъ!

— Да вѣдь ты знаешь мое чтеніе... Возьму книжку, прилягу,—ну, и сейчасъ сонъ... Наше дѣло торговое... День-то деньской все на ногахъ... Но тайны инквизиціи я чудесно помню... Тамъ, кажется, жилы изъ человѣка вытягивали, потомъ гвозди въ подошвы вбивали?

— Ну, да, да... Но какъ-же моста Вздоховъ-то не помнить? Потомъ Марія ди Роганъ эта самая... Или нѣтъ, не Марія ди Роганъ. Это изъ другого романа. Ахъ, сколько я романовъ про Венецію читала!

— Постой... Венеціанскій Мавръ—вотъ это я помню, сказалъ Николай Ивановичъ.

— Ну, вотъ! Мавръ! Что ты брешешь. Мавръ—это совсѣмъ другое. Отелло или Венеціанскій мавръ—это пьеса.

— Ахъ, да, да... Опера... Отелло...

— Да не опера, а трагедія... Еще онъ ее подушкой душитъ, эту самую...

— Вотъ, вотъ... Про подушку-то я и помню. Венеціанскій мавръ.

— Ахъ, вотъ и львы! Знаменитые львы святаго Марка на столбахъ! восклицала Глафира Семеновна,

указывая на высящіеся на лѣвой сторонѣ канала столбы съ крылатыми львами, сіяющими на утреннемъ солнцѣ, когда они поровнялись съ поражающимъ своей красотой зданіемъ дворца Дожей.

Налѣво начиналась набережная Riva degli Schiavoni. По ней уже сновала публика, пестрѣли цвѣтные зонтики дамъ, проходили солдаты съ пѣтушьими перьями на кэпи, бѣжали мальчишки съ корзинками на головахъ, брели долгополые каноники въ круглыхъ черныхъ шляпахъ, съ гладкими бритыми лицами.

— Ахъ, какъ все это похоже на то, что я видѣла на картинахъ! продолжала восклицать въ восторгѣ Глафира Семеновна.—То есть точь въ точь... Вонъ и корабли съ мачтами... Вонъ и островъ съ церковью... Двѣ капли воды, какъ на картинкѣ. А дворецъ-то Дожей какъ похожъ! Это просто удивительно. Вотъ отсюда, по описанію, ужъ недалеко и до знаменитой площади святаго Марка.

— Ага! Стало быть здѣсь и площадь есть, сказалъ Конуринъ.—А раньше вы говорили, что здѣсь въ Венеціи только одна вода да небеса.

— Есть, есть. И самая громадная площадь есть. Любовное-то свиданіе у Франчески съ Пьетро и происходило на площади святаго Марка. Тутъ-то старый доминиканецъ ихъ и подкараулилъ, когда она кормила голубей.

— Какой доминиканецъ? спросилъ Конуринъ.

— Ахъ, Боже мой! Да изъ романа.—Ну, что вы спрашиваете? Вы все равно ничего не поймете!

— ова у меня жена-то, Иванъ Кондратьичъ! И

не бывши въ Венеціи все знаетъ, прищелкнулъ языкомъ Николай Ивановичъ.

— Да еще-бы не знать! похвасталась Глафира Семеновна.—Книги... Картинки... Я не сѣрый человѣкъ, я женщина образованная. Я про Венецію-то сколько читала!

— А что, здѣсь есть лошади? Мы вотъ ѣдемъ, ѣдемъ и ни одной не видимъ, опять спросилъ Конуринъ.

— Да по чему-же здѣсь лошадямъ-то ѣздить?

— Ну, вотъ все-таки набережная широкая, площадь, вы говорите, есть.

— Ле шеваль... Еске ву заве иси шеваль? обратилась Глафира Семеновна къ гондольеру.

— Cheval... Cabalo... пробормоталъ старичекъ гнодольеръ и прибавилъ смѣсью французскаго и нѣмецкаго языковъ:—Oh, non, madame... Pferde—nicht... Cheval—nicht...

— Видите—совсѣмъ нѣтъ лошадей... перевела Глафира Семеновна.

— Ну, городъ! покрутилъ головой Конуринъ.—Собаки-то есть-ли? Или тоже нѣтъ?

— Е шьянъ? шьянъ? Ву заве шьянъ?

Гондольеръ не понялъ вопроса и забормоталъ что-то по итальянски съ примѣсью нѣмецкихъ словъ.

— Да ты спроси его, Глаша, по нѣмецки. Видишь, здѣсь нѣметчутъ, а не французятъ, сказалъ женѣ Николай Ивановичъ.

— Постой... Какъ по нѣмецки собака? Ахъ, да.. Хундъ... Хундъ хабензи инъ Венецiя? переспросила гондольера Глафира Семеновна.

— O, ja, madame, o, ja... Da ist Hund...

И гондольеръ указалъ на набережную, по которой бѣжала маленькая собака.

— Ну, вотъ... есть... Хорошо, что хоть собаки-то есть. А я думалъ, что совсѣмъ безъ животныхъ тварей живутъ, сказалъ Конуринъ.

Гондола между тѣмъ подплыла къ каменной пристани съ нѣсколькими ступенями, ведущими на набережную. Грязный оборванный старикашка въ конической шляпѣ съ необычайно широкими полями подхватилъ гондолу багромъ и протянулъ Глафирѣ Семеновнѣ коричневую морщинистую руку, чтобы помочь выйти изъ гондолы. На верху, на набережной, высился небольшой каменный трехэтажный домъ съ нѣсколькими балконами и надписью: „Hôtel Beau Rivage“.

— Въ гостинницу пріѣхали? спрашивалъ Конуринъ.

— Да, да... Выходите скорѣй изъ лодки, сказала Глафира Семеновна.

Изъ подъѣзда дома между тѣмъ бѣжали имъ на встрѣчу швейцаръ въ фуражкѣ съ позументомъ и прислуга въ передникахъ.

— Де шамбръ... говорила Глафира Семеновна швейцару.

— Oui, oui, madame... заговорилъ швейцаръ по-французски и тотчасъ же сбился на нѣмецкій языкъ.— Zwei Zimmer... Mit drei Bett? Bitte... madame...

— Ну, занѣметчили! Гамъ, гамъ.—Ничего больше... Прощай французскій языкъ... заговорилъ Николай Ивановичъ и хотѣлъ разсчитаться съ гондольеромъ, но швейцаръ остановилъ его.

— Lassen Sie, bitte. . Das wird bezahlt.. сказалъ онъ.

— Заплотятъ они за гондолу, заплотятъ, перевела Глафира Семеновна, направляясь къ гостинницѣ.

Старикашка, причалившій багромъ гондолу къ пристани, загородилъ ей дорогу и, снявъ шляпу, дѣлалъ жалобное лицо и кланялся.

— Macaroni... Moneta... цѣдилъ онъ сквозь зубы.

— Ахъ, это нищій! Мелкихъ нѣтъ, мелкихъ нѣтъ! — закричалъ Николай Ивановичъ, отстраняя его отъ жены и идя съ ней рядомъ.

Старикашка не отставалъ и возвысилъ голосъ.

— Прочь!—крикнулъ на него Конуринъ.—Чего напираешь!

Старикашка схватилъ Николая Ивановича за рукавъ пальто и уже кричалъ, требуя себѣ монету на макароны.

— Ахъ, батюшки! Вотъ неотвязчивый-то старикъ... Ну, нищіе здѣсь!—сказала Глафира Семеновна.—На, возьми, подавись...

И она, пошаривъ въ карманѣ, бросила ему въ шляпу пару мѣдныхъ монетъ.

Старикашка быстро перемѣнилъ тонъ и началъ низко пренизко кланяться, бормоча ей по-итальянски цѣлое благодарственное привѣтствіе.

LXXV.

Изъ гостинницы, отправляясь обозрѣвать городъ, Ивановы и Конуринъ вышли въ полномъ восторгѣ.

— Какова дешевизна-то! восклицала Гла-

фира Семеновна.—За комнату съ двумя кроватями, съ балкономъ, выходящимъ на каналъ, съ насъ взяли пять франковъ, тогда какъ мы нигдѣ, нигдѣ меньше десяти или восьми франковъ не платили. И, главное, не принуждаютъ непремѣнно у нихъ въ гостинницѣ столоваться. Гдѣ хочешь, тамъ и ѣшь.

— Хорошій городъ, совсѣмъ хорошій. Это сейчасъ видно, сказалъ Николай Ивановичъ.

— А мнѣ ужъ пуще всего нравится, что англичанъ этихъ самыхъ въ дурацкихъ зеленыхъ вуаляхъ на шляпахъ здѣсь не видать, прибавилъ Конуринъ.—До чертей надоѣли.

Они шли по набережной Riva degli Schiavoni, направляясь къ дворцу Дожей. Дома, мимо которыхъ они проходили, были невзрачные, съ облупившейся штукатуркой, но передъ каждымъ домомъ была пристань съ стоявшими около нихъ гондолами. Гондольеры, стоя на набережной, приподнимали шляпы и приглашали сѣдоковъ. На лѣво былъ видъ на островъ Giorgio Maggiori съ церковью того-же имени. По каналу быстро шныряли пароходики, лѣниво бороздили воду гондолы съ стоявшими на кормѣ гондольерами объ одномъ веслѣ. Конуринъ только теперь началъ внимательно разсматривать гондолы и говорилъ:

— Смотрю я, смотрю и надивиться не могу, что за дурацкія эти самыя лодки у нихъ. Право слово, дурацкія. Лодочникъ на дыбахъ стоитъ, одно весло у него, на носу лодки какой-то желѣзный топоръ. Ну, къ чему этотъ топоръ?

— Такая ужъ присяга у нихъ, ничего не подѣлаешь. У нашихъ яличниковъ сзади, на кормѣ, на ма-

неръ утюга вытянуто, а у нихъ въ Венеціи спереди, на носу на манеръ топора, отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

Подошли къ дворцу Дожей. Глафира Семеновна остановилась и опять начала восторгаться имъ. Вмѣстѣ съ мужемъ и Конуриномъ она обошла его кругомъ и поминутно восклицала:

— Ну, то есть точь въ точь, какъ на картинкахъ!

— Да что-жъ тутъ удивительнаго, что дворецъ точь въ точь какъ на картинкахъ? Вѣдь картинки-то съ него-же сняты, замѣтилъ Николай Ивановичъ, которому ужъ надоѣло осматриваніе дворца.

— Молчи! Что ты понимаешь! Ты вовсе ничего не понимаешь! накинулась на него жена, и продолжала восторгаться, спрашивая себя:—Но гдѣ-же тутъ знаменитый мостъ Вздоховъ-то? Вѣдь онъ долженъ выходить изъ дворца Дожей. Неужели этотъ мостишка, на которомъ мы стоимъ, и есть мостъ Вздоховъ?

Они стояли на мостикѣ ponte della Paglia, перекинутомъ черезъ маленькій каналъ.

— Мостъ Вздоховъ... Спросить развѣ кого-нибудь? бормотала Глафира Семеновна.—Какъ мостъ Вздоховъ-то по французски? Ахъ, да... Мостъ — понъ, вздохъ—супиръ...

— Супиръ—это, кажется, перстень. Перстенекъ... супирчикъ... замѣтилъ Николай Ивановичъ.

— Ахъ, Боже мой! Да отстань ты отъ меня пожалуйста съ своими невѣжествами! Я очень хорошо знаю, что вздохъ—супиръ. Понъ супиръ... Уе понъ супиръ, монсье?.. обратилась она къ проходившему молодень-

кому офицерику въ узкихъ лилово-сѣрыхъ брюкахъ.

Тотъ остановился.

— Pont des Soupirs... Ponte dei Sospire. Voilà, madame... произнесъ онъ и указалъ на виднѣвшійся вдали съ моста, на которомъ они стояли, другой мостъ въ видѣ крытаго перехода, соединяющій дворецъ Дожей съ другимъ древнимъ зданіемъ—тюрьмой.

— Селя? удивленно указала Глафира Семеновна на мостъ.

— Oui, oui madame... C'est le pont des Soupirs... кивнулъ офицеръ, улыбнулся и пошелъ далѣе.

Глафира Семеновна забыла даже поблагодарить офицера за указаніе, до того она была поражена ничтожнымъ видомъ знаменитаго по стариннымъ романамъ моста Вздоховъ.

— И это мостъ Вздоховъ?! Тотъ мостъ, на которомъ происходили всѣ эти звѣрства?! Ну, признаюсь, я его совсѣмъ иначе воображала! Да онъ вовсе и не страшенъ. Такъ себѣ маленькій мостишка. Николай Иванычъ! Видишь мостъ Вздоховъ-то?

— Вижу, вижу, матушка... зѣвалъ мужъ.—Дѣйствительно на нашъ Николаевскій мостъ не похожъ и на Аничкинъ мостъ тоже не смахиваетъ.

— Да вы совсѣмъ дуракъ! огрызнулась Глафира Семеновна и прибавила: — Ахъ, какъ трудно быть въ компаніи образованной женщинѣ съ сѣрымъ мужемъ!

— Да чѣмъ-же я сѣръ-то, позволь тебя спросить?

— Молчите...

Они пошли далѣе. Вотъ и обширная площадь Святаго Марка... Прямо передъ ними была знаменитая древняя башня часовъ съ бронзовыми двумя Вулкана-

ми, отбивающими часы молотами въ большой колоколъ, направо былъ соборъ Святаго Марка, поражающій и пестротою своей архитектуры и пестротою внѣшней отдѣлки.

— Скажи на милость, какая площадь-то! дивился Конуринъ.—Вѣдь вотъ и площадь здѣсь есть, а вы, Глафира Семеновна, говорили, что только одни каналы и каналы, а изъ воды дома и церкви торчатъ.

Глафира Семеновна не отвѣчала.

— Что это, часы? Батюшки! Да что-жъ у нихъ циферблатъ-то о двадцати четырехъ часахъ! Смотрите, на циферблатѣ не двѣнадцать, а двадцать четыре цифры... продолжалъ Конуринъ.

— И то двадцать четыре... подхватилъ Николай Ивановичъ. Глаша! что-же это обозначаетъ?

— Ахъ, Боже мой! Да почемъ-же я-то знаю!

— Двадцать четыре... Фу, ты пропасть! Вотъ городъ-то! Десять часовъ, однако, стрѣлки теперь показываютъ. Когда-же у нихъ бываетъ восемнадцатый или девятнадцатый часъ, Глаша?

— Ничего не знаю, ничего не знаю, дивилась и сама, Глафира Семеновна.

— Сама-же ты сейчасъ хвасталась, что ты женщина образованная, стало-быть должна знать.

— Конечно-же образованная, но только про часы ничего не знаю.

— Такъ спроси... Вонъ сколько праздношатающагося населенія шляется.

Къ нимъ подскочилъ босой мальчишка съ плетеной корзнинкой, наполненной мокрыми еще отъ тины розовыми и желтыми раковинами.

— Frutti di mare! предлагалъ онъ, протягивая къ нимъ корзинку.

— Брысь! отмахнулся отъ него Конуринъ.

Мальчишка не отставалъ и, улыбаясь и скаля бѣлые зубы, назойливо продолжалъ что-то бормотать по итальянски, наконецъ взялъ одну раковину, раскрылъ ее, оторвалъ черепокъ, сорвалъ съ другаго черепка прилипшую къ нему устрицу и отправилъ къ себѣ въ ротъ, присмакивая губами.

— Фу, какую гадость жретъ!—поморщилась Глафира Семеновна и тутъ-же обратилась къ мальчишкѣ, указывая на часы:—Се горложъ... Кескесе са? Венъ катръ еръ?...

— Torro dell'Orologia, madame,—отвѣчалъ тотъ.

— Пуркуа нонъ дузъ еръ?—допытывалась Глафира Семеновна, но добиться такъ-таки ничего и не могла на счетъ часовъ.

Мальчишка, не продавъ ей раковинъ, запросилъ себѣ монету на макароны.

— Возьми и провались...—кинула она ему монету.

— Двадцать четыре часа... Ахъ, чтобъ тебѣ!.. дивился Николай Ивановичъ и прибавилъ, обратясь къ Конурину: — Ну, Иванъ Кондратьичъ, непремѣнно сегодня давай выпьемъ, когда будетъ двадцать четыре часа показывать. Выпьемъ за здоровье твоей жены и ты ей пошлешь письмо: въ двадцать третьемъ часу сѣли за столъ, ровно въ 24 часа пьемъ за твое здоровье. Вотъ-то удивится твоя благовѣрная, прочитавъ это! Прямо скажетъ, что ты съума спятилъ.

— Давай, давай, напишемъ,—обрадовался Конуринъ и поднялъ голову на часовую башню.

Статуи бронзовыхъ Вулкановъ начали въ это время отбивать молотами въ колоколъ десять часовъ.

LXXVI.

Около Ивановыхъ и Конурина стоялъ сильно потертый человѣкъ, въ брюкахъ съ бахромой, которую сдѣлало время, и кланялся.

— Ciceroni... говорилъ онъ. — Basilique de St. Marc...

Съ другой стороны подходилъ такой-же человѣкъ, и тоже приподнималъ шляпу и тихо бормоталъ:

— Cattedrale... Palazzo Ducale... Je suis ciceroni, madame...

Глафира Семеновна даже вздрогнула отъ неожиданнаго появленія около нихъ потертыхъ личностей.

— Что это? И тутъ проводники? Не надо намъ, ничего не надо, сами все осмотримъ, отвѣчала она и повела мужчинъ въ соборъ Святаго Марка.

Въ соборѣ также проводники, предлагающіе свои услуги. Одинъ изъ нихъ, не дождавшись приглашенія для услугъ, самымъ назойливымъ маннеромъ шелъ рядомъ съ Ивановыми и Конуринымъ и на ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ разсказывалъ имъ достопримѣчательности собора. Николай Ивановичъ нѣсколько разъ отмахивался отъ него и цѣдилъ сквозь зубы слово „брысь", но проводникъ не отставалъ.

— Пусть бродитъ и бормочетъ. Все равно ему ни-

чего отъ насъ не очистится, проговорилъ Конуринъ.

Компанія не долго пробыла въ соборѣ и опять вышла на площадь. Назойливый проводникъ по прежнему былъ около. Онъ уже перешелъ на ломаный французскій языкъ и предлагалъ Глафирѣ Семеновнѣ осмотрѣть стеклянную фабрику.

— Прочь, говорятъ тебѣ! закричалъ на него Николай Ивановичъ, но проводникъ не шевелился и, продолжая бормотать, кланялся.

Глафира Семеновна улыбнулась.

— Даромъ предлагаетъ свои услуги: говоритъ, что ему ничего не надо отъ насъ, обѣщаетъ даже, что я какой-то подарокъ получу на память отъ фабрики, сказала она.

— Даромъ и подарокъ? спросилъ Конуринъ.—Что за шутъ такой! Ну, пусть ведетъ, коли даромъ.

— Да, даромъ. Увѣряетъ, что онъ агентъ этой фабрики, переводила Глафира Семеновна.

— Хорошъ фабрикантъ, коли такого оборванца агентомъ держитъ! покачалъ головой Николай Ивановичъ.

Компанія, однако, отправилась за проводникомъ. Стеклянная фабрика, о которой говорилъ проводникъ, находилась тутъ-же на площади, надъ галлереею лавокъ. По выѣденнымъ временемъ каменнымъ ступенямъ забрались они въ третій этажъ и очутились въ небольшой мастерской, гдѣ работники и работницы при помощи лампъ и паятельныхъ трубокъ тянули цвѣтныя стеклянныя нитки и дѣлали изъ нихъ разныя подѣлки въ видѣ корзиночекъ, плято подъ подсвѣчники и т. п. Чичероне-агентъ, передавъ Ивановыхъ и

Конурина элегантно одѣтому прикащику, тотчасъ-же исчезъ. Прикащикъ началъ водить ихъ по мастерской. Между прочимъ, онъ подвелъ ихъ къ столу, гдѣ дѣлалась стеклянная мозаика, довольно долго что-то разсказывалъ, мѣшая французскія, нѣмецкія и англійскія слова, и спросилъ Глафиру Семеновну, какъ ее зовутъ.

— Муа? Ахъ, Боже мой! Да зачѣмъ вамъ? Пуркуа? удивилась та.

— Vous recevrez tout de suite le souvenir de notre fabrique...

— И этотъ про подарокъ говоритъ, продолжала она удивляться.—Ну, хорошо. Бьянъ. Же сюи Глафиръ Ивановъ.

— G et I... сказалъ прикащикъ рабочему.

Рабочій взялъ шарикъ изъ голубаго стекла, воткнулъ въ него заостренную шпильку и, приблизивъ шарикъ къ лампѣ, путемъ паятельной трубки началъ выдѣлывать на немъ изъ молочно-бѣлаго стекла иниціалы Глафиры Семеновны. Вышла булавка.

— Voilà madame... протянулъ ее прикащикъ Глафирѣ Семеновнѣ.

— Ахъ, какъ это любезно съ ихъ стороны! воскликнула та.—Комбьянъ са кутъ?

— Rien, madame...

— Боже мой! Подарокъ... Вотъ онъ подарокъ-то! Мерси, монсье. Николай Ивановичъ, смотри, какіе любезные люди... Булавку подарили... Проводникъ не солгалъ про подарокъ... Не понимаю только, что имъ за разсчетъ?. Право, удивительно.

30*

— Ну, а намъ-то будетъ что-нибудь?—спрашивалъ Конуринъ.

— Вамъ-то за что? Вы мужчины, а я дама.

Изъ мастерской прикащикъ привелъ Ивановыхъ и Конурина въ складъ съ произведеніями фабрики. Это былъ роскошнѣйшій магазинъ пестрой стеклянной посуды и подѣлокъ изъ стекла. Тысячи хорошенькихъ стаканчиковъ, вазочекъ, рюмокъ и туалетныхъ бездѣлушекъ. На всѣхъ предматахъ ярлычки съ цѣнами. У Глафиры Семеновны такъ и разбѣжались глаза.

— Батюшки! какія хорошенькія вещички! И какъ дешево! — воскликнула она. — Николай Иванычъ! Смотри, какой прелестный стаканъ. Вотъ купи себѣ этотъ стаканъ съ узорами. Всего только пять франковъ стоитъ.

— Да на что онъ мнѣ, милая? На кой шутъ? Чай изъ него дома пить, такъ онъ кипятку не выдержитъ и лопнетъ.

— Ахъ, Боже мой, да просто на память объ Венеціи.

— Не надо, милая, не надо!

— Ну, ты какъ хочешь, а я все-таки себѣ куплю. Вотъ эти стаканчики для ликера, напримѣръ. За нихъ въ Петербургѣ вѣдь надо въ трое, въ четверо заплатить. А посмотри, какіе премиленькіе флакончики для туалета! И всего только восемь франковъ за пару... Вѣдь это почти даромъ...

И Глафира Семеновна начала отбирать себѣ вещи.

Черезъ часъ они выходили изъ магазина, нагру-

женные покупками. Конуринъ также купилъ женѣ два стакана и флаконъ для духовъ.

— Девяносто два франка не пито, не ѣдено посѣяно, вздыхалъ Николай Ивановичъ и, обратясь къ женѣ, сказалъ:—Вотъ ты говорила давеча, какой имъ разсчетъ дарить на память булавки. Не замани тебя этотъ злосчастный проводникъ подаркомъ на фабрику—не просолили-бы мы на фабрикѣ девяносто два четвертака. А вѣдь четвертакъ-то здѣсь сорокъ копѣекъ стоитъ.

— Ну, что тутъ считать! Вѣдь для того и поѣхали заграницу, чтобъ деньги тратить. Зато какія вещицы! Прелесть! Прелесть! перебила мужа Глафира Семеновна.

— Дѣйствительно, ловко дѣйствуютъ здѣсь. Умѣютъ дураковъ заманить, бормоталъ Конуринъ.—Изъ-за этихъ покупокъ и оборванецъ-то съ нами по собору мотался и не отставалъ отъ насъ. Вѣдь вотъ теперь за всѣ наши покупки съ фабрики процентъ получитъ. Ахъ, пройдохи, пройдохи! А что, не завести-ли и мнѣ въ Петербургѣ такихъ пройдохъ, чтобъ заманивали въ мой колоніальный магазинъ? вдругъ обратился онъ къ Николаю Ивановичу.—Пусть-бы бѣгали по Клинскому и Обуховскому проспекту и загоняли въ магазинъ покупателей. „Дескать, въ сувениръ апельсинъ или голандскую селедку. Пожалуйте обозрѣть магазинъ Конурина“. На апельсинъ покупателя заманишь, а онъ, смотришь, фунтъ чаю да сига копченаго купитъ и голову сахару.

— Что ты, что ты! Такихъ дураковъ у насъ въ

Питерѣ много не найдешь! отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

— А и то пожалуй, что дураки-то только по Венеціямъ ѣздятъ, а дома все умные остаются.

— Прекрасно, прекрасно! подхватила Глафира Семеновна.—Стало быть вы себя къ дуракамъ причисляете? Вѣдь вы тоже стаканы купили.

— А то какъ-же? Я ужъ давно объ этомъ говорю. Конечно-же дуракъ, коли за границу поѣхалъ. Ну, на что она мнѣ эта самая за граница?

На площади ихъ встрѣтилъ проводникъ, приведшій ихъ на фабрику. Онъ почтительно кланялся и нашептывалъ что-то Глафирѣ Семеновнѣ по французски.

— На кружевную фабрику предлагаетъ идти, обратилась та къ мужу.—Говоритъ, что тоже агентъ...

— Нѣтъ, нѣтъ! Ни за что на свѣтѣ! Довольно. Что это, помилуйте! Фабрику кружевную теперь еще выдумалъ! возопіялъ Николай Ивановичъ. — Ежели ты на стеклянной фабрикѣ съумѣла девяносто два четвертака оставить, такъ на кружевной ты триста оставишь.

— Послушай, а можетъ быть и на кружевной мнѣ будетъ какой-нибудь сувениръ? Кружевную барбочку подарятъ.

— Не желаю я сувенировъ! Понимаешь ты, не желаю! Брысь, господинъ агентъ! Прочь! Провались ты къ чорту на рога!

И Николай Ивановичъ даже замахнулся на проводника палкой. Тотъ отскочилъ въ сторону и издали еще разъ раскланялся.

LXXVII.

Пробродивъ по площади Святаго Марка еще часа два, обойдя всѣ окружающіе ее съ трехъ сторонъ магазины, позавтракавъ въ ресторанѣ на той-же площади, компанія остановилась въ полнѣйшемъ недоумѣніи, куда ей теперь идти.

— Кажется, больше и идти некуда, сказала Глафира Семеновна своимъ спутникамъ.

— Матушка, голубушка! воскликнулъ въ радости Конуринъ.—Ежели некуда больше идти, то наплюемъ на эту Венецію и поѣдемъ сегодня-же вечеромъ въ Питеръ.

— Сегодня вечеромъ? Нѣтъ, невозможно, отвѣчала Глафира Семеновна.—По вечерамъ здѣсь на площади играетъ музыка и собирается все высшее общество. Это я изъ описаній знаю.

— Да Богъ съ ней, съ этой музыкой! Пропади оно это высшее общество! Музыку-то мы и въ Питерѣ услышать можемъ.

— Завтра утромъ—извольте, поѣдемъ, а сегодня вечеромъ надо побывать здѣсь на музыкѣ. По описанію я знаю, что дамы высшаго общества подводятъ здѣсь на музыкѣ тонкія интрижки подъ кавалеровъ, и я хочу это посмотрѣть.

— Да какъ ты это увидишь? Нешто интригу можно подсмотрѣть? замѣтилъ Николай Ивановичъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я хочу видѣть. Будьте покойны, всякую интригу я сейчасъ подсмотрю, стояла на своемъ Глафира Семеновна.—Здѣшнія дамы цвѣтами разговариваютъ съ кавалерами, а я языкъ цвѣтовъ отлично знаю. Здѣсь по вечерамъ происходятъ всѣ любовныя свиданія, и я хочу это видѣть.

— Ничего ты не увидишь.

— Все увижу. Это только, вы мужчины, ничего не видите. Вы знаете, чѣмъ Венеція славится? Первыми красавицами въ мірѣ.

— Ну, ужъ это ты врешь. Вотъ мы полъ-дня бродимъ, а видѣли только однѣ рожи.

— Да днемъ на площади и народу-то никого нѣтъ. Видите, пустыня.

— Дѣйствительно, хоть шаромъ покати. Чертямъ въ свайку играть, такъ и то впору, сказалъ Конуринъ и зѣвнулъ.

— А по вечерамъ, на музыкѣ, здѣсь бываютъ толпы. Это я по описаніямъ въ романахъ знаю. Графиня Фоскари... Или нѣтъ, не Фоскари, Фоскари была старуха, ея тетка, а другая, молодая. Ахъ, какъ ее? Ну, все равно. Такъ вотъ эта-то молодая графиня здѣсь на музыкѣ съ корсаромъ-то познакомилась.

— Ну, понесла ахинею! махнулъ рукой Николай Ивановичъ.

Глафира Семеновна обидѣлась.

— Отчего я не называю ахинеей вашъ коньякъ? сказала она.—Васъ коньякъ и всякое вино въ каждомъ городѣ интересуетъ, а меня мѣстоположеніе и дѣйствіе личностей. Вы вотъ сейчасъ въ ресторанѣ спрашивали какого-то венеціанскаго вина, котораго ни-

когда и не бывало, потому гдѣ здѣсь винограду рости, если и земли-то всего одна площадь, да одна набережная, а остальное все вода.

— Ну, вотъ поди-жъ ты! А мнѣ помнится, что венеціанское вино есть, сказалъ Николай Ивановичъ.— Вездѣ по городамъ пили мѣстное вино, а пріѣхали въ Венецію, такъ надо и венеціанскаго.

— Стало быть завтра утромъ, голубушка, выѣзжаемъ? спросилъ Конуринъ.

— Завтра, завтра, отвѣчала Глафира Семеновна.— А теперь будемъ голубей кормить. Вонъ голубей кормятъ. Вы знаете, здѣсь мода кормить голубей и имъ даже отъ полиціи на казенный счетъ каждый день мѣшокъ корма отпускается. Это я знаю по описанію. Вотъ эта самая Франческа, про которую я въ романѣ читала, тоже ходила каждый день на площадь кормить голубей и здѣсь-то влюбилась въ таинственнаго доминиканца. Вонъ и голубиный кормъ мальчики продаютъ. Николай Иванычъ, купи мнѣ тюрючекъ.

Николай Ивановичъ купилъ тюрюкъ какого-то сѣмени и передалъ женѣ. Та начала разбрасывать голубямъ кормъ. Голубей были тысячи. Они бродили около ногъ бросающихъ имъ кормъ, садились имъ на руки, на плечи. Кормленіемъ голубей занимались дѣти въ сопровожденіи нянекъ, молодыя дѣвочки-подросточки съ гувернантками, нѣсколько туристовъ съ дорожными сумками и биноклями черезъ плечо. Одинъ голубь сѣлъ на руку Глафирѣ Семеновнѣ и клевалъ съ руки. Она умилялась и говорила:

— Вотъ точно также и къ Франческѣ сѣлъ голубь на руку, а подъ крыломъ у него она нашла любовную

записку отъ доминиканца—и съ этого любовь ихъ началась.

Николай Ивановичъ стоялъ и насмѣшливо улыбался.

— Вотъ нашла потѣху въ Венеціи! говорилъ онъ.—Голубей кормить... Этой потѣхой ты можешь и у насъ въ Питерѣ заниматься, стоитъ только на Калашниковскую пристань къ лабазамъ отправиться. Тамъ тоже ручные голуби и каждый день ихъ кормятъ.

— Странный вы человѣкъ! Тамъ простые голуби, а здѣсь венеціанскіе, знаменитые, происходящіе отъ тѣхъ голубей, которые въ старину Венецію спасли, отвѣчала Глафира Семеновна.

— Ври больше! Какъ это голуби могутъ городъ спасти?

— Какъ спасли—этого я уже не знаю, а только изъ описанія извѣстно, что спасли—вотъ изъ-за этого-то ихъ черезъ полицію на городской счетъ и кормятъ.

— Брось! Пойдемъ куда-нибудь.

Глафирѣ Семеновнѣ ужъ и самой надоѣли голуби, она зѣвнула и отвѣчала мужу:

— Идти больше некуда. Что было въ Венеціи земли—мы, кажись, всю обошли, а ѣхать на лодкѣ можно. Возьмемъ лодку и поѣдемъ по каналамъ.

Они отправились къ себѣ въ гостинницу, оставили тамъ свои закупки, взяли у пристани своей гостинницы гондолу и велѣли гондольеру везти ихъ осматривать городъ.

Мѣрно ударяя единственнымъ весломъ о воду, гондольеръ повезъ ихъ сначала въ адмиралтейство, показалъ по дорогѣ жалкій клочекъ земли, засаженный деревьями и составляющій городской садъ, свозилъ на

мостъ Ріальто съ устроенными на немъ торговыми лавками по сторонамъ. У моста компанія высадилась на пристань, прошла по мосту, обозрѣла лавки и опять сѣла въ гондолу. Гондольеръ повезъ ихъ по малымъ узенькимъ каналамъ, въ которыхъ съ трудомъ могли разъѣхаться двѣ гондолы. Здѣсь смотрѣть было рѣшительно нечего, кромѣ обнаженныхъ, начинающихъ разрушаться фундаментовъ домовъ. Зіяли отверстія сточныхъ трубъ, изъ отверстій лились въ каналы всѣ жидкія нечистоты домовъ, по камнямъ фундаментовъ то тамъ, то сямъ нахально бѣгали рыжія крысы. Смотрѣть было рѣшительно нечего, воняло нестерпимо. Компанія давно уже зажимала свои носы.

— Фу, мерзость! проговорилъ Конуринъ и плюнулъ.

— Вотъ тебѣ и Апельсинія-матушка, прибавилъ Николай Ивановичъ.—Совсѣмъ ужъ здѣсь не апельсинами пахнетъ.

— Да ужъ Апельсинія давно кончилась. Здѣсь хоть и Италія, а апельсины растутъ развѣ только въ фруктовыхъ лавкахъ, отвѣчала Глафира Семеновна и скомандовала гондольеру, чтобы онъ везъ ихъ въ гостинницу.

— Аля мезонъ! Плю витъ... Гранъ Каналь... Альберго Бо Риважъ.

— Oui, madame... отвѣчалъ гондольеръ и вывезъ ихъ опять на Canal Grande.

Опять начались облупившіеся палаццо древней венеціанской аристократіи, нынѣ наполовину занятые гостинницами.

— Палаццо Пезаро! восклицалъ гондольеръ, указывая на какой-нибудь не приглядный, стоящій уже де-

и лѣтъ безъ ремонта дворецъ, выстроенный въ стилѣ Ренесансъ, а Глафира Семеновна читала на немъ вывѣску, гласящую, что здѣсь помѣщается гостинница „Лондонъ“.—Палаццо Палержи! продолжалъ онъ свои указанія, но и на этомъ палаццо ютилась вывѣска какой-то гостинницы.

— Немного-же есть здѣсь любопытнаго, созналась Глафира Семеновна, когда гондола ихъ подъѣхала къ пристани гостинницы.—Признаюсь, Венецію я себѣ много интереснѣе воображала! Ну, теперь пообѣдаемъ въ гостинницѣ, вечеромъ на площадь на музыку сходимъ, а завтра съ утреннимъ поѣздомъ и отправимся въ вашъ любезный Питеръ, прибавила она и кивнула Конурину.

Тотъ весь сіялъ отъ удовольствія и радостно потиралъ руки.

LXXVIII.

ВЪ полномъ разочарованіи уѣзжала на другой день Глафира Семеновна изъ Венеціи. Проѣзжая въ гондолѣ по Canal Grande на станцію желѣзной дороги, она говорила:

— Эдакая поэтичная эта самая Венеція на картинкахъ и по описаніямъ въ романахъ, и такая она скучная и вонючая въ натурѣ.

— По истинѣ выѣденнаго яйца не стоитъ, поддак-

нулъ ей Конуринъ.—Только развѣ что на водѣ стоитъ, а то что это за городъ, гдѣ даже часы двадцать четыре часа показываютъ!

Николай Ивановичъ, сидя въ гондолѣ, подводилъ въ своей записной книжкѣ карандашомъ расходы по путешествію.

— За двѣ съ половиной тысячи перевалило, а еще надо отъ Венеціи до Вѣны доѣхать, да отъ Вѣны до Петербурга, ворчалъ онъ.—А все покупки и рулетка. Покупокъ цѣлую лавку съ собой веземъ.

Глафира Семеновна не слушала его и продолжала:

— По описанію, Венеція славится красивыми женщинами, а до сихъ поръ мы все видѣли такихъ, что, какъ говорится, ни кожи, ни рожи. Вотъ и вчера на музыкѣ... Я даже хорошенькой ни одной не видала.

— Мурло... Совсѣмъ мурло, согласился Конуринъ.— Вотъ я прошлымъ лѣтомъ къ себѣ въ деревню, на родину ѣздилъ, такъ наши пошехонскія бабы и дѣвки куда казистѣе.

— Ахъ, вы все не то, Иванъ Кондратьичъ... сдѣлала гримасу Глафира Семеновна и опять начала:— А на музыкѣ на площади. По описанію въ романахъ, на площади Святаго Марка должны быть сливки высшаго общесвка, а вчера вы видѣли, что за народъ былъ? Однѣ горничныя и кокотки-нахалки.

— Предрянной городишко, что говорить! Коньяку даже хорошаго нѣтъ, ужасную дрянь подавали и въ гостинницѣ, и въ ресторанахъ.

— Вы все про коньякъ!

— Да не про одинъ коньякъ. Возьмите вы ту шипучку, которую мы за пять четвертаковъ въ Неаполѣ

пили, и возьмите то асти, которое намъ вчера подавали. А вѣдь взяли двумя четвертаками дороже. И что это за городъ, который безъ лошадей! Срамъ.

— Я про поэзію, Иванъ Кондратьичъ, про поэзію.

— Поэзіи, я конечно, Глафира Семеновна, не обучался, а что до города, то конечно-же онъ внниманія не стоющій, даромъ что весь на водѣ. Эту воду-то и у насъ въ Галерной Гавани во время наводненія видѣть можно. Точь въ точь... Одно только—за номеръ здѣсь въ гостинницѣ не ограбили, но вѣдь этого мало.

Николай Ивановичъ захлопнулъ записную книжку, запихнулъ ее въ карманъ и сказалъ:

— Не попади ты, Глаша, въ Парижѣ въ луврскій магазинъ и не проиграй въ Монте-Карло въ рулетку—вся поѣздка-бы намъ меньше чѣмъ въ тысячу восемьсотъ рублей обошлась.

Глафира Семеновна ничего не отвѣтила на слова мужа и опять продолжала:

— А гондольеры? Даже въ пѣснѣ поется „гондольеръ, гондольеръ молодой". Во всѣхъ романахъ про гондольеровъ говорится, что это бравые красавцы съ огненными жгучими глазами. А вотъ оглянитесь назадъ, посмотрите, какая у насъ на кормѣ каракатица съ весломъ стоитъ. Хуже всякой бразильской обезьяны. Да и не видала я ни одного гондольера молодого.

— Да не все-ли равно, душечка, тебѣ, что молодой, что старый... возразилъ Николай Ивановичъ.

— Ахъ, что ты понимаешь! Ты понимаешь только гроши считать, огрызнулась на него жена и опять обратилась къ Конурину:—А какъ грязны-то эти гон-

дольеры! Вѣдь съ нихъ грязь просто сыплется. Чеснокомъ и лукомъ отъ нихъ разитъ, гнилью...

— Охъ, ужъ и не говорите! подхватилъ Конуринъ.— Передъ тѣмъ, какъ намъ давеча садиться въ гондолу, я вышелъ на пристань первый. Что эти подлецы-гондольеры дѣлаютъ? Черпаютъ черпакомъ со дна канала грязь, выбираютъ изъ грязи розовыя раковины, раскрываютъ и жрутъ ихъ. Да вѣдь какъ жрутъ-то! Я не утерпѣлъ и плюнулъ, а одинъ подлецъ взялъ раковину да и подаетъ мнѣ: дескать, съѣшь, мусье. Тьфу!

А гондольеръ, стоя на кормѣ, по привычкѣ указывалъ на зданія, мимо которыхъ проѣзжали, и разсказывалъ:

— Palazzo Tiepolo-Zucchello... Palazzo Contarini...

— Да и вообще я здѣсь въ Венеціи ни одного красиваго мужчины не встрѣтила, говорила Глафира Семеновна. — Офицеры здѣшніе даже какіе-то замухрыжки съ тараканьими усами, а статности никакой.

Николай Ивановичъ, занятый счетами и не слыхавъ начала разговора, развелъ руками.

— Не понимаю я, зачѣмъ тебѣ, замужней женщинѣ, красивыхъ офицеровъ разбирать! сказалъ онъ.

Глафира Семеновна только презрительно скосила на мужа глаза и ничего не отвѣчала.

Подъѣхали къ желѣзнодорожной станціи. Нищій съ багромъ подцѣпилъ лодку у пристани и кланялся, прося себѣ за эту услугу на макароны. Николай Ивановичъ разсчитался съ гондольеромъ. Сбѣжались носильщики, стали вынимать изъ гондолы сундуки и саквояжи и понесли ихъ въ желѣзнодорожный залъ.

— Какъ билеты-то намъ теперь брать, Глаша? У

тебя вѣдь еще въ Петербургѣ было записано, суетился около жены Николай Ивановичъ.

— Вьена, віа Понтебо... отвѣчала Глафира Семеновна, взбираясь по ступенькамъ на станцію, обернулась къ каналу лицомъ и сказала:—Прощай, вонючая Венедія! Разочарована я въ тебѣ. Не такой я тебя воображала.

— Стоитъ-ли съ ней прощаться, матушка. Плюньте! перебилъ ее Конуринъ.

Черезъ полчаса они сидѣли въ поѣздѣ. Глафира Семеновна вынимала изъ сакъ-вояжа маленькій сверточекъ въ мягкой бумагѣ и говорила:

— Очень рада все-таки, что кружевной воланъ вчера вечеромъ себѣ купила. Ужасно дешево, а венеціанскія кружева вещь хорошая. Убрать его куда-нибудь подальше, а то черезъ австрійскую границу будемъ переѣзжать, такъ какъ-бы пошлину за него не потребовали.

И она стала запихивать свертокъ за корсажъ.

Николай Ивановичъ записывалъ въ записную книжку стоимость только что сейчасъ купленныхъ билетовъ и тяжело вздыхалъ.

— Ежели въ Вѣнѣ не остановимся на ночлегъ, а съ поѣзда на поѣздъ перемахнемъ, то, авось, какъ-нибудь въ двѣ тысячи восемьсотъ рублей вгонимъ свою заграничную поѣздку, произнесъ онъ.

— Голубчикъ! Николай Иванычъ! Ради самаго Господа не будемъ въ Вѣнѣ останавливаться! воскликнулъ вдругъ Конуринъ.—Ну, что намъ эта самая Вѣна! Пропади она пропадомъ! Мнѣ къ женѣ пора. Когда я ей еще написалъ, что черезъ двѣ недѣли буду дома! А

ужъ теперь четвертая недѣля съ той поры идетъ. Поди, съ часу на часъ ждетъ меня. Охъ, икнулось... Должно быть вспоминаетъ меня. Что-то она, сердечная, теперь дѣлаетъ!

— Да что ей дѣлать? Чай пьетъ, отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

— Пожалуй, что по теперешнему времени чай пьетъ, согласился Конуринъ.

— Ну, проси вонъ мою жену, чтобъ она въ Вѣнѣ не останавливалась.

— Матушка, барынька, мать командирша, явите божескую милость, не заставьте насъ останавливаться въ Вѣнѣ, упрашивалъ Конуринъ Глафиру Семеновну.

— Надо-бы мнѣ въ Вѣнѣ кой-что себѣ купить изъ шелковаго басона, ну, да ужъ хорошо, хорошо.

Конуринъ торжествовалъ. Онъ чуть не припрыгнулъ въ вагонѣ.

Поѣздъ тронулся и вышелъ изъ желѣзнодорожнаго двора. Ѣхали опять по насыпной дамбѣ. Направо была вода и налѣво вода.

— По морю, яко по суху... говорилъ Конуринъ, смотря въ окно.—Въ Питеръ ѣдемъ! Въ Питеръ къ женушкѣ любезной! радостно восклицалъ онъ.

LXXIX.

Дорога изъ Венеціи на Вѣну черезъ Понтебо — одна изъ живописнѣйшихъ желѣзныхъ дорогъ. Путь лежитъ черезъ неприступныя дикія горы. Изъ Венеціи Ивановы и Конуринъ выѣхали въ ясное, теплое утро. Было больше двадцати градусовъ тепла на солнцѣ, но когда они начали взбираться на горы, быстро похолодѣло. Глафира Семеновна, сидя въ вагонѣ, начала кутаться въ плэдъ. Супругъ ея и Конуринъ, хоть и были разогрѣты коньякомъ, который они захватили съ собой въ запасъ въ изрядномъ количествѣ, но тоже надѣли пальто. Подъ Понтебо на горахъ показался снѣгъ. Снѣгу становилось все больше и больше. Въ нетопленныхъ вагонахъ сдѣлалось совсѣмъ холодно.

— Русскимъ духомъ запахло... радостно говорилъ Конуринъ, смотря въ окна на глубокій, бѣлый снѣгъ, вытащилъ изъ ремней свое байковое красное одѣяло и закуталъ имъ ноги.

— Нѣтъ, до русскаго духа еще очень далеко...— отвѣчала Глафира Семеновна.

— Я, матушка, собственно на счетъ снѣга. Совсѣмъ какъ у насъ на Руси православной. Смотрите, какіе сугробы лежатъ.

Въ Понтебо итальянская граница. Черезъ Понтебо проѣхали безъ особыхъ приключеній. Кружева Глафиры Семеновны были провезены ею и мужчинами на

себѣ и безъ оплаты пошлиной. Глафира Семеновна торжествовала. Въ Пантафелѣ, гдѣ пересѣли въ другіе вагоны, уже заговорили на станціи по-нѣмецки и появилось пиво въ кружкахъ; стали попадаться тирольцы въ своихъ характерныхъ шляпахъ съ глухаринымъ перомъ. Зобастыя тирольки носили на лоткахъ бутерброды на черномъ хлѣбѣ, тонкіе, какъ писчая бумага. Вагоны уже отапливались, но все-таки въ нихъ было холодно. Глафира Семеновна укуталась, чѣмъ могла, и улеглась на диванѣ спать.

— Эхъ, пальты-то наши теплыя были-бы теперь куда какъ кстати, а они у насъ въ багажѣ! говорилъ Конуринъ, сидя въ накинутомъ на плечи сверхъ пальто красномъ одѣялѣ и уничтожая сразу три тирольскіе бутерброда, сложенные вмѣстѣ.—Сколько времени, матушка, теперь намъ осталось до русской границы ѣхать? спрашивалъ онъ Глафиру Семеновну.

— Черезъ двое сутокъ навѣрное будемъ на границѣ, былъ отвѣтъ.

— Черезъ двое. Ура! А на границѣ сейчасъ мы чувствительную телеграмму женѣ: «ѣдемъ съ любовію, живы и невредимы во всемъ своемъ составѣ. Выѣзжай, супруга наша любезная, встрѣчать твоего мужа на станцію».

— Зачѣмъ-же такую длинную телеграмму-то? Вѣдь дорого будетъ стоить, замѣтилъ Николай Ивановичъ.

— Плевать! Въ рулетку въ Монте-Карлѣ въ пятьсотъ разъ больше просѣяли красноносымъ крупьямъ, такъ неужто женѣ на чувствительную телеграмму жалѣть! Синюю бумагу на телеграмму даже прожертвую, только-бы была чувствительнѣе.

31*

Утромъ были въ Вѣнѣ. Глафира Семеновна сдержала свое обѣщаніе и не остановилась въ Вѣнѣ въ гостинницѣ.

Пообѣдавъ на станціи, выпивъ хорошаго пива, тронулись снова въ путь.

— Ужъ и напузырюсь-же я чаемъ на первой русской станціи! говорилъ Конуринъ. —Даже утроба ноетъ—вотъ до чего чайкомъ ей, послѣ долгаго говѣнья, пораспариться любопытно...

На станціяхъ, начиная отъ Вѣны, среди прислуги начали появляться славяне съ знаніемъ нѣсколькихъ русскихъ словъ, въ Галиціи уже совсѣмъ понимали русскую рѣчь.

Конуринъ торжествовалъ.

— По-русски понимать начали. Вотъ когда Русью-то запахло, говорилъ онъ, побывавъ на станціи въ буфетѣ и садясь въ вагонъ.—Сейчасъ жидовинъ мѣнялъ мнѣ русскую трешницу на здѣшнія деньги—и въ лучшемъ видѣ по-русски разговариваетъ. Близко, близко теперь до Руси православной. Самъ чувствую, прибавилъ онъ, и замурлыкалъ себѣ подъ носъ:—„Конченъ, конченъ дальній путь, вижу край родимый. Сладко будетъ отдохнуть мнѣ съ подружкой милой".

Стали подъѣзжать къ русской границѣ. Николай Ивановичъ улыбнулся и сказалъ:

— Черезъ четверть часа прощай австрійскіе гульдены и здравствуй русскіе рубли. Начнемъ сорить пятаки за рюмки водки и гривенники за стаканы чаю.

Конуринъ радостно улыбался во всю ширину лица.

Вотъ и русская граница. Показался русскій жандармъ, потомъ солдаты пограничной стражи съ зеле-

ными воротниками и околышками на фуражкахъ. Поѣздъ шелъ тихо. За окномъ вагона слышалась русская рѣчь. артельщикъ въ бѣломъ передникѣ и съ бляхой на груди сочно ругался съ кѣмъ-то.

— Наши, наши ругаются... Пріѣхали... шепталъ Конуринъ и даже затаилъ дыханіе.

Поѣздъ остановился. Конуринъ перекрестился. Перекрестились и его спутники.

— Рады? спросила Глафира Семеновна Конурина.

— Блаженствую... Сейчасъ женѣ чувствительную телеграмму...

— Припрячьте подальше кусокъ шелковой-то матеріи, что женѣ везете.

— Подъ жилетомъ запихнута.

Осмотръ паспортовъ. Досмотръ багажа. Формальности переѣзда черезъ границу кончены, и вотъ Ивановы и Конуринъ въ буфетѣ.

— Чаю! Чаю! Три стакана чаю! Одному мнѣ три стакана! —кричалъ Конуринъ слугѣ.—Да бумаги и чернилъ. Телеграмму буду писать.

Съ жадностью онъ накинулся на чай, наливая его изъ стакана на блюдце, пилъ, обжигался и писалъ телеграмму. Телеграмма была самая пространная и начиналась выраженіемъ: „супругѣ нашей любезной съ любовію низко кланяюсь отъ неба и до земли“. Телеграфистъ улыбнулся, когда прочелъ ее, и взялъ за нее четыре съ чѣмъ-то рубля.

Вотъ и звонокъ. Сѣли въ русскіе вагоны. Поѣздъ тронулся. Конуринъ опять крестился.

— Черезъ двое сутокъ будемъ въ Питерѣ...—говорилъ онъ.—Двое сутокъ, сорокъ восемь часовъ. Че-

резъ сорокъ восемь часовъ стало быть женушка моя любезная встрѣтитъ меня въ Петербургѣ.

Но Конурину готовился сюрпризъ передъ Петербургомъ. Когда поѣздъ остановился въ Лугѣ и Конуринъ вышелъ вмѣстѣ съ супругами Ивановыми на станцію, онъ вдругъ воскликнулъ:

— Батюшки! Жена здѣсь! Пріѣхала, голубушка, встрѣтить меня! Умница! Милая!

И съ этими словами, расталкивая столпившихся пассажировъ, онъ бросился въ объятія полной пожилой женщины въ суконномъ пальто съ куньимъ воротникомъ, съ куньей оторочкой и въ ковровомъ платкѣ на головѣ.

Произошла трогательная сцена свиданія. Супруга лобызала Конурина и говорила:

— Дуракъ ты, дуракъ! Зачѣмъ ты бороду-то себѣ окарналъ!

— Французъ, подлецъ, въ французской землѣ, на французскій манеръ мнѣ ее окарналъ, отвѣчалъ Конуринъ.—И не спрося меня окарналъ. Ну, да что тутъ! Въ такихъ земляхъ, мать моя, были, подъ такія поднебесья лазали и въ такія мѣста спускались, что надо благодарить Бога, что голова-то цѣла осталась. А борода что! Борода опять на русскій манеръ выростетъ.

Отъ Луги до Петербурга Конуринъ уже ѣхалъ въ сообществѣ супруги.

КОНЕЦЪ.

Въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» (С.-Петербургъ, Москва, Одесса и Харьковъ), Товарищества М. О. Вольфъ (С.-Петербургъ и Москва), Н. П. Карбасникова (С.-Петербургъ, Москва и Варшава), А. Я. Панафидина (С.-Петербургъ), В. И. Губинскаго (С.-Петербургъ), Бр. Салаевыхъ (Москва) и у всѣхъ другихъ книгопродавцевъ и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ продаются слѣдующія книги

Н. А. ЛЕЙКИНА:

◆ **НАШИ ЗАГРАНИЦЕЙ.** *Юмористическое описаніе поѣздки супруговъ Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановыхъ въ Парижъ и обратно.* 472 стр. Изданіе шестое. Ц. 1 р. 50 к.

◆ **РЕБЯТИШКИ.** *Разсказы.* 304 стр. 1 р.

◆ **АКТЕРЫ-ЛЮБИТЕЛИ.** Изданіе второе. *Разсказы.* 273 стр. Ц. 1 руб.

◆ **НА ЗАРАБОТКАХЪ.** *Романъ изъ жизни чернорабочихъ женщинъ.* 406 стр. Изданіе второе. Ц. 1 р. 20 к.

◆ **ПОДЪ ОРѢХЪ.** *Юмористь. разсказы съ 46 рис. художниковъ А. И. Лебедева и В. И. Порфирьева.* 170 стр. Ц. 2 р.

◆ **ВЪ ОЖИДАНІИ НАСЛѢДСТВА** или **СТРАНИЦА ИЗЪ ЖИЗНИ КОСТИ БЕРЕЖКОВА.** *Романъ.* 478 стр. Ц. 2 руб.

◆ **САТИРЪ И НИМФА** или **ПОХОЖДЕНІЯ ТРИФОНА ИВАНОВИЧА И АКУЛИНЫ СТЕПАНОВНЫ.** *Романъ.* 453 стр. Ц. 2 р.

◆ **ПУХЪ И ПЕРЬЯ.** *Юмористическіе разсказы,* съ 54 рисунками художника А. И. Лебедева, 138 стран. Ц. 2 р.

◆ **ВЪ ЦАРСТВѢ ГЛИНЫ И ОГНЯ.** *Романъ.* 210 стр. Ц. 1 р.

◆ **СТУКИНЪ И ХРУСТАЛЬНИКОВЪ.** *Романъ изъ жизни банковыхъ дѣятелей, ихъ спутниковъ и спутницъ (банковая эпопея).* 342 стран. Ц. 2 р.

◆ **ГОЛУБЧИКИ.** *Юмористическіе разсказы* съ 53 рисунками художника А. И. Лебедева. 176 стр. Ц. 2 р.

◆ **АПРАКСИНЦЫ. — БИРЖЕВЫЕ АРТЕЛЬЩИКИ.** — *Сцены и очерки.*—Изданіе третье. 310 стран. Ц. 1 р.

◆ **ДЕРЕВЕНСКАЯ АРИСТОКРАТІЯ.** *Очерки сельской жизни.* 211 стран. Ц. 1 руб.

◆ **СВАТОСТВО ПРОФЕССОРА.**—*Ефимъ и Катерина.* Романъ и повѣсть. 303 стр. Ц. 1 р.

◆ **ЦВѢТЫ ЛАЗОРЕВЫЕ.** — *Юмористическіе разсказы.* — 346 стран. Ц. 1 р. 50 к.

◆ **ХРИСТОВА НЕВѢСТА. — КУСОКЪ ХЛѢБА.** — *Романъ и повѣсть.*—Изданіе третье. 285 стр Ц. 1 р. 50 к.

◆ **НАШИ ЗАБАВНИКИ.** — *Юмористическіе разсказы.*—Изданіе второе. 312 стран. Цѣна 1 р. 50 к.

◆ **ТЕПЛЫЕ РЕБЯТА.** *Юмористическіе разсказы, съ портретомъ автора.*—216 стр. Ц. 1 р. 50 к.

См. на обор.

◆ **КАРАСИ И ЩУКИ.**—*Юмор. разсказы.*—323 стр. Ц. 1 р. 50 к.
◆ **НЕУНЫВАЮЩІЕ РОССІЯНЕ.** — *Разсказы.* Изданіе второе. 287 стр. Ц. 1 р. 50 к.
◆ **ГУСИ ЛАПЧАТЫЕ.**—*Юмор. разсказы.*—300 стр. Ц. 1 р. 50 к.
◆ **МУЧЕНИКИ ОХОТЫ.**—*Юмор. разсказы.*—263 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Лица, выписывающія отъ автора, чрезъ контору журнала „Осколки" С.-Петербургъ, Троицкая ул., д. № 18), за пересылку не платятъ.

У всѣхъ книгопродавцевъ продаются книги:

ЦВѢТЫ и ЗМѢИ.

САТИРА, ЮМОРЪ И ФАНТАЗІЯ.

СБОРНИКЪ ШАЛОВЛИВЫХЪ СТИХОВЪ И НАПѢВОВЪ

Л. И. ПАЛЬМИНА.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

А. ГРУЗИНСКІЙ.

НЕСКУЧНЫЕ РАЗСКАЗЫ.

292 стран. Ц. **1** руб. **20** коп.

Лица, выписывающія чрезъ контору журнала «О С К О Л К И» (С.-Петербургъ, Троицкая ул., № 18), за пересылку не платятъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 11 Декабря 1890 г.

2007084380